

Николай Бадусов

**Северная география Илиады и Одиссеи.
По следам гипотезы Феличе Винчи.**

[ТЕКСТ ОБНОВЛЕН 29.09.2026]

Автор: Бадусов Николай Викторович

Иллюстратор карт: Кубин Павел Сергеевич

Санкт-Петербург 2025

Петербургский языковед и независимый исследователь Николай Бадусов, аудитор по профессии, провел своеобразный «аудит» гипотезы Феличе Винчи о северном происхождении греческой мифологии. Автор в настоящей работе представляет для русскоязычного читателя

изложение-пересказ теории Винчи. Проанализировав все собранные факты, Николай Бадусов также уточняет северорусское расположение гомеровской Трои; пяти рек царства Аида и места Сциллы и Харибды.

Книга предназначена для тех, кто интересуется глубинными истоками нашей цивилизации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ПОИСКЕ УТРАЧЕННОЙ ОЙКУМЕНЫ АНТИЧНОГО ЭПОСА (Никулешкин К.В.)

ВВЕДЕНИЕ

ИДЕИ ВИНЧИ

ГЛАВА 1. СЛЕДУЯ УКАЗАНИЯМ ПЛУТАРХА

ОСТРОВ КАЛИПСО

ТАИНСТВЕННАЯ СХЕРИЯ

ГЛАВА 2. БАЛТИЙСКАЯ ИТАКА

ТАКОЙ ЗНАКОМЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ АРХИПЕЛАГ

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО ИТАКУ

ТЕМНЫЙ БЕРЕГ И СОСЕДИ ИТАКИ

РАВНИННЫЙ ПЕЛОПОННЕС

ГЛАВА 3. СРЕДА ГОМЕРОВСКОГО МИРА

ТУМАН, НЕНАСТЬЯ И СНЕГОПАДЫ

ОТСУТСТВИЕ СОЛНЦА. ОДЕЖДА. ВРЕМЕНА ГОДА

МЕТАМОРФОЗЫ С ДЕРЕВЬЯМИ

СТРАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ ГОМЕРА

КУХОННАЯ УТВАРЬ И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРИВЫЧКИ

ГЛАВА 4. СТРАНСТВИЯ УЛИССА

БУРИ И ШТОРМЫ

ДЕЗЕРТИРЫ-ЛОТОФАГИ

СААМСКИЕ ЦИКЛОПЫ

ОСТРОВ ВЛАДЫКИ ВЕТРОВ ЭОЛА

ЗЕМЛЯ ЛЕСТРИГОНОВ

АРКТИЧЕСКИЙ ОСТРОВ ЦИРЦЕИ

ГОРОД КОЛА – ГОМЕРОВСКОЕ МЕСТО ЦАРСТВА АИДА

КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ СЕВЕРА И ГРЕЧЕСКИЕ ЛАБИРИНТЫ

СЕВЕРНЫЕ СИРЕНЫ

ВОДОВОРОТ МАЛЬСТРЁМ

МЫС СВЯТОЙ НОС – СЦИЛЛА И ХАРИБДА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

ДРЕВНЕЙШИЙ ОПИСАННЫЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОЛОК

ТРИНАКРИЯ И СОЛНЦЕ ГИПЕРИОНА

ПУТЬ ИЗ ТРИНАКРИИ В ОГИГИЮ

ГЛАВА 5. ГДЕ РАСПОЛАГАЛАСЬ ТРОЯ?

НЕСТЫКОВКИ ГОРОДА, НАЙДЕННОГО ШЛИМАНОМ

В ПОИСКАХ ГОМЕРОВСКОЙ ТРОИ

ФИНСКАЯ ГИПОТЕЗА ВИНЧИ

НАРВСКАЯ ВТРОЯ

ГЛАВА 6. ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

КАТАЛОГ КОРАБЛЕЙ: БАЛТИЙСКИЕ БЕРЕГА ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

МАРШРУТ АХЕЙСКОГО ФЛОТА В ТРОЮ

НЕСРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ АХЕЙСКИХ КОРАБЛЕЙ

СТРАННЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

АХИЛЛЕСОВ ЩИТ

ЗАГАДОЧНОЕ ОРУЖИЕ

ЗА ЧТО БЫЛА ПОХИЩЕНА ЕЛЕНА

ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ ТРОЯНСКОГО КРЕМЛЯ

ЧЕМ НА ДЕЛЕ БЫЛ «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

ПОДЛИННАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

БИТВА В БЕЛУЮ НОЧЬ

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

ТЕНЬ УЛИССА НАД ИЛИАДОЙ

КОНЕЦ ИЛИАДЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ТРОИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЖЕ-УЛИССА

ГЛАВА 7. ГОМЕР И НЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЭПОС ГОМЕРА И ПРЕДАНИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

ГРЕЧЕСКИЕ И СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ

БОЖЕСТВА МОРЕЙ И МАГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

ГОМЕР И ДЕЯНИЯ ДАНОВ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ И КЕЛЬТСКИЕ СВЯЗИ

ЛОЖЕ УЛИССА И МИРОВОЕ ДРЕВО

ЛУНА ГЕРМЕСА

СЕВЕРНЫЕ ЧЕРТЫ В СОЛНЕЧНЫХ МИФАХ. РОЖДЕСТВО

ДВЕНАДЦАТЕРИЧНЫЙ СЧЕТ, УНАСЛЕДОВАННЫЙ ОТ ШЕСТИПАЛЫХ ШАМАНОВ

ГЛАВА 8. ЗАГАДОЧНЫЕ СОСЕДНИЕ СТРАНЫ И ЗЕМЛИ

ОСТРОВА СИРИЯ И ОРТИГИЯ

РЫНОК БРОНЗЫ В ТЕМЕЗЕ

РЕКА ОКЕАН И ГОМЕРОВСКАЯ ЭФИОПИЯ

АТЛАНТИДА ЗА ГЕРАКЛОВЫМИ СТОЛПАМИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

БЫЛА ЛИ МИГРАЦИЯ?

ЗАБЫТЫЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ КОРНИ

НАЗВАНИЯ ИЛИАДА И ОДИССЕЯ, И ИМЕНА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВРЕМЕН?

В ПОИСКЕ УТРАЧЕННОЙ ОЙКУМЕНИ АНТИЧНОГО ЭПОСА

Созидательность человеческого разума в пространстве научного исследования всегда определена нетривиальностью решений на основании интеллектуального поиска. Исследования Феличе Винчи о нордических началах *Илиады* и *Одиссеи* и миграции мифа подтверждают данное условие в области изучения древних текстов античных произведений.

Итальянский исследователь Феличе Винчи, по специальности физик-ядерщик, посвятил свою творческую жизнь поиску древней земли, ставшей культурным источником для литературных образов периода Ранней античности. Великие эпические произведения из наследия древнегреческой античной литературы – *Илиада* и *Одиссея* (сюжеты которых вдохновляли и вкладывали идейную силу в слова писателей и поэтов всех времен и народов) – обрели свой выразительный смысл также в тексте исторического исследования древней культуры, обусловленной формами социальной иерархии, быта, предметно-технического развития и направлениями миграционного движения на мировой карте.

В сфере научного мнения существовал период, в котором предполагалось, что сюжеты *Илиады* и *Одиссеи* выдуманы и не имеют действительной исторической содержательности, поскольку считалось, что Гомер – лишь собирательный персонаж из эпических повествований многих греческих рапсодов (певцов-странников), воспевавших фрагменты эпоса на пирах античной знати. На основании подобного предположения формировалось утверждение, что военные действия в процессе осады Трои есть обобщенные формы сюжетов из различных военных походов, а путешествия Улисса (Одиссея) – объединенный образ античного путешественника в целом.

Первым историческую достоверность описываемых в поэмах событий попытался доказать частный и независимый немецкий исследователь XIX века – Генрих Шлиман, который на свои собственные средства совершил археологические раскопки предполагаемой Трои на холме Гиссарлык в Турции и раскопки возможного захоронения царя Агамемнона в Микенах. Именно собственная вера Шлимана в греческий логос, изложенный гекзаметром в поэмах Гомера, стала основанием для последующих культурно-исторических и археологических мировых открытий.

Духовная и идейно-содержательная преемственность в пространстве поиска истины (на основании древнего эпоса в виде текста из мира античности) определила в конце XX века композиционный сюжет исследования Винчи, установившего принципиально новый географический ракурс на описанные в *Илиаде* и *Одиссее* события.

Винчи предположил, что древность произошедших действий в гомеровских поэмах не исчерпывается в пространстве возможных координат Средиземного и Эгейского морей. Основанием для сомнений стали многие фрагменты *Илиады* и *Одиссеи*, которые на уровне географического сопоставления совершаемых в поэмах событий, а также на предметном анализе морфологии, топонимики и ономастики, раскрывающихся в античном стихе, разрушают своим очевидным несовпадением с контекстом средиземноморской культуры общепринятое положение об историческом театре действий двух произведений. Наиболее вероятным местом описываемых в *Илиаде* и *Одиссее* событий Винчи полагает регион Балтийского моря и часть Северной Атлантики исторического периода бронзового века.

Подобная постановка проблемы, сделанная Винчи, обоснована как масштабом картографического сравнения двух морских регионов: Балтийского и Средиземноморского, так и тщательным компаративным анализом скандинавской и древнегреческой мифологии, а также исследованием развития художественных образов в эпосах северных и средиземноморских народов.

Соответственно, прототерриторией, сформировавшей необходимые культурные условия для литературного выражения поэм, стали прилегающие земли Балтийского бассейна. Винчи устанавливает, что осада Трои, вероятно, происходит у берегов Финского залива, культура Итаки раскрывается на островах Дании, весь мир ахейцев развивается на берегах Балтийского моря, а странствия Улисса совершаются в части Северной Атлантики вдоль побережья нынешней Норвегии и Кольского полуострова.

Необходимо отметить, что исследовательский труд Винчи раскрывается обстоятельно и выглядит достаточно убедительным. Многие указания на объективное несоответствие с фактами существующей географической действительности и культурно-предметной

выразительности эпоса в пространстве античности говорят о явной возможности подвести доказательство в пользу северного происхождения событий *Илиады* и *Одиссеи*. Например, можно указать на такие факты из исследования Винчи как отсутствие в стихах поэм описания солнечных дней и, наоборот, частое указание на суровый климат в темной цветовой гамме с литературным изображением теплой верхней одежды на плечах героев; описание флоры и фауны в сочетании с географией описываемых действий, как, в частности, осенний перелет журавлей в теплые края; непрекращающееся на ночь двухдневное сражение у стен Трои, возможное только в период «белых ночей» северных широт; установление сюжетных параллелей с древнескандинавскими сагами и нордическими мифами, например, типичный магический заговор одинаковой раны на колене у Одиссея и Вяйнямёйнена, героя финского эпоса Калевала; сравнение имен и проявление в обрядах культурной сущности нордической Фрейи и греческой Афродиты; скандинавского Одина и эллинской Афины; изображение щита Ахиллеса в тексте *Илиады* как литературно стилистического концепта ранних нордических сказаний, и многое другое – позволяет устранить необъяснимые культурно-географические лакуны в поэмах Гомера.

Тем не менее, несмотря на обстоятельный сравнительно-сопоставительный анализ культурного колорита двух пространств в исследованиях Винчи, необходимо отметить, что главным мотивом в их структуре является установление географического соответствия происходивших действий в поэмах Гомера (Винчи данного факта и не скрывает). Винчи создает уровень «географической текстологии», в которой стремится определить максимально точные исходные координаты исторически событийного текста, чтобы установить подлинность «географического автографа» в структуре территориального места действия поэм *Илиады* и *Одиссеи*.

Культурная взаимосвязь двух рельефов: географического и литературного – всегда по сущностному содержанию меньше, нежели судьба народов в истории человечества. Соответственно, в целях наибольшей объективности доказательства предположения требуются дополнительные аргументы, обоснованные подробными археологическими и лингвистическими исследованиями в сфере культурно-исторической идентификации сюжетов *Илиады* и *Одиссеи* на берегах Балтийского моря и Северной Атлантики. В многочисленных интервью Винчи подчеркивает факт необходимости дополнительных научных измерений собственной теории при содействии современных технологий. Винчи в начале 2000-х изложил свою теорию в серии лекций (в частности, в университетах Рима, Падуи, Ванкувера, Риги). За последние двадцать лет состоялись многочисленные международные конференции, сыгравшие значительную роль в развитии теории Винчи, в том числе, пленарное заседание в Афинском институте образования и исследований (*Athens Institute for Education and Research*, ATINER) в 2017 году; конференция, организованная Римским университетом в 2012 году, материалы которой были опубликованы в монографическом выпуске 2/2013 «Итальянского журнала классической и средневековой культуры» (*Rivista di Cultura Classica e Medioevale*) под названием «Скандинавия и поэмы Гомера: слово для ученых при участии писателей». Духовная идея итальянского исследователя обоснована сближением народов на основании определения общих корней культурного наследия.

Петербургский языковед и исследователь прибалтийско-финских и саамских культурных традиций Николай Бадусов, аудитор по профессии, долгое время переписывавшийся с Феличе Винчи, провел своеобразный «аудит» его гипотезы. Автор в настоящей работе представляет для русскоязычного читателя изложение-пересказ теории Винчи с учетом значительных дополнений, внесенных Винчи в течение последних двух десятилетий. Проанализировав все собранные факты, Николай Бадусов также уточняет расположение гомеровской Трои (у Финского залива, но не в Финляндии, а в Ленинградской области на реке Нарова); пяти рек царства Аида (на Кольском полуострове у Кольского залива); и места Сциллы и Харибды (у мыса Святой нос на Кольском полуострове).

Новые гипотезы являются одной из форм развития научной сферы и создают условия как для сбора эмпирических данных в положении доказательства, так и для установления контраргументов в свое опровержение; но в любом из возможных научно-культурных действий – новая гипотеза есть объективно позитивный факт, раскрывающий созидательность человеческого разума в пространстве мирового познания. Шлиман в XIX веке

продемонстрировал семиотическое воплощение античного слова в истории культуры, утвердив гипотезу фактического существования событий *Илиады* и *Одиссеи* на территории Средиземноморья. Феличе Винчи в XX веке аргументированно выразил сомнения в средиземноморской географической действительности троянской осады и странствий Улисса, перенес сюжетные действия в регион Балтийского моря и северной Атлантики. Возможно, в XXI веке последует новая доказательная сенсация в отношении двух античных поэм на основании археологического и лингвистического исследования в отождествлении с открытиями Винчи.

Никулушкин К.В.,
ректор Института Философии и Мировой Культуры (ИФИМК)

ВВЕДЕНИЕ

ИДЕИ ВИНЧИ

С древних времен, постулирует Феличе Винчи в своих многочисленных публикациях¹, гомеровская география порождает вопросы и неопределенности. Города, страны и острова, которые поэт часто описывает в богатейших деталях, либо лишь отчасти согласуются с привычными местами на Средиземноморье, либо вовсе отсутствуют. Множественные примеры несоответствий приводит уже Страбон², в частности, недоумевая как остров Фарос, расположенный прямо перед портом Александрии, в *Одиссее* необъяснимым образом оказывается *в сутках плавания* от Египта. Загадкой является и местонахождение острова Итака, который, согласно очень точным указаниям в *Одиссее*, является самым западным («смотрящим в ночь») в архипелаге, который включает в себя три основных острова: Дулихий, Самос и Закинф. Это не соответствует географической реальности греческого о. Итака в Ионическом море, расположенного к востоку от о. Кефалиния, к югу от о. Левкос и к северу от о. Закинф. Вдобавок, ставит вопрос Винчи, как быть с гористым Пелопоннесом, описываемом в обеих поэмах как *равнина*? Если география Гомера являлась сомнительной для Страбона, то она в равной степени является гадательной и для современных ученых.

Также и профессор кафедры греческой литературы Университета Генуи (Италия) Франко Монтанари говорит о том, что «при сравнении гомеровской географии и микенской (...) сейчас обращается особое внимание на расхождения», и подчеркивает «проблемные отношения Гомера и микенского мира, а также эллинских средних веков».³

Гомеровская география являет нам свою известную по поэмам топонимику, которая, если сравнивать с фактическим расположением греческого мира, имеет явные аномалии – труднообъяснимые уже в силу того, что они прослеживаются *последовательно* в обеих поэмах. Гористый Пелопоннес описывается как *равнина*, и не эпизодически, а регулярно. Расположенный вблизи Итаки о. Дулихий (в переводе с греческого «*dolichós*» означает «долгий, длинный»), неоднократно упоминается не только в *Одиссее*, но и в *Илиаде* – однако, его так и не обнаружили на Средиземном море. Таким образом, подчеркивает Винчи, мы сталкиваемся с миром, который оказывается закрытым и недоступным, за исключением некоторых случайных сходств, хотя названия и кажутся «до боли знакомыми». Последнее, скорее, вводит в заблуждение, чем помогает в нахождении ответов.

Неожиданный ключ к проникновению в этот загадочный мир предоставляет Плутарх⁴. В своей работе *De facie quae in orbe lunae apparet* («Лицо, что появляется в круге Луны»), гл. 26, он делает удивительное заявление: остров Огигия, где богиня Калипсо удерживала Улисса⁵, прежде чем позволить ему вернуться на Итаку, находится в северной части Атлантического океана, «в пяти днях плавания от Британии, в сторону вечера (заката)».

Данные Плутарха подсказали Винчи, что Огигию необходимо отождествлять с одним из Фарерских островов, самых северных и самых западных среди островов, окружающих Великобританию. На этой географической широте летом, в сезон, благоприятный для мореплавания, солнце садится на северо-северо-западе, то есть у места расположения Фарерских островов, «в сторону заката» относительно Великобритании. Исходя из этого, маршрут на восток, по которому следует Улисс (песнь 5 *Одиссеи*) в своем путешествии из Огигии в *Схерию*, позволяет Винчи определить местонахождение последней, т.е. земли феаков, на южном побережье Норвегии, совпадающем с местом прибытия Улисса, и имеющем множество археологических следов бронзового века. *Sker* (*ихера*) в древнескандинавском языке имеет значение «морской утес» – что соответствует как описаниям у Гомера, так и изрезанному

¹ Наиболее известное издание на английском языке: Felice Vinci, *The Baltic Origins of Homer's Epic Tales: The Iliad, the Odyssey, and the Migration of Myth*. Inner Traditions, Rochester, Vermont, 2004 ; последняя публикация на итальянском языке: Felice Vinci, *I Segreti di Omero nel Baltico. Nuove Storie della Preistoria*. LEG Edizioni, Gorizia, 2021

² Страбон, греческий географ и историк (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.)

³ Montanari, Franco, *Introduzione a Omero*, Florence 1992., p. 71.

⁴ Плутарх, античный философ (46 – 120 год н.э.)

⁵ Улисс, главный герой поэм Гомера, более известный как Одиссей в переводах на русский язык.

ландшафту побережья. Повествование *Одиссеи* о высадке Улисса, замечает Винчи, также знакомит нас с таким явлением как *обратное речное течение*, почти неизвестным в средиземноморском мире, однако, типичным в устьях рек на атлантическом побережье во время высоких приливов.

Отсюда феаки отвезли Улисса на Итаку, расположенную в дальней части архипелага, о котором Гомер рассказывает очень подробно. Ряд параллелей позволяет Винчи идентифицировать группу датских островов на юге Балтийского моря, детально соответствующих указаниям поэта. Это архипелаг Южный Фюн, включающий в себя три главных острова: Лангеланд (*Langeland*, «Длинный остров»), который, наконец, раскрывает загадку таинственного острова Дулихий; Эрё (*Aerø*), соответствующий гомеровскому о. Самос; и Тосинге (*Tåsinge*), древний о. Закинф.

Последний к западу остров в архипелаге, о. Люэ (*Lyø*), расположенный «лицом к ночи» – это, скорее всего, и есть Итака, родина Улисса. Удивительно, насколько точно этот остров совпадает с указаниями поэта не только по своему положению, но и по топографическим и морфологическим признакам. Здесь, среди этой группы островов, Винчи идентифицирует даже маленький островок, где сватавшиеся к Пенелопе женихи пытались устроить засаду для Телемаха, сына Улисса.

Элида, то есть одна из областей Пелопоннеса, описана как лежащая перед о. Дулихий. Она может быть отождествлена с частью большого датского острова Зеландия (*Sjælland* на датском языке). По мнению Винчи, Зеландия и является первоначальным Пелопоннесом, т.е. «островом Пелопса», в истинном значении слова «остров» («*nēsos*» на греческом языке) – тогда как греческий Пелопоннес не является островом, несмотря на свое название. Кроме того, подробности, описанные в *Одиссее*, касающиеся стремительного путешествия Телемаха на колеснице из Пилоса в Лакедемон, вдоль «*равнины, производящей пшеницу*», и войны между пилианами и эпианами, о которой повествует песнь 11 *Илиады*, идеально соотносятся с плоским рельефом о. Зеландия. Эти подробности, отмечает Винчи, всегда считались несоответствующими гористой географии Греции.

Вдоль побережья и островов Норвежского и Баренцева морей, которые пересекает ветвь Гольфстрима, идентифицируемого Винчи как гомеровская «*река Океан*», существует много наводящих на размышления географических, морфологических и климатических сходств с описаниями в знаменитых приключениях Улисса. Их подробности уходят своими корнями в сказания северных моряков и местный фольклор. Преобразованные воображением странствующих бардов и греческих аэдов, эти рассказы о странствиях были перенесены в совершенно другую среду на Средиземноморье, став неузнаваемыми в этой новой географической реальности. Описания в *Одиссее*, утверждает Винчи, могут являться «путевыми заметками» об океанских маршрутах бронзового века: ориентиры мест в поэмах Гомера позволяют с относительной точностью реконструировать эти путешествия. Более того, ряд явлений, которые кажутся необъяснимыми, такие как пение Сирен, водоворот Харибды, «танцы рассвета» (северное сияние) на острове Цирцеи – все они находят свое объяснение при возвращении их в подлинную среду в Северной Атлантике.

Также и Тацит⁶ в своем труде «*Германия*» утверждает, что Улисс плывал по северным морям. Кроме того, существует яркое сходство между гомеровским Улиссом и северным Уллом, лучником и воином в скандинавской мифологии.

Эти вещи не должны вызывать удивления, полагает Винчи, особенно если учесть следующее упоминание историка Стюарта Пигготта⁷ в его работе «*Древняя Европа от начала земледелия до классической античности*»:

«Величие [гомеровских] гексаметров не должно вводить нас в заблуждение мыслью о том, что *Илиада* и *Одиссея* не относятся к поэмам большей части варварского бронзового века или раннего железного века Европы. Как отмечает Рис Карпентер⁸, «в жилах греческих муз нет ни минойской, ни азианической крови (...) Они живут вдали

⁶ Публий Корнелий Тацит, римский историк (55 – 120 гг. н.э.)

⁷ Стюарт Эрнест Пигготт (Stuart Ernest Piggott), британский археолог (1910 – 1996).

⁸ Рис Карпентер (Rhys Carpenter), американский историк-искусствовед, гомеровед (1889 – 1980).

от крито-микенского мира, но в контакте с европейскими элементами греческой речи и культуры. За микенской Грецией (...) лежит Европа».⁹

Далее Винчи в своих исследованиях предлагает посмотреть на регион Трои. В *Илиаде* он расположен вдоль моря Геллеспонт, которое систематически описывается как «широкое» или даже «безграничное». Следовательно, размышляет Винчи, мы можем исключить гипотезу, что оно соответствует узкому проливу Дарданеллы, где находится город, найденный Генрихом Шлиманом. Отождествление этого города с Троей Гомера продолжает вызывать серьезные сомнения: стоит только посмотреть критический разбор Мозеса Финли¹⁰ в его исследовании *Мир Одиссея*¹¹. Расположение этого города отвечает указаниями о греко-римской Трое, но уже Страбон однозначно утверждает, что последняя не совпадает с городом Гомера: «Это не место древнего Илия»¹². Страбон также повествует, что местная равнина находилась под водами моря во времена Гомера (что, как отмечает Винчи, было подтверждено буровыми работами, проведенными в 1977 году).

В свою очередь, средневековый датский историк Саксон Грамматик¹³ в хронике «Деяния данов» (*lat. Gesta Danorum*) часто упоминает «геллеспонтцев» и регион под названием Геллеспонт, располагая его на востоке Балтийского моря. Винчи задается вопросом: не является ли он гомеровским Геллеспонтом? Винчи идентифицирует его с Финским заливом – географическим двойником пролива Дарданеллы (оба расположены к северо-востоку от своих соответствующих бассейнов). Именно здесь, считает исследователь, следует искать гомеровскую Трои.

Путешествуя по миру Гомера, заостряет наше внимание Винчи, мы сталкиваемся с суровым климатом, характерным для северного мира. «Густой туман» часто окутывает воинов на Троянской равнине, а море Улисса никогда не бывает таким прозрачным, как у греческих островов, но всегда рисуется как «серое» и «мглистое». Повсюду в обеих поэмах погода описывается с ветрами и холодными температурами, дождями и снегом, падающим на равнины и даже в море – имея мало общего со средиземноморским климатом; кроме того, о солнце и высокой температуре воздуха почти никогда не упоминается. Большую часть времени погода пасмурная настолько, что армированные бронзой воины во время битвы молят о безоблачном небе. «Мы далеки от жаркого Анатолийского плоскогорья», – отмечает Винчи.

То, как одеваются персонажи Гомера, также предельно соответствует описанному выше климату. Герои носят «толстые, тяжелые плащи», которые никогда не снимают, даже во время пиршеств. По описанию, эти одеяния похожи на одежды, найденные в датских могилах бронзового века, вплоть до таких деталей, как металлическая брошь, которая крепила плащ на плече.

Именно северное расположение, согласно Винчи, объясняет и существенную аномалию великой битвы, занимающей центральные главы *Илиады*. Битва продолжалась *два дня и одну ночь*. Тот факт, что ночная тьма не останавливает сражение, является необъяснимым в средиземноморском мире, но обретает ясность в условиях севера Балтики. То, что позволяет новым войскам Патрокла продолжать бой до следующего утра без перерыва – это *белые ночи*, типичные для высоких широт в период летнего солнцестояния.

Данная аргументация подтверждается также сезонным разливом гомеровской реки Скамандер – по описаниям соответствующей реке Нарова, несущей в Финский залив (в большой Геллеспонт) воды всех рек, впадающих в Чудское озеро, и имеющей значительные колебания уровня воды в мае-июне после весеннего таяния снегов. Винчи, однако, располагает Скамандр и Трои не точно: на Финском заливе, но на юго-западе нынешней Финляндии. В настоящей работе мы детально рассмотрим оба варианта.

Также, по мнению Винчи, стены Трои в описаниях Гомера – это своего рода простоватые частоколы из дерева и камня, больше похожие на архаичные северные деревянные ограждения,

⁹ Piggott, Stuart. *Ancient Europe*. Chicago 1968, p. 126.

¹⁰ Мозес Финли (Moses Finley), американский и английский историк античности (1912 – 1986).

¹¹ Finley, Moses. *The World of Odysseus*, 2nd Edition. London, Penguin Books, 1979.

¹² Страбон, *География*, 13.1.27

¹³ Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus), средневековый историк (около 1140 – 1226 г. н.э.)

такие как стены русских кремлей вплоть до примерно XV века н.э., чем на каменные цитадели эгейских цивилизаций.

Еще одна деталь, вызывающая недоумение исследователей – кажущийся абсурдным метод использования боевых колесниц, которые, как описывается Гомером, служат *лишь для перемещения воинов*, далее сражающихся *пешими*. Ученые, подчеркивает Винчи, считают выдумкой такой способ сражения на колесницах, приписывая его невежеству поэта в данном вопросе. Однако, этот способ полностью соответствует описанию колесничных боев древних бриттов у Юлия Цезаря в *De Bello Gallico*.

В своем исследовании Винчи подробно рассматривает и т.н. *Каталог кораблей* из второй песни *Илиады*, где перечислены двадцать девять ахейских флотилий, принимавших участие в троянской войне, а также имена их капитанов и места происхождения. Этот список разворачивается в направлении против часовой стрелки, начиная с нынешней центральной Швеции, следуя вдоль балтийских побережий и заканчивая современной Финляндией. Винчи совмещает его с данными, содержащимися в двух поэмах и в остальной греческой мифологии, и максимально возможно реконструирует ахейский мир вокруг Балтийского моря.

Рис. 1. Мир Гомера на Балтике и в Северной Атлантике, по Феличе Винчи

Используя последовательность Каталога кораблей (вдоль берегов против часовой стрелки), Винчи обнаруживает Беотию, соответствующую области около Стокгольма. Здесь исследователь идентифицирует Фивы Эдипа и мифическую «гору Ниса» (где Хиады воспитывали младенца Диониса), которая так и не была найдена в греческом мире. Остров *Эвбея* Гомера может соответствовать современному острову *Эланд*, расположенному у

побережья Швеции в схожем с его средиземноморским аналогом месте. Мифические Афины, родину Тесея, Винчи помещает в районе современного г. Карлсруна на юге Швеции.

Такое расположение объясняет, согласно исследователю, почему Платон в своем диалоге «Критий» называет местность *полого-волнистой равниной, полной рек*, совершенно не похожей на неровный рельеф Греции. Особенности других ахейских городов, таких как Микены или Калидон, в гомеровском описании также полностью отличаются от их «тезок» на греческой земле. Микены, по мнению Винчи, находились на месте современного Копенгагена. Здесь, на равнинном о. Зеландия, то есть гомеровском Пелопоннесе, можно определить царства Агамемнона и Менелая; а также Аркадию, реку Альфеус и, в особенности, Пилос царя Нестора, местонахождение которого было загадочным даже для древних греков. Более того, также разрешается вопрос странной границы между Арголидой и Пилосом вдоль моря, которая упоминается в *Илиаде*, но невозможна в греческом мире.

После Пелопоннеса в Каталоге кораблей упоминается Дулихий, а затем архипелаг Итаки, который был идентифицирован благодаря указаниям в *Одиссее*. Соответственно, утверждает Винчи, мы можем подтвердить последовательность информации, содержащейся в обеих поэмах, а также ее соотношение с географией Балтики.

После Итаки в Каталоге кораблей следуют этолийцы, которые напоминают исследователю о древних ютах. Они дали свое имя Ютландии, расположенной по соседству с архипелагом Южный Фюн. Среди этолийских городов Гомер упоминает Пилен, идентифицируемый Винчи как современный город Плён (*Plön*) в северной Германии, недалеко от Ютландии. Напротив этого района, в Северном море, название острова Хельголанд (*Helgoland* или *Heligoland*), одного из Северо-Фризских островов, также напоминает Хелике (*Helikē*), святилище морского бога Посейдона, упоминаемое в *Илиаде*.

Находит объяснение, по мнению Винчи, и описание Крита как «*обширной земли*» (*eugeie gaie*) с почти *сотней городов и множеством рек*, которую Гомер никогда не называл «*островом*» (*nesos*). Переводчики Гомера ошибочно рассматривают *eugeie gaie* как «*большой остров*», считая, что Крит – это средиземноморский Крит.

Исходя из производимой Винчи реконструкции на Балтике, Крит соответствует Померанскому (Поморскому) региону на юге Балтики, простирающемуся вдоль современных немецких и польских побережий. В *Одиссее* говорится о *многочисленных народах* на «критской» территории и подчеркивается их воинственный характер, размышляет исследователь, в то время как в минойских поселениях эгейского Крита на удивление отсутствуют защитные сооружения – что лишний раз подтверждает тезис о том, что гомеровский Крит не имеет никакого отношения к о. Крит на Эгейском море.

Описывая Крит, Гомер упоминает реку Иарданос, «где живут сидонцы (кидоны)» (*Одиссея* 3.292). По реконструкции Винчи, современная *Цедыня* на реке *Одер* может быть последним напоминанием о *сидонцах* на реке *Иарданос*, никогда не встречавшихся на эгейском Крите.

На этом этапе, полагает исследователь, можно отождествить и остров Наксос (*Naxos*), где Тесей покинул Ариадну на его обратном пути из Крита в Афины, с островом Борнхольм, расположенным между Польшей и Швецией, где город Нексё (*Nexø*) до сих пор напоминает древнее название этого острова. Кроме того, учитывая, что в греческих мифах Крит строго связан с Афинами, расположение гомеровского Крита в южной Балтике также отвечает близкому расположению к Афинам Гомера, которые в балтийском мире лежали на юге Швеции, наискосок от Польши.

Аналогичным образом, по Винчи, «*река Египет*» в *Одиссее* может соответствовать современной р. Висла. К северу от ее дельты, в центре Балтийского моря, остров Форё (*Fårö*) напоминает гомеровский Фарос (*Pharos*). Последний, согласно *Одиссее*, лежит посреди моря на расстоянии одного дня «трудного» плавания от «Египта» (при условии «попутного ветра»), тогда как средиземноморский Фарос расположен *лишь в одном километре от порта Александрия*.

Более того, добавляет Винчи, согласно Иордану¹⁴, до III века н.э. у устья Вислы жило племя *гепидов*: «...на острове, окруженном бродами Вислы, и который на языке их отцов называли

¹⁴

Иордан, готский историк VI века н.э.

Гепидос (*Gepidos*)»¹⁵. Имя речного острова Гепидос напоминает исследователю название Египет (греч. *Aígyptos*).

Каталог кораблей далее затрагивает, по реконструкции Винчи, прибалтийские страны. Гомеровская Эллада должна была находиться на побережье современной Эстонии, т.е. рядом с гомеровским Геллеспонт, «морским путём ~ морем Геллы», современным Финским заливом. В этих местах, продолжает исследователь, ученые натолкнулись на легенды, имеющие удивительные параллели с греческой мифологией.

Фтия, родина Ахилла, согласно Винчи, лежала на плодородных холмах юго-восточной Эстонии, вдоль современной границы с Латвией и Россией, простираясь до реки Великая и Псковского озера. Там жили мирмидоняне и фтиане, которыми правили Ахилл и Протесилай соответственно. Любопытно также сравнить название Фтия с народом Водь (самоназвание: *Vaddja*)

Следуя указаниям Каталога кораблей далее, мы переносимся на финское побережье, выходящее на Ботнический залив, с расположенным недалеко от него городком *Jolkka*, являющимся, согласно гипотезе Винчи, Иолком (*Iolcus*), мифическим городом Ясона.

Ближе к северу исследователь также считает возможным определить область Олимпа и Пиерии – в финской Лапландии, области *лонарей* (саамов), которые, в свою очередь, напоминают гомеровских *лапифов*. Заклятыми врагами последних являлись кентавры (по Винчи, досл., *kentores hipp* – «погонщики лошадей»), жившие в древнейшее время в районе мифической горы Пелион (*Pelion*) – возможно, той, что сегодня известна как вершина Пальякка (*Paljakka*) в Финляндии. Также нынешнее название этого региона Кайнуу (*Kainuu*) напоминает исследователю об имени героя лапифов Кенея (*Caineus*), участвовавшего в войне против кентавров.

Упоминая сходства отдельных имён, Винчи постоянно обращает, тем не менее, внимание, что в своей гипотезе он использует схождения географических названий и/или личных имен *лишь в качестве следов или подсказок*, в основном же основывая свои тезисы на поразительных географических, морфологических, повествовательных и климатических параллелях между гомеровским и балтийским мирами, на след которых изначально исследователя навел Плутарх.

Что касается местоположения Пиерии к северу от Полярного круга, то оно, согласно Винчи, дополнительно подтверждается астрономической аномалией, связанной с лунным циклом в гомеровском *Гимне Гермесу*, что может объясняться лишь высокой северной широтой.

Примечательны и многочисленные сходства культур скандинавских и прибалтийских викингов с первоначальной микенской культурой, отмечает Винчи. Так, профессор Клавс Рэндсборг¹⁶ утверждает, что эгейское искусство и некоторые скандинавские предметы, датируемые бронзовым веком – например, фигуры, выгравированные на огромной могиле Кивик в Швеции – настолько схожи, что ученые XIX века и вовсе предполагали, что памятник был построен финикийцами.

Профессор Колин Ренфрю,¹⁷ один из выдающихся современных археологов, в своей книге «До цивилизации» (*“Before Civilization”*) так описывает последствия для традиционной хронологии:

«Эти изменения влекут за собой целый ряд разворотов в хронологическом порядке. Мегалитические гробницы Западной Европы теперь оказываются старше круглых гробниц Крита, их предполагаемых предшественников. Использующие металл ранние культуры Балканского полуострова предшествуют эпохе раннего ахейского бронзового века, от которых они, как ранее предполагалось, произошли».¹⁸

Согласно Ренфрю, исследования, проводимые в отношении микенской цивилизации и ее корней, хотя и далекие от раскрытия ее связи с поэмами Гомера, обнаруживают, тем не менее, «проблемные отношения между Гомером и микенским миром»; «полное отсутствие увязки между микенской географией и описаниями Гомера»; связь последнего со «в значительной

¹⁵ Jordanes. *The Gothic History*. Princeton, N.J. 1915

¹⁶ Клавс Рэндсборг (Klavs Randsborg), профессор археологии в Копенгагенском университете (1944 – 2016).

¹⁷ Эндрю Колин Ренфрю (Andrew Colin Renfrew) – британский археолог, историк и филолог (род. 1937).

¹⁸ Renfrew, Colin, *Before Civilization*, Harmondsworth, UK: Penguin, 1990, pp. 76-77

степени варварской Европой»; возможное северное происхождение микенцев; сходство эгейских и северных предметов; и сосуществование последних без каких-либо при этом основательных интерпретаций. «Поистине, головоломная мозаика», – восклицает Винчи.

Решением этой головоломки, полагает исследователь, могла бы стать сверка гомеровской географии с северным миром. Это приподняло бы завесу и над вопросом, почему любая достоверная информация об авторе или авторах *Илиады* и *Одиссеи* была утеряна до античных времен. По Винчи, она пролила бы свет и на многие другие вещи, такие как «микенские» следы, находимые в Англии.

В частности, примечательно упоминание в *Одиссее* рынка сбыта бронзы, расположенного «за морем в чужеземном царстве», под названием Темез (*Темес*, *Темесе*), никак не идентифицируемого на Средиземном море. Бронза представляет собой сплав меди и олова, и, если учесть, что на севере олово встречается только в Корнуолле, весьма вероятно, что загадочный гомеровский Темез соответствует Темзе (*Thames*), также известной как Тамесис (*Tamesis*) или Таменсим (*Tamensim*) в древние времена. Косвенным подтверждением, по Винчи, является и недавнее археологическое открытие: рядом с мостом Воксхолл в Лондоне были обнаружены деревянные остатки структуры трехметровой ширины от очень древнего моста, датированного бронзовым веком, около 1500 года до н.э. Это мог быть очень важный центр для цивилизации бронзового века.

Таким образом, полагает Винчи, следуя Гомеру, можно понять, что во времена бронзового века древние скандинавы плавали в Темез – Темзу, «расположенную за морем в иноземном царстве», для пополнения запасов бронзы. Плавали за оловом на Британские острова и финикийцы, а греки называли Британские о-ва «Оловянными» (Касситериды, *Κασσιτέριδες νῆσοι*).

Добавив сюда указание Плутарха на северное расположение Оигии, которое предоставило ключ к географии Гомера, и картину мира, которая вырисовывается в соответствии с Каталогом кораблей и со всей греческой мифологией, очень маловероятно, считает Винчи, что столь огромное количество географических, климатических, топонимических и морфологических параллелей можно отнести к сколько-либо случайности. Не стоит также забывать, напоминает исследователь, о географических, климатических, топонимических и морфологических противоречиях, возникших после переноса эпоса в средиземноморскую реальность.

Заведующий кафедрой географии в Университете Рима Клаудио Черрети так сформулировал в своем обзоре теории Винчи:

«...Средиземноморское место действия поэм Гомера – не научная истина, а лишь предание, о достоверности которого вопросы возникали постоянно. Однако, это предание настолько глубоко укоренилось в нашей культуре и укрепилось в сознании, что оно оказывает единственное, но удивительное отторжение всем противоположным гипотезам».¹⁹

¹⁹

Cerreti, Claudio, Bollettino della Società Geografica Italiana, n. 1-2/2000, p. 319, review of *Homer in the Baltic*.

ГЛАВА 1. СЛЕДУЯ УКАЗАНИЯМ ПЛУТАРХА

ОСТРОВ КАЛИПСО

После того как Улисс прошел через Сциллу и Харибду, шторма забросили главного героя *Одиссеи* на Огигию, остров богини Калипсо. Отсюда семь лет спустя он отправится на сооруженном по указаниям Калипсо плоту на восток в сторону Схерии и далее вернется в родную Итаку.

Греческий автор Плутарх в своей работе *De facie quae in orbe lunae apparet* («Лицо, что появляется в круге Луны»), гл. 26, цитируя строку стиха Гомера «Один остров, Огигия, находится очень далеко в море...» (*Одиссея* 7.244), добавляет, что Огигия, остров богини Калипсо, находится «в пяти днях плавания от Британии, в сторону вечера (заката)».²⁰

Как полагает Феличе Винчи, в этом отрывке Плутарх однозначно помещает Огигию в географическую реальность Северной Атлантики. Более того, по Плутарху, за Огигией лежат и другие острова, а за ними – «великий континент, который опоясывает океан». Есть и еще одна важная деталь: на этих «дальних островах» летнее солнце «ночью исчезает менее чем на час, в течение тридцати суток, тогда как тусклый свет мерцает на стороне заката».

Указание Плутарха – это *ключ*, позволяющий Винчи проникнуть в географическую реальность гомеровского мира (с древних времен считавшуюся странной и полной загадок, несовместимых со Средиземноморьем). Местонахождение Огигии является отправной точкой в гипотезе Винчи при проложении маршрута Улисса до родного дома героя на острове Итака.

Огигия Гомера изолирована на огромном расстоянии в море. Чтобы Калипсо, удерживавшая Улисса семь лет в плену на своем острове, позволила ему вернуться на Итаку, Зевс направляет к ней Гермеса, бога-посланника. По прибытии на остров, Гермес заявляет:

*Зевс приказал мне явиться сюда, хоть сам не желал я;
Кто ж добровольно станет пересекать такую бескрайнюю ширь
Моря соленого, где не увидишь жилищ человека. (Одиссея 5.99–102)*

Эта удаленность острова также подтверждается Улиссом, когда он возражает Калипсо:

*...Так ты хочешь, чтобы я пересек страшную огромную бездну
моря на плоту! (Одиссея 5.174–175)*

Следуя указанию Плутарха и строкам в *Одиссее*, Винчи идентифицирует Огигию с одним из Фарерских островов, лежащих на довольно высокой широте в Северной Атлантике, всего в четырех градусах ниже полярного круга (рис. 2).

²⁰ Raingeard Pierre, (ed.), *Le PERI TOU PROSOPOU de Plutarque. Texte critique avec traduction et commentaire*, Chartres, Imprimerie Durand, 1934, p. 40.

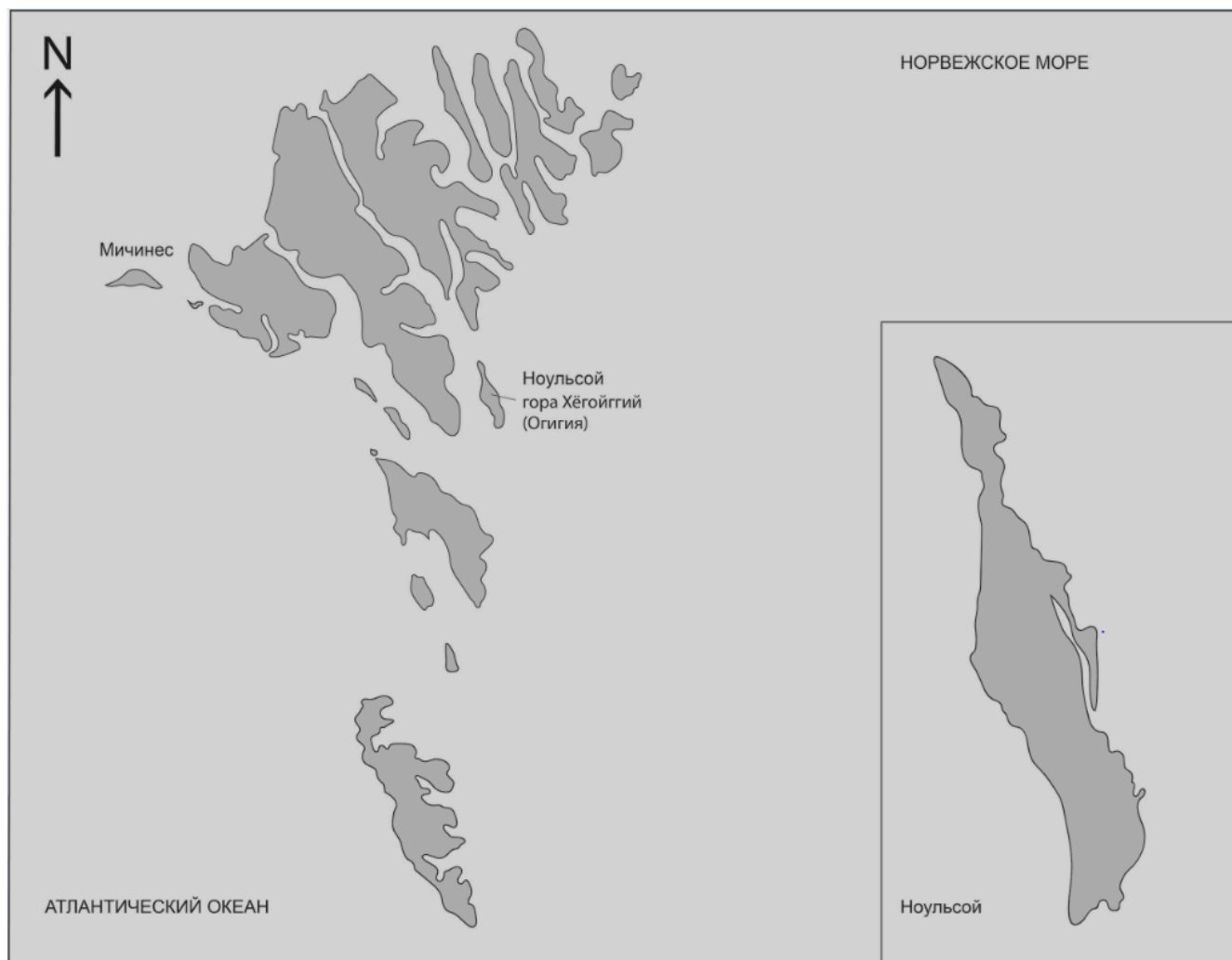

Рис. 2. Фарерские острова и о. Ноульсой, по Феличе Винчи

Этот архипелаг – самый северо-северо-западный и самый дальний в океане среди островов, окружающих Великобританию, то есть расположенный как раз «на стороне заката» от Британии в сезон летней навигации (в высоких широтах закат происходит не на западе или северо-западе, а почти прямо на севере), уточняет Винчи.

Вдоль побережья Фарерских островов имеется множество причудливых пещер, которые напоминают исследователю о «глубоких гротах» Огигии в *Одиссее*. Фарерский архипелаг также отвечает описанию Гомером большого количества морских птиц, летающих вокруг грота Калипсо: «Сойки, воробьиные ястребы и вороны, каркающие длинными языками / морские вороны, любящие морскую жизнь» (*Одиссея* 5.66–67). Обилие рыбы в прохладных северных морях приводит к значительно большей популяции морских птиц, чем у теплых вод, таких как на Средиземном море. Одним из традиционных видов деятельности фарерцев, отмечает Винчи, до сих пор является сбор яиц и перьев морских птиц.

В ходе своего исследования Винчи неоднократно уточнял часть маршрутов, описанных Гомером, при их переносе в мир Северной Атлантики и Балтийского моря (оставляя при этом прежнюю целостную картину). В частности, была исправлена неточность в расположении горы *Høggj* на Фарерских островах и идентификация о. Огигия соответственно (гора *Høggj* находится на о. *Nólsoy*, а не о. *Stora Dimun*, как было указано в первоначальных изданиях). Помимо горы с названием очень похожим на гомеровскую Огигию (гр. *Ὠγγία*), согласно Винчи, о. Ноульсой (*Nólsoy*) обладает и всеми морфологическими характеристиками гомеровской Огигии: пещеры, луга, огромные стаи морских птиц, небольшие ручьи, а также пляжи,

облегчающие высадку с кораблей, в отличие от других островов архипелага с намного более крутыми берегами.

Огигия также описывается Гомером как «остров, обьятый волнами, в месте, где пуп обретається моря» (*Одиссея* 1.50). Поразительно, информирует нас Винчи, но рядом с Фарерскими островами до XIX века существовал большой водоворот диаметром почти два километра, «морской пуп», вызывавшийся мощным приливом и формировавшийся у большой скалы своеобразной формы под названием Монах (*Monek*). Это явление (которого больше не существует: скала упала в море в 1884 году) добавляет дополнительный реализм в мир странствий *Одиссеи*.

На Ноульсой-Огигии (где, по словам Гомера, Калипсо держала Улисса в плену в течение семи лет: «очень далеко в море», на отдалении «огромной пропасти» от материка) Винчи даже находит мыс, на котором главный герой, вероятно, «сидел на скалах на берегу моря / стопами дух свой терзая, слезами и горькой печалью / глядя на неутомимое море» (*Одиссея* 5.156–158): это самая восточная точка о. Ноульсой, мыс *Øknastangi* (где сейчас находится маяк), смотрящий на Норвежское море и европейский континент.

Что касается климатических условий, отмечает Винчи, в период т.н. «климатического оптимума» более 3500 лет назад температуры были выше, чем сегодня. Важное указание на климат гомеровской Огигии исследователь находит в описании видов растительности. Хвойные виды деревьев (кедр, туя), виды, типичные для влажных почв (ольха и тополь) (*Одиссея* 5.60–64), а также «нежные луга фиалок и сельдерея» (*Одиссея* 5.69) – свидетельствуют, согласно Винчи, о мягком, свежем и довольно влажном климате. Будучи омываемым водами Гольфстрима, Фарерский архипелаг и ныне характеризуется влажными условиями (средняя годовая норма выпадения осадков здесь очень высока, около 1600 мм). В совокупности с более высокими, чем сегодня, температурами, и также тем фактом, что Фарерские острова являются вулканическими, на них должны были существовать более благоприятные условия для растительности, чем сегодня. Неудивительно, что в *Одиссее* упоминаются и виноградные лозы (*Одиссея* 1.52), растение весьма теплолюбивое. Во времена средневекового «климатического оптимума» (800–1250 гг. н.э.), приводит сравнение исследователь, и Гренландия, «зеленая земля» викингов, была покрыта лугами, а в Европе виноградники простирались до Великобритании и норвежского побережья.

Тем не менее, продолжает свой анализ Винчи, температура на Огигии не была средиземноморской: так, пожар от разведенного для обогрева очага в доме Калипсо («на очаге пламя большое пылало», *Одиссея* 5.59) случился в сезон, благоприятный для мореплавания – летом.

Улисс смог покинуть Огигию на плоту, который он построил по указаниям Калипсо: «Вот что ты сделаешь: бревен больших топором нарубивши, в широкий плот их сколотишь, помост на плоту там устроишь высокий, чтобы нести тебя мог он через мгlisto-туманное море» (*Одиссея* 5.162–164). Поэт использует не менее двадцати строк стихов о различных этапах этого строительства, подробнее описывая конструктивные особенности плота:

*Начал рубить он деревья. И быстро свершалось дело.
Двадцать стволов он свалил, очистил их острою медью,
Выскоблил гладко, потом уравнил, по шинуру обтесавши.
Нимфа Калипсо меж тем бурав принесла Одиссею.
Бревна он все просверлил и приладил одно ко другому,
Брусьями бревна скрепил и клинья забил между ними.
Точно такого размера, какого обычно готовит
Дно корабля грузового кораблестроитель искусный,
Сделал такой ширины свой плот Одиссей многоумный.
После того над плотом помост он устроил, уставив
Часто подпорки и длинные доски на них постеливши.
Мачту в середине поставил, искусно к ней рею привесил,
Чтобы плотом управлять, и руль к нему крепкий приладил.
Сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев,
Чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал.
Нимфа, свет меж богинь, холста принесла, чтобы сделать*

*Парус на плот. Одиссей изготовил прекрасно и это.
К парусу брасы потом подвязал, и фалы, и шкоты,
Плот потом рычагами спустил на священное море. (Одиссея 5.243–262)*

По словам немецкого ученого Карла Шуххардта:²¹

«Средиземноморский мир никогда не видел ничего подобного плоту Улисса, построенному для того, чтобы покинуть Калипсо; однако, он идентичен тем, что выгравированы на скалах в Швеции (...) Гомеровское описание плота Улисса, построенного по указаниям Калипсо, наконец-то позволяет нам понять, как были сделаны плоты, которые мы видим на скандинавских петроглифах».²²

Андрес Пяябо, канадский исследователь,²³ также соотносит остров Калипсо с одним из островов Фарерского архипелага и считает, что Калипсо была главой матриархального «дикого племени» морских охотников-рыболовов, которые удерживали Улисса «на волнообъятom острове» (Одиссея 1.197–199).

Согласно Пяябо, имя *Калипсо* может происходить из архаичного финно-угорского языка кочевых мореплавателей-охотников-рыболовов, с буквальным значением «ловец рыбы»: *kala-püiso*.

Любопытно также сравнение второй части *-astangi* в названии самой восточной точки о. Ноульсой, мыса *Øknastangi*, смотрящего на Норвежское море и европейский континент – с эст. *astang*, р.п. *astangu* – «уступ, возвышение».

Касательно вышеописанной подробной (и никогда не виданной на Средиземноморье) конструкции плота Пяябо отмечает следующее:

«Считается, что Улисс учится на Огигии у Калипсо строить плот. Скорее, однако, потерпевший крушение бывалый моряк уже знал о таких плотях и приступил к постройке без посторонних указаний.

Описанный в *Одиссее* плот использовался в Атлантике с древнейших эпох, в те же времена, что и рыбацкие кожаные лодки из шкур моржей. В отличие от лодок, на плоту было трудно маневрировать, потому что он был очень тяжелым, однако, он подходил для путешествий по прямой на большие расстояния даже при высоких волнах. Его принцип заключался в том, что нижние бревна использовались для поддержания плавучести, а пассажиры и грузы находились значительно выше волн на своеобразной «палубе».

Бревнами плота могло служить всё, что плавает. Это не требует, чтобы Улисс имел хорошие бревна для строительства: ими могли служить прибитые океанскими течениями к берегу стволы деревьев, равно как и обломки от крушения собственного корабля Улисса. Что имело значение – это платформа, надстроенная над плавучей основой. Все, что требовалось для такой палубы, это небольшие деревья – такие, какие все еще растут на продуваемом всеми ветрами острове – для создания плетеной палубы над плавучими бревнами.

Подмостки и платформа, надстроенные сверху, при загрузке погружали плавучие бревна под воду. Затопленные бревна уменьшали сопротивление волн. Чем выше платформа и чем глубже были погружены плавучие бревна, тем устойчивее плот оказывался на океанских волнах».

Построив свой плот, Улисс отплывает (песнь 5 *Одиссеи*), наблюдая за созвездиями, в частности, за созвездием Медведицы:

С нею светлая богиня Калипсо ему повелела

²¹ Карл Шуххардт (Carl Schuchhardt), немецкий археолог, исследователь доисторического периода Европы (1859 – 1943)

²² Schuchhardt, *Alteuropa*, section 10, quoted in Romualdi 1978, p. 98.

²³ A. Pääbo, *The Odyssey's Northern Origins and a different author than Homer*, <http://www.paabo.ca/papers/pdfcontents.html>

Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку. (Одиссея 5.276–277)

Из этих строк Винчи делает вывод, что обратный маршрут Улисса лежал в восточном направлении, и продолжает следить за передвижением плота:

*Целых семнадцать уж дней он по морю путь совершал свой.
На восемнадцатый день показались тенистые горы края феаков,
совсем невдали от пловца, и походили в море туманном
на щит боевой эти горы. (Одиссея 5.278–281)*

Эти строки, полагает Винчи, также лучше характеризуют огромный Атлантический океан, чем узкое Средиземное море.

ТАИНСТВЕННАЯ СХЕРИЯ

Что касается «тенистых гор», которые внезапно появляются как «щит боевой» из «туманного моря» (Одиссея 5.281), они не могут быть ничем иным, как высоким норвежским побережьем (рис. 3), то есть регионом фьордов возле Бергена. Вот почему, полагает Феличе Винчи, Гомер всегда называет Схерию «землей» – «землей феаков» (например, в *Одиссее*, 5.280) – а не островом.

Рис. 3. Маршрут Улисса из Огигии в Схерию и основные места его странствий, по Феличе Винчи.

Неслучайно на этом побережье, в нескольких километрах от Бергена, находится гавань *Скьерхехамн* (*Skjerjehamn*, «Шхерная гавань»). Название *Схерия*, *Σχηρία*, не имеющее значения в греческом языке, очень близко к древнескандинавскому слову *sker*, означающему «морской утес» (*skjær* на современном норвежском языке, похожее также на английские *scar* – «шрам» и *skerry* – «утес»). Схерия могла означать, дословно, «земля утёсов», «изрезанный берег», что соответствует препятствиям, с которыми сталкивается Улисс при своей высадке в Схерии, то есть с «отвесными скалами и рифами» (*Одиссея* 5.405).

Привлекает внимание Винчи также имя одного из городов, упомянутых в *Илиаде* – Скандия (*Skandia*) (*Илиада* 10.268) – напоминающее корень в очень древнем названии Скандинавия (*Scandinavia*), засвидетельствованном уже в древнеримский период Плинием Старшим²⁴.

Улисс почти доходит до конца своего длинного морского путешествия на плоту, как вдруг разгневанный дерзостью храбреца морской бог Посейдон поднимает шторм и уничтожает плот.

Прежде чем поднять бурю, «могучий Посейдон» наблюдал за Улиссом «с далеких Солимских (*Solyti*) гор» (*Одиссея*, 5.278-280). Андрес Пяябо отмечает совпадение имени *Solyti* и *Seljamaa* – названия Норвегии в эстонских легендах (например, в *Калевипоэте*): «...*Seljamaa* буквально означает – «хребтовая земля», и соответствует морфологии норвежского горного хребта»²⁵. Любопытно также, что горный массив на юго-западе Турции носит похожее имя *Solytos*.

Улиссу удастся закрепиться на одном из бревен и спастись благодаря милостивой помощи морской богини Ино Левкотеи, которая надела на него волшебную завесу – своего рода «спасательный круг», обмотав его грудь. Затем защитница его богиня Афина

*Загородила дороги другим ветрам бушевавшим,
Всем приказала им дуть перестать и спокойно улечься,
Затем призвала бурного Борея [северный ветер], что срезал волны перед ним,
чтоб наконец он достигнул
вселюбивых феаков. (Одиссея 5.383–386)*

Направление Борея, северного ветра, совпадает с направлением ветра вдоль норвежского побережья – с севера на юг (рис. 3). После того, как Улисс в течение двух дней и двух ночей дрейфует на юг, ветер ослабевает, но добраться до суши нашему герою весьма непросто: «Не было ни заводей, ни бухт для судов – лишь отвесные скалы и рифы» (*Одиссея* 5.404–405).

Следуя вдоль побережья, Улиссу в конечном итоге удастся найти место для высадки: «вдруг, плывя, добрался он до устья реки светлоструйной / самым удобным то место ему показалось / свободно было оно и от скал и давало защиту от ветра» (*Одиссея* 5.441–43).

Некоторые критикуют гипотезу Винчи о достижении главным героем берега вплавь в северных условиях, утверждая, что человеческий организм не способен выдержать сколько-либо длительного нахождения в ледяных водах. Данную критику опровергает своими действиями 65-летний Евгений Кудрявцев, десятки раз переплывший Кольский залив с его сильными течениями и температурой воды, не превышающей 10С° даже летом – достаточно быть должным образом подготовленным к таким заплывам. Американская писательница и спортсменка-пловчиха Линн Кокс в 1987 году и вовсе переплыла Берингов пролив при температуре 6С°.

В процессе высадки Улисса на берег, продолжает Винчи, происходит нечто вроде чуда: владыка реки

*тотчас течения поток прекратил и волну успокоил,
гладкою сделал поверхность пред ним и спас его этим
в устье реки (Одиссея 5.451–453)*

Такое явление, подчеркивает исследователь, очень редко встречается на Средиземноморье, где приливы почти незаметны, а воды рек непрерывно продвигаются к морю

²⁴ Плиний, *Естественная история* 4.27

²⁵ A. Pääbo, *The Odyssey's Northern Origins and a different author than Homer*.

– однако, оно абсолютно естественно на атлантических берегах, где морские приливы на время разворачивают вспять течения рек, позволяя судам свободно заходить в их устья.

Это подтверждает цепочку размышлений Винчи, которая началась с заявления Плутарха о местонахождении Огигии, продолжилась по направлениям, указанным Гомером, и привела от Фарерских островов к норвежскому побережью, и к пониманию природного механизма того, как Улиссу удалось высадиться в Схерии, земле феаков, где ему далее оказали теплый прием, а затем отвезли на Итаку.

Вышеупомянутые отрывки предоставляют и ряд географических сведений, которые помогают более точно определить местонахождение Феакии. После того как шторм застал Улисса врасплох у норвежского побережья, простирающегося по направлению с севера на юг между Бергеном и Ставангером, северный ветер отнес героя на юг, в направлении земли феаков. Поэтому, считает Винчи, Феакию можно расположить в южной части Скандинавского полуострова, где, начиная от города Ставангер и направляясь далее на юг, высота береговой линии становится ниже, появляются пляжи и целый ряд рек впадает в море.

Всего в нескольких километрах к югу от Ставангера, в области Клепп (*Klepp*) протекает река, известная как р. Фиггйо (*Figgjo*), являясь первой рекой правдоподобного размера, обнаруживаемой к югу от фьордов. Винчи представляется разумным отождествить ее с рекой, упомянутой в *Одиссее*. Кроме того, полагает исследователь, ее название могло дать и само имя народу феаков (греч. *Phaiēkes*).

Описание города феаков у Гомера напоминает «видовую открытку» типичного порта бронзового века:

*Превосходная гавань лежит перед градом
с узким в нее входом; корабли вытащены на берег
вдоль дороги, и у каждого корабля есть своё собственное место.
Вкруг Посейдонова храма прекрасного расположена площадь
устланная вырезанными на карьере камнями и вкрапленными в поверхность.
Здесь готовят они снасти для своих чёрных судов,
якоря и канаты, и гладко скоблят вёсла. (Одиссея 6.263–269)*

Следует иметь в виду, что город феаков не мог располагаться очень далеко от реки, где высадился Улисс. Удивительно, подчеркивает Винчи, но неподалеку норвежские археологи уже обнаружили останки древнего порта – возле прибрежного озера Орре (*Orre*), в 4 км к югу от устья р. Фиггйо. Они относятся к раннему бронзовому веку, когда, вероятно, между озером и морем существовало прямое соединение. Этот порт находился на небольшом полуострове Флэдбет (*Flatbaget*), который разграничивает две бухты на противоположных сторонах и весьма точно соответствует описанию портового города феаков.

Интересно и следующее недавнее замечательное археологическое открытие, сделанное в южной Норвегии:

«Обнаружение «запечатанного» дома 3500 г. до н.э. вызвало большой интерес у археологов из Музея истории культуры Норвегии при Университете в Осло. Место поселения в Хамресандене (*Hamresanden*), недалеко от аэропорта Кристиансанн в Кьевике на юге Норвегии, похоже, было погребено песчаной бурей, возможно, в течение всего нескольких часов. Катастрофа жителей каменного века дала археологам нетронутую «Помпею в миниатюре».²⁶

Область Клепп, в которой Винчи расположил феаков, находится совсем недалеко от Хамресандена. Соответственно, полагает исследователь, уместно вспомнить рассказ царя феаков Алкиноя Улиссу: бог Посейдон угрожал «накрыть их город горой» (*Одиссея* 8.569). Эта идея города, который «может быть покрыт горой», одержимо повторяется еще четыре раза (в *Одиссее* 13.152, 158, 177, 183) – такая настойчивость очень необычна для Гомера. Беспокойство феаков продолжилось до тех пор, пока они не предложили Посейдону жертву в двенадцать быков (*Одиссея* 13.182), чтобы предотвратить угрозу.

Некоторые из наиболее важных находок бронзового века в Норвегии, отмечает Винчи, сделаны именно в области Клепп. Они включают несколько курганов высотой около пяти

²⁶

<http://www.newsinenglish.no/2010/10/01/archaeologists-find-mini-pompeii/>

метров и диаметром около тридцати, с найденными в них золотыми и бронзовыми предметами и драгоценностями. Здесь же обнаружено большое количество петроглифов того же возраста, с частым изображением судов, что согласуется с Гомеровским описанием феаков как «прославленных мореплавателей» (*Одиссея* 8.191), хотя они, как и Схерия, неизвестны в средиземноморском мире.

«Нордический образ Улисса, отважного моряка, лучшего в своем роде мореплавателя, *Navigator par excellence*, идеально вписывается в мир бронзового века, в котором произошло великое развитие судоходства – несомненно, в связи с благоприятным климатом, что доказывают и строки стихов, которые Гомер посвящает искусству моряков-феаков» – постулирует Винчи.

Даже продолжительность плавания Улисса на плоту из Оигии в Схерию, за семнадцать дней пересекшего «огромную пропасть», вовсе не невероятна. Винчи приводит сравнение с подвигом Овы Йоэнсена, который стал национальным героем Фарерских островов, когда в июле 1986 года проплыл на гребной лодке с небольшим парусом путь из Ноульсоа (то есть Оигии Гомера) в Копенгаген за 41 день. Самое интересное, что Ове понадобилось десять дней от Ноульсоа до Шетландских островов – для преодоления пути, составляющего половину расстояния от Оигии до Схерии. Иными словами, лодка Овы и плот Улисса держали примерно одинаковую среднюю скорость!

Вероятно, считает Винчи, странствия Улисса – это обобщение древних историй, пересказывавшихся североатлантическими моряками эпохи бронзового века. Последние, несомненно, приукрашивали их преувеличениями, парадоксами и метафорами, описывая свои маршруты через Норвежское море, которыми они следовали в те времена, когда климат был более благоприятным, чем мы знаем его сегодня.

Интересно, подчеркивает Винчи, что Гомер часто использует слово *ēeroeidēs*, «туманный», для описания моря в *Одиссее* и *Илиаде*. Также в описаниях употребляется прилагательное *oînopos*, «цвета темного вина». Ни одно из этих определений не вызывает ассоциаций с солнечным Средиземноморьем во время мореплавательного сезона; наоборот, оба рисуют картину моря на севере. Еще одно прилагательное, используемое Гомером для описания моря (хотя и не так часто) – *ioeidēs*, «йодно-фиолетовое», «йодно-мариновое», «мрачное», «темное».²⁷ В *Илиаде* оно употреблено для изображения штормового моря (*Илиада* 11.298). Для этой же цели оно использовано и Гесиодом, греческим поэтом VIII века до н.э. Более того, эти повторяющиеся эпитеты хорошо вписываются в общую метеорологическую картину обоих эпосов Гомера: холодную, влажную и в целом неудобную, что мы рассмотрим в дальнейшем подробнее.

Туман упоминается не только при описании моря, уточняет Винчи: Улисса обволакивает густым туманом и когда он прибывает в город феаков по дороге ко двору царя Алкиноя (*Одиссея* 7.41–42). Климат Схерии не мягкий, как отмечает обеспокоенный Улисс сразу после высадки на берег:

*Если возле реки тревожную ночь проведу я,
укрошенный холодной росой и вредным инеем,
сгибну я здесь, обморок сделал совсем нечувствительным дух мой;
ледяным воздухом веет с реки с приближением утра. (Одиссея 5.466–469)*

К счастью, слуги царевны Навсикаи спешат снабдить героя «плащом и туникой» (*Одиссея*, 6.214). Тем временем Арета, царица феаков, «сидит у очага в свете огня» (*Одиссея*, 6.305) – в предположительно теплый сезон мореплавания! Ненастный климат является постоянной чертой повсюду в гомеровском мире, например, на Итаке, на земле циклопов, в Трое, на Пелопоннесе. Все это, безусловно, подкрепляет северную интерпретацию поэм Гомера, полагает Винчи.

Примечательно и утверждение Навсикаи касательно местонахождения Феакии: «Здесь живем мы, ото всех в стороне, у последних пределов шумного моря, и редко нас кто из людей посещает» (*Одиссея* 6.204–205). Последнее хорошо согласуется с расположением на южном побережье Норвегии, изолированном от ахейского мира того времени, в котором, как реконструирует далее Винчи, многие народы селились вокруг побережья Балтийского моря.

²⁷ Rocci, Greek-Italian dictionary, under “ioeidēs”.

Одиссея также повествует, что феаки не всегда жили в Схерии; они поселились там после переезда из другой страны, известной как «огромная Гиперайя (*Hypereiē*)» (*Одиссея* 6.4). После того как исследователь расположил землю феаков в географической реальности Норвегии, другие подробности, которые Гомер сообщает о феаках и их соседях, оказываются не только очень схожими с деталями этого региона, но также хорошо согласуются с повествованиями в древнескандинавской литературе.

На своей предыдущей родине, перед переселением в Схерию, феаки подвергались преследованиям со стороны неких очень неприятных соседей – «циклопов» – которых называли «доминирующими людьми» (*Одиссея* 6.5) и были они «властными и несправедливыми» (*Одиссея* 9.106). Циклопы также усложнили путешествие Улисса. Как будет рассмотрено Винчи, упоминания циклопов присутствуют в мифах вдоль побережья всей северной Норвегии: важные свидетельства о них найдены как в средневековой норвежской литературе, так и в норвежском фольклоре, «последних отголосках преданий, прочно укоренившихся в раннем бронзовом веке». Кроме того, название *Hypereiē*, «Высокогорье», согласуется с информацией о том, что жили мифические циклопы «на вершинах гор» (*Одиссея*, 9.113).

Чрезвычайно интересно, сообщает Винчи, что карта Адама Бременского, немецкого историка XI века²⁸ помещает в северной Норвегии Рифейские горы (*Riphei Montes*) и рядом с ними земли «циклопов» и «остров циклопов». Древнегреческими же географами Рифейские горы упоминались лишь как находящиеся в неопределенных землях гиперборейцев, мифических народов севера.

Кроме того, на карте Адама Бременского район матриархального царства Квенланд на берегах Ботнического залива обозначен как Земля амазонок (*Terra Feminarum*). Согласно Адаму Бременскому, «люди молвят, что амазонки жили вдоль балтийских берегов» (*Descriptio Insularum Aquilonis* 19). Ему вторит и Саксон Грамматик, датский ученый, живший во второй половине XII века, автор монументального литературного произведения, написанного на латыни, «*Деяния данов*» (лат. *Gesta Danorum*):

«...Было время, когда некоторые женщины в Дании променивали свою красоту на мужские одежды и посвящали себя военному искусству <...> трансформируя свои женские черты в черты мужчин. Их приверженность военной славе была настолько сильна, что можно было даже подумать, что они не были более женщинами». (*Деяния данов* 7.6.8)

В *Илиаде* упоминается битва амазонок против царя Приама, когда тот был молод, до Троянской войны. Сам Приам рассказывает, что они были «такими же сильными, как мужчины-воины» (*Илиада* 3.189). Амазонки, следовательно, жили неподалёку от Трои. С учетом расположения исследователем Трои недалеко от побережья Финского залива, карта Адама Бременского последовательно отображает мир Гомера (на ней обнаруживаются и циклопы на побережье Норвегии, и амазонки на побережье Балтийского моря).

Иными словами, подытоживает Винчи, древние предания, появившиеся в бронзовом веке, дожили до Средневековья, когда Адам Бременский собрал все имевшиеся сведения и передал их нам со своей картой. Более того, необычайная последовательность этой карты укрепляет идею о том, что мифические Рифейские горы, о расположении которых никогда не имелось точного представления, были горами центральной и северной Норвегии.

Феаки в *Одиссее* также делятся с Улиссом заслуживающими внимания представлениями об отношениях с богами и великанами. Как сообщает царь Алкиной,

Боги предстают видимыми перед нами
каждый раз, как мы славные им гекатомбы приносим,
там же пируют, где мы, и с нами совместно садятся.
Даже когда и отдельно идущий им встретится путник,
вида они своего не скрывают пред ним, ибо мы их соседи,
также как и циклопы, и дикое племя гигантов. (*Одиссея* 7.201–206)

²⁸ Bjørnbo Axel Anthon, *Cartographia Groenlandica*, Meddelelser om Grønland, 48, København, Reitzel, 1912, p. 70, <https://archive.org/details/meddelelseromgr481912denm/page/70>.

Сам царь Алкиной являлся прямым потомком «храброго Эвримедона, который когда-то был властителем храбрых великанов» (*Одиссея* 7.58–59).

Эти указания в *Одиссее*, считает Винчи, сопоставимы с нордической мифологией, поселяющей *гигантов* на севере Скандинавии и связывающей их с *богами*. В *Эдде*,²⁹ известном сборнике мифологических древнескандинавских стихов, написанных в XII веке, бог Один сообщает нам: «Река, которая отделяет область гигантов / от области богов, называется Ифинг»³⁰. След мифического дома великанов можно найти сегодня и в названии региона, известного как Йотунхеймен (*Jotunheimen*), к северу от Бергена. Также тролли, легендарные существа, часто изображаемые как гигантские и довольно неприятные по своей сути, играют важную роль в норвежском фольклоре.

Прежде чем покинуть Норвегию и направиться на Итаку на феакском корабле, который заберет Улисса домой, Винчи также предлагает вспомнить, что «спустя тысячи лет» после событий, описанных Гомером, во время потепления климата в IX–XII веках н.э. *викинги* появляются в истории южной части Скандинавского полуострова – в том самом месте, где Улисс предположительно встретил *феаков*.

Эти новые норманны были необычайно опытны в ковке золотых украшений – искусстве, которое восходит корнями к великолепному бронзовому веку, расцветшему в Северной Европе и Норвегии со 2-го тысячелетия до н.э. Винчи находит ссылку на это искусство и в работах Гомера – когда, например, бог кузнечного ремесла Гефест заявляет, что он выковал «много украшений, пряжек, застежек, витых запястий для рук, ожерелья» (*Илиада* 18.400–401) в непосредственной близости от «реки Океан» (*Илиада* 18.402), которую исследователь идентифицирует как ветвь Гольфстрима, протекающего вдоль норвежского побережья.

Винчи высказывает и разумное предположение о возможной исторической связи между норвежскими *викингами*, путешествующими по океану, и «*феаками* с длинными веслами» (*Одиссея* 8.191), которые были «более искусными чем любой другой народ / в управлении кораблями на море» (*Одиссея* 7.108–109). «Феакам не нужны колчаны или крепкие луки / надобны им корабли равнобокие, весла и мачты / гордятся ими, бороздят они пенистые моря» (*Одиссея* 6.270–272). Это описание согласуется, полагает Винчи, и с утверждением норвежского ученого Антона Вильгельма Брёггера³¹: «бронзовый век в Норвегии был, прежде всего, связан с морем и судоходством, и в гораздо меньшей степени с сельским хозяйством».³²

Климатический оптимум делал возможным пересечение коварных северных морей в раннем бронзовом веке. Тысячу лет назад викингам также удалось достичь побережья Северной Америки из поселений в Исландии и Гренландии благодаря похожему благоприятному климатическому периоду.

Андрес Пяабо, в дополнение к гипотезе о нахождении феаков в Скандинавии и сравнению их с викингами по их мореходным навыкам, идет дальше и считает, что *викинги* и фонетически соответствуют имени *феаков*:

«Если мы окажемся правы, говоря, что первоначальные скандинавские мореплаватели были говорящими на прибалтийско-финских языках, мы можем заметить, что на эстонском языке *viî* означает «везти», и производным является существительное *viik* «перевозимая вещь, товар» (сегодня с нижними гласными, как в слове *vea*, используется существительное со значением «транспорт»). Существует большая вероятность того, что греческое имя *феаков* является греческим искажением *viigis*, *veagis*, *viiges* – «(люди) кораблей; грузоперевозчики». Таким образом, слово *феаки* до-греческое, происходя от имени народа, который на своем родном языке мог называться *viigis* или *veagis* – «перевозчики». В этом случае и имя *викингов* в конечном итоге прибалтийско-финского происхождения».³³

²⁹ Также называют «Старшая Эдда» или «Песенная Эдда», чтобы отличить ее от «Младшей Эдды», автором которой является исландский скальд 13-го века Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson).

³⁰ *Vafthrudnismál*, стр. 16

³¹ Антон Вильгельм Брёггер (Anton Wilhelm Brøgger), норвежский книгопечатник (1820 – 1882)

³² Bibby, Geoffrey. *Le navi dei Vichinghi*, Torino 1960, p. 282

³³ A. Pääbo, *The Odyssey's Northern Origins and a different author than Homer*,

<http://www.paabo.ca/papers/pdfcontents.html>

Слово *vii*– относится к базисной лексике в финно-угорских языках: вепс. *ve*, эст. *vii*, ливон., фин. *vie*, карел., водск., ижор. *vijä*, *vijjā*, *veejjā*, эрзя *vije*-, саам. *viikkā* – «нести, везти, отвозить, перевозить (прежде всего грузы по воде), вывозить, экспортировать»; удмуртск., коми-перм. *vajini*, *vajni* – «приносить, доставлять»; хант., манс. *wi*-, *wu*-, *wiγ*- – «брать, покупать, доставлять»; венг. *visz*- – «брать, нести, перевозить»; *vesz*- «брать, покупать». Вероятно, с этим же корнем и рус. *вести*, *везти*; и ингуш. *wig*- – «водить, нести»; *вихьяр* – «унести»; *вигийтор* – «уносящий»; и лат. *vehere* – «нести»; *vector* – «вектор, носитель». Также родственными должны быть лат., итал. *via*, нем. *Weg*, шв. *väg*, англ. *way* – «дорога, путь», а также итал. *viaggio*, *viaggiare* – «путешествовать, путешествовать».

После открытия «заново» и расположения Огигии и Схерии, Винчи предлагает покинуть землю феаков и продолжить путь в поисках Итаки и ее архипелага. По этому вопросу Гомер предоставил нам множество деталей, каждая из которых составляет единое целое, но совершенно не соответствует географической и топографической реальности средиземноморской Итаки. Тем не менее, архипелаг Гомера можно обнаружить в новом северном окружении, утверждает Винчи.

ГЛАВА 2. БАЛТИЙСКАЯ ИТАКА

ТАКОЙ ЗНАКОМЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ АРХИПЕЛАГ

*На издалека заметной Итаке живу я.
Гора там Вверх выдается – Нерит, колеблющий листья. Немало
Там и других островов, недалеких один от другого:
Дулихий, Самос, покрытый лесами обильными Закинф.
Плоская наша Итака лежит, последняя в море,
обращенная к ночи; прочие все - на зарю и на солнце. (Одиссея 9.21–26)*

Эти слова Улисса, обращенные царю Алкиною, дают точные координаты расположения Итаки как самого западного острова – «обращенного к ночи» – в архипелаге, который включает в себя три основных острова: Дулихий, Самос и Закинф. Тем не менее, сравнение этих указаний с расположением греческой Итаки в Ионическом море, которая считается островом Улисса, как минимум, с V века до н.э., выявляет необъяснимые противоречия. Греческая Итака (рис. 4) вовсе не является самым западным островом своего архипелага. Также среди этих греческих островов, отмечает Феличе Винчи, нет никаких следов о. Дулихий.

Рис. 4. Греческий мир на Эгейском и Ионическом морях.

Дулихий, «длинный» остров (*dolichós* – синоним прил. «долгий, длинный» в гомеровском языке), в обеих поэмах имеет значительное географическое присутствие – он упоминается дважды в *Илиаде* и десять раз в *Одиссее*. Гомер говорит нам, что когда ахейцы отправились на троянскую войну, не менее 40 кораблей вышли с о. Дулихий и близлежащих Эхинских островов (*Илиада* 2.630), в то время как только 12 кораблей во главе с Улиссом отправились из Итаки, Самоса и Закинфа (*Илиада* 2.637), что указывает на то, что Дулихий был существенно более крупным островом.

Согласно Винчи, соотношение размеров островов подтверждается и следующим описанием в *Одиссее*: 52 жениха пришли с о. Дулихий, прося руки Пенелопы, 24 – с о. Самос, 20 – с о. Закинф и 12 – с Итаки (*Одиссея* 16.247–251). Более того, говоря об островах, Гомер всегда упоминает первым о. Дулихий. И все же этот остров никогда не был идентифицирован на Средиземноморье.

Помимо отличительных черт о. Дулихий, одного из трех главных островов в архипелаге Итаки – вытянутого по форме и самого крупного, если судить по количеству кораблей и женихов, которые называли его своим домом – *Одиссея* дает нам и другие подробности расположения островов вблизи Итаки, подчеркивает Винчи. Так, Гомер утверждает, что между о. Самос и Итакой лежит «пролив» (*Одиссея* 4.671) и еще один маленький остров, известный как Астерис (*Одиссея* 4.845–846), где женихи, сватавшиеся к Пенелопе, устроили засаду Телемаху, сыну Улисса, отправившемуся на поиски своего отца. Это позволяет исследователю сделать вывод, что о. Самос лежит около Итаки, самого западного острова в архипелаге. Указанная информация в *Одиссее* вместе со сведениями в *Илиаде* (которая дает «вербальную фотографию» Итаки и других островов в Каталоге кораблей) определяет расположение архипелага «почти как отпечаток пальца», по мнению Винчи. При этом гомеровский архипелаг не соответствует ничему подобному ни в районе греческой Итаки, ни во всем средиземноморском мире.

Учитывая, что Схерия была расположена, предположительно, на юге Норвегии, откуда Улисс был доставлен на корабле прямо на Итаку, Винчи осуществляет поиск загадочного острова на архипелагах, лежащих не слишком далеко от норвежского побережья. Осматривая датские острова, исследователь сразу же замечает остров Лангеланн (*Langeland*, дат. «Длинный остров»), и прилегающий к нему архипелаг Южный Фюн (*South Fyn*), расположенный недалеко от южного побережья о. Фюн. Помимо о. Лангеланн, который, как следует из названия, очень длинный, на архипелаге есть два относительно больших острова, намного меньших, чем сам Фюн: Эрё (*Aerø*) и Тосинге (*Tåsinge*). Вместе с этими тремя островами существует ряд меньших островов, идущих примерно по прямой линии с юго-востока на северо-запад, от о. Лангеланн до небольшого острова Люэ (*Lyø*), который расположен напротив мыса Хорнеланд (*Horneland*), очерчивая западную границу архипелага.

Словом, подводит итог Винчи, расположение архипелага Южный Фюн в деталях совпадает с расположением гомеровского архипелага Итаки – и можно напрямую сравнить о-ва Дулихий, Самос и Закинф с о-ми Лангеланн, Эрё и Тосинге (рис. 5).

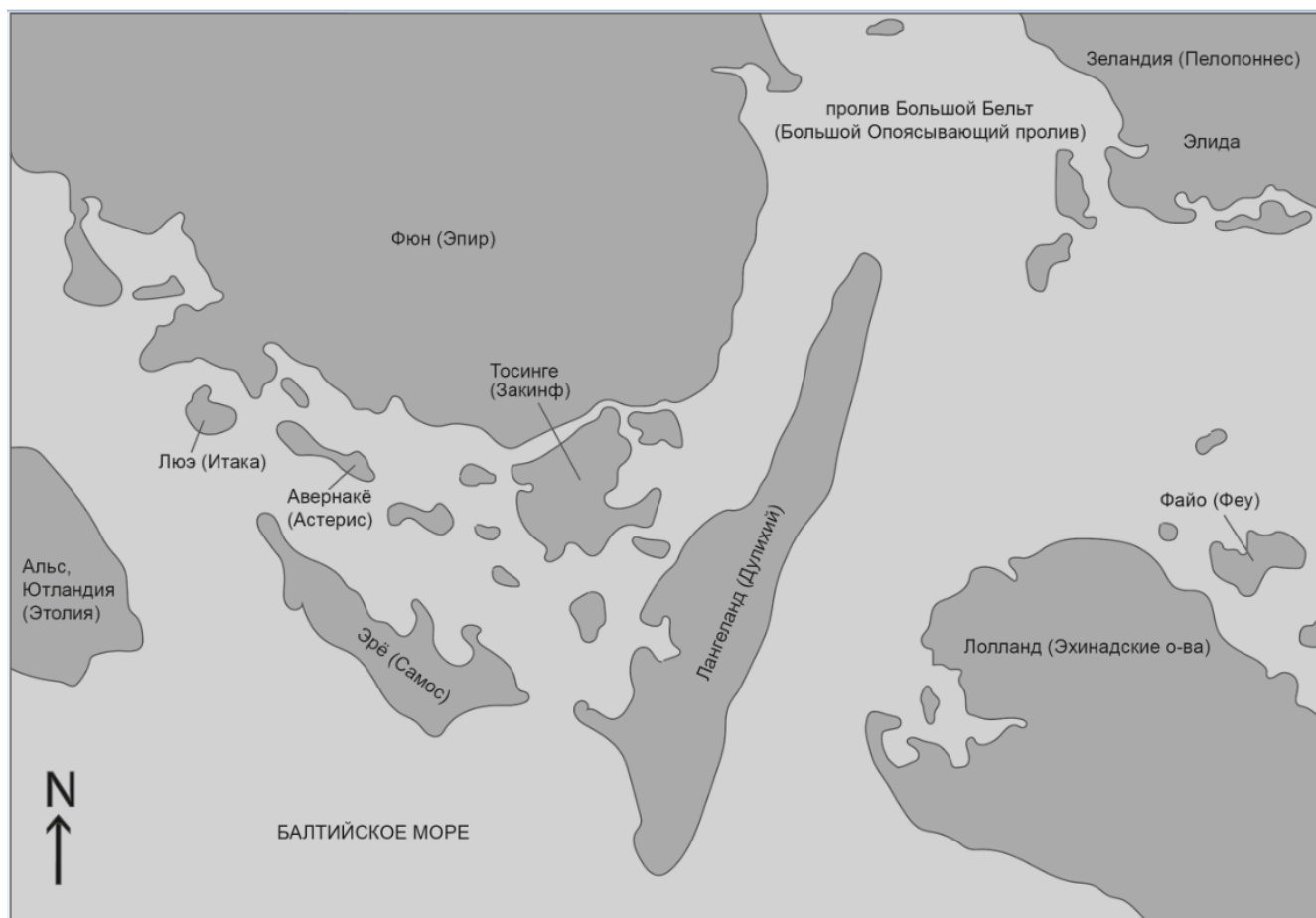

Рис.5. Гомеровская Итака и архипелаг Южный Фюн, по Феличе Винчи

Дулихий, «длинный» остров, который был загадкой на протяжении тысячелетий, тождественен о. Лангеланн, который выглядит как вытянутая «трость» с рукоятью. Как и следовало ожидать, подчеркивает Винчи, это самый большой остров данной группы, протяженностью более пятидесяти километров при максимальной ширине около десяти километров. Единственный другой большой остров вытянутой формы на Балтийском побережье – это о. Эланд (*Öland*), примыкающий к шведскому побережью; однако, это не часть архипелага – позже исследователь сделает вывод, что о. Эланд соответствует гомеровской Эвбее (*Eύβοια, Euboea*).

Саме (Самос), который, согласно Одиссее, расположен недалеко от Итаки, самого западного острова архипелага, соответствует острову Эрё, лежащему рядом с о. Люз, последним островом к западу. Кроме того, в небольшом соседнем острове Авернакё (*Avernakø*), расположенном в проливе между о-вами Люз и Эрё, Винчи опознает «небольшой» остров Астерис (*Одиссея* 4.846), «между Итакой и Самосом» (*Одиссея* 4.845), где женихи Пенелопы пытались устроить засаду сыну Улисса Телемаху.

Если о. Дулихий соответствует о. Лангеланн, а о. Самос – о. Эрё, то о. Закинф Гомера должен быть о. Тосинге, третьим из главных островов группы, завершая соответствие между этими островами архипелага Южный Фюн и теми, что располагаются рядом с Итакой у Гомера – даже название о. Тосинге, указывает Винчи, близко созвучно гомеровскому о. Закинф (*Zacynthus*, греч. *Zakynthos*).

Выявленное соответствие, по мнению исследователя, дополнительно подтверждается сравнением числа женихов Пенелопы (*Одиссея* 16.247-250) и площади трех островов: Эрё (Самос) – 91 кв. км; Тосинге (Закинф) – 70 кв. км; Лангеланн (Дулихий) – 284 кв. км. Соотношение между числом женихов с о. Самос (24) и о. Закинф (20) и площадями соответствующих островов почти идеально; что касается о. Дулихий (откуда женихов было 52),

то поверхность о. Лангеланн фактически больше, чем площадь двух других островов вместе взятых – что также объясняет внушительный состав его контингента в 40 кораблей во время Троянской войны.

Сопоставимость между гомеровским миром Итаки и островами Южного Фюна настолько точна, подчеркивает Винчи, что даже если бы это совпадение было обнаружено случайно, оно само стало бы весомым доказательством в пользу северного расположения мира Гомера, без наводящего указания Плутарха о расположении Оигии.

Далее Винчи предлагает обратить внимание на Итаку, «последнюю в море, обращенную к ночи / тогда как прочие все – на зарю и на солнце» (*Одиссея* 9.25–26). Форма и расположение островов Южного Фюна не оставляет никаких сомнений: конечным островом на западе, последним островом в архипелаге, за о. Эрë (Самос) и о. Авернакë (Астерис), лежит о. Люэ (Итака).

Что касается современного названия Люэ (*Lyø*), оно, вероятно, происходит от *ly*, что в переводе с датского означает «укрытие», и *ø* «остров».

Вероятная до-греческая этимология названия острова *Итака* как «последнего в море, обращенного к ночи», неожиданно обнаруживается, однако, в «прибалтийско-финских» языках: в южно-эстонском диалекте слово *õdak*, *õtak*, в ливонском (ливском) языке *õ'dõg*, в водском языке *õhtago*, *õhtogo*, в ижорском языке *õdang* – означают «конец дня, вечер, закат, запад». Не мог ли датский о. Люэ, идентифицированный Винчи как гомеровская *Итака*, «последний к закату» остров в архипелаге Южный Фюн, когда-то носить прибалтийско-финское название, перенесенное в гомеровский эпос?

Греческая Итака в Ионическом море, подчеркивает Винчи – вовсе не «смотрящая в ночь», и по многим другим морфологическим признакам не совпадает с местом, которое подробно описывает Гомер. Финли крайне прямолинеен на эту тему:

«Даже топографические детали родного острова Улисса Итаки находятся в полном беспорядке, с несколькими существенными точками, подходящими для соседнего о. Левкос, но совершенно невозможными для Итаки».³⁴

Три особенности описания Итаки у Гомера обычно считаются наиболее противоречивыми. Во-первых, Итака у Гомера описывается как «плоская», но греческая Итака гористая. Во-вторых, слова «последняя в море, обращенная к ночи» обычно интерпретируются как означающие, что Итака должна быть самым дальним на западе островом, но к западу от Итаки лежит о. Кефалиния. Наконец, неясно, какие современные острова соответствуют гомеровским о-вам Дулихий и Самос.

Остров Итака в Ионическом море настолько отличается от острова, описанного Гомером, что единственное, что остается связующим звеном между ними – это название. По предположению Винчи, имена более крупных островов Самос и Дулихий «могли быть утеряны или изменены во время переселения ахейцев на юг», а имя Итака, прославленное в изначально устном эпосе *Одиссеи*, «было решено сохранить в дань памяти предкам».

Далее исследователь предлагает сравнить топографические и морфологические черты о. Люэ с подробными описаниями, найденными об Итаке в *Одиссее*. Для этого Винчи даже совершил поездку в Данию и посетил о. Люэ.

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО ИТАКУ

Гомер чрезвычайно реалистично описывает преступный план Антиноя, когда тот замыслил избавиться от Телемаха на его обратном пути на Итаку с Пелопоннеса: «Дайте же быстрый корабль мне и двадцать товарищей в помощь / чтобы, когда возвращаться он будет, устроить засаду / И подстеречь его между Итакой и Самосом, в проливе» (*Одиссея* 4.669-671). Они остановились ждать сына Улисса на островке Астерис, где расположили «наблюдателей сидеть днем на ветреных вершинах / сменяясь поочередно» (*Одиссея* 16.365-366).

И действительно, замечает Феличе Винчи, следуя мимо островка Авернакë-Астериса на пароме в сторону о. Люэ-Итаки: Авернакë имеет две высоты, одну на западной стороне, другую на противоположной, с которой можно наблюдать за проплывающими судами в проливе между

³⁴ Finley, Moses. *The World of Odysseus*, 2nd Edition. London, Penguin Books, 1979, p. 33.

островами Люэ-Итакой и Эрё-Самосом, а также в узком проливе, обращенном к соседнему побережью архипелага Фюн.

«Богиня Афина подсказала Телемаху: «Плыви ночью!»» (*Одиссея* 15.34) – если бы он не воспользовался этой подсказкой, для него не было бы никакого спасения, его корабль был бы перехвачен, и, вероятно, сегодня не было бы той Одиссеи, которую мы обсуждаем» – полагает Винчи.

По прибытии на о. Люэ, Винчи нашел лучший способ совершить поездку по острову без машины – взяв напрокат велосипед «у г-на Эрика, который живет за пристанью». Согласно исследователю, на велосипеде он смог добраться до почти всех важных точек острова. Люэ имеет грубую форму треугольника размером около 6 квадратных километров, радиальную сеть участков и дорог, идущих от побережья к маленькой типично датской деревне (рис. 6).

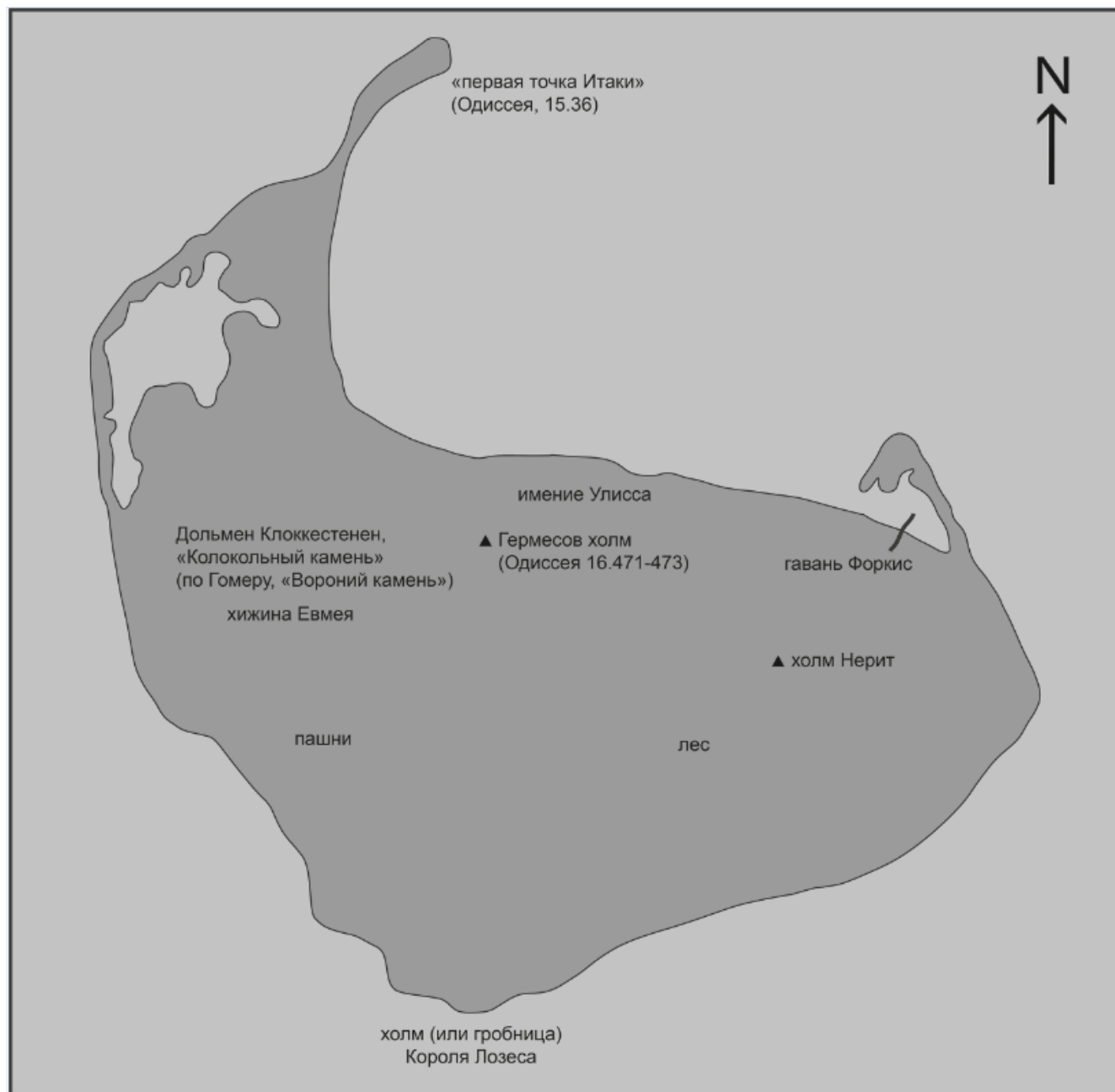

Рис.6. Карта Итаки (Люэ), по Феличе Винчи

На о. Люэ, продолжает описание Винчи, имеется много хороших пляжей и прекрасных видов, а внутри острова – сельскохозяйственные угодья с полями пшеницы, овощными грядками и несколькими животноводческими фермами. «Здесь много пресноводных прудов и небольших озер, где живут счастливые семьи уток», – сообщает исследователь, добавляя, что и Гомер упоминает о «неиссякаемых водоемах» Итаки (*Одиссея* 13.247) и «источнике Аретус» (*Одиссея* 13.408).

Остров не возвышается над морем, что совпадает с описанием Гомера: «он плоский» (*Одиссея* 9.25–26). «К слову, это смертельный удар для гористой греческой Итаки!» – восклицает Винчи. И все же о. Люэ далеко не идеальная равнина (исследователь сетует: «несчастный нетренированный велосипедист поймет это сразу»), а возвышение в восточной части острова напоминает единственную описываемую Гомером «гору» Нерит, «колеблющий листья» (*Одиссея* 9.22). Несмотря на то, что эта возвышенность имеет высоту всего около 25 метров и покрыта деревьями, согласно Винчи, она не остается незаметной на балтийском рельефе, особенно если смотреть с моря. Для сравнения, Химмельбьергет («Небесная гора»), одна из самых высоких точек Дании, имеет высоту всего 163 метра; самая высокая точка о. Фюн, «гора» Фребьерг (дат. *Frøbjerg*), имеет высоту 131 метр; а топографический объект на юго-западе о. Фюн, образованный цепью морен, имеющий высоту всего 40 метров – помпезно известен как «Фюнские Альпы», указывает исследователь.

Винчи находит и дальнейшее подтверждение рельефа о. Люэ с его двумя точками на восточном побережье, обозначающими границы небольшой бухты, которая отдаленно напоминает птичий клюв, в сравнении со следующими словами Гомера: «Есть на Итаке порт, названный в честь старца морского Форкина / У входа в него два обрывистых мыса / выдаются, защищающих гавань» (*Одиссея* 13.96–98). Именно здесь высаживаются феаки и оставляют Улисса спать на берегу. Сразу же после пробуждения он узнает «Нерит-гору, одетую лесом» (*Одиссея* 13.351).

На западной стороне о. Люэ сохранился древний дольмен, сделанный из камней, стоящих вертикально и являющихся опорой более крупного камня, расположенного поверх них. Относящийся к эпохе неолита, он называется Клоккестенен (дат. *Klokkesten*), «колокольный камень», из-за специфичного звука, исходящего из него, если ударить камнем в определенное место. Он был уже древним в раннем бронзовом веке Улисса и, следовательно, должен был быть важным и заметным объектом, о котором, предполагает Винчи, должно упоминаться и в работах Гомера.

Как только Улисс высаживается на Итаке, по совету богини Афины он направляется прямо к своему верному свинопасу Евмею: «Возле свиней ты его и найдешь. А пасется их стадо / подле Вороньего камня» (*Одиссея* 13.407–408). Может ли этот «Вороний камень» (*kórakos pétērē*) быть древним дольменом Люэ? – задается вопросом Винчи. Его гомеровское название, считает исследователь, дает намек как на звук, который он издает при ударе, так и на форму дольмена – глядя на него с определенной точки, верхний камень похож на ворона с обращенным вниз клювом.

Илл. 1. Дольмен на о. Люэ.

По мнению Винчи, хижина Евмея на западной стороне о. Люэ хорошо согласуется с еще одной деталью, описанной в *Одиссее*: «К самому краю полей, где жил свинопас в своем доме» (*Одиссея*, 24.150). Это местоположение помогает определить место на Итаке, где Ментес, царь тафийцев, высаживается в начале поэмы: «Свой же корабль я поставил возле загородных полей / в пристани Ретре (Rheithron), под склоном лесистым Нейона» (*Одиссея* 1.185–186). Здесь южное побережье о. Люэ заворачивается, создавая широкую бухту, подходящую для причаливания. Чуть дальше имеется волнистая область, которая может являться древним Нейоном, где «возле полей» (*Одиссея* 1.190) располагался участок земли, принадлежавший старому Лаэрту, отцу Улисса.

Основная гавань Итаки, считает Винчи, могла находиться на северном побережье: это самое укромное место и в то же время оно смотрит на побережье о. Фюн. Отнюдь неслучайно нынешнее место причала паромов на о. Люэ находится именно здесь. Древние «паромщики» (*Одиссея* 20.187), которые связывали остров с «материком» (с о. Фюн), вероятно, следовали курсом из этого же места.

Сам «город» Итаки располагался рядом с портом. Вполне вероятно, размышляет Винчи, что город и гавань были единым целым, на что указывают и следующие строки в *Одиссее*: «Телемах в поле остался, судну приказавши / В город обратно отплыть» (*Одиссея* 16.330–31).

После того как Телемах высадился в «первой точке», его команда «отплыла в сторону города, гребя в обратном направлении» (*Одиссея* 15.553). Если предположить местоположение города Итака в центре северного побережья Люэ (рис. 6), становится логичным и обратный путь корабля, изначально причалившего у «первой точки», считает исследователь.

Эта любопытная деталь, касающаяся экипажа корабля Телемаха, «гребущего в обратном направлении», подчеркивает Винчи, также согласуется с особенностью строения древних скандинавских кораблей, о которой нам сообщал римский историк Тацит веками спустя: «Форма их кораблей отличается от нашей: оба конца имеют нос и поэтому оба готовы к причаливанию (...), и направление гребли можно менять в зависимости от обстоятельств» (*Germania* 44.2). Это же подтверждается и самым древним из найденных на сегодняшний день северных кораблей, известным как «корабль Альсена», датируемым IV веком до н.э. Конструкция этого судна аналогична конструкции кораблей Гомера, которые часто называют *amphiélissai* (*Илиада* 18.260; *Одиссея* 6.264), то есть «изогнутыми с обеих сторон» – вовсе не таких, какими их изображали в вазописи и на фресках греки и римляне, иллюстрируя *Одиссею*, копируя корабли, которые они видели в своих портах (с одним носом и кормой), не обращая внимание на текст гомеровских строк.

Немного дальше от моря, прямо у города, стоял «прекрасно струистый колодезь / Воду черпали в нем горожане» (*Одиссея* 17.205–206). По пути домой Улисс встретил козопаса Мелантия, который после горячего спора с Улиссом и Евмеем «обогнал их, медленно шедших /

Сам же Улиссова дома достиг очень быстро» (*Одиссея* 17.254–255). «Было бы замечательно, если бы археологи смогли найти остатки этого колодца бронзового века!» – высказывает пожелание Винчи.

Еще одна деталь – или даже целая совокупность деталей – показывает, в обеих поэмах, намного большее соответствие Итаки северному климату, чем средиземноморскому, подчеркивает исследователь. Как и повсюду в гомеровском мире, туман кажется вездесущим. Утром, когда Улисс прибыл на Итаку, туманная пелена окутала остров настолько, что «всё чужим показалось царю / И длинные тропы, и добротные порты / И камни, и цветущие деревья» (*Одиссея* 13.194–196), пока Богиня Афина «не развеяла туман и не открылась окрестность» (*Одиссея* 13.352). У юноши, которого Улисс встретил сразу после высадки на берег, «плащ двойной на плечах был» (*Одиссея*, 13.224). Ночь после его прибытия была «плохая, безлунная; Зевс наслал проливной дождь / И сильный западный ветер (*Zephyrus*), всегда дожденосный, дул всю ночь» (*Одиссея* 14.457–458).

Эта ненастная погода на Итаке не должна нас удивлять, уверяет Винчи – Афина уже сообщала нам, что там «всегда идет дождь» (*Одиссея* 13.245). Когда Улисс ложился спать в хижине Евмея, его хозяин «кровать к очагу пододвинул / Мягких шкур на нее набросал и овечьих и козьих / Лег Улисс на постель, покрыл свинопас его сверху / Теплым широким плащом, который имел наготове / Чтоб надевать, если вдруг жестокая стужа настанет» (*Одиссея* 14.518–522). Вскоре, прежде чем отправиться наружу, Евмей «в плащ оделся густой и косматый в защиту от ветра» (*Одиссея* 14.529). На следующее утро Улисс жаловался: «Больно плоха уже эта одежда / Застудит мне тело утренний иней» (*Одиссея* 17.24–25). И Евмей признает: «Уж сильно продвинулось время / Скоро вечер придет. И станет тогда еще холоднее» (*Одиссея* 17.190–191). Винчи обращает наше внимание на то, что, несмотря на устоявшееся предположение о средиземноморском местонахождении Итаки, на протяжении всех четырнадцати песен, которые ей посвящает *Одиссея*, мы никогда не слышим и единого упоминания о солнечном тепле.

Разумеется, полагает Винчи, это облегчает нам понимание распоряжений Пенелопы в отношении уважаемого гостя, которого она еще не признала своим мужем, когда она приказывает своим слугам «постель приготовить / Кровать, одеяло, подушки блестящие / Так, чтоб мог он в полном тепле дожидаться зари» (*Одиссея* 19.317–319). И, когда Улисс прилег, Эврином «накинул на него плащ» (*Одиссея* 20.4).

Телемах тоже спал, «завернувшись в овечью шерсть» (*Одиссея* 1.443), и когда он и один из его гостей готовились к банкету в покоях, «вымыв, невольницы маслом блестящим им тела натерли / После надели на них шерстяные плащи и хитоны / Пошли они оба и в кресла уселись» (*Одиссея* 17.88–90). При этом следует помнить, подчеркивает Винчи, что все события, связанные с возвращением Улисса, происходят во время сезона мореплавания, когда преобладает более теплая погода: «климат гомеровской Итаки совсем не такой, как на греческом острове!»

Еще одна важная деталь, которую отмечает Винчи, это то, что в *Одиссее* никогда не упоминаются колесницы или рабочий скот, которые бы использовались на Итаке. Действительно, все персонажи перемещаются пешком из одного места в другое, что имеет смысл, учитывая скромные размеры острова. В то же время Гомер часто называет местность Итаки как «плоской» (*Одиссея* 9.25–26), так и «неровной», хоть и не гористой (*Одиссея* 9.27, 13.242), а когда Улисс собирается спуститься в город, он просит у Евмея посох, поскольку «тропа скользкая» (*Одиссея* 17.196). Гомеровская Итака является «неровной» и «плоской» одновременно, что весьма согласуется с особенностями о. Люэ, но не соответствует гористой греческой Итаке.

Строки поэмы подтверждают топографические особенности острова, и восхваляют Итаку как плодородную землю, также идеальную для животноводства:

*Она неровна и непригодна для лошадей,
Но не совсем уж бедна, хоть пространством не очень обширна.
Вволю хлеба на ней, и вволю вина там рождается,
Ибо дожди выпадают нередко и росы обильны.
Пастбищ много прекрасных для коз и коров. И леса есть
Всякого рода. И много на ней родников богатых. (*Одиссея* 13.242–247)*

Винчи отмечает, что ссылка на производство вина указывает на более умеренный, чем сегодня, климат на острове.

В целом, о. Люэ кажется достаточным для царя раннего бронзового века – Улисса, чье имя, возможно, до сих пор, по мнению исследователя, может повторяться в названии места в самой южной точке острова: Kong Lauses Нøj, «холм (или гробница) Короля Лозеса». Тем не менее, остров слишком мал для того, чтобы даже обменять его, по дружескому предложению Менелая, мужа Елены и правителя Спарты и близлежащего региона (Лакедемон у Гомера и Лакония у греков), на один из городов для своего проницательного союзника Улисса: «Я выкупил бы всю Итаку со всеми ее богатствами / С сыном и с целым народом вместе» (*Одиссея* 4.175–176).

Небольшой размер острова также объясняет, согласно Винчи, почему Телемах отказывается от лошадей, которые Менелай предлагает ему в подарок: «Мы ж ни широких дорог, ни лугов не имеем в Итаке / Коз лишь кормя, мне милее она, чем та, что коней бы кормила» (*Одиссея* 4.605–606). Телемах также подчеркивает различие между сельским, непритязательным миром Итаки и:

*Сверканием меди, золота, янтаря,
Серебра и кости в [Менелая] доме.
У Олимпийского Зевса, наверно, такая же зала,
Что за богатство! Как много всего! Изумляюсь я, глядя. (Одиссея 4.72–75)*

Винчи обращает внимание, что упоминаемый янтарь был типичным товаром Балтии («сверкание янтаря»); и северные страны также торговали костью моржовых клыков («сверкание кости»).

Сам Улисс владеет двенадцатью стадами рогатого скота на материке (*Одиссея* 14.100) на побережье, обращенном к острову, что подтверждает один из пастухов по прибытии в его имение: «Третьим к ним подошел Филойтий, мужей повелитель / Жирных козлов он пригнал с коровой неплодую в город / Перевезли их туда перевозчики так же, как прочих / Всех на остров они перевозят людей, кто придет к ним» (*Одиссея* 20.185–88). Стадо крупного рогатого скота, принадлежащее Улиссу, иллюстрирует, по мнению Винчи, один из самых любопытных аспектов его образа, показывая Улисса предшественником капиталиста с современным менталитетом:

*Было скота у него без числа. Средь мужей благородных
Столько никто не имел ни в Итаке самой, ни на черном
Материке. Даже двадцать мужей, если вместе их взять всех,
Столько богатств не имели. (Одиссея 14.96–99)*

Вот почему, полагает Винчи, Агамемнон презрительно называл Улисса «человеком, жаждущим богатства» (*Илиада* 4.339). Помимо раскрытия аспектов образа Улисса, этот отрывок и ссылка на Филойтию позволяют исследователю также сделать вывод о близости Итаки к «материку» (греч. *ēpeiros*), которым, возможно, является о. Фюн, гораздо более крупный остров рядом с о. Люэ – самый большой из островов архипелага Южный Фюн.

ТЕМНЫЙ БЕРЕГ И СОСЕДИ ИТАКИ

Среди соседей Итаки у Гомера упоминается царь Ехет, по прозвищу «Истребитель смертных» (*Одиссея* 18.85; 116). Этот «тиран» правил «большой землей» – *ēpeiros* (*Одиссея* 18.84, 115). Данное греческое слово, подчеркивает Феличе Винчи – *ēpeiros* – очень похоже на англо-немецкое *ofer, over*, или *ufer*, обозначающее «берег» или «береговую линию».³⁵ В то время как в классическом греческом *ēpeiros* означает «суша» или «континент», у Гомера это «побережье», «материк», «берег» или «береговая линия». Например, когда бог Гермес прибывает на остров Огигия после пересечения моря – он «вышел с серого моря (...) на берег [*ēpeiros*]]» (*Одиссея* 5.56).

³⁵ Rocci, L. *Vocabolario Greco-Italiano*, Genoa 1998, under “ēpeiros”.

Аналогично, при высадке феакский корабль «до половины взбежал на берег [*ēpeiros*]» (*Одиссея* 13.114). По этим строкам Винчи также делает вывод, что у описываемых кораблей был плоский киль, как и у кораблей викингов много веков спустя.

Еще раз слово *ēpeiros* встречается в воспоминаниях старого Лаэрта о подвиге, который он совершил, когда был молод: «Был я таким же, каким, в Кефаллении царствуя, город Нерик я взял благозванный, / Стоявший на мысе высоком *материка* (*ēpeiros*)» (*Одиссея* 24.377–378). «*Материк*», взятый Лаэртом, по мнению Винчи, и являлся «большой землей» ужасного Ехета. Город Нерик должен был находиться на южной стороне о. Фюн, в районе Бьерн-Марка и полуострова Кнольден, в самой юго-восточной точке мыса Хорнеланд, напротив о. Люэ.

Что касается упоминаний *ēpeiros* в *Илиаде*, то Винчи отмечает, что во всем Каталоге кораблей – длинном списке прибрежных мест и народов, принявших участие в Троянской войне – слово *ēpeiros* упоминается только один раз, и оно точно соответствует материке (Фюн), смотрящему на Итаку: «Улисс был вождем кефаленцев, что обитали в Итаке и Нерите (...), те, кто владел Закинфом и Самосом / Те, кто владел *материкум*, жили на берегу, против лежащем» (*Илиада* 2.631–635).

Глагол «владел» (греч. *échon* или *eíchon*), встречающийся несколько раз в этом отрывке, неоднократно используется в фразе, которая, по мнению Винчи, указывает на название территории, принадлежащей одному народу – например, «те, кто владел святой Эвбеей» (*Илиада* 2.536) и «те, кто владел Аркадией» (*Илиада* 2.603). Выражение «те, кто владел...» всегда сопровождается названием места и появляется в Каталоге кораблей тридцать два раза. Таким образом, трудно поверить, полагает исследователь, что термин *ēpeiros*, который встречается только один раз в Каталоге кораблей, где ему предшествует слово «владел», может быть ссылкой на имя нарицательное. Как и для всех остальных названий, здесь *ēpeiros* явно не является обобщенным понятием «большая земля», «материк», «берег» или «темный берег» (*Одиссея* 14.97), а, скорее, именем собственным, данным земле напротив Итаки. Для понимания этого использования Винчи приводит сравнение с такими топонимами как *Коста-Рика* или *Кот-д'Ивуар* («Богатый Берег», «Берег Слоновой кости»).

Иными словами, современный о. Фюн – или, по крайней мере, его южную сторону, которая обращена к Итаке и соседним островам, где стоял город Нерит, и где пасся скот Улисса – по предположению Винчи, называли *ēpeiros* в качестве имени собственного. Ахейцы могли «перенести» это имя на Средиземное море, где мы находим греческий о. Эпир (*Ēpeiros*, англ. *Epirus*), являющийся едва ли не южным географическим аналогом о. Фюн – почти, но не идеально, в силу различий между островами Балтики и Ионического моря. На Балтийском море о. Люэ находится между двумя крупными географическими образованиями: о. Фюн к северу и о. Ютландия (древняя Этолия) к западу. Между тем, ионические острова не расположены между двумя землями, а просто обращены к греческому побережью. Они лежат напротив Этолии и Акарнании, но не перед о. Эпир, который находится несколько севернее.

Нет сомнений, полагает Винчи, в том, что в *поэмах* греки были вынуждены изменить изначальное собственное имя ахейского берега перед балтийской Итакой, на общее *ēpeiros* в значении «материк»: без этого возник бы географический парадокс – расположение греческой Итаки прямо перед о. Эпир – явная ошибка с точки зрения географии Ионии, однако, является справедливым для предыдущего датского дома ахейцев. Таким образом, подытоживает Винчи, удалось сохранить согласованность греческой географии и, в то же время, создать аномалию в структуре Каталога кораблей, где используется выражение «те, кто владел...», за которым, как уже было отмечено, всегда следует собственное имя соответствующего региона.

Гомер также описывает другие соседние народы Итаки – тафосцев, феспров и финикийцев. В начале *Одиссеи* тафосцев представляет их царь Ментес, который останавливается на Итаке по пути в Темез, межстрановой рынок олова и бронзы. Гомер характеризует их как «мореходов» (*philēretmoi*, буквально «любящих весла»; *Одиссея* 1.181, 419). Истории тафосцев часто переплетаются с историями феспров и финикийцев: например, Пенелопа напоминает Антиною, одному из ее женихов, что его отец «примкнувши к тафосским пиратам / Вреда он много феспротам принес, союзникам нашим давнишним» (*Одиссея* 16.426–427). Эта последняя деталь говорит о том, заключает Винчи, что дома тафосцев и феспров находились недалеко от Итаки. Другая строка стиха фактически подтверждает, что

феспроты жили рядом с Итакой: «Близко от нас, в краю плодородном феспротов» (*Одиссея*, 19.271).

В другом отрывке *Одиссеи* говорится, что «Плыл феспротский корабль в Дулихий, грузеный пшеницей (...) вечером прибыл к издалека заметной Итаке» (*Одиссея* 14.334-344). Если предположить, что феспроты, соседи тафосцев, отправились приблизительно от северного побережья о. Фюн, острова Самсё и Ютландии, то наиболее вероятный маршрут на Дулихий (Лангеланд) – это тот, который проходит вдоль западного побережья о. Фюн, мимо о. Люэ, лежащего примерно на середине пути. Поэтому Итака была идеальным местом для промежуточной остановки, считает Винчи.

В *Одиссее* также повествуется о том, что друг Телемаха планировал плыть в соседнюю страну *Кавконов* (*Καϊκόνες*) (*Одиссея* 3.366), народа прибрежных районов, следы которого никогда не были найдены на Средиземном море, но который жил предположительно недалеко от Итаки. Винчи кажется вполне разумным увязать *Кавконов* с германским племенем *Сaucians*, жившим на побережье Северного моря в римские времена. Что касается *кетейцев* (*Κῆτειοί*, *Одиссея* 11.521), они, по мнению исследователя, могли быть связаны с племенем *Хамты* (*Chatti*), упомянутым Тацитом в его «*Германии*».

РАВНИННЫЙ ПЕЛОПОННЕС

Остров Дулихий, согласно гипотезе Феличе Винчи, является ключом для определения местоположения как Итаки и ее архипелага, так и гомеровского Пелопоннеса. Родина нескольких важных ахейских царств, в частности тех, которыми правили Агамемнон, Менелай и Нестор, а также Аркадии и Элиды – Пелопоннес и в *Илиаде*, и в *Одиссее* описывается как *равнина*, в то время как греческий Пелопоннес – выраженно гористый. Более того, несмотря на название, буквально означающее «остров [nēsos] Пелопса», греческий Пелопоннес не является островом.

Используя географические ориентиры, установленные Винчи к настоящему моменту изложения его теории, мы обнаруживаем правдоподобный Пелопоннес на Балтике: *Илиада* утверждает, что Дулихий (то есть о. Лангеланд) и близлежащие Эхинадские острова (то есть о. Фальстер и о. Лолланд) лежат «за пределами моря напротив Элиды» (*Илиада* 2.626), и Элида является регионом Пелопоннеса. Учитывая, что о-ва Лангеланд и Фальстер смотрят на о. Зеландия, крупнейший на Балтике, исследователь делает предположение, что последний, столь же плоский, как и описывается Гомером в обеих поэмах, и является настоящим «островом Пелопса». Кроме того, и датский о. Зеландия, и греческий Пелопоннес в Эгейском море – оба располагаются к юго-западу от своих соответствующих водных бассейнов. Вот почему ахейцы, по мнению Винчи, «в своем новом южном доме» могли отождествить его с о. Зеландия, несмотря на то что Пелопоннес – это полуостров, причем гористый, а не ровный.

В поисках новостей о своем отце Телемах плывет из Итаки в Пилос, пелопоннесский город старого царя Нестора, принимавшего участие в троянской войне. Ветер, гнавший корабль Телемаха, «сильный Зефир [западный ветер], ошумляющий темное море» (*Одиссея* 2.421), подтверждает курс на восток. Западный ветер, вызванный богиней Афиной, чтобы привести корабль героя к месту назначения (*Одиссея* 2.420), в этом датском местоположении является наиболее подходящим, с точки зрения Винчи, для совершения плавания из Люэ-Итаки в Пилос, в то время как в греческом мире уместнее был бы северный ветер – как тот, что вызвала Афина, когда помогла Улиссу добраться до Схерии (*Одиссея* 5.385).

Пилос, чье географическое положение с древних времен являлось одной из самых известных загадок географии Гомера, должен находиться на западном побережье о. Зеландия, на востоке от архипелага Южный Фюн. Такое местоположение, считает Винчи, дает ответ, почему Телемах выбрал Пилос в качестве своей первой остановки на пути из Итаки.

Согласно *Одиссее*, плавание Телемаха длилось всего одну ночь – что при греческом расположении места действия являет еще одно замечательное несоответствие, подчеркивает Винчи: расстояние между греческой Итакой и Пилосом – «добрая сотня миль». В датской реальности это расстояние вдвое меньше, что гораздо больше соответствует повествованию Гомера. Но есть и еще кое-что: после прибытия в Пилос Телемах продолжает свой путь в Спарту по суше, быстро пересекая на своей колеснице «равнины, изобильные пшеницей»

(Одиссея 3.495), которые трудно отождествить с греческим рельефом, где горная цепь Тайгет пролегает между Пилосом и Спартой, с высотой горных пиков более 2000 метров. Бесчисленные несоответствия, как морфологические, так и хронологические, путешествия Телемаха из Пилоса в Спарту (и обратно) исчезают, с точки зрения Винчи, при перенесении сюжета Гомера из гористой Греции на равнинный датский остров.

Когда Телемах и его люди возвращались из Пилоса на Итаку,

*Круны и Халкис они световодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Корабль, провожаемый Зевсовым ветром, Феу оставив
Сзади, прошел Элиду, которой Эпеяне (Epeians) правят.
После чего Телемах направился к островам. (Одиссея 15.295–299)*

Мы до сих пор можем найти, указывает Винчи, название острова Феу (*Pheae*) – Файо (*Fejø*), в датском море. Что касается о. Халкис (*Chalcis*), то, благодаря его положению и названию, он может быть отождествлен с современным городом Халсков (*Halsskov*) на западном побережье Зеландии на мысе, обращенном к самой северной точке о. Дулихий – Лангеланн, всего в десяти морских милях от него. Поэтому Телемах в своем ночном путешествии должен был пройти перед Халсковом, плывя сначала на юг вдоль западной стороны Зеландии по пути из Пилоса, а затем направиться прямо к архипелагу Южный Фюн и о. Люэ (Итака), «последнему острову на западе».

Архипелаг Итаки является одним из наиболее важных ключей Винчи в воссоздании географии Гомера, поскольку в нем три элемента сходятся и усиливают друг друга в этой новой географической реальности: подробности, содержащиеся в *Одиссее*, информация из Каталога кораблей *Илиады* и географические особенности Балтики. При попытке, однако, локализовать гомеровскую Итаку на Средиземноморье – возникают громадные несоответствия, среди которых не последнюю роль играет тот факт, что Итака не является *самым западным* островом своего архипелага; «длинный остров» Дулихий отсутствует; о. Самос лежит в Эгейское море, а не в Ионическом; и Пелопоннес вовсе не плоский и не остров, вопреки своему названию.

Поместив найденные в обеих поэмах географические данные в северную реальность, весьма с ними согласующуюся, Винчи восстанавливает («реконструирует») мир, представляющий собой головоломку на протяжении тысячелетий. Позже мы также увидим, что и многие другие противоречия гомеровской географии и средиземноморских особенностей проясняются при перенесении в северную обстановку: располагаемая Гомером на земле пилийцев река Алфей (*Alpheus*), которая в греческом мире очень далека от Пилоса; невозможная граница между Пилосом и Арголой; невозможный путь возвращения Агамемнона с войны (в своем странствии от Трои до Микен, согласно Гомеру, он прошел до мыса Малей, что является абсурдным с точки зрения греческой географии, подчеркивает исследователь).

Эти и другие размышления Феличе Винчи о первоначальной северной родине Улисса уже успели «всколыхнуть» историков и общественность скандинавских стран. Так, профессор Пер Хогселиус³⁶ в статье, опубликованной в шведской ежедневной газете *Svenska Dagbladet* в 2008 году, пишет:

«...Если теория Феличе Винчи в конечном итоге окажется верной, Гомер может стать выдающимся рассказчиком балтийского мира бронзового века, сенсационным дополнением к полуисторическим, более поздним источникам, таким как Саксон Грамматик, Снорри, Нестор и другим. Могут проясниться тесные связи – существовавшие четыре тысячи лет назад! – между народами и общинами по разные стороны Балтийского моря – жившими иногда в войне, иногда в мире. Улисс, возможно, был неутомимым балтийским мореходом, возвращавшимся с войны из Финляндии к ждущей его на о. Люэ Пенелопе, и прошедшим путь вдоль берегов Эстонии и Гуты, волею богов окунувшимся в странствие к Фарерским островам и берегам Норвегии, балансируя в атлантическом мире на грани фантастики и реальности. И тогда царь Итаки – бесспорно достойный предок тех датских королей,

³⁶

Пер Хогселиус (Per Högseius), профессор истории технологий Технологического университета Лунда.

которые на протяжении долгого времени затевали опасные путешествия и набеги викингов на запад и крестовые походы на восток».

ГЛАВА 3. СРЕДА ГОМЕРОВСКОГО МИРА

Как многократно подчеркивает Феличе Винчи, описываемый Гомером климат в районах Схерии и Итаки – холодный и нестабильный – сильно отличается от ожидаемой традиционной обстановки Средиземноморья в сезон мореплавания. И, собственно, весь гомеровский мир имеет типично северные климатические черты, соответствующие географической реальности, о которой начал сообщать нам Плутарх.

ТУМАН, НЕНАСТЬЯ И СНЕГОПАДЫ

Одной из наиболее важных особенностей климата в обеих поэмах являются частые туманы. Туман встречается повсюду, отмечает Винчи: как над морем, которое часто называется «мрачным» и «туманным», так и над сушей, включая Схерию, Итаку, землю циклопов, Трою и Пелопоннес.

Ветер, туман и дождь, разумеется, присутствуют и на Средиземноморье, однако, они не такие постоянные, как в текстах Гомера. С другой стороны, климат в балтийских регионах в основном холодный и влажный, с густыми туманами, а на побережья часто обрушиваются сильнейшие ветреные ураганы, как, например, в следующих строках:

*Вихрь из крутящихся ветров,
Гроном Зевса-отца посылаемый, расстилается на равнине,
В гуле чудовищном с морем мешается он, где бушует
Много клокочущих волн многошумной пучины,
Белых от пены, бегущих одна за другой непрерывно. (Илиада 13.795–799)*

Жители в работах Гомера, похоже, привыкли к частым испытаниям, связанным с сильным ветром: «словно стропила, которыми дом завершает высокий / плотник искусный, чтоб мог он противиться ярости ветра» (*Илиада* 23.712–713), или человек, который «так же, как каменщик, камни смыкая с камнями, выводит / стену высокого дома в защиту от дующих ветров» (*Илиада* 16.212–213).

Снег – безусловно, атипичный элемент для климата побережья Эгейского моря – часто упоминается Гомером как падающий в больших количествах даже в низменностях, на побережье и над морем, как в этом замечательном отрывке *Илиады*:

*Снежные хлопья в обилии валяются с неба
В зимнее время, когда промыслитель Зевс посылает на землю снег.
Ветры уняв, посылает он снегом густым непрерывно
Холмы и возвышенности,
Тучные пашни людей и заросшие доли;
Снег берега покрывает и пристани моря седого;
Только волна, набежав, поглощает его; все другое
Снегом покрыто, когда снегопад раздражается Зевсов. (Илиада 12.278–286)*

Процитированные строки напоминают Винчи рождественскую сцену и знаменитые слова из стихотворения французского поэта Франсуа Вийона (François Villon) «Баллада о дамах былых веков»: *Mais où sont les neiges d'antan?* Эпос Гомера изобилует и множеством других присущих северному миру описаний:

*Как во время метели
Под завывающим ветром, гонящим тенистые тучи,
Сыплются снежные хлопья тяжело на землю. (Илиада 12.156–158)*
*Молнией блещет супруг густокудренной Геры,
Сильный дождь несказанный готова, иль град, или вьюгу
В дни, когда уже снегом повсюду засыпало пашни. (Илиада 10.5–7)*

Метеорологические особенности Трои также типичны для северной страны. В *Илиаде* повторяется выражение «ветренная Троя» не менее семи раз, подчеркивает Винчи. В ахейском лагере перед битвой «всю эту ночь напролет, замышляя недоброе, в небе / Зевс промыслитель гремел, и бледнели ахейцы от страха» (*Илиада* 7.478–479). На следующий день «Зевс

молнелюбец поднял с идейских высот ураганную бурю» (*Илиада* 12.252–253). Учитывая эти погодные условия, неудивительно, что во время гонки на колесницах, которая состоялась в связи с похоронами Патрокла, «рытвина была, где дождевая вода, скопившись / часть дороги размыва и место кругом углубила» (*Илиада* 23.420–421).

Примечателен и густой туман, покрывающий поле битвы:

Нельзя было сказать

Было ли всё ещё солнце или уже луна;

Густым туманом окутано было поле боя. (Илиада 17.366–368)

Иногда туман напрямую влияет на ход событий, например, когда он препятствует отступлению троянцев, преследуемых Ахиллесом: богиня «Гера туман разостлала перед ними глубокий, чтоб их удержать» (*Илиада* 21.6–7). В других случаях он защищает находящихся под угрозой воинов:

После того Ахиллес в Агенора, подобного богу,

Также ударил. Но Аполлон помешал ему славой покрыться:

Вырвал из битвы, густым Агенора окутав туманом,

И невредимым ему из сражения дал удалиться. (Илиада 21.595–598)

Еще в одном отрывке (*Илиада* 17.643–646) Теламоний Аякс призывает, чтобы туман рассеялся и появилось солнце – что очень странно для воинов, сражающихся в тяжелых бронзовых доспехах на жаркой анатолийской равнине, подмечает Винчи.

Северная атмосфера мира Трои также хорошо прослеживается в эпизоде из *Одиссеи*, в котором Улисс вспоминает разведывательную миссию ахейского взвода до троянских стен в ледяную ночь:

Ночь плохая пришла. Морозистый северный ветер

Дул на землю. Из туч посыпался клочьями шерсти

Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким. (Одиссея 14.475–477)

Эта миссия, вероятно, состоялась вскоре после высадки ахейцев, в апреле или мае, до начала повествования *Илиады* – что объясняет как снегопад, так и необходимость разведки территории противника. Мороз нетипичен для прибрежных зон Средиземноморья, однако, он так часто упоминается в обеих поэмах!

Помимо того, что описания района Трои, как и других местностей у Гомера, содержат присущие северным регионам климатические черты, «яркость и реалистичность этих описаний оставляют ощущение, что первый повествовавший их бард был вдохновлен действительно произошедшими событиями», – подчеркивает Винчи.

ОТСУТСТВИЕ СОЛНЦА. ОДЕЖДА. ВРЕМЕНА ГОДА

Говоря о климате, Феличе Винчи предлагает задаться вопросом: но где же солнце – самый, казалось бы, присутствующий элемент на побережье Средиземного моря? В *Илиаде* почти никогда нет отсылок к его теплу или лучам. В *Одиссее* также не упоминается о солнце, светящем на Итаке, хотя повествование приходится на сезон мореплавания. Из описаний пасмурного северного мира, содержащихся в эпосах, выходит, полагает исследователь, что их первоначальные версии не сильно изменились во время длительного пребывания в теплом климате Эгейского моря.

Даже те случаи, когда воины *Илиады* потеют, в понимании Винчи вызваны не солнечным жаром, а ужасом или ранениями или физическими нагрузками во время битвы. Теламоний Аякс, оставшийся один защищать корабль Протесилая, был мокрый не от жары, а от волнения, когда он отчаянно пытался отбиться от яростной атаки троянцев:

Сияющий шлем под ударами звоном

Страшным звучал у висков...

Тяжко дышал Теламоний. По всем его членам обильный

Пот непрерывно струился. Никак уже не был он в силах

Вольно вздохнуть (Илиада 16.104–105, 109–111).

Точно так же ужас и истощение настигают Ахиллеса, когда он ловит сына Приама, Ликаона: «Он был, без щита и без шлема, копья не имел он / все это сбросил с себя он на землю / юношу пот изнуял, усталость сковала колени» (*Илиада* 21.50–52). То же самое состояние испытали Нестор и Махаон, когда бежали с поля битвы под нажимом троянцев, и «они на морском берегу против ветра / стали и начали пот охлаждать на хитонах» (*Илиада* 11.621–622).

Аналогично, из-за шока от ранений вспотел Диомед: «рану, которую горькой стрелой нанес ему Пандар / Пот изнуял под широким ремнем / он вытирал кровь, поднимая ремень» (*Илиада* 5.795–798). А Еврипил «в бедро пораженный стрелой крылатой / шел из сраженья, хромя. И мокрый катился пот с головы и до плеч, а из раны тяжелой струилась кровь» (*Илиада* 11.810–813). Точно так же, будучи пораженным ударом Аякса, к Гектору «возвращалось сознание / он окружавших друзей узнавал, перестал задыхаться / пот прекратился» (*Илиада* 15.240–242). Заставляет персонажей Гомера вспотеть само по себе физическое напряжение от усталости, бегства, ударов (*Илиада* 23.688) или борьбы (*Илиада* 23.715) – но никогда не жар от солнца, которое бы падало на их обмундирование, подчеркивает Винчи.

Кроме того, то, как персонажи Гомера одеты, на взгляд Винчи, хорошо сочетается с северной средой: одежда, описанная в обеих поэмах, всегда свидетельствует о суровом климате. Так, в эпизоде *Одиссеи*, в котором Телемах и Писистрат, сын Нестора, будучи гостями дома Менелая в Спарте, готовились к еде после ванны: «После надели на них шерстяные плащи и хитоны» (*Одиссея* 4.50). То же самое говорится об Улиссе, когда он был гостем Алкиноя: «[Служанки] в плащ прекрасный потом и хитон облекли его плечи / Выйдя из бани, пошел он к мужам, уж вино распивавшим» (*Одиссея* 8.455–457). И это происходит внутри дома во время сезона мореплавания, вовсе не зимой. Точно так же плащ Нестора – «широкий, двойной, покрыт пушистою шерстью» (*Илиада* 10.134); не говоря уже о сундуке, «полном и хитонов, и шерстяных одеял, и непродуваемых плащей» (*Илиада* 16.223–224), которые мать Ахиллеса положила на борт его корабля, когда тот ушел на войну. «Между прочим, реализм этой сцены необычаен!» – восклицает Винчи.

«Шерстяные плащи и хитоны», в которые Гомер часто облачает своих персонажей, можно сравнить, по мнению исследователя, с одеждой человека, найденной в датской гробнице бронзового века. Джеффри Бибби,³⁷ так описывает этого человека:

«Шерстяной хитон доходит до колен, а к талии привязан пояс. На нем также надет плащ, который пристегнут к плечу бронзовой пряжкой».³⁸

Интересно, замечает Винчи, что Улисс также носил «золотую пряжку» (*Одиссея* 19.226) на своем плаще. И оба эти описания соответствуют тому, что Тацит говорит о германской одежде:

«Костюм у всех – накидка с пряжкой (...) Самых богатых отличает костюм, который не развеивается, как, например, одежда сарматов и парфян, но плотно облегает каждую конечность». (*Germania* 17.1).

Гомер сообщает нам, что Улисс носил удивительно похожий облегающий предмет одежды:

Также блестящий хитон на теле его я заметил.

Ткань - как пленка была с головки сушеного лука (Одиссея 19.232–233).

Утварь, обнаруженная в датских гробницах, позволяет Винчи также визуализировать одежду гомеровских женщин, не описанную у Гомера: «блуза с короткими рукавами и юбка с вышивкой, вязаная сеточка для волос, спереди пояс с круглой бронзовой пластиной, диаметром 20 см».

Что касается времен года, Винчи находит параллель между древними германцами, то есть северными народами, современниками которых являлся Тацит, для которых «зима, весна и лето имеют значение и имена, но они не знают названия и плодов осени» (*Germania* 26.4) – и теми людьми в работах Гомера, которые переживают «только три сезона: зиму, весну и лето; последнее делится на *théros* и *opórē*».³⁹ Интересно, что у *opórē*, «позднего лета», имеется

³⁷ Джеффри Бибби (Geoffrey Bibby), британский археолог (1917 – 2001).

³⁸ Bibby, Geoffrey. *Quattromila anni fa*, Torino 1966, p. 245.

³⁹ Rocci, L. *Vocabolario Greco-Italiano* (Greek-Italian Dictionary), Genoa 1998, under “opóra”.

соответствие в современном финском языке: *ruskea* – это переход между летом и зимой и гораздо более короткий период, чем то, что называется осень в умеренном поясе. Также в русском языке это «бабье лето», когда леса пылают буйством красных, коричневых и желтых красок, прежде чем снег и мороз уносят последние листья и стирают все следы хорошей погоды.

Наконец, сообщает Винчи, стоит вспомнить красивую фразу, описывающую плавную речь Улисса: «Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись» (*Илиада* 3.222). Этот метафорический язык в употреблении был бы наиболее характерен для северных народов и согласуется со сценой «суровой зимы, которая пахаря нудит / в поле труды прекратить, на стада же унынье наводит» (*Илиада* 17.549–550).

Переходя к теме флоры и фауны в мире Гомера, Винчи приводит следующую яркую орнитологическую иллюстрацию:

*...С криком журавли пролетают под небом высоким
прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных* (*Илиада* 3.3-4).

По словам Джакомо Триподи,⁴⁰ эта натуралистическая картина скрывает еще одно очевидное свидетельство северного расположения гомеровского мира: «Такое поведение типично для журавлей во время осеннего перелета, когда они покидают Северную Европу, и улетают на юг до весны».⁴¹

МЕТАМОРФОЗЫ С ДЕРЕВЬЯМИ

В обоих эпосах присутствуют очевидные метаморфозы с названиями деревьев при переносе в средиземноморскую среду. Заслуживает внимания, прежде всего, странный ствол «оливкового» дерева, вокруг которого строит своё жилище Улисс (*Одиссея* 23.192–194). Тип дерева, который выбрал Гомер, остается загадочным: оливковые деревья имеют очень искривленную форму и, следовательно, совсем не подходят для роли оси или прямой колонны. Это наводит Феличе Винчи на подозрение, что данное несоответствие вызвано изменением окружающей среды, которое могло повлиять на текст поэм. В другом отрывке *Одиссеи* встречается еще одна достаточно очевидная неувязка в отношении оливкового дерева: из повествования следует, что «большой кол» (*Одиссея* 9.319), который использует Улисс, чтобы ослепить циклопа Полифема – ствол прямого дерева, хотя в тексте нелепо указывается, что это «оливковое» бревно (*elaíneon*), которое было бы совершенно непригодным для использования в качестве кола или копыя для удара. Более того, утверждается, что эта палка «настолько длинная», что ее можно сравнить с корабельной «мачтой» (*Одиссея*, 9.324). Все это подтверждает то, что речь совсем не об «оливковом» стволе. Сравнение с «мачтой» предлагает и вероятное решение возникшей путаницы: мачты обычно делали из *еловых* или *сосновых* стволов, так как они прямые и прочные. Фактически, мачты и еловые бревна настолько отождествляются друг с другом, что первых также поэтически называют «елями». В самой *Одиссее* мачта корабля Телемаха и описывается как «еловый ствол» (*elátinon*; *Одиссея* 2.424).

Каким же образом прямое бревно, найденное в пещере циклопов (скорее всего, тонкий еловый ствол) превратилось в «оливковый»? И как ель, вокруг которой строилось жилище главного героя – стало «оливковым деревом»? Эта деталь, предполагает Винчи, была искажена, когда изменились условия ахейской среды. В северном мире ели широко распространены даже вблизи побережья, а на средиземноморских широтах хвойные деревья растут только в горах. Возможно, греческий аэд, озадаченный тем еловым стволом в пещере Полифема возле моря, решил, что лучше назвать его оливковым, хотя изогнутая форма оливы абсолютно не соответствует остальной части повествования. Греческие аэды также могли быть введены в заблуждение фонетическим сходством между греческими терминами, обозначающими «ель» (*elátē*) и «оливковое дерево» (*elaiē*). По мнению Винчи, подмена случилась около VIII века до

⁴⁰ Джакомо Триподи (Giacomo Tripodi), профессор ботаники из Мессинского исследовательского университета (Università degli Studi di Messina)

⁴¹ Tripodi, Giacomo, *Riflessioni naturalistiche sui versi omerici*, in “Rivista di Cultura Classica e Medioevale” 2/2013, p. 263.

н.э., когда эпические песни, относящиеся к очень древнему устному преданию, обрели свою письменную форму.

Если мы заменим то, что всегда читалось как «оливковое», на «еловое» – также учитывая, что ель, в отличие от оливкового дерева, широко используемый строительный материал – то и необъяснимая работа Улисса по строительству собственного дома вокруг дерева приобретает мощную символическую ценность: изображение *возвышающейся к небу ели* напоминает мировую ось, подтверждая тем самым глубокую древность поэм Гомера, и архаичные концепции, на которых они основаны, а также обнаруживая связь между шаманистической природой их северного мира и образом самого Улисса, как будет рассмотрено далее.

В других строках Улисс сравнивает Навсикаю с «молодым побегом пальмы» (*Одиссея* 6.163), которая стоит у алтаря Аполлона в Делосе. Корень прилагательного *phoínikos*, обычно переводимого как «пальма» – тот же, что и у других подобных гомеровских слов, таких как *phoínēis*, *phoínós*, *phoínios*, означающих, при этом, «красный» или «красноватый» (так же, как и прил. *пунцовый* в русском и *ripa*, *ripape*, *ripainen*, «красный» в прибалтийско-финских языках). Таким образом, Гомер сравнивает Навсикаю с «молодым (*néon*) (пре)красным (*phoínikos*) побегом (*érnos*)», и вовсе не пальмы. Вероятно, предполагает Винчи, поэт изначально описывает красную ель, очень распространенную в северном мире, имеющую «красноватую молодую кору» и красные шишки.⁴² Также, добавляет исследователь, сравнение Навсикаи с этим «молодым (пре)красным побегом», помимо выделения роста, стройности и осанки молодой женщины, могло говорить и о том, что она была рыжеволосой (красноволосой или русой), что являет еще одну характерную черту северных народов.

Эту странную делосскую «пальму» (вероятную красную ель) мы также находим в 1-м *гимне Аполлону* с дополнительными подробностями: Лето, мать Аполлона, на сносях добралась до Делоса и когда начала рожать, «пальму [*phoíniki*] руками она охватила, колени уперла/в мягкий ковер луговой. (...) / и бог вышел на свет» (117-119). Здесь, по мнению Винчи, также прочитывается очень древнее предание, стыкующееся с деревом в центре спальни Улисса: брачное ложе, где зачаты дети, также является и местом, где они появляются на свет. Можно представить себе рожениц, которые, подобно Лете, переживают муки родов на коленях, держась за центральный столб своего дома.

Впоследствии, после «переселения эпоса в средиземноморский мир», где ель не произрастает в прибрежных зонах, она оказывалась заменена, как полагает Винчи, оливковым деревом (ничем на ель не похожим, за исключением названия) либо пальмой, которая выглядит как красная ель за счет своей прямой, устремлённой ввысь формы и яркого, жгучего цвета плодов.

Еще одна примечательная метаморфоза касается чудесной «смоковницы» (*erineón*), прикрепившись к которой спасается Улисс, когда водоворот Харибды засасывает его корабль:

Воду соленую моря Харибда как раз поглощала.

Вверх тогда я к высокой смоковнице прыгнул из моря,

Ствол охватил и прильнул, как летучая мышь. (Одиссея 12.431–433)

Как будет рассмотрено далее, Винчи связывает Харибду с водоворотом Мальстрем у берегов Норвегии, вместо традиционного расположения ее в проливе между Сицилией и Италийским полуостровом на Средиземноморье. Поддерживая гипотезу Винчи, профессор ботаники Джакомо Триподи утверждает:

«Несмотря на то, что Сицилия богата смоковницами (инжировыми деревьями), побережье у Харибды [Мессины] песчаное, а пляж очень широкий, поэтому *добраться* до фиговых деревьев с моря невозможно. С другой стороны, скалы в районе Мальстрема очень *богаты водорослями*, принадлежащими к обитающему там виду *Ascophyllum nodosum*, где их смачивают приливы, волны и брызги. В отличие от веток инжира, они способны выдержать вес человека. Их длина превышает полметра. Следовательно, эти строки эпоса могут относиться к тому факту, что Улисс цеплялся за водоросли, растущие на скалах Северной Атлантики, а не [за смоковницы] в теплом Средиземном море».

⁴²

Treccani Italian Encyclopedia. Rome 1949, under "Abete" (Fir tree).

Профессор Триподи также отмечает, что термин *erineón*, который обычно переводится как «смоковница», вероятно, происходит от греческого прилагательного *eríneos*, означающего «шерстистый», далее от слова *érion*, «шерсть» (*Илиада* 12.434, *Одиссея* 4.124). «Шерстистый» – точное прилагательное для описания *Ascophyllum* (также известного как «норвежская водоросль» или «аскофиллум узловатый», покрывающий поверхность северных скал словно шерсть).

Подобные водоросли с их рыжевато-оранжевыми узелковыми «плодами», произрастающие на затапливаемой во время приливов литорали северных морей, включая Баренцево и Белое море, имеют на латыни название *fucus*, он же «морской дуб», «царь-водоросль», «морской виноград», созвучное латинскому названию *фигового* дерева *ficus*, и лат. *fāgus*, гр. *φῦός* [*фигос*] – «бук, дуб». Путаница в названии такая же, как и с *елью* и *оливковым* деревом, уже рассмотренная Винчи.

Винчи не ставил перед собой задачу выявить и объяснить все возможные метаморфозы, произошедшие с деревьями в эпосе Гомера при переносе места действия на Средиземноморье, и оставляет этот вопрос дальнейшим исследователям эпоса Гомера – лингвистам и специалистам в области ботаники.

СТРАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ ГОМЕРА

Вопросы, озадачивающие ученых, относятся к самым разным представителями фауны в греческой мифологии и в стихах Гомера. В том числе, отмечает Феличе Винчи, загадкой издавна является «птичка звучная в горах обитающая / имя ей средь блаженных богов – халкида, средь смертных – киминда» (*Илиада* 14.290–291). По мнению исследователя, если учесть, что имя *Chalkis* имеет тот же корень, что и *chalkós* («бронза» или «медь»), с вероятной этимологией от цвета оперения, эта загадочная «звучная птица» может быть глухарем – *Capercaillie* (*Tetrao urogallus*) – распространенным в лесах северной Евразии, но отсутствующим в Греции. Согласно Винчи, эта идентификация дополнительно подтверждается тем фактом, что *Илиада* связывает данную птицу с Богом сна и, соответственно, пробуждения от ее утренних криков.

Еще один из примеров северного животного мира, очень часто встречающийся в греческих мифах – это керинейская лань, пойманная Гераклом после долгой охоты в одном из его охотничьих угодий. Пиндар упоминает о ее «золотых рогах» (*Olympian* 3,29). Однако, единственная европейская лань, у которой есть рога – это самка северного оленя. Учитывая, что в этом же мифе четыре спутника лани были впряжены в повозку Артемиды, а из всех европейских оленей только северные олени достаточно сильны, чтобы тащить повозку или упряжку, керинейская лань, по мнению Винчи, и была северным оленем. Не только эпос Гомера, но, вероятно, и значительная часть греческой мифологии возникла на севере. Дополнительным свидетельством этого может служить и сходство между термином «керинейский» (*cerynean*), греческим прилагательным, относящим слово к конкретному месту, и *hreinn*, древнескандинавским словом, означающим «северный олень».

Любопытно, указывает Винчи, что и шаманы народа самоедов упоминают четырех оленей, когда пересказывают историю про «Матерь животных, мифическое существо, очень важное в религиозных верованиях Арктики и Сибири».⁴³ Отнюдь неслучайно греческая Артемида играет роль, аналогичную самоедской Матери животных – а образ Аполлона, ее брата-близнеца, в *Илиаде* несет яркие шаманистические характеристики.

Аналогично другим описаниям у Гомера, весьма реалистично и очень часто упоминаются в обоих эпосах такие плотоядные животные как волки. Напротив, поведение «львов», по утверждению Джакомо Триподи – всегда очень странное, как, например, в строках 11.548–555, 16.757 и 17.657–664 *Илиады* и 4.793 *Одиссеи*:

«Это абсолютно несвойственно настоящему льву (*panthera leo*), который охотится на открытых пространствах днем, часто парами, пугаться пастухов с факелами. Кроме того, львы, вступающие в битву за останки оленя на вершине горы (*Илиада* 16.757), или те, что были окружены охотниками со стаей собак (*Одиссея* 4.793), не очень заслуживают доверия, особенно в тексте, который содержит очень точные описания. И

⁴³

Eliade, Mircea, *Lo sciamanismo e le tecniche dell'estasi*, Rome 1983, p. 61, note 14.

эти «львы» крайне подозрительны, особенно потому, что они никогда не ревут: в обоих эпосах нет ни намека на этот впечатляющий аспект поведения настоящего льва. Однако, это описание может относиться к действиям *медведя* (*Ursus arctos*), который является самым большим хищником в северных лесах с ночными охотничьими привычками».

Львиный рык достигает громкости 115 децибел, и слышен за 10 километров. Идея о том, что гомеровские «львы» – это не громкие львы, а медведи, считает Триподи, соотносится с тем фактом, что в поэмах Гомера почти никогда не упоминаются сами медведи (греч. *árktoi*), за исключением строк о созвездии Медведицы и одной единственной строки (*Одиссея* 11.611).

Однако, имеется и другой великий хищник скандинавского мира, помимо медведя и волка – рысь – и нельзя исключить, что рысь (а не медведь) скрыта за одним или обоими из двух разных имен, *leōn* и *lis*, используемых для странного гомеровского «льва», который никогда не издает рев – и, действительно, рысь вовсе не ревет.

Интересна возможная связь гомеровских *leōn* и *lis* с названием рыси в германских языках: *lynx* в английском, *lo* в шведском, *los* в датском – созвучных также с названием *лисы* в славянских языках. Из очевидно общих характеристик, и лев, и рысь, и лиса имеют характерный *рыже-песчаный* окрас. Также, и рысь и *лиса* – хищники, грабители – соответственно, напрашиваются сравнения со сканд. и нем. *list*, *listig* – «хитрость, хитрый», греч. *ληστ*, *ληστής* [*лист*, *листис*, *лэистэс*] – «вор, грабитель», у Гомера также «разбойник, пират».

Что касается домашнего скота, отмечает Винчи, Гомер делает акцент на быках и свиньях, а не на другом крупном рогатом скоте, что является еще одним признаком северного расположения его мира, очень далекого от Греции. Гомер часто оценивает стоимость предметов и рабов в «волах» или «быках», что очень согласуется с северными условиями, тогда как в греческом мире более важны другие виды домашнего скота. По словам Гомера, новая ваза, украшенная цветами, стоила «цены быка» (*Илиада* 23.885); большой треножник стоил двенадцать быков (*Илиада* 23.703); рабыня, что «в работах многих искусная», была оценена в четыре быка (*Илиада* 23.705); няня Улисса, Еврикля, стоила Лаэрту двадцать быков, возможно потому, что она была «еще очень юная» (*Одиссея*, 1.431). Самая высокая цена, указанная в двух поэмах, касается стоимости невесты: троянец Ифидамант заплатил «сто быков и пообещал еще тысячу других» за руку дочери Сисса (*Илиада* 11.244) – к сожалению, бедный человек (если мы можем его таковым назвать) не успел погасить долг своему тестю, так как Агамемнон убил его в сражении.

Как ни странно, Гомер описывает танцующих девушек, изображенных на щите Ахиллеса, как *alphesiboiai* (*Илиада* 18.593) – термином, который можно перевести как «очень желанный» или «соблазняющий», но буквально означающим «способный давать быков», то есть девушки были источником богатства для своих родителей от их выдачи замуж.

Любопытно что, как заявляет Тацит, и у германцев, сотни лет спустя, «крупный рогатый скот и быки (...) – единственное и высоко ценимое богатство» (*Germania* 5.1). Также, согласно Рудольфу Пёртнеру⁴⁴, и в течение первой эпохи викингов быки все еще использовались «как текущая денежная единица».

Это обстоятельство приводит далее к теме пищевого потребления и поразительного сходства между кулинарными обычаями и культурой питания Северной Европы и у Гомера. Однако, для начала Винчи предлагает разобраться с использовавшимися кухонными приборами.

КУХОННАЯ УТВАРЬ И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРИВЫЧКИ

В то время как керамическая посуда была широко распространена в Греции, северный мир был отмечен «стабильной и высокоразвитой индустрией по производству бронзы»,⁴⁵ что прекрасно согласуется с деталями поэм Гомера. Он никогда не упоминает о гончарном деле, а повествует о сосудах из металла, часто из золота или серебра, отмечает Феличе Винчи. В имени Улисса на Итаке «прекрасный кувшин золотой с ручной водой / в тазе серебряном был поставлен служанкой» (*Одиссея* 1.136–137). Люди наливали вино «в золотые кубки» (*Одиссея* 3.472) и

⁴⁴ Рудольф Пёртнер (Rudolf Pörtner), немецкий археолог (1912 – 2001).

⁴⁵ *Treccani Italian Encyclopedia*. Rome 1949, under “Nordiche, civiltà”.

«золотые бокалы» (*Одиссея* 1.142). Лампы (*Одиссея* 19.34), сосуды (*Одиссея* 6.79) и урны (*Илиада* 23.253) были сделаны из золота. Имеется еще один интересный момент, подчеркивающий, что чаши были сделаны из металла: когда одна из них упала на землю, вместо того чтобы разбиться, она «зазвенела» (*Одиссея* 18.397).

Но что же насчет бедняков в работе Гомера, которые наверняка не могли позволить себе посуду из золота и серебра? Согласно анализу Винчи, они тоже не используют глиняную посуду, столь распространенную на юге. Если мы заглянем в хижину Евмея, то обнаружим, что верный пастух наливает вино для своих гостей «в *деревянную чашу*» (*Одиссея* 16.52), похожую на ту, что использует Улисс для крепкого напитка, который он предлагает Полифему (*Одиссея* 9.346). Древесина, за счет ее изобилия, является самым дешевым и простым материалом на севере. В Эстонии и Латвии, отмечает исследователь, и поныне существует очень древняя традиция использования деревянных пивных кружек.

Что касается гастрономических привычек, персонажи в поэмах Гомера часто наслаждаются большими приемами пищи (*deipnon*) прямо с утра, в отличие от обычаев Средиземноморья:

*Встала заря. Одиссей же с верным ему свинопасом
Завтрак готовили рано поутру, огонь разложивши.* (*Одиссея* 16.1–2)

Согласно Винчи, напрашивается сравнение с традицией щедрых завтраков у современных северных народов – связанной с климатом и древними обычаями. Аналогичное свидетельство оставил нам и Тацит о германцах: «Проснувшись, они умываются горячей водой (...), затем едят» (*Germania* 22.1).

Тацит также сообщает нам, что среди германских народов его времени «у каждого есть свой стул и стол». Отдельный стол был типичен и для гомеровского мира (*Одиссея* 1.138), где он использовался как для завтрака, так и для второго приема пищи на закате (*Илиада* 19.207–208). Вторая трапеза, называемая *dōrpon* в работах Гомера, соответствует сегодняшнему ужину.

Не следует удивляться, сообщает нам Винчи, и употреблению вина в древней Северной Европе, учитывая, что и в течение средневекового теплого периода IX–XII веков н.э. виноград выращивался в Англии и на юге Норвегии.⁴⁶ В это время полярный ледяной покров в Северном Ледовитом океане значительно уменьшился, и айсберги стали редкими в Исландии и Гренландии, где царили травянистые пейзажи. Это объясняет, почему норвежцы называли землю, которую они обнаружили, Гренландией («Зеленой землей»). По прибытии их встретили обширные зеленые луга:

«Около 1000 года Эрик Рыжий отправился со своим кораблем викингов в неизведанные моря в поисках новых плодородных земель для колонизации. В конце пути он высадился на побережье Гренландии, покрытое пышной растительностью в течение большей части года – настолько, что смелый мореплаватель и назвал Гренландию «Зеленой землей». Там царил совершенно иной ландшафт, чем покрытые льдом прозрачные пейзажи, заставившие немногих выживших жителей покинуть эту землю несколько столетий спустя».⁴⁷

В течение средневекового теплого периода повышение температуры в северных странах сопровождалось уменьшением сильных ветров и штормов из-за замедления атмосферной циркуляции. Принимая во внимание благоприятные морские условия, которые возникли в результате растапливания айсбергов и уменьшения штормов в Северной Атлантике, неудивительно, подчеркивает Винчи, что викингам было намного легче плавать между Норвегией, Исландией и Гренландией, что облегчало и заселение земель на отдалении от европейского континента. Мягкий климат и изобилие рыбы в море, вероятно, были определяющими факторами, которые позволили скандинавским народам колонизировать те арктические земли, которые процветали в течение нескольких столетий. Около XII века, замечает Винчи, жизнь кипела в католическом престоле с епископом викингов на западном побережье Гренландии, обращенном к Лабрадору.

⁴⁶ Ortolani, Franco, *Le variazioni climatiche storiche*, Rome, 2001, p. 109.

⁴⁷ Giuliani, Andrea. *Il clima come cambia e perché*, Milan 2009, p. 13.

У Гомера можно найти два разных слова, которые оба устойчиво переводятся как «вино», а именно, *oînos* и *méthy*. Корень последнего очень похож на англ. *mead* (мед, медовуху), алкогольный напиток, который производится из меда, смешанного с водой, называемый *mjödhr* в древнескандинавском языке, *meodo* – в *Беовульфе*, *madhu* – на санскрите. Этот напиток был довольно распространенным среди древних северных народов, а также очень важным в их мифологии. Следовательно, можно предположить, что *oînos* и *méthy* были «вином» и «медом».

Вино в эпосе Гомера часто описывается как «сладкое» из-за, по словам Винчи, распространенной практики смешивания его с медом – совершенно обычное дело на севере, где, из-за низкого содержания сахара в винограде, вина кислые и неприятные без подслащивания (стоит только вспомнить о сложном процессе, связанном с производством игристых вин). В пользу этого обычая исследователь указывает на один из рецептов Цирцеи, приведенный в *Одиссее*: «Сыворотки, зеленого меда и ячной муки замесала / Им на прамнийском вине» (*Одиссея* 10.234–35). В *Илиаде* также сообщается (11.639), что этот, несомненно, бодрящий «прамнийский коктейль» (удивительно похожий на напиток, упомянутый Спенсером Трэйси в старом фильме «Северо-западный пассаж») был в моде и во время Троянской войны: Нестор пил его из «кубка чудного / всего золотыми гвоздями обитого» (*Илиада* 11.632–33). Эти «золотые гвозди» также указывают, по мнению исследователя, что и кубок Нестора был из металла.

В ходе повествования *Илиады* выясняется, отмечает Винчи, что ахейцы пили в больших количествах. Ахиллес довольно незаметно называет Агамемнона «пьяницей» (*Илиада* 1.225) во время их ссоры в начале *Илиады* – и принятие последним дара в «тысячу мерок вина» (*Илиада* 7.471), посланного ему Евнеем из Лемноса, кажется, подтверждает это подозрение. В своем особом лаконичном стиле Тацит также комментирует пьянство у северных народов:

«Простая еда (...), но не та же умеренность в питье; если вы удовлетворяете их желание напиться, давая столько, сколько они хотят, это пристрастие победит их быстрее, чем оружие». (*Germania* 23.1)

Сообразно «простой пище» германцев, описываемой Тацитом, пища ахейцев в поэмах Гомера состояла из хлеба и жареного мяса (говядина, свинина, козы и дичь). Поэт упоминает *gastères*, жареные кишки козы, наполненные кровью (*Одиссея*, 18.44), что похоже на традиционную финскую и эстонскую кровяную колбасу. В обоих эпосах показано, что рацион тех, кто жил в знатном классе, основан на мясе, что очень напоминает рацион викингов, которые, как говорит нам Пёртнер, помимо того, что много пили, «ели мясо в больших количествах, настолько, что они, казалось, расценивали удовольствие от употребления мяса как одну из радостей жизни». И ахейцы, во время своего пребывания в Лемносе, «мясо быков пряморогих в обилии там поедали / чаши до дна выпивая, вином до краев налитые» (*Илиада* 8.231–232).

Примечательно, отмечает Винчи, что на пирах Гомера *никогда* не встречаются фрукты, овощи, инжир, оливки или оливковое масло. Это подтверждает северную природу рациона его героев, сильно отличающуюся от средиземноморской.

Как тут не вспомнить и описание схожей диеты москвичей в *Рассказе о путешествии в Москву* в 1476–1477 гг. Амброджо Контарини: «[Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; нет никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки; у них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они приготавливают с листьями хмеля; этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый».⁴⁸

Северные климатические истоки античного «мясопуста» и карнавалов

Абсолютное доминирование мясной пищи в рационе гомеровских героев — еще один фундаментальный маркер, выводящий нас из Средиземноморья в климатические реалии Северной Европы. Внимательное изучение климатических и логистических условий, в которых существовал этот подчеркнуто мясной мир, проливает неожиданный свет на происхождение

⁴⁸ «Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV веке», редакция и перевод Е. Ч. Скржинской. Москва, «Наука», 1971. Стр. 228.

одной из самых устойчивых общеевропейских традиций. Речь идет о ранневесеннем воздержании от употребления мяса, известном в христианской культуре как Великий пост, а в народной обрядовости Южной Европы – как Карнавал (этимологически восходящий к латинскому *carne vale* – «мясо, прощай») и греческая Апокрея (*ἀπόκρεως* – «безмясье»).

В классической Греции и Риме традиция «отказа от мяса» перед началом весны выглядит парадоксально. В условиях мягкого средиземноморского климата весна — это время, когда природа оживает, начинается выгон скота, появляется первая зелень. Почему именно в этот момент — на стыке зимы и весны — древние общества налагают строжайшее табу на употребление мясной пищи?

Академическая филология и теология традиционно трактуют этот обычай как сугубо мистический ритуал весеннего духовного очищения / «циклической регенерации космоса» перед началом нового жизненного цикла. Так, в фундаментальных трудах по истории религий и структурализму ранневесенние табу и карнавалы Джеймс Фрэзер⁴⁹ и Мирча Элиаде⁵⁰ выводят исключительно из психологии мифа и «потребности первобытного сознания» в «ритуальном изгнании накопленной за зиму духовной скверны», в то время как богословская традиция видит в этом периоде исключительно цели аскезы и усмирения плоти⁵¹.

Однако макроистория показывает, что самые жесткие религиозные табу всегда вырастают из сугубо гигиенических и экономических потребностей выживания популяции (например, запрет на свинину на жарком Ближнем Востоке⁵²). В Средиземноморье конца зимы нет объективных природных причин для тотального запрета на мясо. Эти причины обнаруживаются только при переносе традиций на их историческую родину — в Северную Европу.

Чтобы понять, как здесь функционировала продовольственная «логистика», обратимся к описанию быта средневековой Москвы, засвидетельствованному венецианским дипломатом Амброджо Контарини в 1476–1477 годах. Он рисует поразительную для южанина картину зимнего рынка и раскрывает технологию, которая на протяжении тысячелетий спасала северные народы от голода, превращая зимой всю окружающую среду в гигантский естественный морозильник для мясных продуктов питания:

«...К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так цельными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это *огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд*. То же самое делают с рыбой, с курами и другим продовольствием».⁵³

Контарини описывает уникальный северный феномен: массовый забой скота в начале зимы (когда его содержание становится «нерентабельным» из-за отсутствия подножного корма) и последующее хранение сотен тонн мясных запасов прямо под открытым небом. Стабильный мороз гарантировал бесперебойное сытное пропитание на протяжении всей зимы.

⁴⁹ Фрэзер, Джеймс. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии* [пер. с англ. М. К. Рыклиной]. – Москва, издательство «Политиздат», 1980 – стр. 615–630 (главы, посвященные изгнанию зла и весенним обрядам).

⁵⁰ Элиаде, Мирча. *Космос и история: Миф о вечном возвращении* [пер. с фр. А. А. Васильевой]. – Москва, издательство «Прогресс», стр. 84–92 (глава «Цикличность времени, Новый год, регенерация»).

⁵¹ Протопресвитер Шмеман, А. Д. *Великий пост* – Москва, издательство «Паломник», 1993.

⁵² Утилитарную и экологическую природу запрета на свинину на Ближнем Востоке убедительно доказал антрополог Марвин Харрис – См. Harris, M. *Good to Eat: Riddles of Food and Culture*. Simon and Schuster, 1985.

⁵³ «Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV веке», редакция и перевод Е. Ч. Скржинской. Москва, издательство «Наука», 1971. Стр. 203.

Примечательно, что эта многотысячелетняя практика в России сохранялась вплоть до начала XX века:

Илл. 28 «...огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки...» – фото рубежа XIX и XX веков.

Критическая точка этого «логистического цикла» наступала на исходе четырех месяцев – на стыке зимы и ранней весны. С первыми лучами солнца и началом оттепели огромные ледяные склады замороженного мяса неизбежно начинали таять. В условиях, когда соль являлась чрезвычайно дорогим дефицитным товаром, спасти тающие запасы зимнего забоя было физически невозможно. Начинался стремительный процесс гниения. Доедать остатки замороженного зимой мяса означало подвергнуться риску смертельных эпидемий и ботулизма от мясных ядов.⁵⁴

Решением этого биологического кризиса стал жесткий религиозный запрет. Традиция «мясопуста» (греч. *ἀπόκρεως* — «безмясье», лат. *carne vale* — «прощай, мясо») возникла на Севере не из абстрактного желания усмирить плоть, а как бескомпромиссный закон выживания: остатки зимнего мяса уничтожались, а на употребление убойной пищи вводилось жесточайшее табу с первыми лучами весеннего солнца, когда вскрываются реки.

О том, что весенний отказ от мяса и переход на рыбу / растительную пищу у северных народов обусловлен порчей зимнего заготовленного скота («весенней бескормицей» и гниением ледников), писали классические этнографы, в частности, Дмитрий Зеленин.⁵⁵ Его монография

⁵⁴ Вспышки пищевого ботулизма на исходе зимы из-за порчи домашних заготовок (особенно свинины и ветчины, заготовленных в ноябре-декабре) — классический паттерн для Восточной и Северной Европы. Бактерия *Clostridium botulinum* развивается в анаэробной среде (внутри мясных туш) при повышении температуры выше 3,5–10,0° С. Сезонность пищевого ботулизма и исторические риски весеннего таяния замороженных припасов у народов умеренных и северных широт подробно рассматриваются в монографии Hauschild, A. H., & Dodds, K. L. *Clostridium botulinum: Ecology and Control in Foods*. — New York: Marcel Dekker, 1993. — pp. 230–235.

⁵⁵ Дмитрий Константинович Зеленин — этнограф, диалектолог и фольклорист, академик АН СССР (1878–1954).

«Восточнославянская этнография» до сих пор является фундаментальной классикой в изучении быта, традиций, календарных обрядов и пищевых привычек народов северного региона; в ней он описывает критические весенние точки в рационе, когда зимний забой подходил к концу, а условия его хранения на мартовском солнце резко ухудшались.⁵⁶

Таким образом, античные Апокрея и Карнавал представляют собой «культурные окаменелости» первобытной северной гигиены. Великий весенний пост родился не в мягком Средиземноморье, где весна — это время изобилия и расцвета, а в суровом климате северных стран, где весенняя оттепель означала временную невозможность мясного и рыбного рациона. Ограничение в пище, ставшее впоследствии религиозной догмой, изначально было *утилитарным законом выживания* северных народов, вынужденных подчинять свои гастрономические привычки суровым циклам северного солнца.

⁵⁶ Зеленин, Д. К. *Восточнославянская этнография*. — Москва, издательство «Наука», 1991. — стр. 112–115.

ГЛАВА 4. СТРАНСТВИЯ УЛИССА

Давний скептицизм в отношении возможности поместить странствия Улисса в реальный контекст обнаруживается в довольно ироничном заявлении греческого географа Эратосфена,⁵⁷ переданном Страбоном: «Можно найти места, где скитался Улисс, выследив сапожника, что зашивал мешок с ветрами» (*География* 1.2.15). Он имеет в виду Эола, царя мифического острова Эолия, помогшего Улиссу, поместив на его корабль кожаный мешок, «крепко завязав все пути завывающих ветров» (*Одиссея* 10.20). «Нельзя ли столкнуться с этим «сапожником» в северных морях, где дуют очень сильные ветры?» – задается вопросом Феличе Винчи.

Плутарх направил нас в Северную Атлантику, найдя там Оигигию, ключевой переломный момент в странствиях Улисса, который, с одной стороны, знаменует собой начало его возвращения на Итаку, а с другой – завершает сказочные приключения, о которых Улисс рассказывает феакскому двору. По этой причине Винчи предлагает последовать на поиски родины этих рассказов в той же географической области. Как сообщает нам Страбон, после тщательного изучения некоторых эпизодов *Одиссеи*:

«Очевидно, что все это придумано в Атлантическом океане». (*География* 1.2.18)

Информацию, содержащуюся в *Одиссее*, Винчи разделяет на две группы. Первая включает в себя события, которые Гомер рассказывает напрямую. Как мы убедились в случаях с Оигигией, Схерией и Итакой – стоило только поставить их в истинную географическую реальность, как выявляются удивительные соответствия. Вторая группа состоит из историй, которые поэт вкладывает в уста своих персонажей: Нестора, Менелая и самого Улисса, рассказывающего феакам о своем длительном возвращении на Итаку после Троянской войны. Его повествование о странствиях охватывает четыре песни поэмы, и в них мы можем найти как фольклорные мотивы, так и четкие северные географические ссылки.

Странствия Улисса, считает Винчи, доносят до нас связанную картину доисторических маршрутов, которые когда-то простирались в северной части Атлантического океана вдоль Норвегии, где жили феаки, «знаменитые мореплаватели», продолжались на запад, в сторону Шотландии и Шетландских островов, равно как вдоль норвежского побережья и берегов Кольского полуострова до Крайнего Севера. Дополнительное тому подтверждение – проложенные там же много лет спустя хорошо известные маршруты викингов⁵⁸, которые, как и их предки, воспользовались благоприятным климатом эпохи. Средневековый теплый период, длившийся несколько столетий около 1000 г. н.э., позволил им достигать Гренландии и даже американского побережья (Винланд), учитывая, в том числе, отсутствие в то время на данных маршрутах айсбергов и относительное послабление ветров. Также, во время средневекового теплого периода норвежский мореплаватель Оттар из Холугаланда совершал путешествия на Крайний Север, во многих отношениях похожие на те, о которых рассказывается в *Одиссее*. Он известен из отчета о своих путешествиях, который он предоставил королю Уэссекса Альфреду в конце IX века н.э.

Скитания Улисса, средиземноморская локализация которых порождает огромные географические вопросы, возникавшие уже у Эратосфена, Кратета Малльского и Страбона, очень последовательно вписываются, по мнению Винчи, в североатлантическую среду, очерчивая маршруты моряков доисторического периода, по которым также следовали и моряки эпохи викингов. Эти странствия находят заметный отклик и в местном фольклоре, в рассказах и в исторической памяти северных народов – достаточно взглянуть лишь на необычную карту Адама Бременского, на которой обозначены земли циклопов на севере Норвегии и владения амазонок на балтийских берегах.

БУРИ И ШТОРМЫ

В первом странствии Улисса – полном реализма и в наименьшей степени фантастическом – описывается нападение его небольшого флота на город Исмар (*Ismarus*) сразу после ухода из

⁵⁷ Эратосфен (276-194 гг. до н.э.)

⁵⁸ Del Zotto Carla, *La scoperta del Nord tra etnografia ed evangelizzazione*, in “Bollettino della Società Geografica Italiana”, vol. X (2005), p. 785.

Трои и последующая контратака киконов. Из всех народов, упомянутых в его странствиях в *Одиссее*, киконы являются единственными, также упомянутыми и в *Илиаде*, поскольку они были связаны с троянцами во время Троянской войны (*Илиада* 2.846).

Согласно предположению Феличе Винчи, земли киконов, как и сама Троя, находились неподалеку от «широкого Геллеспонта» – нынешнего Финского залива. Греческое имя киконов, *Kikones* напоминает исследователю *Kiikoinen* – название отдаленного от моря места возле Тампере. Последнее исходит из рассказа Улисса, согласно которому прибрежные народы, «те, кто спасся» после его нападения, «призвали киконов / живших в соседстве и больших числом и доблестью лучших / внутрь материк населявших» (*Одиссея* 9.47–49). Поначалу тот факт, что *Kiikoinen* расположен к северу от определенной Винчи Трои, то есть в направлении, противоположном Итаке, может показаться противоречивым, но сама *Одиссея* дает этому объяснение: «Ветер от стен илионских к Исмару пригнал нас, к киконам» (*Одиссея* 9.39–40).

После насыщенного событиями бегства от разъяренных киконов, флот плывет к Итаке, но вблизи мыса Малея (*Malea*) – по Винчи, в балтийской реальности соответствующего южной оконечности Швеции – соратники Улисса попадают в бурю: «девять дней уносили нас прочь по морю противоположные ветры» (*Одиссея*, 9.82). Мыс Малеа мог быть расположен недалеко от современного Казеберга (*Kåseberga*), к востоку от Истада (*Ystad*) и Мальмё (*Malmö*). Этот шторм знаменует собой поворотный момент в повествовании, потому что он отбрасывает корабли Улисса из знакомого ему мира в кажущийся мифическим мир.

Винчи предлагает задуматься над этой и другими бурями, которые часто переносят героев Гомера на невероятные расстояния в открытом море. Затяжные штормы, длящиеся много дней, мало похожи на те, что случаются в Средиземноморье, однако, они характерны для Атлантического океана. Так, в 1431 году страшный шторм перенёс корабль, принадлежавший венецианскому торговцу Пьетро Керини (*Pietro Querini*), из Ла-Манша к Лифутенским островам, которые обращены к побережью северной Норвегии. Оставшиеся в живых члены несчастного экипажа сумели высадиться на необитаемом о. Сандо (*Sandö*), где несколько дней спустя рыбаки с о. Рост (*Röst*) с юга Лифутенских островов спасли их и выхаживали до тех пор, пока они не были достаточно готовы вернуться домой.

В 1484 году испанец Алонсо Санчес (*Alonso Sánchez*) из г. Уэльва столкнулся с похожим штормом, последствия которого оставили значительный след в истории человечества. По словам Гарсиласо де ла Вега, историка XVI века, небольшое торговое судно Санчеса попало в сильный шторм во время плавания от Канарских островов до Мадейры. Судно сносило на запад в течение многих дней, пока ему не удалось, наконец, прибиться к острову, впоследствии получившему название Санто-Доминго. Там Алонсо отремонтировал свой корабль, вернулся в Испанию, а затем направился прямо к Христофору Колумбу, «великому мореплавателю и космографу из Генуи», чтобы рассказать о своем приключении. Колумб чрезвычайно заинтересовался его историей и, согласно авторитетному мнению Гарсиласо, «это был первый шаг к началу завоевания Нового Света».⁵⁹

Возвращаясь к Улиссу: наш герой также был отброшен от своего привычного мира штормом, который заставил его далее странствовать там, где является очень узнаваемым Атлантический океан. Кстати сказать, подчеркивает Винчи, эта буря в повествовании поэта кажется *уловкой* для того, чтобы вставить в поэму приключения Улисса. Изначально они могли быть разрозненными легендами и рассказами о морях нордического бронзового века – возможно, феакского происхождения, о чем свидетельствуют некоторые подсказки, которые будут рассмотрены позже, и которые поэт по своему усмотрению переделал и подстроил под своего главного героя. Несмотря на то, что повествование становится причудливым и фантастическим, в этом угрожающем мире можно выявить ссылки на реальные северные морские маршруты, по которым следовали бесстрашные доисторические моряки. Когда позже эти истории были помещены в обстановку Средиземноморья, определенные географические и описательные детали, такие как, например, великие приливы Северной Атлантики, стали неузнаваемыми. Однако, стоит только воссоединить эти детали с их истинным происхождением, место странствий Улисса становится определенным.

⁵⁹

Garcilaso de la Vega, *Commentari Reali degli Incas*, Milan 1982, 1.3.

В статье, опубликованной во французском журнале *Planète* в 1965 году, Роберт Филипп также выдвинул гипотезу о месте океанических странствий Улисса, которое было связано с торговыми путями финикийских моряков за Средиземным морем.⁶⁰

Последнее согласуется и со смелыми «атлантическими» гипотезами об этих странствиях, которые выдвигались с древних времен – например, Кратетом Малльским (Crates of Mallus), главой Пергамской библиотеки во II веке до н.э. Роберт Филипп заходит так далеко, что определяет землю финикийцев на юге Норвегии, хотя и не оспаривает классическое средиземноморское происхождение *Илиады* и остальной части *Одиссеи*. Однако, учитывая, что север Атлантического океана и Балтийское море соприкасаются, гипотезы Кратета и Филиппа обе не противоречат возможному изначальному северному расположению всего гомеровского мира, утверждает Винчи.

Странствия Улисса начинаются, когда страшный шторм уносит его корабли «за границы Киферы». Кифера стала, вероятно, последним знакомым форпостом в его мире перед неизвестным. Захваченный бурей Улисс пытается «вернуться в родимую землю» (*Одиссея* 9.79), то есть на Итаку. Можно предположить, считает Винчи, что страна киферцев (греч. *Kýtheroi*; *Одиссея* 9.81) лежала в направлении пролива Скагеррак, между Балтийским и Северным морями.

ДЕЗЕРТИРЫ-ЛОТОФАГИ

Улисс сообщает, что в десятый день, после девяти дней во власти ветров, «мы приплыли/в край лотофагов» (*Одиссея* 9.83–84). За исключением того, что эта земля, конечно же, «возвышалась над морем», это приключение Улисса – самое короткое, в двадцать строк – единственное в *Одиссее*, которое не дает нам никаких конкретных указаний на его местонахождение.

Общепринято считается, что *лотофаги* (греч. *Λωτοφάγοι*) были, дословно, находящимися в постоянном опьянении «пожирателями лотоса». Произрастающие в дельте Нила наркотические голубые лотосы действительно могли оказывать такое действие.

Феличе Винчи, однако, указывает, что греческое слово «лотос» – *lôtós* – обычно означает «клевер», пастбищное растение, которое, как подчеркивается и в *Илиаде* (2.776, 14.348, 21.351) и в *Одиссее* (4.603), полезно для лошадей. Фактически, в *Илиаде* выражение *lōtón ereptómenoí*, «жевать клевер» (*Илиада* 2.776), используется в отношении ахиллесовых лошадей. В *Одиссее* (9.97) это же выражение используется для обозначения лотофагов. Поэт также сообщает, что лотофаги употребляли в пищу *ánthinon eídar*, то есть «растительную пищу» (*Одиссея*, 9.84), где *ánthinon* происходит от *ánthos* – «цветок» или «побег». В другой строке той же песни поэмы упоминается о баране, который объедает *ánthea poiēs*, «побеги травы» (9.449).

Учитывая, что гомеровский лотос считается «очень сладким» (*Одиссея* 9.94), во многом как цветы клевера, Винчи предположил, что «поедатели лотоса» являлись «поедателями клевера», то есть, образно, чрезвычайно примитивными, первобытными «травоядными» людьми, кроткими и дружелюбными – в то время как дикие циклопы, в повествовании их преследовавшие, являлись жестокими людоедами. Таким образом, размышляет Винчи, поэт намеревался подчеркнуть различия между цивилизованным миром ахейцев, миром, в котором люди привыкли есть хлеб (*Одиссея* 9.89) – и странным, иногда диким, мифическим и фантастическим миром, в котором странствует Улисс.

Два товарища Улисса испытали искушение присоединиться к лотофагам, но были заставлены вернуться на свой корабль (*Одиссея* 9.98). Очень вероятно, речь шла не об их образном желании перейти в первобытное состояние, а о том, что это был *остров дезертиров*. Для понимания феномена стоит привести недавние исторические параллели, когда некоторые острова становились домами для дезертировавших военных моряков, решавших больше не связывать судьбу с морскими походами и сражениями — например, остров Науру в Тихом океане:

«...На протяжении всего XIX века остров [Науру] интересовал только беглых каторжников и матросов-дезертиров, считавших Науру местом, приятным во всех отношениях. Так они его и прозвали – Приятный остров (*Pleasant Island*). Местное

⁶⁰ Philippe, Robert. “Ulysse est-il allé en Bretagne?” *Planète* n. 22 (1965).

население, не насчитывавшее и тысячи человек, по свидетельству современников, «постоянно пьяных от кокосового вина», принимало новых поселенцев настолько радушно, что в 1881 году один из каторжников стал королем острова».⁶¹

Возможно, миф о лотофагах был перенесен в *Одиссею* из других мест мореплавания (с условиями, похожими на остров Науру, но из более седой древности). Что касается *лотоса*, то стоит упомянуть древние иллюстрации и фигурки (Египет, Крит), изобилующие изображениями то мака, то голубого лотоса. Голубой лотос (цветки и листья которого являются наркотическими средствами) произрастает как в Восточной Африке (от долины Нила до крайнего юга континента), так и в Индии и Таиланде.

Если мы имеем дело с возможным наслоением многих рассказов и привнесением средиземноморских деталей в изначально северный эпос, то оказывается и не столь нелогичным путешествие из шлимановской Трои, с нападением по пути на турецкий город Измир (соответствующий гомеровскому Исмару), следование далее к греческому мысу Малей, и унесение команды Улисса внезапным ветром прочь от греческой Итаки к дельте Нила с произрастающими там опьяняющими наркотическими голубыми лотосами. Далее в повествовании Улисса мы оказываемся, тем не менее, в Северной Атлантике.

Сами же *лотофаги*, возможно, и не были «пожирателями лотоса», как их имя дословно восприняли греки при переносе эпоса в греческий мир, или «поедателями клевера», как предположил Феличе Винчи, а, дословно – «лодырями, лентяями, уклонистами, дезертирами». На помощь в понимании значения имени «лотофаги» приходят прибалтийско-финские языки, в частности эст. *lodevakas*, *lõtvakas* [лодевакас; лытвакас] – «слабый, вялый, дряблый, рыхлый, развинченный, расслабленный, расхлябанный, болтающийся, распушенный, безвольный, бесхарактерный, ленивый»; эст. *loid*, р.п. *loiin*, фин. *loitia* – «вялый, дряблый, расслабленный, апатичный». Ср. также с арх. рус. *лытать* – «уклоняться от дела, службы»; эст. *looder*, арх. нем. *lodder*, *lode*, англ. *lazy* – «лодырь, бездельник».

СААМСКИЕ ЦИКЛОПЫ

В следующем странствии Улисс встречает циклопов. Эти «надменные люди» (*Одиссея* 6.5) выглядят как настоящий народ, живший, как мы выяснили, рядом с землей, откуда пришли феаки, «на обширных землях Гипереи» (*Одиссея* 6.4). Последнее указывает нам на норвежскую территорию, которая, как мы увидим, является основным местом действия большинства рассказов Улисса (рис. 3). Это подтверждается и картой XI века, где Адам Бременский расположил земли циклопов и их остров на севере Норвегии.

Внимательно читая средневековую литературу севера, Феличе Винчи обнаруживает следы циклопов, которые не удалось стереть тысячелетней историей. Адам Бременский, помимо сведений в оставленной нам карте, также упоминает в *Gesta Hammaburgensis* северный остров в Атлантике, на котором, по легенде, моряки Фризии натолкнулись на одноглазых гигантов.

В еще одном скандинавском мифе рассказывается о том, как король-мореплаватель вместе со своими воинами высадился в далекой стране, где они столкнулись с грозным людоедом. Им удалось победить его, ослепив раскаленным копьем. Король, о котором идет речь – не Улисс, а король викингов Херлет (*Hjörleif*), персонаж из саги *Hálfs ok Hálfsrekka*, чье действие разворачивается в северной Норвегии. Как отмечает Кьеца Иснарди⁶², «эта история напоминает нам миф о Полифеме».

Еще более удивительным является рассказ саамов о злом гиганте Стало, жадном до человеческих мозгов, с одним глазом посередине лба – совсем как у Полифема. Стало жил в самых отдаленных лесах Лапландии. Сказание повествует о том, что он был ослеплен хитрым гостем в своей хижине; а затем

«Он поднялся, понял, что ослеп, и тщетно пытался поймать саама. Тогда Стало сказал ему: «Выгони коз из хижины!» и устроился перед дверью, расставив ноги. Саам начал выталкивать коз, которые должны были пройти вереницей между ног Стало. Ощупывающий их при выходе великан сказал: «Пусть козел-самец пройдет последним».

⁶¹ «Остров везения», журнал «Коммерсант» № 04 [307] от 31.01.2001

⁶² Кьеца Иснарди (Chiesa Isnardi), итальянский филолог, эксперт по нордической мифологии (1949 – 2016).

Пока козы выходили одна за другой, саам убил козла-самца, надел его шкуру и прошел на четвереньках под ногами Стало. «Ну а теперь – сказал великан – можешь пройти ты». Но саам уже был снаружи, прыгая от радости и крича: «Я уже вышел!» В этот момент Стало подумал, что победить такого хитрого человека смогут только его сыновья, и спросил, как его зовут. Саам ответил: «меня зовут Я сам» – и убежал. Когда сыновья Стало вернулись и обнаружили убитым большого козла-самца, которого они очень любили, они разозлились и спросили своего отца: «Кто убил нашего козла?» «Я сам!» – ответил он. Тогда они убили Стало».⁶³

В этой истории не только повторяются детали бегства Улисса из пещеры Полифема, но и используется знаменитая уловка с вымышленным именем хитрого пленника, которая позволила ему обмануть своего чудовищного тюремщика и предварить реакцию других циклопов. В *Одиссее* Гомера хитрый Одиссей (Улисс) представляется циклопу Полифему именем «Никто» (гр. *Οὔτις* [Оутис]). На вопрос товарищей: «Кто тебя губит обманом или силой?» — великан ответил: «*Никто* меня губит обманом!». Услышав это, соседи-циклопы решили, что Полифем просто заболел или его карают боги, развернулись и ушли, оставив его без помощи (*Одиссея* 9.403–406, 408).

И среди игрушечных кукол, выставленных в сувенирных лавках Бергена, на которых изображены мифические тролли древнескандинавского фольклора, также есть куклы с одним глазом посередине лба.

Винчи подчеркивает и своеобразную особенность гигантов-циклопов, неоднократно отмечаемую Гомером, заключающуюся в их великой силе и способности легко передвигаться и бросать огромные валуны (*Одиссея* 9.240–243; 312–314; 481–483; 537–539). Эта уникальная способность имеет важную аналогию в древнескандинавском фольклоре, где «люди говорят, что великаны бросали или катили огромные беспорядочные глыбы земли».⁶⁴ Согласно Ада Грилли Бонини⁶⁵, в другом саамском сказании и Стало «кидает камни настолько большие, что современные люди не смогут их переместить, даже двадцать человек».⁶⁶

Также и герой эстонского эпоса с острова Сааремаа, практически одноименный с саамским Стало, гигант Большой Тылль (*Suur Tõll*), швыряет огромные камни во врагов, обходя остров, опираясь на свою 5-саженную (10-метровую) трость из ствола ели. А на средиземноморском Крите уже медный великан по имени Талос, или Талон (*Τάλως, Τάλων*), подарок Зевса как страж для охраны Крита, три раза в день обходит остров, и забрасывает любые неприятельские корабли «большими камнями».

Следы скандинавских циклопов, по мнению Винчи все еще можно найти и в топонимике центрально-северной норвежской береговой линии. Там исследователь находит фьорд Тосен (*Tosenfjorden*), название которого звучит довольно похоже на имя матери Полифема: «нимфы Фоосы / дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря» (*Одиссея* 1.71–72).

Рядом с Тосенфьорденом находится гора Торгхаттен (*Torghatten*), чей характерный яркий «глаз» – большое отверстие в горе – настолько видим для кораблей, что, вероятно, способствовал рождению легенды об одноглазом гиганте, которого Гомер сравнивает с «вершиной лесом поросшей горы» (*Одиссея* 9.191).

⁶³ Bosi, Roberto. *Lapponi: sulle tracce di un popolo nomade*, Florence 1995, p. 46.

⁶⁴ *Treccani Italian Encyclopedia*. Rome 1949, under “Norvegia: Etnografia e folklore”.

⁶⁵ Ада Грилли Бонини (Ada Grilli Bonini), итальянский журналист и писатель (род. 1947)

⁶⁶ Grilli Bonini, Ada. *Iter Lapponicum* (Lappish Itinerary), Bergamo 2000, p. 345.

Илл. 2. Гора Торгхаттен.

Название *циклоп* (*киклоп*, *cyclop*) общепринято выводят, по созвучию, от греч. κύκλος [киклиос, хиклиос] – «круг» и ὀψις [опсис] – «глаз; лицо».

Стоит, однако, отметить, что люди издревле находят гигантские черепа слонов и мамонтов, имеющие характерную дыру посередине (носовое отверстие, кажущееся глазом). Находили их, в том числе, в пещерах, где тех же слонов и мамонтов разделявали и съедали наши далёкие предки. В результате эти находки обрастали легендами о циклопах (не только в *Одиссее*).

Илл. 3. Музейный череп мамонта.

Зная данную историю, небезынтересно предположить связь названия *циклоп*, *киклоп* с

лексикой со значением «большой головы» – в частности, с англ. *chuckle* [чакл] – «большоголовый, неуклюжий»; марийск. *чуклака* – «ухаб, бугор»⁶⁷; равно как с эст. *hiigelpä* – «гиганская башка», от *hiid*, *hiiu*, *hiiglane* – «гигант»; *hiigel*– «гигантский» и эст. *pä* [neä], фин. *pää* [ня] – «башка, голова, макушка».

Эрик Даль (Erik Dahl), писатель и независимый исследователь из Тронхейма, сделал в 2014 году несколько интересных сравнений между миром циклопов Гомера и структурой полуострова Иннерёй (*Inderøya*) во фьорде Тронхейм (*Trondheim*), недалеко от Тосенфьордена. Хотя одно только название местности не может предоставить надежных доказательств местоположения, тем не менее, так и хочется поискать среди островов, лежащих рядом с этим фьордом, «плоский остров» (*Одиссея* 9.116) напротив порта циклопов.

Что касается Рифейских гор – лат. *Riphei* или *Ripei* – то некоторые древние географы размещали их на Крайнем Севере, в стране гиперборейцев, повествует Винчи. В частности, Плиний говорит, что они находятся на самой северной широте, как и остров Туле, *Thule* (*Естественная История*, 6,219). В свою очередь, Адам Бременский, на карте которого земли циклопов расположены у Рифейских гор на севере Норвегии, отождествляет Туле с Исландией: «Туле теперь называется Исландией из-за льда, который покрывает океан» (4.35). Круг связей между землей циклопов, Рифейскими горами, и Туле-Исландией замыкается тем фактом, что область Тосенфьорден является очень гористой и находится на той же широте, а именно 65°, что и Исландия, которая пересекается этой параллелью ровно посередине (эта широта примерно соответствует высоте Полярной звезды над горизонтом).

Приключение Улисса с Полифемом Винчи интерпретирует как обряд оракула, в котором пророчество о судьбе героя (*Одиссея* 9.532–535) произносится в конце своего рода битвы. Некоторые детали, такие как обстановка в пещере и своеобразные имена главных героев – Полифем, греч. *polyphēmos*, где корень *phēmē* означает «пророчество, предзнаменование» (мы скоро найдем этот корень, говоря о женщине-помольщице и Фении), и «Никто», хитроумно придуманное Улиссом имя – кажется, раскрывают ритуальный аспект их встречи. Образ «сына Еврима Телема, знаменитейшего в людях провидца / Жил и состарился он, прорицая циклопам в земле их» (*Одиссея* 9.509–510), очень хорошо соответствует интерпретации такого рода, а также отвечает шаманистическим чертам некоторых древних скандинавских культур.

История короля викингов Хьёрлейфа и людоеда, добавляет Винчи, столь похожая на встречу Улисса с Полифемом, также содержит тему оракула, когда ослепленный гигант предсказывает судьбу победоносного короля.

ОСТРОВ ВЛАДЫКИ ВЕТРОВ ЭОЛА

После драматического странствия к земле циклопов «вскоре приехали мы на остров Эолию / Жил там милый бессмертным богам Эол, Гиппотом рожденный» (*Одиссея* 10.1–2). Эол – один из самых неординарных персонажей *Одиссеи*:

Он дал мне сумку из кожи десятилетнего быка
В которой крепко завязал все пути завывающих ветров.
Стражем сделал его Громовержец над всеми ветрами,
Дав ему власть возбуждать или обуздывать их по желанию.
На корабле моем полом шнуром он серебряным мех тот
Перевязал, чтоб ни малого быть не могло дуновенья.
Только Зефиру велел провожать нас дыханьем попутным,
Чтобы понес и суда и самих нас. (*Одиссея* 10.19–26)

Винчи предположил, что остров Эола лежал в Атлантическом океане, недалеко от норвежского побережья, где, как указано на карте Адама Бременского, есть следы циклопов. Следовательно, исследователь сосредоточил внимание на Шетландских островах у побережья Норвегии на широте около 60°. Их скалы соответствуют описанию Эолии, чьи «берега из обрывистых скал состояли» (*Одиссея* 10.4). Этот «дом», по мнению Винчи, подходит для

⁶⁷ В.Г.Громов «Марийский язык – старший брат латыни», Йошкар-Ола, 2011:
<http://www.mari-el.name/library/gromov.pdf>

«владыки ветров», потому что здесь случаются очень сильные штормы с ветрами, превышающими 200 км в час.

Более того, Зефир, западный ветер, являл собой именно то, что было нужно Улиссу для возвращения домой: его флот плыл из Эолии до тех пор, пока «родные поля не показались на горизонте» (*Одиссея* 10.29), но его товарищи, думая, что в сумке Эола были золото и серебро,

растегнули ее, и вырвались все ветры на волю.

Плачущих спутников вмиг ураган подхватил и понес их

Прочь от родных берегов (...)

Назад, к Эолову острову, буря

Наши суда уносила (Одиссея 10.47–49, 54–55)

Шетландские острова, где имеются медные рудники, которые могли бы объяснить «бронзовую стену» в палатах Эола (*Одиссея* 10.3), были заселены с доисторических времен: археологические раскопки в Ярлсхофе содержат находки, насчитывающие три тысячи лет. Еще более старые останки были обнаружены на Оркнейских островах, в ста километрах к юго-западу. Результаты радиоуглеродного анализа указывают на то, что заселение места Скара-Брей началось около 3180 года до н.э.

Эти находки также указывают, по мнению Винчи, на то, что северные народы пользовались океанической навигацией с очень древних времен. Шетландские острова лежат в центре между Шотландией, Фарерскими островами и норвежским побережьем, и, следовательно, должны были быть очень важным ориентиром для моряков бронзового века. Эти острова, считает исследователь, были порталом захода торговых судов, сообщающихся между Скандинавией и Британскими островами, по крайней мере, во время Атлантического климатического оптимума, что сделало такой путь относительно легким, а также, возможно, и в начале последующей суббореальной фазы. Неслучайно первые викинги прибыли на Шетландские острова в IX веке н.э., во время нового благоприятного средневекового теплого периода – где след Скандинавии все еще ощутим, несмотря на то что Шетландские острова не принадлежат Норвегии с 1472 года.

Для целей своего исследования Винчи обращает внимание на один из самых больших островов архипелага – Йелл, который может соответствовать о. Эолия (*Aiolīē*) (*Одиссея* 10.1), дому могущественного Эола (*Aiolos*). В «Золотой ветви» (*The Golden Bough*) Джеймс Фрэзер,⁶⁸ подтверждает эту идею:

«Моряки Шетландских островов даже сегодня *покупают ветры в виде носовых платков и веревок, скрученные пожилыми женщинами, которые утверждают, что они способны контролировать штормы*. Люди говорят, что в Леруике есть старые ведьмы, которые живут, продавая ветры».⁶⁹

«Скрученные веревки» напоминают нам, как Эол связывал ветровые дороги. Как уже было отмечено: «он связал (*katedēse*) все пути завывающих ветров» (*Одиссея* 10.20), где *katedēse* является формой греч. глагола *katadeō*, «связать», также обнаруженной далее: «шнуром он серебряным сумку ту / перевязал (*katedei*)» (*Одиссея* 10.23–24).

Этот используемый в *Одиссее* греческий глагол имеет прямых родственников и за рамками небольшой группы языков, классифицированных как «индо-европейские» – в частности, в эст. *kududa*, *kootada*, фин. *kutoa*, ливон. *ku'ddō*, карел. *kuduo*, вепс. *kudoda*, саам. *godđit*, венг. *kőtni* – «вязать, ткать, плести, соткать, сплести»; фин. *kudos*, эст. *kude*, *koetis* – «плетение, вязь, ткань»; фин. *kudottu* – «сотканный». Симо Парпола, профессор ассириологии Хельсинского университета в своих исследованиях указывает далее на прямую связь с языком древних шумеров, в лексиконе которых [*kud-*] означало «делать одежду»; [*kode*, *kad-*] – «связывать, вязать, ткать».⁷⁰

⁶⁸ Джеймс Фрэзер (James Frazer), британский религиовед, антрополог, этнолог, культуролог и фольклорист (1854 – 1941)

⁶⁹ Frazer, James. *Il ramo d'oro*, Torino 1973, p. 131.

⁷⁰ Simo Parpola, *Etymological Dictionary of the Sumerian Language*, издательство Eisenbrauns, 2016.

Про имя самого Эола Винчи добавляет, что в греческом оно означает «переменчивый» с отсылкой к непредсказуемой природе моря. Нельзя исключать, однако, что *Эол* может оказаться до-греческим именем, находящим корни, в том числе, в финно-угорской и тюркской лексике. Еще в начале XX века жители чудских деревень Олонецкого уезда использовали слово *ёлъ* в значении «ветер», и глагол *аэл-, аэлта* – «гнать, гонять; ездить».⁷¹ В тверских карельских говорах глагол *ajella* также имел значение «гнать; ехать». Ср. также с тур., азерб., туркм., узб., кр.-тат. *yel*, башкир. *ел*, каз. *жел*, тат. *жыл*, венг. *szél* – «ветер»; тат. *юл*, тур., азерб. *yol*, каз. *жол* – «путь, дорога».

Что касается еще одного прозвища Эола, *Hippotades*, то есть «сын всадника», дважды упоминаемого в *Одиссее*, то, согласно Винчи, это прозвище кажется очень экстравагантным для царя острова посреди Атлантики. Тем не менее, оно дает нам еще один замечательный ключ: его можно связать со знаменитыми шетландскими пони, которые пасутся на Шетландских островах со времен бронзового века.

Некоторые следы Эола все еще можно найти в древнескандинавской литературе. Винчи имеет ввиду Ньорда, бога, который правит как ветрами, так и морем. Как утверждает профессор Кьеца Иснарди, «его нужно вызывать, отправляясь в морское путешествие». В *Младшей Эдде* рассказывается, что он живет в *Noatun*, «корабельном граде», и его отношения с морем настолько тесны, что его брак находится под угрозой, поскольку его жена предпочитает горы (*Видение Гюльви* 23). Более того, Ньорд очень богат – как и Эол, в покоях которого «жареным пахнет», и дом которого полон «несчетными яствами» (*Одиссея* 10.9–10).

Ньорд является главным богом среди ванов (мифических мореплавателейных соперников асов – главных богов скандинавского пантеона). У него двое детей от кровосмесительных отношений со своей сестрой, что является обычным явлением среди ванов и похоже на то, что мы видим в семье Эола, у которого было «шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих здоровьем / Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал» (*Одиссея* 10.6–7). Мы можем даже связать это с тем фактом, что Эгир и Ран, ужасная пара, управляющая морями в скандинавских сагах, соответствуют в греческой мифологии Эгеону и Рее, которые являются братом и сестрой.

Все это не просто предполагает северное местоположение; эпизод абсолютно не согласуется со средиземноморской географией, где путь туда и обратно, от Эолийских островов до ионической Итаки, под веянием Зефира, западного ветра (*Одиссея* 10.25), требовал бы двойного пересечения Мессинского пролива, т.е. средиземноморской Харибды, о чем нет никаких упоминаний в *Одиссее*.

Теперь, заключает Винчи, вспоминая ироничное утверждение Эратосфена, действительно «можно найти места, где скитался Улисс, выследив сапожника, что зашивал мешок с ветрами». Найдя дом Эола посреди Атлантики, мы можем сказать, что мастерская этого парадоксального «сапожника» располагалась на Шетландских островах.

Последователь гипотезы Винчи, итальянский исследователь Альберто Майрани добавляет, что сам *плавающий остров* Эола – это, возможно, *айсберг*,⁷² множеством которых славятся воды северной Атлантики:

*Остров плавающий его неприступною медной стеною
Весь обнесён; берега ж поднимаются гладким утёсом.* (*Одиссея* 10.3–4)

Как известно, окислившаяся медь или бронза, под воздействием атмосферных осадков, что видно на примере памятников из медных сплавов, приобретает зеленовато-голубоватый оттенок – такой же, как и цвет ледника – и как и «неприступная медная стена» *плавающего* острова Эола.

⁷¹ Павел Успенский, *Русско-Чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями*, Санкт-Петербург, 1913.

⁷² Alberto Majrani, *L'Astuto Omero e il geniale inganno dell'Odissea*, Filottete Edizioni, 2020, p. 277

Айсберги, вероятно, встречают на своем пути и аргонавты – мифические плавучие «сталкивающиеся» скалы Симплегады, постоянно расходящиеся и со страшным грохотом сдвигающиеся, уничтожая все на своем пути. Анализируя оду поэта Пиндара, доктор Фредерик Пэйли⁷³ заметил еще в 1887 году, что Симплегады описываются не просто как сталкивающиеся камни, а как «живые, крутящиеся и кувыркающиеся как животные» объекты (*σύνδρομοι πέτραι*). Такое поведение (кувырки, внезапная потеря устойчивости, постоянное движение) абсолютно нехарактерно для каменных скал или островов, но идеально описывает тающие и переворачивающиеся в воде айсберги. Пэйли предположил, что в основу мифа легли древнейшие воспоминания о реальных айсбергах.⁷⁴

ЗЕМЛЯ ЛЕСТРИГОНОВ

Покинув остров Эолию, флот Улисса достиг

*...город высокий Лама
Телепил в стране лестригонской. Пастух, свое стадо пригнавший,
Перекликается там с пастухом, кто свое выгоняет.
Муж, не знающий сна, получал бы двойную там плату:
Пас бы сначала быков, а потом бы - овец белорунных,
Ибо дороги и ночи и дня там сходятся близко. (Одиссея 10.81–86)*

Процитированные строки подчеркивают, полагает Винчи, что день исключительно длинный, и указывают на то, что описываемый регион расположен на очень высокой широте, вероятно, к северу от Шетландских островов, а именно – на северном побережье Норвегии. Некоторые ученые, такие как Роберт Грейвс,⁷⁵ убеждены, что местом событий с лестригонами является Норвегия:

«Телепил (...) лежит на крайнем севере Европы, в стране Полярного дня, куда [приходят] пастухи, обмениваются приветствиями с выходящими (...) лестригонами, «очень суровой расой», которыми были, вероятно, норвежцы».⁷⁶

⁷³ Фредерик Апторп Пэйли (Dr. Frederick Paley), британский ученый-классик, исследователь Гомера и античной драматургии, профессор Кембриджского университета (1815 – 1888)

⁷⁴ American Journal of Philology, Vol. 8, No. 4 (1887), pp433-440

https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Journals/AJP/8/4/The_Symplegades_and_the_Planctae*.html

⁷⁵ Роберт Грейвс (Robert Graves), британский поэт и литературный критик (1895 – 1985).

⁷⁶ Graves, Robert. *Graves R., I miti greci*, Milan 1979, 170.4.

Кроме того, этот отрывок, вероятно, натолкнул Кратета Малльского во II веке до н.э. на идею о том, что странствия Улисса происходили в Атлантическом океане. Гомер был знаком с полярными ночами, и тьмой Тартара, которую Кратет отождествлял с Арктическим регионом.⁷⁷

Рядом с норвежским побережьем мы сталкиваемся с о. *Lamøy*, который напоминает нам о гомеровском острове Лама (*Lamus*). Он расположен к северу от Тосенфьордена, в обстановке, соответствующей контексту последующих странствий. Воображение поэта, подкрепленное информацией, которую он, без сомнения, слышал об этих отдаленных маршрутах, продвигает Улисса все дальше и дальше на север после того, как его корабль остается один в результате нападения ужасных лестригонов, свирепо уничтоживших остальную часть его флота.

Очень долгие дни лестригонов подтверждают мысль Винчи о том, что изначальное место действия скитаний Улисса лежало в Северной Европе, в то время как традиционно считается, что несколько приключений происходят к западу от Греции, в районе Тирренского моря, у западного побережья итальянского полуострова. Почему они были перенесены туда, а не в другое место? Вероятно, это связано с тем, размышляет исследователь, что греки все еще помнили, что местом воспеваемых странствий являлась невероятная, почти неизвестная западная земля за морем, своего рода доисторический океанический «дикий запад».

Взглянув на карту Европы, где южным аналогом атлантического побережья Норвегии является тирренское побережье Италии, считает Винчи, мы можем понять, почему атлантические странствия Улисса были помещены туда. В этом районе, соответствующем положению Шетландских островов относительно южной Норвегии, Липарские острова (*Aiolídes Nḗsoi*, *Isole Eolie*) обращены к калабрийскому побережью на юге Италии. Согласно традиционной модели, «обширная Гиперия» отождествляется с Кампанией (район ниже Неаполя); остров Цирцеи – с мысом Сан Феличе Чирчео в 100 км к юго-востоку от Рима; земля лестригонов – с о. Сардиния; Тринаркия – с о. Сицилия; Сцилла и Харибда – с Мессинским проливом; и так далее.

В составе группы Липарских островов к северу от Сицилии нет ни одного острова, который бы назывался Эолия – в греческом и итальянском используется название *Aiolídes Nḗsoi*, *Isole Eolie*, предположительно, появившееся в результате проецирования гомеровского эпоса на данный архипелаг.

Переложение рассказов Улисса в Средиземноморье (которое, согласно гипотезе Винчи, могло произойти, когда распад микенской цивилизации в XII веке до н.э. стер память о реальном местонахождении гомеровского мира), еще больше подчеркнуло нереальный, сказочный характер странствий и неизбежно сделало их совершенно неузнаваемыми. Тем не менее, когда мы возвращаем эти фантастические приключения в их изначальную среду, они становятся гораздо более реалистичными, подчеркивает Винчи. Это также подразумевает, по мнению исследователя, что первый бард-рассказчик *Одиссеи* выстроил эти рассказы, используя фольклор и легенды стран, к которым он их и относил.

Но как же ему удалось заполучить сказания из столь далеких мест? Винчи предполагает, что сильное развитие судоходства во времена бронзового века, помимо расширения торговли, привело к культурным обменам между различными странами через моряков, торговцев, пиратов, странствующих бардов. Нестор проливает некоторый свет на эту идею «странствий», когда обращается к своему гостю Телемаху, чтобы растопить лед в их разговоре после банкета:

Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?

Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,

Как поступают обычно пираты, рыская всюду? (Одиссея 3.71–73)

Первый песнопевец, возможно, получил информацию из рассказов феаков, на что указывают некоторые источники: мы имеем в виду точность описаний берегов и островов северной Норвегии, где жили феаки, «знаменитые моряки». Примечательно неудачное путешествие Улисса из Эолии на родину, называемую «родной землей» (*Одиссея* 10.29), в то время как Итака никогда не упоминается в этом эпизоде – можно предположить, что эта «родная земля» – изначально земля самих феаков, норвежское побережье напротив Шетландских островов. Может быть, ахейский бард «переработал» содержимое какого-нибудь феакского

⁷⁷ Treccani, under “Cratete di Mallo”.

стихотворения? Винчи предлагает также задуматься о том, что Улисс рассказывает о своих странствиях в феакском дворе, где феакский песнопевец Демодок уже поет о подвигах ахейцев (*Одиссея* 8.75–83).

Что касается имени великанов-людоедов лестригонов (*Lestrygónes*), оно вновь может восходить к прибалтийско-финским языкам – этим остаткам наречий первоначальной Гипербореи. Загадочный народ, закидывавший корабли Улисса огромными камнями в узкой бухте, ставит официальную «индоевропеистику» в тупик: наука констатирует «полную невозможность» объяснить происхождение этого слова⁷⁸. Между тем, для гомеровских аэдов главным признаком лестригонов был их колоссальный, нечеловеческий объем – Гомер прямо подчеркивает, что они были похожи на гигантских исполинов (*Одиссея* 10.118–120). В прибалтийско-финском субстрате корень *lai* (фин. *laaja*) означает «широкий», что в превосходной степени дает основу *laiest* / *laajast* – «широченный, широкоплечий». Вторая же часть гомеровского этнонима (-гоны / -gones) идеально накладывается на мощнейший собирательный суффикс -конд / -конна (-kond / -konna), формирующий понятия «общины», «племени» или «союза людей» (ср. эст. *perekond* – семья, *sugukond* – род, племя). Таким образом, доисторическая праформа *Laiest-konna* (или *Laaajast-konna*) буквально переводится как «община широких» или «племя широкоплечих великанов» это описательное имя, зафиксированное торговцами Янтарного пути при встрече с массивными северными аборигенами, вероятно, и было подхвачено южными аэдами и застыло в *Одиссее* в греческой форме *Lestrygónes*.

АРКТИЧЕСКИЙ ОСТРОВ ЦИРЦЕИ

Следующее приключение происходит на острове Цирцеи – Эя (*Aiaíē*). Цирцея была колдуньей, дочерью бога Солнца, при помощи волшебного зелья превратившей спутников Улисса в свиней. Если земля лестригонов, согласно реконструкции Феличе Винчи, была расположена на очень высокой широте, то остров Цирцеи, несомненно, был бы еще севернее, как показывают слова сильно обеспокоенного Улисса:

*Нам совершенно, друзья, неизвестно, где тьма, где заря здесь,
Где светоносное солнце спускается с неба на землю! (Одиссея 10.190–192)*

Тьма и заря здесь указывают на запад и восток соответственно (как и в *Одиссее* 9.26 и *Илиаде* 12.239–240). Место, где солнце не садится летом, может означать только Крайний Север, где это явление происходит во время сезона мореплавания.

Данная обстановка также полностью согласуется с загадочным отрывком, касающимся острова Эя, «где рано восходящий Рассвет / имеет свой дом и площадку для танцев» (*Одиссея* 12.3–4). Что имеет в виду поэт под этими «танцами Рассвета» (Эос, *Eōs*, богини утренней зари), которые нигде больше не упоминаются?

Аналогичное понятие обнаруживается в Ведах (самых древних гимнах индийской мифологии), в которых рассвет, олицетворяемый богиней Ушас, обычно выступает в виде танцующей фигуры. Б.Г.Тилак⁷⁹ указывает, что танец Ушас является метафорой типичного явления очень высоких широт, за Полярным кругом, где «вращающийся рассвет» появляется ближе к концу долгой зимней арктической ночи, предвещая первое появление солнца:

«Прежде всего, низко на ночном горизонте появляется еле видимый проблеск света. Поначалу он кажется слегка ослабляющим свет звезд, но затем он нарастает и расширяется по еще темной линии горизонта. Через 24 часа он уже замыкает кольцо горизонта вокруг наблюдателя, и многие звезды начинают тускнеть. Вскоре этот разливающийся свет начинает сиять подобно «жемчужине востока». Постепенно он захватывает все более широкие круги неба, и его жемчужный оттенок наливается легкой краснотой, обрамленной пурпурными и золотыми отблесками. Если измерять это днями, то день за днем прекрасная панорама расширяет свой круг, и, в зависимости от состояния атмосферы и наличия облаков, порождающих отражения, все вокруг то

⁷⁸ <https://www.etymonline.com/word/Lestrygonian>

⁷⁹ Б.Г.Тилак (B.G.Tilak), индийский ученый (1856 – 1920).

вспыхивает, то гаснет, то снова вспыхивает и гаснет – гаснет как бы для того, чтобы еще более яркой вспышкой показать, что приближается к точке своего восхода солнце, еще скрывающееся за горизонтом».⁸⁰

Это объясняет метафору Гомера «*танцы Рассвета*». Винчи предлагает вспомнить, что в древней Греции «круговые хоры» были хороводными танцами, и, как мы уже убедились, «вращающийся рассвет» в самом деле является своего рода «хороводом» света на фоне арктической ночи. Это также отражается в своеобразном ритуале самодийских шаманов под названием *Medodè*, проводимом в конце Полярной ночи, в котором юноши непрерывно танцуют в кругу, поскольку «ритм несмолкаемого хоровода» помогает восходящему солнцу начать свой путь сначала».⁸¹

Винчи полагает интересным сравнить греческие *choroi* («танцы») с французскими средневековыми *caroles* – танцами, исполняемыми несколькими людьми, которые держались за руки и ходили по кругу под звуки песни. Традиционные английские рождественские колядки, которые в прошлом были хоровыми танцами, также могут быть частью этой традиции, связанной с зимним солнцестоянием. Этот же принцип «круга» применяется к благословенным душам в *Раю* Данте (24.16–17), которые ходят вокруг и «танцуют эти колядки [*carole*] / разными способами».

В *Одиссее* Гомер сообщает нам, что помимо «танцев Рассвета» (северного сияния) на острове Эя происходит еще одно явление: «восход солнца [*antolai ēelioio*]» (*Одиссея* 12.4). Поскольку это выражение применяется специально для этого острова (Гомер использует его только один раз), мы можем заключить, что поэт не имеет в виду обычный восход солнца. Представляется разумным истолковать, что греч. слово *antolai*, образованное от глагола *anatéllein*, относится к солнцу, «стоящему над» (*téllein aná*) горизонтом. Другими словами, это, по мнению Винчи, ссылка на *Полярный день*, особенно если учесть, что она появляется после упоминания о невозможности использования этого солнца в качестве средства ориентации на острове. Данные описания – такие как «танцы рассвета», и перманентный «восход солнца» – кажутся все более значимыми в качестве информации, помогающей нам обнаружить место их действия, так как они упоминаются только один раз в тексте гомеровских поэм.

В арктических регионах непрерывная ночь солнцестояния, которая длится два месяца на севере Скандинавии, подчеркивает важность солнца для человеческой жизни. Подобно саамам, которые называют себя «детьми Солнца», Гомер называет и Цирцею «дочерью Солнца» (*Одиссея* 10.138). Шаманистские черты ее характера хорошо согласуются с практикуемыми арктическими солнцепоклонническими культами.

Цирцея также является «сестрой ужасного Ээта», царя Колхиды, что говорит об изначальной географической близости мифической Колхиды и о. Эя. Греческий писатель Мимнерм, цитируемый Страбоном, так описывает город Ээта: «город, где солнечные лучи покоятся в золотом ложе на краю океана, куда ушел Ясон» (*География*, 1.2.40). В этом «золотом ложе», где отдыхают солнечные лучи, явственно чувствуется поэтическая ссылка на Полярный день.

Следуя вдоль норвежского побережья к северу, продолжая направление, обозначенное предыдущими остановками Улисса, Винчи находит Луфутенские острова и острова Вестеролен, расположенные за Полярным кругом, где полуночное солнце светит с конца мая до середины июля. Эта область является наиболее вероятным местом магических царств Цирцеи и Ээта, что подтверждается и предупреждениями Цирцеи Улиссеу (*Одиссея* 12.39–140) об опасностях, с которыми ему придется столкнуться после того, как он покинет Эю, чтобы вернуться домой, а именно: Сирены, Сцилла и Харибда, и остров Тринакрия (все эти опасности Феличе Винчи помещает в район Луфутенских островов).

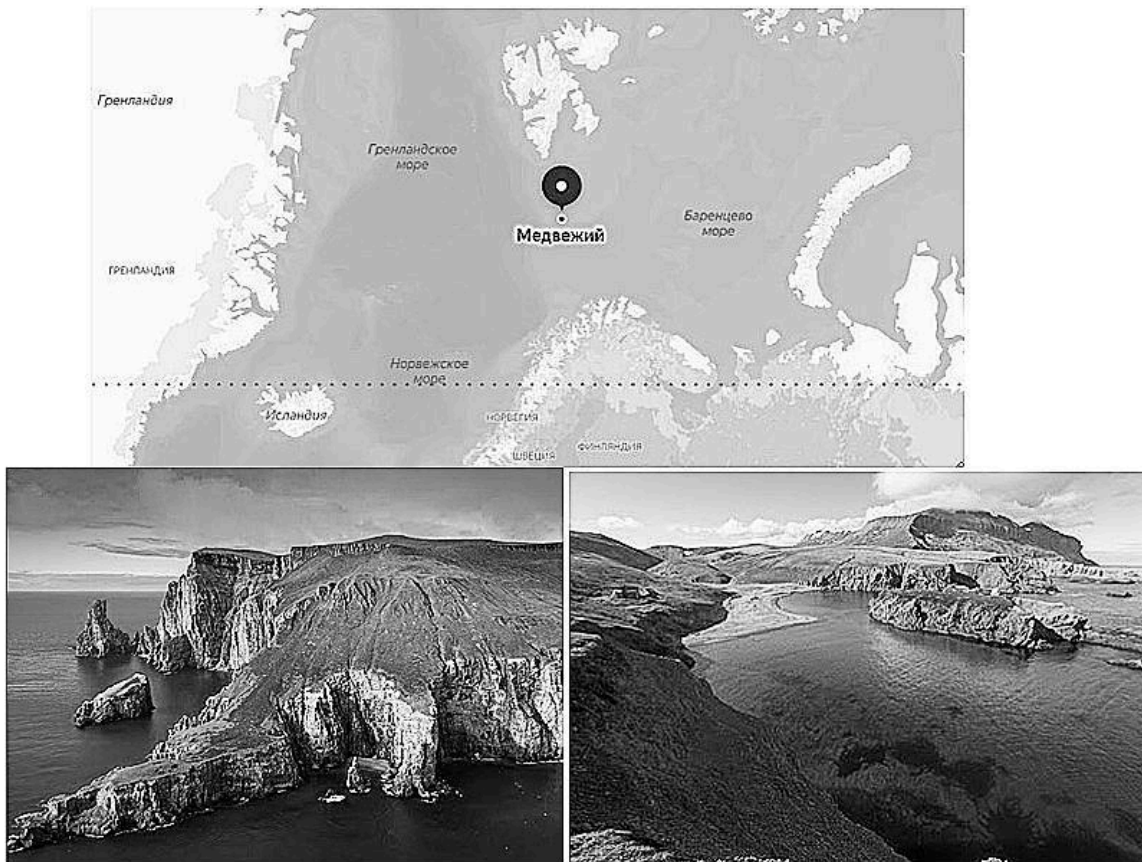
Согласно Винчи, греческое название острова Цирцеи Эя – *Aiaiē* – образовано суффиксом *aie*, означающим «земля» (в поэмах Гомера также встречается вариант *gaiē*), и префиксом *ai*, встречающимся и в имени Ээта (греч. *Aiētēs*). Стоит упомянуть, однако, что в норвежском языке *øya* – любой остров (и вторая часть во множестве названий островов).

⁸⁰ Цитируемый Тилаком Уильям Ф. Воррен, «Обретенный рай» (William F. Warren, *The Paradise Found*), Boston: Houghton Mifflin, 1886; Tilak, 1994.

⁸¹ Marazzi, Ugo, ed., *Testi dello sciamanesimo*, Turin 1984, p. 577

В первоначальной версии своей гипотезы Винчи идентифицирует о. Эя с островом *Хойя* (*Høja*) на крайнем севере Норвегии; в последующей версии, опубликованной на итальянском языке *I Segreti di Omero nel Baltico* в 2021 году – с островом *Сёрёйя* (*Sørøya*) в том же районе с массой других прибрежных островов.

Прибыв на о. Эя, Улисс поднимается на «скалистый утес» (*Одиссея* 10.148), чтобы определить, что находится на «острове, окруженном морем» (*Одиссея* 10.195). Это похоже на указание на остров, очень удаленный от каких-либо других островов и материка. С учетом также того, что в дальнейшем (*Одиссея* 10.506–509) Цирцея направит Улисса ко входу в Царство Аида с северным ветром на юг, через *реку Океан* (*Гольфстрим*), то более вероятным островом Эя может являться о. *Вьётпюа* («Медвежий остров») на полпути между крайним севером Норвегии и архипелагом Шпицберген.

Илл. 4. Остров Медвежий (*Bjørnøya*)

Когда Улисс высадился в Эя, он разделил своих людей на две группы по двадцать три человека: одну для разведки острова и одну – для охраны корабля (*Одиссея* 10.203–209). По Пёртнеру, эта же стратегия была принята викингом Лейфом Эрикссоном, когда тот достиг о. Винланд у побережья Северной Америки: Пёртнер цитирует «*Сагу о Гренландцах*», которая рассказывает о путешествии в поисках «краев земли». Любопытно также, что Лейф Эрикссон был родом из области Йерена (*Jæren*) на юге Норвегии, что примерно соответствует гомеровской земле феаков. «Создается отчетливое ощущение, что, несмотря на столетия, разделяющие эти две истории, менталитет этих моряков оставался прежним» – отмечает Винчи.

Находясь на Эе, Улисс использовал траву под названием *мѳолл*, *mōly* (*Одиссея*, 10.305) в качестве противоядия для нейтрализации заклинания Цирцеи, намеревавшейся превратить Улисса, вслед за его спутниками, в свинью, дав ему волшебное зелье. Хотя ученые не смогли установить, что это за таинственная трава,⁸² Винчи указывает, что слово *мूल*, *mūla* на санскрите

⁸² Graves, Robert. *I miti greci*, Milan 1979, 170.5.

означает «корень» и что существует типичное выражение, относящееся к этому слову – *mûla karman*, что буквально означает «использование корня в магических целях».⁸³ Другими словами, мы находим упоминание о, возможно, одном и том же противоядии, что использовалось и в *Одиссее*.

Но какого конкретно растения был этот корень, задается вопросом Винчи. Возможное правдоподобное объяснение исследователь находит у древних *гуанчей*, аборигенных белокурых жителей Канарских островов, живших там до прибытия испанцев, чей вымерший язык был частично восстановлен Домиником Йозефом Вёльфелем⁸⁴ в его работе *Monumenta linguae Canariae*: на этом языке слово *mol* означает «полынь» (*Artemisia absinthium*). Полынь используется для производства абсента, который обладает психоактивными свойствами и играет важную роль в европейском фольклоре: его считают защищающим людей (в Богемии) и животных (в Пруссии и Литве) от ведьм и колдовства.⁸⁵ Более того, и в древней китайской сказке «Миф о Къене» бог Хиунг дает полынь некоторым животным, чтобы превратить их в людей.⁸⁶

Магические зелья, колдуны и метаморфозы, указывает Винчи – это те же самые элементы, которые характеризуют чрезвычайно архаичный мир Цирцеи, которую называют *polypharmakos*, «многосведущая в зельях» (*Одиссея* 10.276). Когда она превращает товарищей Улисса в свиней, прикасаясь к ним «жезлом» (*rhâbdos*, *Одиссея* 10.238) после того, как они выпивают зелье, ее можно сравнить с сибирским шаманом, который «дотрагивается до головы одного из прохожих молотом, вселяя в него дух Цан-Тайлика (Qan Tayliq) и делая его одним из своих призраков-помощников» – при этом призраки-помощники шаманов часто являлись животными-призраками.⁸⁷ Мы можем понять также, почему Улисс боится «лишиться силы», если он займется любовью с Цирцеей (*Одиссея* 10.341): якуты, например, верят, что если женатый мужчина займется любовью с шаманским призраком женского пола (*abassy*), то станет импотентом.⁸⁸

Винчи также отмечает, что шаманами у саамов на севере Скандинавии часто становились женщины, что согласуется с такими персонажами, как Цирцея и ее племянница Медея, в то время как в других известных местностях, практикующих шаманизм, таких как Сибирь, шаманами становятся в основном мужчины.

Примечательна и история Керидвен (*Ceridwen*), колдуньи из кельтской мифологии, которая в *Истории Талиесина* (*History of Taliesin*) использует магическое зелье, обладающее способностью превращать людей в различных животных – так же, как и Цирцея. Что касается имени Керидвен, следует отметить, что окончание *-wen* иногда добавлялось к именам святых женщин, а корневая основа – *cerid*, значение которой неясно – не сильно отличается от имени самой Цирцеи, греч. *Kirkē*.

По версии Винчи, имя Цирцея (Кирка, *Kirkē*), возможно, связано с греч. *kirkos*, «ястреб». Птицы, в особенности использовавшиеся на охоте, часто наделялись шаманскими свойствами. Интересно, однако, и сравнение имени Цирцея с англ. *sorcerer*, фр. *sorcier*, эст. *sorts*, *sortsija* – «чародейка, колдунья, волшебница»; англ. *curse* – «проклинать, заклинать»; лат. *sortarius* – «предсказатель судьбы, колдун»; лат. *sors* – «жребий, судьба, фортуна»; укр. *цурка* – «палочка, орудие ворожбы»; рус. *чары* – «магия». Мы явно имеем дело с остатками общего до-греческого субстрата из языков Старой Европы⁸⁹.

Наконец, остров Цирцеи является отправной точкой самого шаманистического приключения Улисса. Имеется в виду его путешествие из Эи в «царство Аида и Персефонеи ужасной» (*Одиссея* 10.564), в обитель мертвых. В этом эпизоде, который ожидался быть абсолютно фантастическим, напротив, мы обнаружим неожиданные географические взаимосвязи с этой

⁸³ Under “mûla,” in Monier-Williams, *Sanskrit-English Dictionary*.

⁸⁴ Доминик Йозеф Вёльфел (Dominik Josef Wölfel), австрийский историк и этнограф (1888 – 1963)

⁸⁵ Frazer, James. *Il ramo d'oro*, Torino 1973, p. 967.

⁸⁶ Bussagli, Mario, ed., *Miti dell'Oriente*. Rome 1976, p. 107.

⁸⁷ Marazzi, Ugo, ed., *Testi dello sciamanesimo*, Turin 1984, pp. 229, 301.

⁸⁸ Eliade, Mircea, *Lo sciamanismo e le tecniche dell'estasi*, Rome 1983, p. 96.

⁸⁹ Термин, предложенный Марией Гимбутас (Marija Gimbutas), литовско-американским археологом и культурологом (1921 – 1994)

экстремальной зоной скандинавского мира, которая подтверждает местоположение острова Цирцеи к северу от Норвегии.

ГОРОД КОЛА – ГОМЕРОВСКОЕ МЕСТО ЦАРСТВА АИДА

Страна киммерийцев

В своем исследовании Феличе Винчи приводит убедительные свидетельства расположения царства Аида, Земли Мёртвых, в саамском Заполярье: вечный мрак, преследующий гомеровских киммерийцев, явно относящийся к периоду полярной зимы на Крайнем Севере; совпадения географических описаний у Гомера, у Иордана и Саксона Грамматика; чрезвычайная схожесть лопарских шаманских обрядов вызывания душ умерших и алгоритмов, которыми колдунья Цирцея делится с Улиссом, отправляя его во владения Аида.

Следуя указаниям Цирцеи, корабль Улисса плывет от Ээи, острова Цирцеи, под дуновением Борея, северного ветра (*Одиссея* 10.507), направляясь к побережью,

*...где страна мужей киммерийских и град их, окутанный
Всегдашним сумраком и туманом. Никогда светящееся солнце
Не освещает лучами людей, населяющих край тот (...)
И ночь зловещая племя несчастных людей окружает. (Одиссея 11.13–16, 19)*

Интересно сравнить этноним *киммерийцы* и прибалтийско-финское слово со значением «полусвет, дымка, мгла, полутьма, сумрак; тусклый, сумеречный» – *hāmarik* в эстонском, *āmārikkō* в вожанском, *hämärä* в финском, *хямари* в карельском и т.д. Ср. также с рус. *хмарь*, *хмурый*.

Роберт Грейвс находит киммерийцев на Крайнем Севере: «Они также родом из холодного региона, где в июне – полночное солнце, а в полдень зимою темно».⁹⁰

Вероятно, и Иордан ссылается на этот арктический Аид и его жителей, когда упоминает народ под именем *Адогит*, *Adogit*, живший в арктической земле, «находящийся под непрерывным солнечным светом в течение сорока дней и сорока ночей в середине лета, однако зимой лишенный света на такое же количество дней и ночей» (*История готов*, глава 3).

Саксон Грамматик обнаруживает в этой же области *Землю Мертвых*, удивительно похожую на гомеровский Аид, описывая ее в своей истории об экспедиции Торкилля-Исландца, на основе северных саг. Саксон также сообщает, что «исландцы рассказывают невероятные истории о том, что там собраны несметные сокровища, но путь туда полон опасностей и почти непреодолим: нужно переплыть омывающий всю землю Океан, оставить позади себя солнце и звёзды и, опустившись в Бездну, добраться до тех мест, где нет света и где царит вечный мрак» (*Деяния данов* 8.14.1). Этот вечный мрак, подобный тому, что преследует гомеровских киммерийцев, явно относится к периоду полярной зимы на Крайнем Севере.

Пять рек царства Аида. Многошумное слияние двух рек у высокого утеса.

Феличе Винчи, однако, не был до конца уверен в точном месте, описываемом Гомером. В версии 2004 года, опубликованной на английском языке, исследователь связывал реку Стикс с речным водным путем из Белого моря в Ботнический залив. По такому предположению Винчи, Улисс должен был совершить долгий путь, следуя с острова Цирцеи, обогнув весь Кольский полуостров, чтобы достичь Кандалакши – предполагаемого места входа в реку Стикс.

В последнем варианте своего исследования от 2021 года, опубликованном на итальянском языке, Винчи перенес точку, куда направила Улисса Цирцея, к священной 35-метровой конусообразной скале *Simalango*⁹¹ на пересечении фьордов *Burfjorden* и *Jøkelfjorden* на северо-западе Норвегии, ассоциируя эти фьорды с «соединяющимися возле скалы (утеса) двумя ревущими реками»:

*... Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область.*

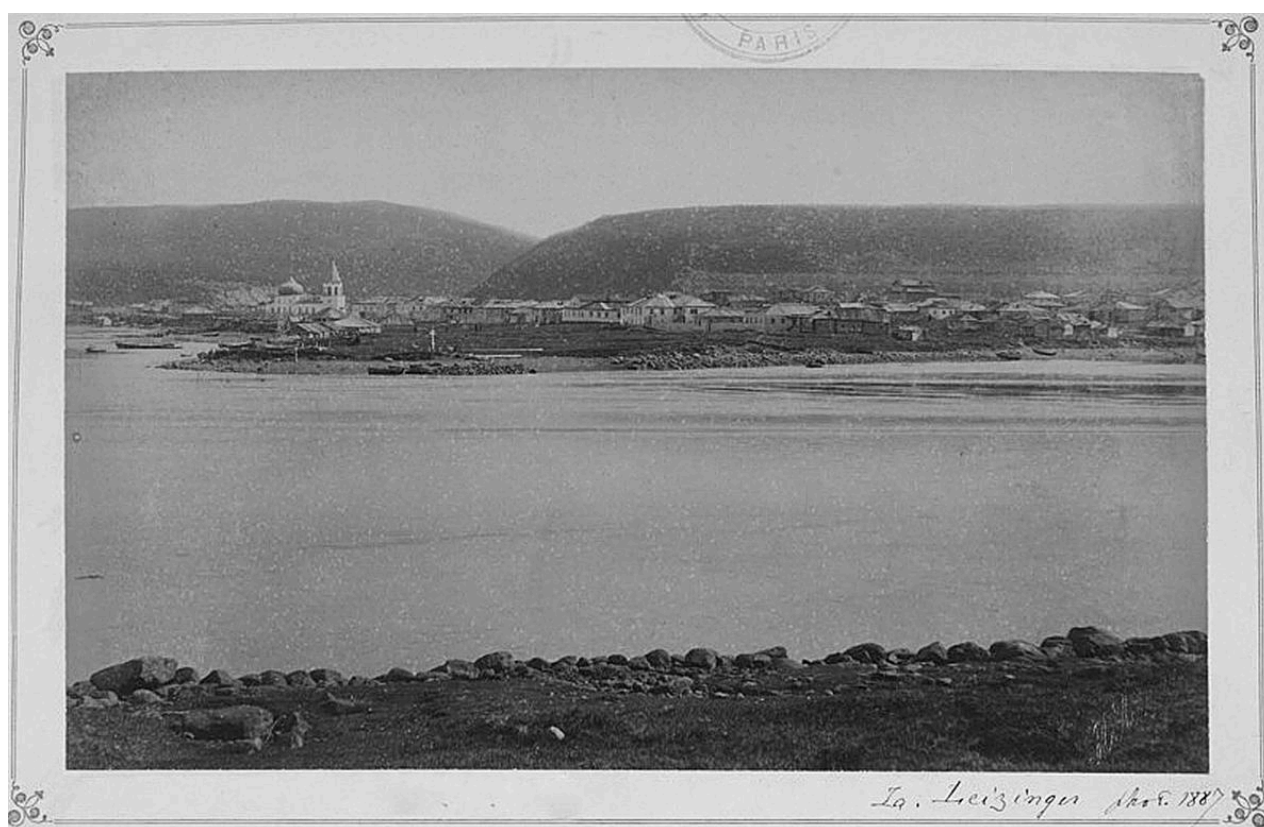
⁹⁰ Graves, Robert. *I miti greci*, Milan 1979, p. 170.4.

⁹¹ Утёс *Сималагнго* находится на геогр. широте 70° 1'40"N, долготе 21°49'22"E

*Быстро бежит там Пирифлегетон⁹² в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом⁹³, великою ветвью Стикса⁹⁴; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки. (Одиссея 10.511-515).*

В ходе нашего анализа исследования Винчи мы многократно передвигались по карте всего побережья Норвегии и Кольского полуострова в поиске более точного места, где было бы упомянутое Гомером *слияние двух крупных рек у заметного утеса*, пока не обнаружили его... совсем рядом с современным Мурманском. Между устьями двух могучих рек *Тулома* и *Кола*, когда их воды соединяются и одновременно впадают в длинный *Кольский залив*, возвышается знаменитый 80-метровый утес *Суоловарра*, а под ним на намытом этими двумя реками пологом мысу стоит древний город-крепость *Кола*.

Сюда Цирцея направляет Улисса со своего острова Эя (вероятно, о. *Vjørnøya*, Медвежьего острова) с северным ветром на юг, через *реку Океан (Гольфстрим)* к вытянутому как река *Кольскому заливу (Ахерону)*, в конце которого у «многошумного» слияния *Колы* (вероятного *Стикса*) и *Туломы* (вероятного *Флегетона*) и стоит описанный Гомером утес.

Илл. 5. Историческая панорама города Кола и утеса Суоловарра, 1887 год

Удивительным образом, следуя точным указаниям в Одиссее, и расширив гипотезу Феличе Винчи, мы находим и все *пять* рек царства Аида на Кольском полуострове (рис. 7):

1. *Тулома* (саам. *Tuållâtjokk*, *Туэллэм ёгк*) – это, вероятно, калькирующее название реки *Флегетон*, или *Пирифлегетон*, досл. с греч. «огненной реки». Ср. с одними из возможных корневых слов: саам. *dolla*, карел., фин. *tuli*, эст. *tuli*, р.п. *tule*, ливон. *tu'ļ*, вепс. *tuli*, *tuļ*, эрз., мокш. *tol*, удм. *tjĭl*, *тыл*, марийск. *tul* – «огонь». Ср. шумер. *[dal]* – «огонь».

⁹² Греч. *Флегетон*, или *Пирифлегетон* – досл., «огненная» река.

⁹³ Греч. *Коцит* – река «плача».

⁹⁴ Греч. *Стикс* – собственно река «мертвых».

2. *Кола* (саам. *Kuollāk*, фин. *Kuola, Kuolla*) – возможно, река «мертвых», калькирующая название Стикса. Ср. манс. *χōli-*, хант. *χāl-*, удм. *kulij̆*, эрз. *kuloms*, марийск. *kolaš*, фин. *kuolla*, эст. *koolma*, ливон. *kūolō* – «умереть»; коми-перм. *коль(ны)* – «оставить; бросить, покинуть»; саам. *goalus*, карел. *kolo, kolie*, фин. *kolea*, эст. *kole*, ливон. *kō'l* – «страшный, мрачный, ужасный, жуткий, чудовищный». Этот же корень наблюдается в древних языках на юге: венг. *halál* – «смерть»; шумер. *[hal-]* – «уходить»; ивр. *כָּלָה* *[kala-]* – «заканчиваться, завершаться, гибнуть, погибать, умирать, разрушаться, угасать, исчезать»; санскр. *[kala]* – «смерть от старости»; перс. *[gālid]* – «утёк, убежал»; ингуш. *къайлада* – «исчезнуть, нырнуть»; арх. гр. *[khaláo]* – «уходить под воду, погружаться, тонуть». Реку *Кола* обычно этимологизируют как «рыбная» река. Ср. саам. *guolli*, хант.-манс. *χul*, нганасан. *kolj*, фин. эст., карел. *kala*, марийск. *kol* – «рыба». При этом нужно понимать, что рыба – это представитель Нижнего Мира в древних мифологиях, и, соответственно, того же корня, что и слова со значениями «смерти» и «страха», «ухода под воду / под землю».
3. *Кица*, самый большой приток Колы – это, возможно, *Коцит*, «река плача». По запутанному переводу Гомера, Коцит – это «великая ветвь Стикса». Ветвь – это не приток, а отходящий и потом обратно соединяющийся рукав реки – однако, крайне редко рукава рек носят отдельное имя. В греческом использовано слово *ἀπὸρρῶξ* – «отрыв» (от глагола со значением «рвать, разрывать, обрывать»), что правильнее перевести именно как «приток». Также по Гесиоду *Коцит* впадал в *Стикс* (как *Кица* впадает в *Колу*).
4. В этой северной географии несложно идентифицировать и *Ахерон* – реку, образующуюся после слияния *Флегетона* (*Тулумы*) и *Стикса* (*Колы*) – это длинный *Кольский залив*, ведущий напрямую к Баренцеву морю и *Гольфстриму* (к реке *Океан*).
5. Идентифицируется в бассейне Туломы и Колы и пятая из пяти рек царства Аида – *Лета*, «река забвения» – это, вероятно, *Лотта* (фин. *Luttojoki*), 235-километровый самый большой приток *Тулумы*.

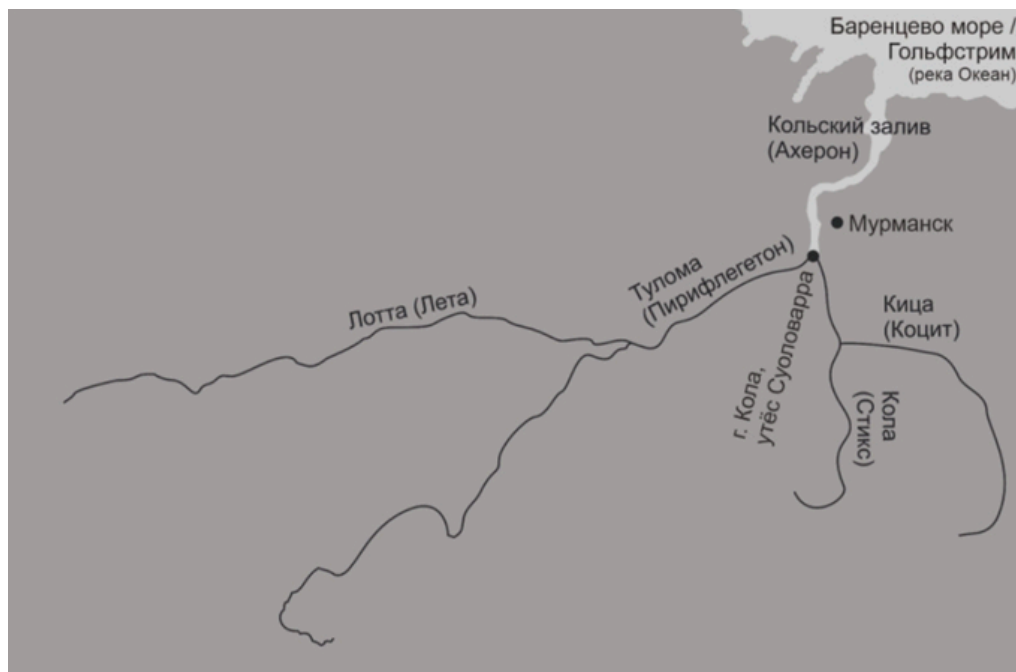

Рис. 7 – Пять рек царства Аида

В отличие от пяти рек на Кольском полуострове, расположенные в Греции две реки (Аχέρων, *Ахерон* и его приток Кокѳтос, *Коцит*) не соответствуют описаниям в греческой мифологии. В средиземноморской географии отсутствует *Флегетон*, и нет, соответственно, слияния двух

мощных рек при впадении в Ахерон, в противоречие тому, о чем повествует *Одиссея*. Нет и высокого утеса, о котором сообщает Улиссу Цирцея. В греческой реальности также никак не материализуются реки *Стикс* и *Лета*.

Второй спуск из «переполненного Стикса»

В старой версии своего исследования Феличе Винчи подчеркивал, что *Илиада* в Каталоге кораблей (песнь 2.749–755) давала указание на существование «второго спуска» из «переполненного Стикса» – и Винчи связывал реку *Стикс* с речным водным путем из Кандалакши на Белом море в Ботнический залив.

Примечательно, что и «воды Стикса» реки Кола имеют «второй спуск». По речной системе, ведущей от верховий реки *Кола* можно попасть как в *Кольский залив Баренцева моря*, так и в *Кандалакшский залив Белого моря*. Истоковое озеро реки *Кола* (*Колаозеро*) разделено менее чем километром перешейка (где, возможно, был древний волок) с озером *Пермусозеро*, из которого далее можно спуститься в озеро *Имандра*, из которого, в свою очередь, течет на юг река *Нива*, впадая в Кандалакшский залив – откуда открывался дальнейший речной путь в Ботнический залив (рис. 7А).

Илиада дает и название рек «второго спуска» – это река *Титарезиус* (возможно, ныне известная как *Нива*), «приток реки *Пенеус*». Примечательно, что в своем низовье Нива проходит через проточное озеро *Пинозеро* (площадь 14 км²), которое может соответствовать гомеровскому *Пенеусу*:

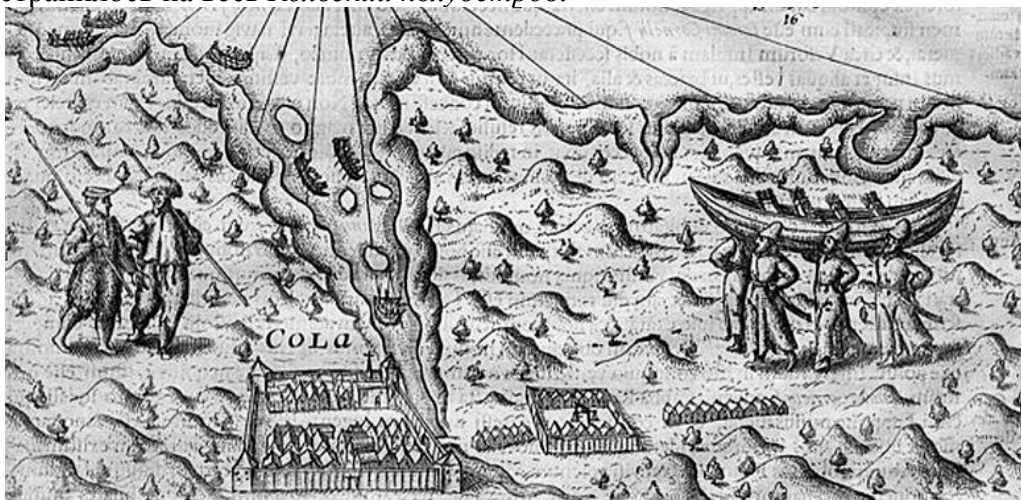
Рис. 7А – речной маршрут из Баренцева моря на Балтику

Древнее поморское поселение у упомянутого Гомером утёса

Удобное место с низкими берегами у слияния *Колы* (*Стикса*) и *Туломы* (*Флегетона*) издревле использовалось как поселение китобоев, как торговая гавань и в дальнейшем как место военного острога (первые письменные упоминания о крепости *Кола* в устье реки *Кола* датируются XIII веком – но, скорее всего, само поселение существовало и задолго до этого).

На некоторых старинных картах названием *Кола* также обозначали более крупную реку *Тулома*, при этом настоящую реку *Кола* никак не подписывая.

Острок же *Кола* и его порт были настолько важными, что название впоследствии распространилось на весь *Кольский полуостров*.

Илл. 6. Фрагмент карты 1598 года

И не о *Кола-граде* ли говорит Гомер?

*...где страна мужей киммерийских и град их, окутанный
Всегдашним сумраком и туманом... (Одиссея 11.13–14)*

Вызывание душ умерших

Возможно, именно на этом месте, на мысу у слияния *Флегетона* (*Туломы*) и *Стикса* (*Колы*), у подножия видного утёса *Суоловарра* волшебница Цирцея наказывает Улиссу принести жертву, чтобы вызвать для общения души умерших:

*Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их... (Одиссея 10.516–518)*

Название утёса *Суоловарра* (*Суоловара*, *Соловарака*) обычно переводят как «остров-гора» в силу того, что он стоит отдельно и отличается от других сопок и гор в этой местности. Ср. саам. *suolu*, фин., карел. *salo* – «глушь, глухой лес; большой поросший лесом остров»; и саам. *varrr*, *varrr*, фин. *vuori*, *vaara* – «гора, холм, сопка, возвышение».

«Остров-гора», однако, довольно странное объяснение топонима. Саамы вряд ли бы назвали утёс синонимичными «остров», он же «гора», из одного языка. Скорее всего, первое слово в названии несло определенный признак. Соответственно, стоит рассмотреть такие варианты объяснения как:

- саам. *suoli*, карел., фин., эст. *sala*, ливон. *salā* – «скрытный, секретный, тайный»; либо
- фин. *sielu*, арх. сканд. *sala*, англ. *soul* – «душа»; либо
- фин. *säiliö* – «контейнер, сосуд, резервуар, вместилище»; карел. *säilyö*, фин. *säilyä*, эст. *säilima* – «сохраняться, удерживаться, уцелеть, остаться».

С этим же корнем мы знаем название *Соловецкого* архипелага, *Соловков* в Белом море.

Суоловарра – гора «*таинств* ~ *культовых обрядов*»? Гора «*душ*» усопших? «*Вместилище, укрытие, убежище*»? Если считать, что Улисс прибывает именно сюда для того, чтобы совершить таинство и вызвать для общения души умерших родственников и товарищей по оружию, «пазл» складывается всё больше и больше.

Шаманская магия (*сейд*, *seidhr*), которой пользуются северные народы, имеет очень древнее происхождение. *Сейды* – саамское название гигантских священных валунов на Кольском полуострове (по мифологии, возведенных циклопами); отсюда: *seiðr*, *seid*, *ceйд* – вид ведовства,

известный по скандинавским сагам. В финской мифологии *keito* – «циклоп», в эстонском – *hiid*, *hiiu*, *hiie* – «великан; великий, священный». Любопытно сравнить далее с рус. *кит*, а также с лат. *cete*, *cetus*, греч. *setos* – «любое крупное морское животное» (кит, дельфин, акула, тунец и т.д.).

Вызывание душ мертвых, подробно описанное в *Одиссее*, подчеркивает Винчи в своем исследовании, имеет черты первобытного шаманского обряда, совершаемого согласно предписаниям Цирцеи в далеком месте Лапландии, где возле скалы «соединяются две ревушие реки»:

*Как только туда ты, герой, доберешься,
Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиною,
И на краю ее всем умершим соверши возлиянье -
Сперва молоком с медом, потом вином медосладким
И напоследок - водой. И ячной посыпь все мукою (...)
Славные ряды умерших заклинанием вызвав, овицу ты
Черную вместе с бараном над ямою в жертву зарежь им,
Поворотив их к Эребу и в сторону сам отвернувшись
По направлению к теченьям реки. Тотчас же
Множество явится душ умерших... (Одиссея 10.516–520, 526–530)*

Помимо древнего таинственного очарования этих строк, в которых Цирцея объясняет, как действовать Улиссу, особое любопытство Винчи привлекла «яма», вокруг которой проводился обряд: нетрудно распознать в ней аналог древнеримского мундуса (*mundus*) – колодца или «рта» (нем. *Mund*), считавшегося входом в Царство Мертвых. Такую яму, по легенде, вырыл Ромул при основании Рима, бросив в нее священный первый урожай. Жорж Дюмезиль⁹⁵ отмечает в этом ритуале

«примечательное соответствие древнему ведическому обряду с разметкой места для квадратного жертвенного костра (...) В середине четырехугольника, там, где встречаются диагонали, в точке, называемой «ртом», жрецы помещали пучок травы дарбха на этот символический эквивалент мундуса; затем они выливали двенадцать сосудов воды и высыпали семена всевозможных трав. Этот обряд, безусловно, очень древний».⁹⁶

Связь с ведическими обрядами, отмечает Винчи, соответствует также смелой теории Тилака, изложенной в работе *Арктическая родина в Ведах* – о том, что предки носителей его культуры были выходцами из Заполярья. Гипотеза индийского ученого основана, в частности, на том факте, что в Ведах, древнейшем сборнике гимнов индуизма, отмечаются явные следы календаря, характерного для арктических регионов: тьма полярной зимы, танцующие рассветы (северное сияние), полуночное солнце долгого Полярного дня летом. В другой своей работе *Орион*, Тилак указывает, что ведические гимны относятся к так называемому «периоду Ориона», когда восход солнца в период весеннего равноденствия соответствовал положению созвездия Ориона. Это явление происходило каждый год примерно с 4000 г. до 2500 г. до н.э.; затем положение звезд постепенно изменилось в силу прецессионного движения земной оси.

Две работы Тилака – первая с географической точки зрения, вторая с хронологической – позволяют составить мнение о расположении, как в пространстве, так и во времени, первой цивилизации (легендарной Гипербореи), ставшей родоначальницей ведических гимнов до переноса на юг в Индию, произошедшего примерно в то же время, что и миграция ахейцев к Средиземному морю.

«Период Ориона» хронологически совпадает со временем атлантического климатического оптимума, когда приемлемые условия для человеческой жизнедеятельности существовали даже в очень высоких широтах. Тем не менее, Тилак не смог сделать очевидный вывод из своих исследований – что описываемая в Ведах цивилизация процветала на арктических землях в течение периода Ориона благодаря более мягкому климату. Тилак не знал о климатическом

⁹⁵ Жорж Дюмезиль (Georges Dumézil), известный французский мифолог и филолог-компаративист (1898 – 1986).

⁹⁶ Dumézil, Georges, *La religione romana arcaica*, Milan 1977, pp. 216, 562.

оптимуме, и отодвинул эту цивилизацию в невероятно далекое прошлое, даже предшествующее последнему ледниковому периоду, что нанесло ущерб исторической достоверности его гипотезы. Теперь, однако, сравнивая его теорию с современными знаниями об изменении климата за последние тысячелетия, Винчи находит дополнительные подтверждения представления Тилака о возможной арктической родине.

В *Одиссее* призрак пророка Тиресия, вызванный предписанным Цирцеей обрядом, сообщает Улиссу, что кто-то примет его весло за лопату для веяния (*Одиссея* 11.128). Согласно замечанию Жоржа Дюмезиля, это пророчество напоминает о саамском боге *Bieka-Galles* (*Старике Ветров*), который изображался с лопатой в правой руке – являвшейся не чем иным, как веслом. Это удивительное соответствие, подчеркивает Винчи, являет собой еще одно подтверждение саамского местоположения гомеровского Аида.

Далее Тиресий говорит Улиссу, что, когда его весло примут за лопату, он должен будет принести в жертву «барана, быка и кабана» (*Одиссея* 11.131). Существует и аналогичное римское жертвоприношение, *suovetaurilia*, которое «было очень древним (...) и похоже на ведический ритуал, а именно принесение в жертву трех животных, называемое *sautramani*». Также торжественное жертвоприношение, совершаемое Авраамом (*Бытие* 15.9), за которым следует предречение (15.13–16), Винчи считает возможным сравнить с *suovetaurilia*, с *sautramani* и обрядом Улисса.

«Повторяющиеся связи между ритуалами в гомеровском Аиде в рассматриваемом эпизоде, древнеримскими обрядами и ведическими ритуалами показывают, что Гомер, вероятно, черпал вдохновение из чрезвычайно древнего источника, восходящего к первоначальному неразделенному миру» – подытоживает Винчи.

Тилак заявляет об арктическом происхождении ведической цивилизации. Ее процветание на Крайнем Севере, по предположению Винчи, происходило на пике «климатического оптимума» (и/или также в викингский период потепления IX – XII вв. н.э.). После того, как климатический коллапс уничтожил ее, прежний эпицентр превратился в «Землю Мертвых», или *землю предков*, которая была идеализирована в памяти потомков. По этой причине путешествие Улисса в Царство Аида Винчи рассматривает и как обратное странствие во времени и пространстве к первоначальному дому ахейцев, которые до сих пор помнили свою первоначальную родину.

Во времена Гомера климатический оптимум, по мнению Винчи, уже прекращается; в мифологии, после того как Зевс – бог шторма – сверг Кроноса и закончил Золотой Век, *Великий Север* стал *Землей Мертвых*. Винчи также сравнивает гомеровское выражение «гиблое царство Аида» с «пустынной землей» в кельтских легендах, с древнескандинавским Рагнароком, с «пустынной землей» Исаии, равно как и с уничтожением первозданного рая иранской *Авесты* по причине мороза и обледенения.

По мнению Винчи, древние ритуалы, связанные с путешествием в Царство Аида, описанные волшебницей Цирцеей, могли бы стать точкой соприкосновения с очень древними формами, возможно, восходящими к обрядам эпохи неолита. «Спуск в преисподнюю» – типичный элемент шаманизма. Мирча Элиаде⁹⁷ пишет, что алтайские шаманы проходят через «дыру, которая является входом в другой мир и называется *yer mesi* (земные челюсти)», а индейские туаны «делают дыру в земле (...) и имитируют усиленную борьбу с призраками».⁹⁸ Удивительно, что и Улисс неоднократно угрожает своим мечом призракам, собравшимся вокруг ямы (*Одиссея* 10.536; 11.49, 95, 231). Современный образ Улисса являет и старая колдунья-эскимоска, которая, как сообщает Джеймс Фрэзер, прогнав призрака из дома, «вертела большим ножом перед входом, дабы призрак не вернулся»; и использует гарпун, чтобы отогнать призрака Седны, ужасной эскимосской богини загробной жизни.⁹⁹

В этом ключе интересно рассмотреть и собственно название *Аид*, греч. *Ήδης*, англ. *Hades* – «Ад, преисподняя, подземное царство мертвых»; также «Повелитель подземного мира». Как и масса других древних понятий, Ад, Аид считается «словом неизвестного происхождения»¹⁰⁰. Если Аид локализовать, однако, на Крайнем Севере, стоит обратиться к лексике,

⁹⁷ Мирча Элиаде (Mircea Eliade) – румынский, французский и американский этнограф, историк религий и философ культуры (1907 – 1986).

⁹⁸ Eliade, Mircea, *Lo sciamanismo e le tecniche dell'estasi*, Rome 1983, p. 335.

⁹⁹ Frazer, James. *Il ramo d'oro*, Torino 1973, pp. 851–852.

¹⁰⁰ Слово «неизвестного происхождения», 'of unknown origin': <https://www.etymonline.com/word/hades>

используемой в этих местах, со значениями «дыры, отверстия, ямы», а также «пустынной земли». Ср. с эст. *haud*, карел. *haudu*, фин. *hauta*, ливон. *ōda* – «отверстие, яма, нора; могила; омут, глубокое место на реке или на море». Также в яросл., костром., волог. диалектах *ад*, *адъ*, помимо «преисподней», означал и «рот, пасть, горло». Ср. также с фин. *autio* – «чуждый, дикий, безлюдный, заброшенный, пустынный; пустошь» (с этим же корнем многочисленные топонимы *Autio* в Финляндии; *Aude* в Эстонии; *Outova*, *Oudova*, *Oudva* (ныне река и городок *Гдов*) в Псковской области; *Pieni autio* (ныне Малая Пустошка), *Kangan autio* (ныне Пустошка) и *Аудио* (*Аудиомяки*) в Ленинградской области; а также *Автово* (*Autova*, *Аутова*) – бывшая деревня в составе района в Санкт-Петербурге, всем известная по названию одноименной станции метро *Автово*).

Продолжая рассказ о северных обрядах, соединявших с миром усопших, Винчи сообщает нам о том, что «в прошлом лапландцы, поклоняясь предкам, прибегали к культу «медведя».¹⁰¹ Как подчеркивает Лучиана Вагге Саккоротти¹⁰², и сибирские шаманы, отправляясь в Нижний Мир, часто сопровождалась туда «призраком медведя»¹⁰³, являвшимся проводником душ мертвых в подземном мире. Любопытно, отмечает Винчи, что имя мифического греческого перевозчика душ мертвых в Аид, *Харона*, напоминает слово *karhu*, «медведь» в финском языке, которое могло относиться к древнему обряду погребения.

В прибалтийско-финской мифологии, однако, в Царство Мертвых, в подземную реку Тоонела, сопровождает Тоонекург – *цапля*, *aust* – эст. *kurg*, *kure*, фин. *kurki*, саамск. *guorga*, ненецк. *хэ́го*, селькупск. *қа́ра*, маторск. *körüh* – болотный журавль, *цапля*, *аист* – что соответствует англ. *heron*, уэльс. *garan*, арх. фр. *hairon*, дат. *hejre* – *цапля*. Примечательно, что и в египетской мифологии имела *цапля* по имени Бенну, которая олицетворяла уже воскресение из мёртвых, и изображалась на лодке с веслом. В славянских языках, возможно, с этим же корнем глагол, связанный с погребением – *хоронить*; а новорожденных детей в повериях приносит *аист*. Ср. также с перс. *курган* – «умерших дом»; шумер. [*кур*] – «страна умерших».

Подводя итоги расположения гомеровского царства Аида на Крайнем Севере, Феличе Винчи пишет: «Расположение гомеровского Аида в Заполярье сочетает в себе как данные Гомера, так и древнескандинавские сказания, географические и морфологические особенности Крайнего Севера, и шаманские предания живущих там народов. Даже самый «причудливый» из маршрутов *Одиссеи* – путешествие Улисса с острова Цирцеи в «Землю Мертвых» – находит свое местоположение в землях лопарей (саамов) – и знакомит нас с тем, что может быть последним следом доисторических дальних мореплавательных маршрутов (вероятно, считавшихся мифическими уже во времена Гомера), ведущих к утраченной прародине, «на Краю Света».

КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ СЕВЕРА И ГРЕЧЕСКИЕ ЛАБИРИНТЫ

На Британских островах, вдоль атлантических побережий Норвегии и Кольского полуострова, на островах Белого моря, на Новой Земле, а также в Швеции и Финляндии разбросаны сооружения в виде лабиринта («вавиллона»), выложенного на поверхности земли небольшими камнями. Короткая ось всегда проходит через «вход» лабиринта. Выложенные в один ряд в виде концентрических кругов камни создают сложные спирали. В центре эти лабиринты иногда содержат небольшое дольменоподобное сооружение.

Сохранились любопытные исторические сведения, что один из таких лабиринтов находился и у подножия горы Суоловарра, до строительства Кольского острога и христианских церквей. Так, А. Спицын сообщает в *Известиях императорской археологической комиссии* №6 1904 года: «...[каменный] оклад на месте города Колы развален, когда острог делали»¹⁰⁴ (т. е. в 1582 г.)

¹⁰¹ *Treccani Italian Encyclopedia*. Rome 1949, under “Lapponi”.

¹⁰² Лучиана Вагге Саккоротти (Luciana Vagge Saccorotti) – исследователь арктических и субарктических аборигенных народов.

¹⁰³ Vagge Saccorotti, Luciana. *Leggende sugli sciamani siberiani*, Padua 1999, p. 18.

¹⁰⁴ https://www.kolamap.ru/library/1904_spicyn.html

Илл. 7. Каменные лабиринты на Соловецких островах.

По одной из версий, каменные лабиринты Севера «могли служить *жертвенниками, гигантскими алтарями для шаманистических обрядов и входами в подземное ~ потустороннее царство*».¹⁰⁵

Стоит вспомнить, что, по настоянию чародейки Цирцеи, Улисс и прибывает к берегу у подножия высокого утеса у слияния двух рек (вероятно, к Суоловарра), *для принесения жертв, прохода в царство Аида и общения с душами умерших!*

Однако, чтобы понять первоначальное значение лабиринтов, необходимо вернуться к уже рассматривавшемуся обратному (приливному) течению рек на Атлантическом побережье, нетипичному для Средиземноморья, но помогшему Улиссу высадиться на феакский берег в Схерии (*Одиссея* 5.441–43, 5.451–53), идентифицированный Феличе Винчи с юго-западным побережьем Норвегии.

Современная писательница и блогер Елена Ковалева так рассказывает об этом же явлении, увиденном на месте слияния двух великих рек в Кольский залив:

«...[Мы] на мысу, где Тулома встречается с Колой-рекой, и вместе они образуют этот замечательный Кольский залив. Приехали рано, отлив на максимуме, и те камушки, на которых я стою, и чёрный островок через час-полтора окажутся полностью под водой. Здесь самые глубокие приливы-отливы – до 6 метров. И нам посчастливилось наблюдать приливную волну [обратное течение] на Туломе. Это ЧУДО! Воды сильной реки встречаются с мощным потоком из Великого Океана лоб в лоб. И начинается дивный танец ВЪДЫ. Завитки, буруны, бурунчики, воронки, водовороты – кружево, сияющее и переливающееся под лучами северного солнышка».¹⁰⁶

Именно эти атлантические приливы и отливы (вдоль берегов Франции, Британии, Норвегии, Кольского полуострова) позволяют также приподнять завесу над главным секретом каменных лабиринтов, как будет раскрыто ниже.

¹⁰⁵ <https://kandalaksha.org/interesno/377-kamennye-labirinty-severa-prodolzhenie.html>

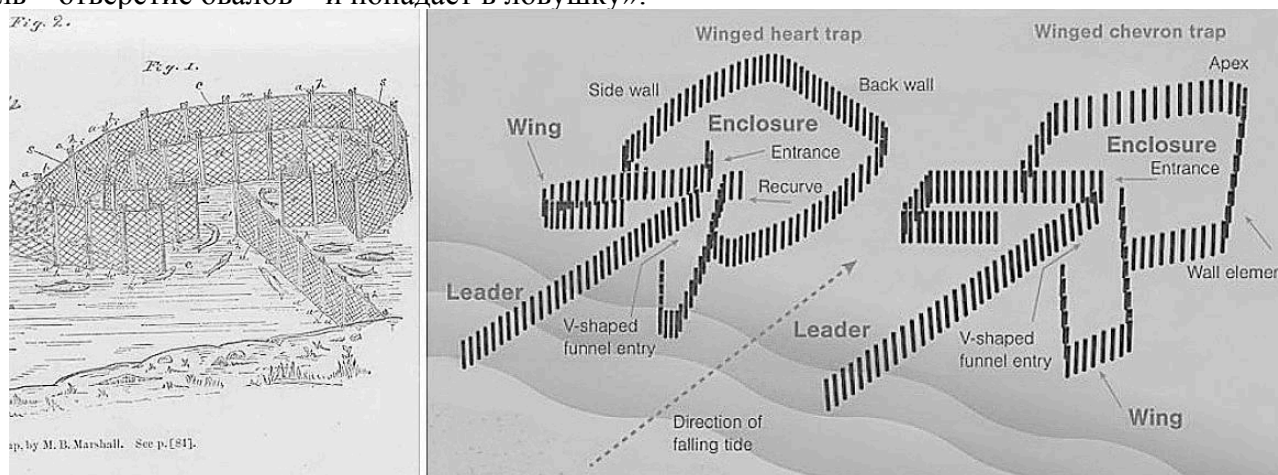
¹⁰⁶ Елена Ковалева, «В глубь веков по спирали»: <https://vk.com/id446582927>

Исследовавшая каменные лабиринты Крайнего Севера археолог Н.Н.Гурина¹⁰⁷ ехала в 1947 году поездом в Мурманск и сделала у устья реки Кола следующее неожиданное открытие:

«...Ближе к Коле снова стали видны высокие горы, сложенные из песка и мелкой гальки. От Колы до Мурманска, из окна вагона, можно было наблюдать картину: река Кола впадает в узкую морскую губу. Был сильный отлив, когда наш поезд двигался вдоль этой части побережья. Повсюду виднелись расставленные сети, привязанные к кольям, вбитым в землю. Часть из них располагалась под углом, часть — в виде спиралей, обращенных выходом к берегу. Рыба, стремясь уйти в момент отлива вслед за водой, попадает в сети. Можно было видеть рыбаков, бродящих по мокрому дну и собирающих рыбу. Все это напоминало мне лабиринты и их ориентировку — входом к берегу.

Через несколько дней мы приехали осмотреть эти сооружения вблизи, узнали, что их называют «тайники», сделали зарисовки и фотографию теперь уже навсегда забытых ловушек».¹⁰⁸

Гурина продолжает: «Краткое описание ловушек-тайников можно свести к следующему. Вблизи острова или материка устанавливается стенка из сети, перпендикулярно берегу моря, длиной двадцать четыре метра. Перпендикулярно ей идет другая высокая стена из сети, концы которой закруглены в форме несомкнутого овала, оставляя узкую щель для захода рыбы. Принцип лова построен на том, что в момент морского прилива вода покрывает высокую сеть не всю до верха. При спаде воды рыба, зашедшая в сети, стремится выйти вслед за водой, но натывается на сетку, идущую параллельно берегу. В поисках выхода рыба пробирается в узкую щель — отверстие овалов — и попадает в ловушку».

Илл. 8. Схематичное изображение похожих ловушек в Северной Америке

«Самым интересным является то, что нижние концы сети закрепляются рядом камней, образующих фигуру в виде сердца. Таким образом, после спада воды на дне моря открываются каменные сооружения, сходные по конфигурации с лабиринтами, выложенными на берегу.

Знаменательно и то, что здесь же, по соседству с реально стоящими сетями в устье Колы, на [полу]острове, существовал лабиринт, разрушенный стройкой [кольского острога в 1582 г.]».

Гурина делает вывод, что:

«Каменные лабиринты на берегах морей, в местах наиболее богатых рыбой, выявляют сходство с [рыболовными] «тайниками» и, вероятнее всего, *символизируют* именно их».

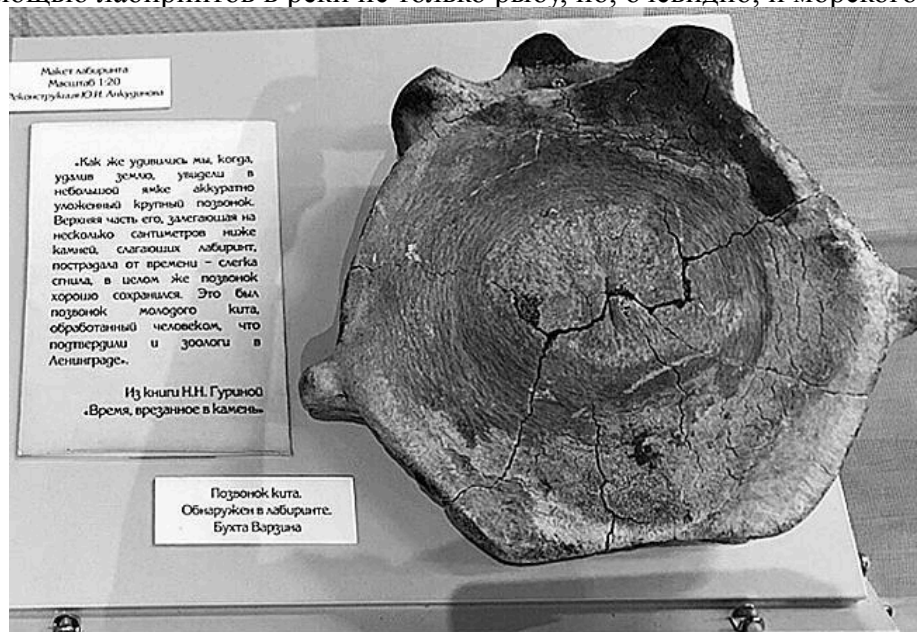
¹⁰⁷ Нина Николаевна Гурина (1909–1990) — советский археолог, доктор исторических наук, крупный исследователь древностей Кольского полуострова, Карелии и побережий Белого моря.

¹⁰⁸ Н.Н. Гурина. *Время, врезанное в камень. Из истории древних лапландцев*, Мурманск 1982

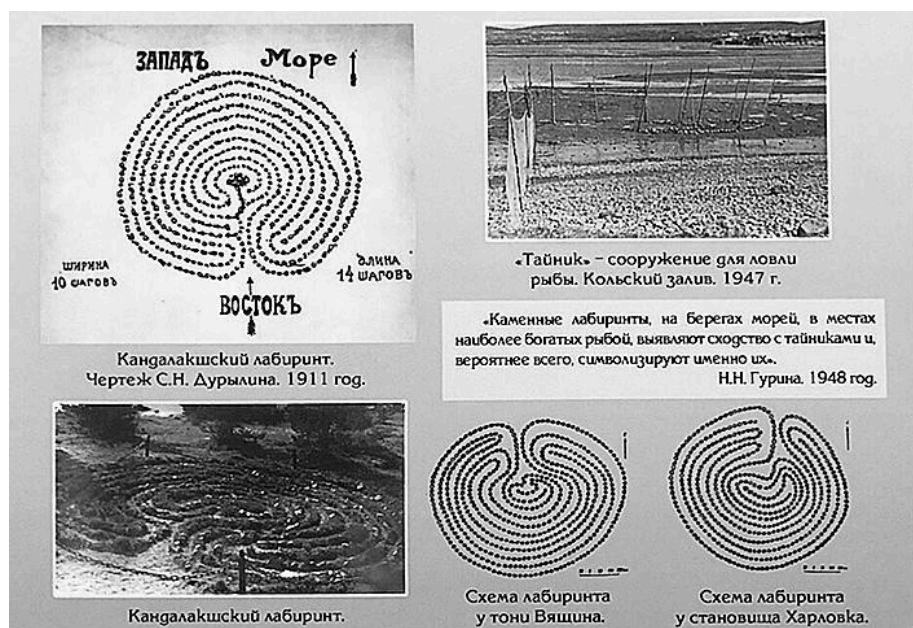
<https://kandalaksha.org/interesno/377-kamennye-labirinty-severa-prodolzhenie.html>

Тезис о связи каменных лабиринтов с рыболовными ловушками Гурина подкрепляет далее следующими аргументами: «Более детальное рассмотрение местонахождения северных каменных лабиринтов, и, в частности, Кольского полуострова, Финляндии и Норвегии, привело нас к выводу, что абсолютное большинство их лежит не просто на морском берегу, а вблизи крупных, особенно богатых рыбой рек, преимущественно тех, куда заходит семга метать икру. Неудивительно поэтому, что на крупных реках (Поной, Варзина и другие) было выложено по несколько лабиринтов».

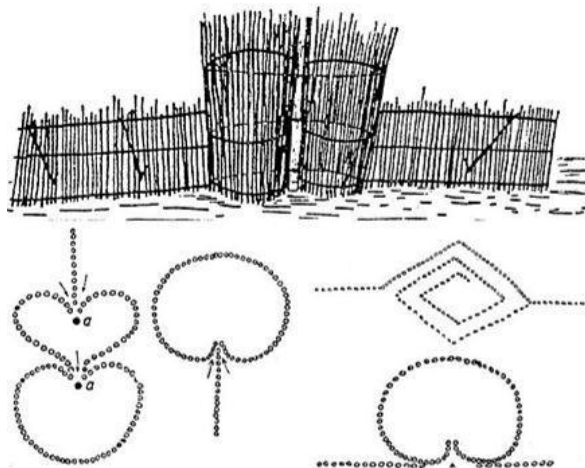
Обнаружив до этого при обследовании одного из лабиринтов на реке Варзине на Кольском полуострове заложенный под один из камней обработанный человеком позвонок молодого кита, Гурина также высказала предположение о «стремлении древнего населения «заманить» с помощью лабиринтов в реки не только рыбу, но, очевидно, и морского зверя».

Илл. 9. Найденный в лабиринте в устье реки Варзины позвонок кита; выставлен в музее истории города Кола.

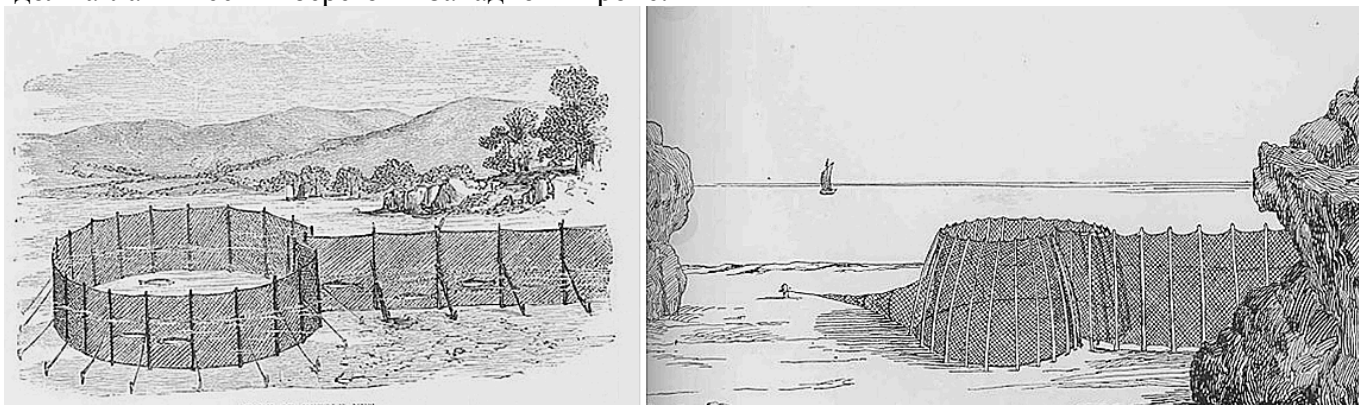
Археолог Гурина указывает, что сами ловушки имели широкое распространение и вдоль рек: «...в Северной Азии ими были «котец», в Средней России – «котезы» и «заборы», на Севере – «убеги».

Илл. 11. Схема рыболовных снарядов (котцы, коты) неолитической эпохи из долины р. Ока.¹⁰⁹

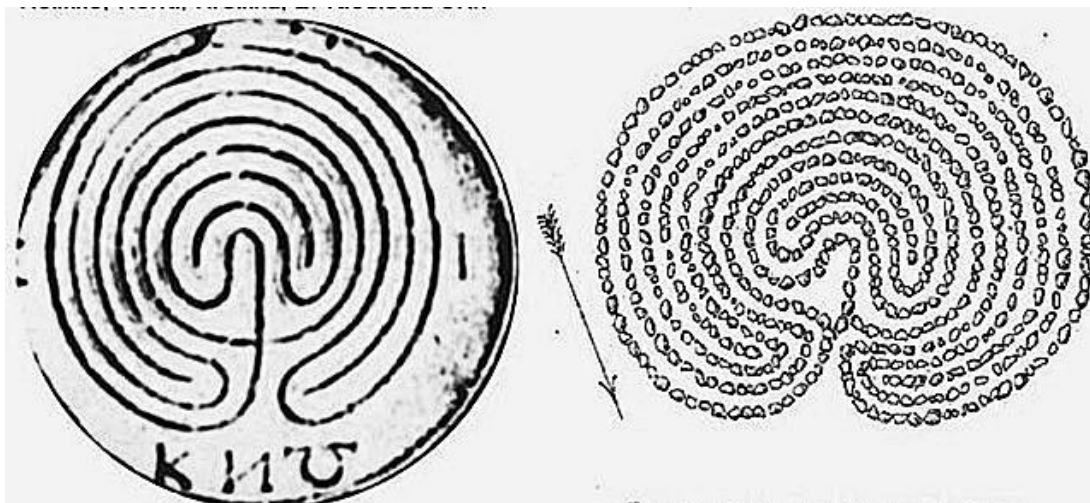
Ср. название рыболовных ловушек *кот*, *котец*, *котез* с удм. *кӧт*, эст. *kott*, фин. *kotti* – «мешок»; «живот, брюхо». Соответственно, уместно сравнить и греческое название *лабиринт* с гр. *λαῖρα* – «пах, чрево».

Ниже для примера представлены изображения рыболовных ловушек, использовавшихся вдоль атлантических берегов в Западной Европе:

Илл. 12. Схема приливно-отливных ловушек в Британии и на атлантическом побережье Франции.

Любопытно соответствие формы каменных лабиринтов Севера и мозаичных изображений лабиринтов в Греции и рисунков на греческих монетах:

Илл. 13. Греческая монета, копирующая лабиринт с Ботнического побережья Балтики.

Схемы лабиринтов схожи с их изображениями на Средиземноморье – где, однако, нет существенных приливов и отливов, и похожие рыболовные ловушки не выставлялись. Таким образом, можно сделать вывод об отражении в средиземноморских лабиринтах памяти об исторической северной родине.

СЕВЕРНЫЕ СИРЕНЬ

После посещения Царства Аида и возвращения к Цирцее на ее остров Эя корабль Улисса, наконец, начинает обратный путь в Итаку, направляясь, согласно реконструкции Феличе Винчи, на юг с западной стороны вдоль архипелага Вестеролен (*Vesterålen*) и Луфутенских островов (*Lofoten*), см. рис. 8.

Рис. 8. Сирены и Харибда (Мальстрем) в районе Луфутенских островов, по Феличе Винчи

Здесь Улисс должен пройти одно тяжелое испытание:

*Прежде всего ты Сирен повстречаешь, которые пеньем
Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети
Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.
Звонкою песнью своею его очаруют Сирены,
Сидя на мягком дугу. Вокруг же огромные тлеют
Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.* (Одиссея 12.39–46)

В греческой мифологии сирены, Σειρῆνες – демонические существа, чарующими песнями заманивающие плывущих мимо путников, которые, забыв всё на свете, подплывают и погибают вместе с кораблями. Согласно Гомеру, Улисс избежал коварных сирен лишь благодаря предостережению Цирцеи, залепив уши своих спутников воском, а самого себя велел привязать к мачте. С этим же корнем такие современные слова как сирена и серенада, и мифич. σῦριγξ, συρίγх – сиринга, сиринкс, свирель – нимфа, превратившаяся в тростник, издававший жалостный звук. Согласно устоявшейся в науке версии, сирены, возможно, досл. «опутывающие», от арх. гр. *seira* – «верёвка, канат»¹¹⁰.

Стоит сравнить, однако, имя сирен также с прибалтийско-финской лексикой, в частности, с эст. *sorin* – «сильный звук, производимый потоком воды, текущей ровным обильным потоком»,

эст. *sorr*, р.п. *sorru* – «журчание, струя», фин. *surista* – «гудеть, напевать», эст. *sirin*, р.п. *sirina* – «журчание, свиристение, верещание», эст. *surin*, р.п. *surina* – «шум, гул, гудение», и т.п.¹¹¹

Сам миф о сиренах, на протяжении веков порождавший бесчисленное количество толкований, образов и уточнений, вероятно, также берет свое начало из легенд северных моряков: они ассоциировали заманивающие «пения» мелководий с ложными сигналами бедствия.

Так, поморы верили, что на мысах и рифах Баренцева и Белого морей живут водяные черти или морские шиши. Согласно поверьям, в штормовую или туманную погоду эти духи могли вызывать ложные огни или издавать звуки, похожие на крики о помощи, заставляя поморские кочи (суда) менять курс и разбиваться о каменистые луды (подводные рифы).

Согласно старым эстонским легендам, среди скал у острова Хийюмаа жил морской дух, который в штормовые ночи принимал облик большой черной собаки и заманивал корабли к мелководным рифам своим лаем. Глубина моря у Хийюмаа местами составляет всего 1,2 метра. Из-за скалистых рифов и мелководья это место на протяжении всей истории было исключительно опасным для мореплавателей, здесь произошло множество кораблекрушений.

В норвежских легендах Драуг (Draug), призрак утонувшего моряка, ставший морским чудовищем, часто плавает на обломке лодки или показывается на прибрежных скалах. В штормовые ночи Драуг издает ужасающий, леденящий душу крик (аналог лая собаки или песни Сирен). Этот крик предвещал гибель. Моряки, услышав его в тумане, теряли управление, или на звук, думая, что это терпящие бедствие товарищи, и разбивались о скалы.

Образы, похожие на сирен, например маргигра (морская гидра), также присутствуют в скандинавской мифологии. Как пишет Къеза Иснарди, король-христианин Олаф (*Flateyjarbók* II) убил маргигру: «Ее пение было настолько тихим, что экипажи заснули, а затем она перевернула корабли, но иногда она кричала так громко, что сводила людей с ума. У нее было змееподобное тело и голова, похожая на лошадь; ее глаза были зелеными, а ее тело было волосатым и серым, как у тюленя».

В скандинавской мифологии за гибель кораблей также отвечала великанша Ран (жена бога моря Эгира). Она ловила корабли в свои огромные сети у берегов и утягивала их на дно. Ее девять дочерей — волны — в позднем фольклоре слились с образом русалок (*Havfrue*), которые могли заманивать моряков своим пением или ложным блеском на воде.

Эти мифы выполняли важную практическую функцию: они служили метафорическим предупреждением для молодых матросов. Услышать «лай», «крик» или «пение» в шторм означало, что корабль подошел слишком близко к берегу, где ветер свистит в прибрежных скалах, и нужно немедленно менять курс на открытую воду.

По реконструкции Феличе Винчи и норвежского исследователя Эрика Даля, сирены, которых встретил Улисс на своем пути, должны были «обитать» на мелководье западного побережья Луфутенских островов, являющемся областью чрезвычайно опасной из-за туманов и высоких приливов.

Здесь есть место, в названии которого, возможно, и сегодня находит отголосок имя сирен: Сирибоеlea (*Siribåeleia*) – где *båe* означает «низкий», «мелководный». По словам Эрика Даля, эти воды считаются очень труднопроходимыми, потому что море кишит множеством мелких рифов, которые пронзают воду повсюду и на которых приземляются и отдыхают бесчисленные морские птицы, чей крик и непрекращающийся шум, несомненно, способствовали упрочению этой легенды о «песне сирен».

Что касается «луга», на котором «сидят сирены», то это, по предположению Винчи, длинные водоросли, покрывающие рифы. Крайний берег о-ва Сирибоеlea, направленный к открытому морю, называется Сирибоеn (*Siribåen*), и рядом с ним находится скала *Vettmålsskjæret*, название

¹¹¹ См. <https://anti-fasmer.livejournal.com/83944.html>

которой, согласно Эрика Даля, указывает на то, что здесь можно поднять парус (*vett*), потому что моряки миновали опасную зону.

ВОДОВОРОТ МАЛЬСТРЁМ

После сирен Улисс должен был выбрать между двумя курсами, которые ему указала Цирцея (*Одиссея* 12.57-58). Он решает избежать варианта пути у загадочных «бродячих» или «гуляющих» скал («планктов», интерпретированных доктором Фредериком Пэйли как плавающие айсберги¹¹²) и направляется к Харибде.

Винчи, в отличие от Пэйли, принимает «планкты» за бесчисленные острова с гладкими гранитными скалами, вертикально нисходящими к морю, с тысячами рифов, которые появляются и исчезают в зависимости от прилива, и приливными течениями, движущимися как стремительные реки внутри морских проливов, образуя огромные водовороты, в том числе в узких проходах между четырьмя главными островами Луфутенского архипелага: Ауствагсой, Вествогёй, Флакстадёй, Москенесёй (*Austvågøya, Vestvågøya, Flakstadøya, Moskenesøya*), которые выстроились в линию с северо-востока на юго-запад, «как вагоны поезда». В самой южной точке Москенесёй находится водоворот Мальстрём (*Malstrøm*, или норв. *Moskstraumen*, «Кривой пролив»), идентифицируемый Винчи как гомеровская *Харибда*.

Χάρυβδις, *Charybdis*, Харибда – олицетворённое представление всепоглощающей морской пучины в греческой мифологии («водоворот»). Ср. с греч. γύρος [*giros*] – «круг, вращение, завихрение»; греч. γυρίζω [*girizo*], ит. *girare* – «вращать, вертеть, кружить». Ср. также с хант. *kāri-*, манс. *kir-* – «вращаться, оборачиваться»; ливон. *kõ'r*, арх. фин. *keri, kere* – «круг, кольцо»; ливон. *kīerõ*, эст. *keera-*, фин. *kiertää*, карел. *kierdiä* – «крутить, вертеть, вращать»; удм. *kuri* – «кольцо, обод»; эрз. *čarams* – «вертеться, кружиться»; венг. *kör, kerek* – «круг, колесо», *gurítni* – «вращать, крутить»; азерб., тур. *girdab, girdap*, тадж. *гирдобу* – «омут, водоворот, пучина, бездна»; шумер. [*gur-*] – «крутить», [*gir-, kir*] – «вращаться».

Моряки издревле опасаются района Мальстрёма из-за его окруженной легендами опасности для кораблей, и он давно стал неотъемлемой частью карт этого района. В течение столетий ходят рассказы о кораблях, поглощаемых этим водоворотом.

Павел Диакон (*Paulus Diaconus*), лангобардский историк и богослов (720–799 гг. н.э.), так описывает Мальстрём, печально известный водоворот, периодически создаваемый великим атлантическим приливом у южной вершины о-ва Москенесёй, последнего в Луфутенском архипелаге:

«Недалеко от упомянутого берега, на его западной стороне, где открывается бескрайний океан, находится очень глубокая водная пропасть, которую люди называют морским пупом. Говорят, он глотает воду два раза в день, а затем снова выплевывает (...) Вергилий называет «Харибду» подобным водоворотом». (Павел Диакон, *Historiae Langobardorum* 1.6)

Также в *Одиссее* подтверждается, что Харибда – это явление, связанное с океанскими приливами и отливами (отсутствующими на Средиземноморье):

*Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дню поглощает.* (*Одиссея* 12.104–106)

Согласно Гомеру, есть «два утеса; один достигает неба» (*Одиссея* 12.73), между которыми кораблю Улисса следует проскочить. Более высокая скала, несомненно, скала Сциллы. Вторая скала – «нижняя» (*Одиссея* 12.101), «стоит от нее лишь на выстрел из лука» (*Одиссея* 12.102). В действительности, у подножия самой крутой южной точки о. Москенесёй (если идентифицировать ее со скалой Сциллы, что «достигает неба»), имеется продолговатый островок («нижняя» скала), называемый Рёдойя (*Rödöya*), и он расположен параллельно берегу и отделен от мыса очень узким проливом, Рейдсундет (*Reidsundet*), шириной всего пятьдесят метров – возможно тем расстоянием, которое описано у Гомера как «в выстрел из лука».

¹¹²

https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Journals/AJP/8/4/The_Symplegades_and_the_Planctae*.html

Цирцея советует Улиссу пройти через «пролив» (*Одиссея* 12.234) между двумя скалами, «быстро плывя к Сцилленной скале» (*Одиссея* 12.108), чтобы не быть затянутым водоворотом, простирающимся за островом (*Одиссея* 12.104). Инструкции, которые Улисс дает кормчему своего корабля перед проходом через пролив, соответствуют этой схеме (*Одиссея* 12.217–221). Корабль нашего героя приближается туда, где

*Два на дороге второй есть утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся
Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины (...)
Так этот гладок утес, как будто отесанный кем-то. (Одиссея 12.73–75, 79)*

Это гомеровское описание скалы Сциллы Винчи сравнивает с отрывком из рассказа Эдгара Аллана По «*Низвержение в Мальстрем*», в котором последний описывает пропасть, расположенную у самой южной точки архипелага Луфутен (*Lofoten*), на острове Москенесёй (*Moskenesøya*), напротив места, где великий атлантический прилив образует этот водоворот:

«Это отвесный, ничем не заслоненный край пропасти из блестящей черной скалы, примерно в пятнадцати или шестнадцати сотнях футов от множества скал под нами (...) Я посмотрел, и у меня потемнело в глазах: я увидел широкую гладь океана (...) Нельзя даже и вообразить себе более безотрадное, более мрачное зрелище. Направо и налево, далеко, насколько мог охватить глаз, тянулись гряды отвесных чудовищно черных нависших скал, словно заслоны мира. Их зловещая чернота казалась еще чернее из-за бурунов, которые, высоко вздыбливая свои белые страшные гребни, обрушивались на них с неумолчным ревом и воем».

Зловещий хмурый утес, считает Винчи, хорошо соответствует гомеровскому описанию угрожающей скалы Сциллы, которая была очень высокой, ниспадала отвесным скатом к морю и всегда была покрыта «темным облаком».

Имя Сцилла – собственно, означает «скала, утес» и имеет многочисленных лексических родственников в самых разных языках мира. Ср. арх. сканд. *hælla*, др.-исланд. *hella*, общесл. *скала* – со значением «скала, утёс»; гот. *hallus* – «камень, скала»; эст. *kalju*, фин. *kallio* – «скала, утёс»; англ. *hill*, арх. нидерл. *hille*, лат. *collis* – «холм»; каннада ಕಲ್ಲು [*kallu*], тамил. கல் [*kal*], сингал. ගල [*gal*], хинди, санскр. शिला [*shila*; *схила*] – «скала, камень».

Эдгар Аллан По продолжает описывать водоворот под утесом – наводящий ужас Мальстрем:

«Во время прилива течение приобретало чудовищную скорость, и сильнее всего оно бушевало между Москен и берегом. Но рев его стремительного отлива к морю едва ли может сравниться с самыми громкими и ужасными водопадами: шум слышен за несколько лиг, а вихри или впадины имеют такую протяженность и глубину, что, если корабль попадает в зону их притяжения, его неизбежно поглотит и унесет на дно и разобьет о камни. (...) Когда вода успокаивается, фрагменты, соответственно, выбрасывает снова наверх.»

Примечательно, что слова Эдгара По «неизбежно поглотит» перекликаются с теми, которые неоднократно использует Гомер:

*Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дно поглощает (...)
Снова глотала Харибда соленую воду морскую,
Вся открывалась пред нами кипящая внутренность. Скалы
Страшно звучали вокруг, внутри же земля открывалась
С черным песком (Одиссея 12.104–105; 240–243)*

Судя по этим строкам, полагает Винчи, море там неглубокое, что хорошо сочетается с районом Мальстрема. Напротив, рельеф Мессинского пролива в Средиземном море (область, обычно отождествляемая с местонахождением Харибды) совершенно иной: помимо того факта, что море там глубокое, мы не находим ни скалы, которая «достигает неба» с ее «темным облаком», «никогда ее не покидающим», ни нижней скалы «на расстоянии выстрела из лука».

Также следует отметить, что на Морской карте Олафа Магнуса, датируемой XVI веком, Мальстрем и называется «ужасающая *Харибда*» (*horrenda Charybdis*), а норвежский писатель начала XVIII века Йонас Рамус (Jonas Ramus) расположил Сциллу и Харибду рядом с Мальстремом.

Илл. 14. Фрагмент карты Олафа Магнуса с Харибдой-Мальстремом.

Согласно Гомеру, Сцилла – ужасное чудовище, схватившее шесть спутников Улисса при проходе через пролив. Вероятно, это воплощение легенды моряков, пересмотренной с литературной точки зрения: невозможно не вспомнить в «*Двадцать тысяч лье под водой*» сцену с осьминогом, который своими щупальцами стаскивает моряка с палубы *Наутилуса*. Однако, что удивительно – рядом с Мальстремом-Харибдой есть пещера под названием *Kollhellaren* с доисторическими следами, выходящая на гору *Kolfjellet* из гладких скал. Не могла ли эта пещера быть той, где пряталась Сцилла и ловила своих жертв?

Эту пещеру посетил итальянский географ Франко Микиели (Franco Michieli) летом 2006 года, прочитав первое итальянское издание книги Феличе Винчи. Вот его отчет:

«Я плыл по проливу Рейдсундет с шириной «выстрела из лука», между главной и нижней скалой. Аналогии с повествованием Гомера необычайны! Пещера выходит прямо на гору из гладких скал, именуемую на карте *Kolfjellet*, простирающуюся вдоль побережья с севера, недалеко от Мальстрема-Харибды. Грот представляет собой полость с входом на уровне десятка метров над морем, и высотой свода около пятидесяти метров, напоминая входную дверь огромного готического собора (свод действительно слишком высок, чтобы, по утверждениям Гомера, добросить до него стрелу).

...Изучением грота занялись только последние двадцать лет. Люди верят, что в доисторические времена он использовался для обрядов плодородия, как следует из наскальных рисунков с человеческими фигурами на камнях пещеры (некоторые женщины изображены беременными), кроме того, место также было связано с поклонением солнцу. Пещера (называемая *Kollhellaren*, недалеко от залива *Revsvika*),

должно быть, была очень важным ритуальным центром, связанным с другими подобными местами на Луфутенских островах, такими как *Vaerøy* и *Trenyken*».¹¹³

МЫС СВЯТОЙ НОС – СЦИЛЛА И ХАРИБДА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Не оспаривая удачное расположение Феличе Винчи водоворота Мальстрем как Харибды по отношению к остальным нордическим местам странствий Улисса, стоит отметить, что на гомеровский эпос, вероятно, повлияли рассказы моряков об еще одной северной Сцилле и Харибде, лежавшей на продолжении того же древнего морского пути вдоль реки Океан (Гольфстрима). В самом его конце у берегов Кольского полуострова теплый Гольфстрим сталкивается со встречными холодными водами Белого моря, образуя сильнейший сувой (сулой) – *постоянное, напоминающее кипение, волнение моря, уходящее прямой линией вдаль от берега, разделяя отличающиеся и по цвету воды Баренцева и Белого морей*. Вероятно, именно эту волну, сувой, видел Улисс, описывая, что

Тотчас

Пар и большую волну я увидел и грохот услышал.

Спутники в ужас пришли, из рук их попадали весла. (Одиссея 12.201–203)

На суше данная граница начинается остроконечным скалистым мысом Святой нос (или Терский нос, саамск. Няргай, англ. cape Gallant, норвежск. Vegestad, «Путевая скала») 15 км в длину, с высотами до 179 м. С древних времен прохождение моряками этого места было сопряжено с огромным риском, и обросло массой устрашающих легенд.

Согласно поморским и саамским преданиям, в скале мыса Святой нос обитало *женокподобное божество*, которому была подвластна морская стихия, а на краю мыса *огромные черви* переворачивали шлюпы.¹¹⁴ По другой версии, в пещере на самой оконечности мыса жило *неизвестное чудовище*, которое было необходимо *задабривать*, чтобы *обогнуть мыс благополучно*. Согласно еще одной поморской легенде, у мыса обитало *морское чудовище*, которое *«бурлило океан»*. Редкий корабль отваживался проплыть мимо него. Эти скала и божество (или чудовище), жившее в скале (в пещере в скале), и которое необходимо было *задабривать* и *морское чудовище, «бурлившее океан»* – до боли напоминают гомеровских Сциллу и Харибду!

Русский посол в Данию дьяк Григорий Истома путешествовал в 1496 году вдоль берега Кольского полуострова; позже он рассказал о деталях этого путешествия послу германского императора Сигизмунду фон Герберштейну, который так изложил его рассказ в своей книге «Записки о Московии» (1556):

«Святой нос есть огромная скала, вдающаяся в море, наподобие носа; под нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часов поглощает воду и с большим шумом обратно изрыгает назад эту пучину. Одни говорили, что это пуп моря, другие – что это Харибда. Сказывал он, что сила этой пучины так велика, что она притягивает корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит их и поглощает, – и что они никогда не бывали в большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на котором они плыли, то они едва с великим трудом спаслись, налѣгши всеми силами на весла».

На оконечности Святого Носа действительно *есть огромная пещера, в которую каждые шесть часов «заходит» и «выходит» водный поток*. Благодаря хорошей акустике *раздается гул* похожий на *сердитое рычание огромного неизвестного зверя*. Эта последняя деталь является вероятным ключом к образному иносказанию с *шестью головами* Сциллы, ловящей *по шесть моряков* за раз: Цирцея предупреждает, что, если Улисс останется у скалы «сражаться» со Сциллой, последняя снова нападет, захватив *еще шестерых* его товарищей:

*у нее <...> Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова. (Одиссея 12.89–91)*

¹¹³ Франко Микиели (Franco Michieli), «Улисс и низвержение в Мальстрем», *Rivista della Montagna*, номер за октябрь 2007 (стр. 38–53).

¹¹⁴ https://pikabu.ru/story/stsilla_i_kharibda_kolskogo_poluostrova_6417228

<...> Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает. (Одиссея 12.97–99)

Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит. (Одиссея 12.120–123)

Этот иносказательный кеннинг возможно указывает на *шестичасовую периодичность* заглатывания воды гротом Святого Носа – так же, как, например, гнездо с 9 воробьями указывает на 9 лет Троянской войны (ее длительность по *Одиссее*); а 20 гусей, совершающих ежегодный перелет с севера на юг и обратно – соответствуют 20 годам, которые Пенелопа ждала Улисса.

В другой строке стиха Цирцея упоминает, что «Харибда всасывает черную воду / Трижды в день она отрыгивает ее и три раза ужасно всасывает». (Одиссея, 12.104–106) – что не противоречит приведенному выше иносказанию, если учесть длинную продолжительность дня в период летней навигации, день может длиться и 18 часов, в течение которых можно наблюдать три прилива; четвертый же прилив приходится на короткие ночные часы. Однако, это не согласуется с периодичностью подобного приливного явления лишь два раза в день в Мальстреме.

Длина грота на мысе Святой нос до сих пор не известна, изучением его пока никто не занимался. Пещера представляет собой темную длинную пасть – поэтому, когда она открывается для «заглатывания воды», «даже и сильный стрелок не достигнет направленной с корабля / Быстролетящей стрелой до этой сводчатой пещеры» (Одиссея, 12.83–84). Вряд ли речь о верхнем своде грота *Kollhellaren* у норвежского водоворота Мальстрем, отождествленного Франко Микиели с пещерой Сциллы – к которому можно и подняться с берега пешком.

Было бы заманчиво представить, как Харибда Кольского полуострова засасывает в свой грот корабль Улисса при его повторном появлении в этом страшном месте; как спасается главный герой, уцепившись за «смоковницу с богатой листвою» (длинные водоросли) на скале; и как он «крепко держался там и ждал, чтоб Харибда обратно / Мачту и киль изрыгнула»; и как в итоге из этой страшной пасти «они наконец появились» (Одиссея 12.431–433, 437–441)

Примерно в одном кабельтове (185,2 м) к северо-западу от конечности мыса Святой нос лежит покрытый водорослями (той же гомеровской «смоковницей с богатой листвою») камень Воронуха (вероятная гомеровская «нижняя скала»), на «расстоянии выстрела из лука» (Одиссея 12.102). Как и в *Одиссее*, мореплавателям, огибающим мыс Святой нос, приходилось буквально проскальзывать между «высокой скалой» и «нижней скалой».

В прошлом мыс Святой нос – место частой гибели судов. Согласно лоции XVIII в., это место, «на коем много крестов». Промысловики, обходя этот мыс, твердили про себя: «Свят Никола, обереги нас».

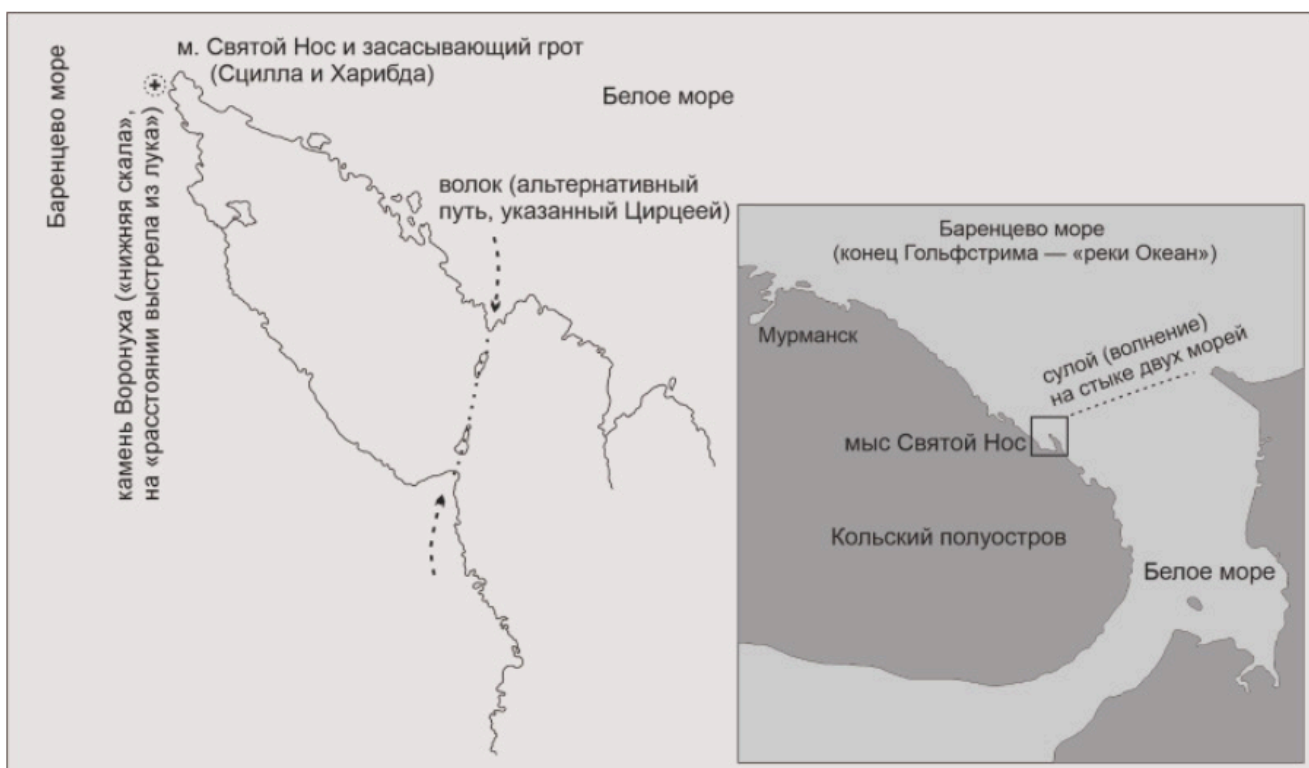

Рис. 9. Мыс Святой Нос – Сцилла и Харибда Кольского п-ва

Для обеспечения безопасности прибрежного плавания в тумане создаются различные звуковые средства, сигнализирующие о навигационной опасности, о наличии маяка, указывающие входы в порт, расположение береговой черты. Вначале это были простые колокола, устанавливаемые в большинстве случаев при маяке, на молах входов в порты, у причалов. В 1828 году М.Ф. Рейнеке, родоначальник многих маяков на Кольском полуострове, установил на оконечности мыса Святой нос «белую башню», маяк высотой 45 футов, которую позже снабдили *сиреной*, а поселок назвали *Святоносской Сиреной*. Ирония судьбы?

ДРЕВНЕЙШИЙ ОПИСАННЫЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОЛОК

Гомер с поразительной точностью задокументировал опасности полярного судоходства, где встреча Баренцева и Белого морей рождает смертоносные для древних мореплавателей природные аномалии. Именно в этой точке Арктики находит свое логическое объяснение и один из самых загадочных и спорных фрагментов «Одиссеи» – альтернативный путь у т.н. «гуляющих скал», указанный волшебницей Цирцеей.

Саамские и поморские мореходы веками использовали волок судов через перешеек у основания мыса Святой Нос (от губы Волоковой до губы Лапское Становище к мысу Наталий наволоку), чтобы не испытывать судьбу в бушующих и непредсказуемых водах «Святоносского сувоя» (наиболее вероятной гомеровской Харибды). Поперек перешейка на несколько километров были уложены деревянные катки, по которым поморы переправляли суда из Белого моря в Баренцево море, не рискуя подчас проходить границу морей по воде «между Сциллой и Харибдой».

Однако, и причаливание к месту волока было сопряжено с опасностями, особенно в условиях плохой видимости, непрерывного тумана, постоянных ветров, штормов, сильных течений, подводных рифов и береговых скал. В туман, в дождь, в пургу – плавание считается наиболее опасным, особенно вблизи скалистых берегов. Соответственно, каждый раз мореходы должны были для себя определить наиболее безопасный путь: огибать мыс, плывя через стык двух морей и течений, или рисковать с высадкой в скалистых бухтах и тащить судно через волок. Это, собственно, то, о чем говорит Цирцея Улиссу:

<...> Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую. (Одиссея 12.56–58)

Путь через *волоку* Цирцея описывает как дорогу у «бродячих» или «гуляющих» скал («планктов»):

<...> Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя бродящих (πλάυκτος, *planctae*) дано им богами. (Одиссея 12.59–61)

Волоки имели малое распространение в Греции, поэтому аэд, пересказывавший эпос на берегах Средиземноморья, использовал данное слово, вероятно, потеряв понимание его изначального значения.

Зашифрованное Гомером как тайное знание полубогини, указание об альтернативном пути обнажает чисто утилитарную, навигационную суть эпоса. Оказывается, «волшебный» совет Цирцеи был не поэтической фантазией, а точнейшей древней логикой, описывающей реальную практику выживания на Поморском Севере. Протаскивая свои корабли волоком, древние мореплаватели обманывали саму смерть, оставляя позади ревущие морские чудовища Арктики.

Стоит обратить также внимание на то, что на полуострове Святой нос имелся лишь один волок, как и указывала Цирцея: лишь *один* путь в обход Сциллы и Харибды (Одиссея 12.56–58). В то же время между островов Лифутенского архипелага, на краю которых у водоворота Мальстрем расположил Сциллу и Харибду Феличе Винчи, имеется целый ряд узких проливов, позволяющих обойти водоворот Мальстрем, что уже больше, чем один альтернативный путь.

В любом случае, и Мальстрем, и Святой Нос, расположенные вдоль ветви Гольфстрима («реки Океан»), могут оба претендовать на ужасное гомеровское место из Одиссеи, в отличие от традиционного отождествления обиталища Сциллы и Харибды с проливом Мессина между Сицилией и Итальянским полуостровом, где нет ни водоворота, ни «нижней» скалы, ни тем более какого-либо «обходного пути».

ТРИНАКРИЯ И СОЛНЦЕ ГИПЕРИОНА

Тринакрию, куда корабль Улисса унесло после прохождения пролива «между Сциллой и Харибдой», Феличе Винчи отождествляет с небольшим островом Москен (*Mosken*), находящимся к югу от водоворота Мальстрем. Этот остров имеет характерную трехконечную форму, что, согласно исследователю, может соответствовать гомеровскому острову Тринакрия или Тринация (Τρινακρία, Τρινακία, у Гомера Θρινακία) – со значением «Трезубец», «Треугольник» (от греч. *thrinax*, «с тремя точками») ¹¹⁵.

Альтернативно, Тринакрией мог быть гораздо более удаленный о. Ян-Майен (норв. Jan Mayen) – остров между Гренландским и Норвежским морями, примерно в 600 км к северу от Исландии, в 500 км к востоку от Гренландии и в 1000 км к западу от Норвегии. ¹¹⁶ Примечательно, что в начале XVII века Ян-Майен также носил названия «Зубцы Гудзона» (1611) и «Троица» (1611, 1618) – возможно, в увязке с тремя острыми концами вулканического кратера острова.

Остров Ян-Майен, как считается, получил свое название в честь голландского капитана «Яна Мая», «открывшего» остров в 1614 году. Однако эта этимология может быть просто выдумкой, поскольку этот важный остров, очевидно, был известен задолго до этого, и в действительности название могло означать: «(остров) ледяной горы» (ср. эст. *jäine mäginе / jääne mäene* с данным значением). Остров состоит из двух частей: большей северо-восточной (Норд-Ян) и меньшей юго-западной (Сёр-Ян), соединенных перешейком шириной 2,5 км. Ландшафт острова определяется действующим вулканом Бееренберг (2277 м), покрытым толстыми ледниками. Характерными чертами являются пляжи с черным вулканическим песком, крутые скалы и штормовой арктический климат.

¹¹⁵ Rocci, L. *Vocabolario Greco-Italiano*, Genoa 1998 under “Thrinakie”.

¹¹⁶ 71°02'47" с. ш. 8°13'49" з. д.

Удаленность о. Ян-Майен от какой-либо другой земли может также объяснить отсутствие каких-либо проходивших мимо судов, к которым Улисс мог бы обратиться за помощью, и длительность ожидания товарищами Улисса нужного ветра, чтобы попытаться уплыть с этого забытого всеми острова, очень удаленного от каких-либо других берегов.

Тринакрия – мифологическое обиталище «стад быков и баранов», принадлежащих Гипериону Солнца и место, которое оказывается роковым для спутников Улисса:

*После того как утесов и страшной Харибды и Сциллы
Мы избежали, за этим на остров прекрасный
Бога солнца мы прибыли. Много там было быков широколобых,
и тучных баранов Гипериона Солнца. (Одиссея 12.260–263)*

«...Много пасется там Солнечных жирных баранов и быков тихходных / *семь* бараньих прекраснейших стад и столько же бычьих / *по пятьдесят* в каждом стаде голов» (Одиссея 12.127–130). На этих животных наложено строжайшее табу, которое торжественно произносят и Тиресий, и Цирцея:

*Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,
Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.
Если же тронешь стада – и тебе предвещаю я гибель
И кораблям и товарищам всем. (Одиссея 11.110–113, 12.137–140)*

«Что это за странные «быки» и «бараны»?» – задается вопросом Феличе Винчи. Табу на быков абсурдно в ахейском мире, где принесение в жертву скота было очень важным элементом религиозного культа. Такое табу типично для индийского мира, где они считаются тотемными (неприкасаемыми животными), но этот мир очень далек. Эти «быки» и «бараны» Гипериона очень странные, подчеркивает Винчи – уже потому, что «они не плодятся / не вымирают» (Одиссея 12.130–131). Это выражение указывает на то, что поэт говорит метафорически, но в чем может заключаться скрытый смысл выражения «Солнечные стада»?

Ответ нам по-прежнему предоставляет индийский ученый Тилак. После очень тщательного анализа древних священных индийских гимнов и греческой мифологии, проницательный исследователь отождествил эти 350 (*семь по пятьдесят*) мистических животных с *солнечными днями года*. Эта взаимосвязь – которая также встречается в гомеровском *Гимне Гермесу*, в котором упоминаются быки Гипериона Солнца Аполлона – скрыта в двух строках в начале *Одиссеи*:

*Съели, безумцы, быков Гипериона Солнца,
Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он. (Одиссея 1.8–9)*

а также в гневных словах, которые бог Солнца произносит после смерти своих быков, потому что товарищи Улисса «схватили и съели их» (Одиссея 12.353–365) когда кончилась другая еда:

*О Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Кары прошу для людей Улисса, Лаэртиа сына!
Дерзко они умертвили быков, на которых с такою
Радостью я любовался – вступал ли на звездное небо
Или спускался с него, к земле направляясь обратно! (Одиссея 12.377–381)*

Эти строки явственно очерчивают постепенный восход солнца к небесному своду день за днем до наступления летнего солнцестояния, после чего оно начинает свой медленный спуск. Солнце движется по спиральной траектории, изображенной на множестве украшений, относящихся к бронзовому веку – явление, характерное для высоких широт. Как о. Москен, так и о. Ян-Майен расположены за Полярным кругом, и слова, приписываемые Гипериону Солнца: «если же им за быков соответственной кары не будет / в царство Аида сойду я и буду светить для умерших!» (Одиссея 12.382–383) – могут отражать страх тех древних народов, что солнце может никогда больше не появиться после его исчезновения в Полярную ночь.

Тот факт, что Тринакрия, «трехзубчатый» остров, был посвящен богу Солнца, напоминает то, как и некоторые солнечные культы в Египте и Индии были основаны на «троице», которые,

возможно, выражали три фазы свечения солнца – восходящий *красный*, *белый* в зените и *черный* во время затмений и ночью.

Но что означает Гиперион (*hyperīōn*), гомеровский эпитет бога Солнца? Гиперион можно перевести, согласно Винчи, как «идущий над»¹¹⁷, *hypér* – это греческое наречие, означающее «над» или «выше», а *iōn* – форма причастия от глагола *eimi*, «идти». Учитывая расположение Тринакрии за Полярным кругом, выражение *Гипериона Солнца*, скорее всего, относится к феномену *Полярного дня*, когда солнце постоянно остается над горизонтом в течение арктического лета.

Это предположение подтверждается тем фактом, что упоминания *Гипериона Солнца* в двух эпосах относятся к местам, которые, как и Тринакрия, казались очень далекими. Например, в *Илиаде* Гиперион упоминается в части «до самых последних пределов / земли и моря» (*Илиада* 8.478-479). Это показывает, что поэмы Гомера, вероятно, сохранили память о крайне архаичной среде, восходящей к ранней эпохе, когда арктические регионы были еще заселены. К слову, даже самые древние греческие мифографы не знали об истинном значении выражения *Гипериона Солнца*: например, Гесиод утверждает, что Гиперион – это Титан, *отец* Солнца (*Теогония*, 134, 374). Таким образом, они уже не знали о гомеровском мире, являвшимся намного старше и архаичнее их эпохи. Фактически, Гесиод, живший в VIII-VII веках до н.э. (по общепринятой хронологии), является первым поэтом греческой литературы, а имя Гомер – своего рода «ярлык», обозначающий мифического создателя двух поэм из чрезвычайно древнего устного предания, считающегося рожденным многими столетиями до того в географической реальности, очень далекой от греческого мира.

Связь между поклонением солнцу и о. Тринакрия, согласующаяся с его высокой широтой, где явления годового солнечного цикла чрезвычайно усиливаются – подчеркивается именами пастушек, двух нимф, дочерей Гипериона Солнца (*Одиссея* 12.132–133): «сияющей» Лампетии и «мерцающей» Фэтусы, которые очень похожи на Лампа и Фэтона – «двух коней, несущих Рассвет» (*Одиссея* 23.246). Винчи также отмечает, что эти два коня встречаются на некоторых петроглифах бронзового века в Скандинавии, и один из них также упоминается в *Поэтической Эдде*: «Скинфакси – это конь, который приносит людям свет / день (...) Его грива всегда светится» (*Vafthrudhnismal*, строка 12).

Погружая нас в архаичный менталитет этих древних народов, подчеркивает Винчи, связь с конями *Рассвета* заставляет нас задаться вопросом – не являются ли две пастушки, дочери «божественной Неэры» и Гипериона Солнца (*Одиссея* 12.133): первая, Лампетия – *танцующим рассветом (северным сиянием)*, возвещающим возвращение солнца после темноты Полярной ночи, а вторая, Фэтуса, ее симметричная «сестра» – олицетворением *мерцания сумерек* перед следующей Полярной ночью, когда свет Фэтусы постепенно тускнеет по мере того как солнце опускается ниже и ниже. В подтверждение этой идеи, они действительно должны следить за знаменитыми «быками» (12.136): если эти «быки» – дни года, значит, две нимфы, присматривающие за ними, являются их пастушками! В самом деле, одна из них является перед «первым быком», то есть перед первым днем появления солнца после окончания долгой Полярной ночи, в то время как ее сестра приходит симметрично после исчезновения последнего «быка» (солнечного дня) в начале следующей Полярной ночи. По мнению исследователя, эта сложная игра в иносказания и метафоры была продолжена скальдами викингов много веков спустя.

Мы также могли бы попытаться понять, полагает Винчи, значение имени матери двух нимф-пастушек, Неэры (греч. *Néaira*), учитывая, что их отец – Гипериона Солнце – *незаходящее солнце Полярного дня*. Можно предположить, что Неэра представляет собой противоположность своего «мужа», то есть *Полярную ночь*. В самом деле, погружаясь в менталитет древних народов, будет естественным думать, что эти нимфы рассвета являются «дочерьми» двух противоположных полюсов арктического года, *Полярного дня* и *Полярной ночи*.

ПУТЬ ИЗ ТРИНАКРИИ В ОГИГИЮ

Улисс и его спутники добрались до Тринакрии после прохождения Харибды, но покинуть остров они не могли, так как «целый месяц свирепствовал ветер южный, непрерывно бушуя /

¹¹⁷

Webster's *Encyclopedic Unabridged Dictionary* New York 1996, under "Hyperion".

Не было ветров в тот месяц других, кроме южного и восточного» (*Одиссея* 12.325–326). Вновь наблюдается совпадение с географией территории Гипербореи: южный и восточный ветры дуют в противоположном направлении от пути домой для Улисса (особенно если отождествлять Тринакрию с о. Ян-Майен, откуда для долгого пути на родину требовались северный и западный ветры).

Безвыходная ситуация моряков разрешилась, когда южный «прекратился тогда бушевавший неистово ветер / Быстро взойдя на корабль, мы пустились в широкое море» (*Одиссея* 12.400–401). Однако, в этот момент спутников Улисса настигает божья кара за «убийство быков Гипериона Солнца» (*солнечных дней*), которое они совершили, пробыв в Тринакрии слишком долго: внезапный шторм с ужасным ветром обрушил мачту их корабля, затем «бешено Зевс загредел и молнию бросил в корабль» (*Одиссея* 12.415). Лишь Улисс выжил после крушения своего судна.

Историю, удивительно похожую на приключение Улисса на острове Тринакрия, Феличе Винчи встречает в скандинавской литературе. Речь идет об иносказательном эпизоде легендарной морской экспедиции Торкилля из Исландии на крайний север Норвегии. Он добрался до района Холугаланд (*Hålogaland*), самого удаленного края перед Землей Мертвых, и высадился на острове, где его оголодавшие люди увидели «скот». Несмотря на его предупреждения, «*веления своего брюха поставили выше спасительных советов* [Торкилля] и продолжили загружать опустевшие трюмы своих кораблей тушами забитого «скота» (*Деяния данов* 8.14.4). В этот момент «боги, стоящие на страже» – так их называет Саксон – в виде чудищ подобралась к ним вплотную и прокричала, что: «виновные смогут уплыть не раньше, чем заплатят за преступление, выдав по одному человеку с каждого корабля» (8.14.5). Это сказание и *Одиссея* имеют много сходств: дальний северный остров со священным «скотом», голодные моряки, убийство неприкосновенных животных невзирая на указания командира, вмешательство божественных «надзирателей», неотвратимое наказание преступников. Из всего этого исследователь делает вывод об общей, очень древней основе.

«Вдруг прекратился западный ветер, надо мной ураганом шумевший / южный же ветер, появившийся вскоре, поверг меня в ужас и горе / Как бы к погибельной он не погнал меня снова Харибде» (*Одиссея* 12.426–428).

После крушения и повторного прохождения Харибды Улисса уносит на обломках его судна к центру Атлантики на Фарерские острова: «Девять носился я дней / На десятый к Огигии боги ночью пригнали меня» (*Одиссея* 12.447–448). В конце своих странствий по Норвежскому морю Улисс высаживается на острове Калипсо посреди океана, «в пяти днях плавания от Британии». Если Плутарх дал нам ключ к географии Гомера, то слова Гомера подтверждают смелое заявление Плутарха. Это был ключ, с которого началось путешествие Феличе Винчи в поисках гомеровского мира.

ГЛАВА 5. ГДЕ РАСПОЛАГАЛАСЬ ТРОЯ?

НЕСТЫКОВКИ ГОРОДА, НАЙДЕННОГО ШЛИМАНОМ

«Страбон сообщает, что равнина [Трои-Гиссарлыка] была выходом в море во время Троянской войны и с того момента была покрыта илом, нанесенным рекой. Шлиман стремился опровергнуть это утверждение, поскольку оно было одним из главных аргументов против теории Трои-Гиссарлыка. Если бы море доходило до стен Трои, как могли греки и троянцы передвигаться вперед и назад по равнине между городом и морем, как рассказывает нам Гомер? (...) Благодаря серии образцов, взятых в 1977 году, мы теперь знаем, что в доисторические времена на равнине [Трои-Гиссарлыка] простирался обширный морской рукав, доходивший до Гиссарлыка в период Трои-6 и значительно выше по течению в эпоху Трои-2, но который, согласно Страбону, к тому времени превратился в очень маленькую бухту в устье реки. Таким образом, Страбон был прав, а выводы Шлимана, Бюрнуфа (Burnouf) и Вирхова (Virchow), основанные на неадекватных образцах, были ошибочными».¹¹⁸

Феличе Винчи начинает с данного утверждения Дэвида Трэйлла (David Traill), профессора античности Калифорнийского университета, бросающего тень сомнения на теорию Генриха Шлимана о том, что гомеровская Троя была городом, обнаруженным на анатолийском склоне Гиссарлык недалеко от входа в Дарданеллы, где сейчас находится западная Турция.

Также Мозес Финли в своем знаменитом эссе *Mur Odysseus (The World of Odysseus)* утверждает:

«Достижения Шлимана были эпохальными. Тем не менее, несмотря на утверждения, неоспоримым фактом является то, что ничего из того, что обнаружили он или его преемники, ни единый обломок не связывает разрушение Трои-7 с микенской Грецией или вторжением из любого другого источника. Также ничто, известное из археологии Греции и Малой Азии или из табличек с Линейным письмом Б, не согласуется с гомеровским рассказом о великой коалиции, идущей против Трои из Греции (...), и не упоминается Троянская война. (...) Физические останки Трои-7 не показывают, что это место было вообще захвачено (...) Более того, если эта цитадель не была разграблена – если она не была разграблена греками при Агамемноне – мы остаемся без веских причин даже называть ее Троей».¹¹⁹

Следует отметить, уточняет Винчи, что Финли не единственный, кто делал такие заявления. Профессор Фаусто Кодино¹²⁰ пишет: «Нет уверенности в том, что сожжение Трои-7 (слой троянских раскопок, идентифицированный как «гомеровская Троя») было вызвано военными действиями. Если Троя действительно была завоевана и разрушена, нельзя быть уверенным, что завоеватели были ахейцами с греческого полуострова».¹²¹

В свою очередь, Фриц Граф¹²² отмечает, что «это правда, что Троя-7 действительно была разрушена в результате насильственных действий, но это могло быть землетрясение, за которым последовал пожар; нет никаких доказательств, подтверждающих нападение врага, не говоря уже о происхождении любого возможного врага».¹²³

Сомнения ученых согласуются с тем фактом, что Страбон категорически отрицает, что место греко-римской Трои, которое соответствует верхнему слою в Гиссарлыке, идентифицируется с гомеровским городом: «Это не место древнего Илиона¹²⁴, если рассматривать его в соответствии с утверждениями Гомера» (*География* 13.1.27).

Еще один момент, который следует учитывать при локализации Трои – это местоположение союзников троянцев. В *Илиаде* они проживают по соседству от города, например, Гектор

¹¹⁸ Traill, David. A. *Schliemann of Troy*. New York 1995, p. 189.

¹¹⁹ Finley, Moses. *The World of Odysseus*, 2nd Edition. London, Penguin Books, 1979, p. 43, 170.

¹²⁰ Фаусто Кодино (Fausto Codino), итальянский исследователь гомеровской поэзии (1928 – 1985).

¹²¹ Codino, Fausto. *Introduzione a Omero*. Turin 1990, p. 16.

¹²² Фриц Граф (Fritz Graf), профессор эпиграфики университета штата Огайо (род. 1944).

¹²³ Graf, Fritz. *Il mito in Grecia*, Bari 1997, p. 5.

¹²⁴ Илион (греч. *Ilium*, *Ilios*) – другое название, которое Гомер применяет для обозначения Трои.

обращается к ним как к «толпе моих союзников и *sosedei*» (*Илиада* 17.220). Точные и последовательные указания Гомера противоречат местоположению древних анатолийских народов, таких как ликийцы и киликийцы, чьи исторические поселения находятся очень далеко от региона Дарданелл. По этому поводу профессор Мартин П. Нильссон, ведущий шведский ученый, пишет в книге *Микенское происхождение греческой мифологии* (*The Mycenaean Origin of Greek Mythology*):

«Удивительным фактом является то, что ни один из троянских союзников не играл столь важную роль, как народ ликийцы, живший на далеком юге Малой Азии, но ранее не упомянутый (...) То же самое, кажется, произошло и в случае с киликийцами. Андромаха считается дочерью *Эйтиона* (*Eëtion*, *Гетиона*), правителя киликийцев и царя Фивы у подножия горы Плак, города, захваченного Ахиллесом. Очевидно, эти Фивы находятся недалеко от Трои, но о существовании киликийцев в других местах, кроме юго-восточной Малой Азии, неизвестно».¹²⁵

Хотя некоторые склонны отождествлять хеттский город Вилуса (Wilusa) с Илионом, в *Хеттах* Джеймс Г. Маккуин (James G. Macqueen) отмечает, что он, вероятно, лежал на богатой равнине Эскишехир (Eskisehir),¹²⁶ в 300 км к востоку от Дарданелл. В свою очередь, Дитер Хертель (Dieter Hertel), работавший на территории Гиссарлыка и преподающий классическую археологию в Кельнском университете (Германия), в своей книге *Троя* утверждает, что и Вилуса, и город, найденный Шлиманом, не имеют ничего общего с гомеровской Троей.

Что касается так называемого «клада Приама», обнаруженного Шлиманом и ошибочно приписываемого мифическому царю Приаму, то он, вероятно, принадлежит второму слою города, датируемому примерно 2500 г. до н.э. Винчи отмечает, что «клад Приама», соответственно, намного старше самой микенской цивилизации и, по очевидным хронологическим причинам, не имеет абсолютно никакого отношения к гомеровской Трое, независимо от того, находилась последняя или нет на холме Гиссарлык.

Таким образом, связь между гомеровской Троей и городом на холме Гиссарлык далеко не доказана. Как показывают недавние археологические раскопки Роуз и Корфманна (Rose and Korfmann), весьма вероятно, что Гиссарлык был просто хорошо укрепленной цитаделью, расположенной в стратегическом месте в устье Дарданелл. Хотя этот район исследовался более века, остатки больших стен были обнаружены только недавно, что показывает, насколько сложно найти следы потерянных цивилизаций. Возможно, предполагает Винчи, микенцы дали средиземноморской Трое свое название, основываясь на том факте, что ее расположение относительно ориентиров вокруг нее примерно соответствовало положению исходной северной Трои, как и в случае с Пелопоннесом. Однако, как свидетельствует Страбон, «троянцы» его времени (которых он называет илианцами) знали, что их город находится не на том же месте, что и гомеровская Троя.

В ПОИСКАХ ГОМЕРОВСКОЙ ТРОИ

Генриха Шлимана, безусловно, следует поблагодарить за возвращение к предположению историчности Троянской войны. Однако, Феличе Винчи предлагает начать поиск более точного местоположения Трои заново, основываясь на данных места, описанных в *Илиаде*, и представленной Гомером богатой географической информации, относящейся к северному миру.

Во многих отрывках *Илиады* говорится, что территория Трои лежала у широкого безграничного моря под названием Геллеспонт:

*Сколько к северу Лесбос вмещает, обитель Макара,
В сторону – Фригия, также и весь Геллеспонт беспредельный,
Окрест везде, говорят, ты, старик [Приам], богатством блистал и сынами. (Илиада 24.544–546)*

¹²⁵ Nilsson, Martin. P., *Homer and Mycenae*, London 1933, p. 57.

¹²⁶ Macqueen James G., *Gli Hittiti: un impero sugli altipiani*, Roma 1990, p. 43.

Для описания моря в *Илиаде* также используется термин *platýs*, означающий «широкий» (*Илиада* 7.86, 17.432). Но средиземноморский Геллеспонт, то есть Дарданеллы, настолько далек от «широкого» или «безграничного», что в определенный момент «становится настолько узким, что больше похож на реку».¹²⁷

У гомеровского Геллеспонта есть аналог на севере Европы, где, как мы упоминали ранее, Саксон Грамматик часто ссылается на *геллеспонтцев*, врагов датчан:

«После этих событий Регнер, который готовил поход против геллеспонтцев, созвал собрание данов [датчан] (...) После нескольких сражений он разгромил и покорил Геллеспонт и его короля Диана. В конце концов, Регнер убил его». (*Деяния данов* 9.4.20)

Согласно другим частям *Деяний данов*, этот северный Геллеспонт, по-видимому, располагался к востоку от датской области, в современной Латвии, где древний город Динабург (сегодня латыш. Даугавпилс, нем. Дюнабург) соответствует Дуне, городу, в котором укрылся король Геллеспонта Хандван, чтобы ускользнуть от Хадинга (*Деяния данов* 1.6.10).

Если принять во внимание, что название Геллеспонт означает «море Геллы или Эллады» и, как мы увидим позже, что последовательность Каталога кораблей приводит к расположению Эллады на эстонском побережье, обращенном к Финскому заливу, то из этого следует, что *Финский залив* совпадает с гомеровским «широким Геллеспонтом». Это подтверждается тем фактом, что Финский залив является географическим аналогом Дарданелл, учитывая его расположение к северо-востоку от бассейна, к которому он принадлежит. Таким образом, согласно Винчи, Финский залив соответствует местоположению «геллеспонтцев», упомянутому Саксоном.

Следующий шаг – зафиксировать положение Трои. Здесь Винчи просит помощи у самой богини Геры, которая говорит:

*Я же отправлюсь позвать Зефира и быстрого Нота,
Чтобы тяжелою бурей от моря они налетели [в сторону Трои] (Илиада 21.334–335).*

Речь идет о западном и южном ветрах соответственно и, поскольку в *Илиаде*, скорее всего, говорится о Балтийском море в целом, то Троя лежала у широкого Геллеспонта (Финского залива), к северо-востоку от Балтийского моря – и для потенциального расположения Трои должно рассматриваться всё побережье Финского залива, включая южное. К большому сожалению, Винчи ограничил свой поиск его северными берегами.

Далее сперва будет кратко рассмотрена гипотеза Винчи, и затем альтернативный, представляющийся более точным вариант.

ФИНСКАЯ ГИПОТЕЗА ВИНЧИ

В районе, расположенном между Хельсинки и Турку, Феличе Винчи обнаруживает «настоящий кладезь топонимов», удивительное количество географических названий, напоминающих названия Трои и ее союзников, упомянутых в *Илиаде* (особенно в списке в конце песни 2, после Каталога кораблей): *Askainen* напоминает исследователю Асканию и её вождя Аскания, предводителя армии-союзника троянцев (*Илиада* 2.862–863); *Karjaa* и *Lyökki* напоминают карийцев и ликийцев соответственно; *Raisio* или *Reso* напоминают как о Резусе, союзнике троянцев, так и о реке Резус в Троаде; *Åbo*, другое название Турку, самого древнего города Финляндии, датированного 1157 годом н.э. и построенного вокруг замка Обокус, напоминает об Абии, «самом порядочном из народов» (*Илиада* 13.6), и городе Абидус; *Pargas*, напоминает исследователю город Перкот, в той же местности, что и Абидус (*Илиада* 2.835–836).

В самом начале *Илиады* Тенедос и «священная Килла» упоминаются вместе (*Илиада* 1.38; 452). Тенедос, который Гомер никогда не считал островом, по Винчи, может соответствовать современному *Tenala* или *Tenhola*, муниципалитету, расположенному на мысе, окруженном островами. Килла (греч. *Killa*), святыня Аполлона, приравниваемая исследователем к прибрежному пункту в той же местности, могла находиться в местечке *Kiila*. Наст, который упоминается трижды в промежутке между пятью строками (*Илиада* 2,867; 870; 871) как вождь союзников троянцев – карийцев, может происходить из поселения *Nästi*.

¹²⁷

Treccani, under “Dardanelli”.

В этом регионе есть и много других своеобразных топонимов, которые можно сопоставить с именами союзников и районами возле описываемой Гомером Трои. Например, по Винчи, *Airisto* можно приравнять к *Arisbe*; *Mietoinen* к *Mydon* (колесничему царя пафлагонцев, союзников троянцев) и ахейскому городу *Methone*; *Ampiala* и *Pesola* к *Amphius*, союзнику Приама, и его родному городу, называемому *Paiso*; *Klaukkala* к *Glaucus*, вождю ликийцев; *Menonen* к *Maeonians*, еще одним союзникам троянцев; *Mestilä* к *Mesthles*, вождю минианцев; *Paino* к *Paeonians*, «с их кривыми луками»; *Friggesby* к *Phrygia*; *Tammela*, которая находится недалеко от холмистой местности, к «снежному Тмолу» (*Илиада* 20.385); *Padasjoki* к *Pedasus*; *Rohdainen* к реке *Rhodus*; *Alavus* к *Alybe*, «родине серебра». Удивительным, с точки зрения Винчи, является случай с *Tanttala* и *Sipilänmäki*, которые напоминают Тантала, похороненного на горе Сипил (он был мифическим королем страны, соседствующей с Троей).

В центре этой местности, недалеко от *Tenala* и *Kiila*, Винчи идентифицирует небольшой финский городок Тойя (*Toija*), кажущийся ему отголоском названия легендарной Трои.

Как указывает исследователь, сейчас городок *Toija* находится примерно в двадцати километрах от моря, которое в этом районе изобилует островами, островками и мысами. В древние времена *Toija* была намного ближе к береговой линии, но, после окончания ледникового периода земля Финляндии начала подниматься; за тысячи лет, прошедшие со времен Гомера, расстояние между *Toija* и морем постепенно увеличивалось. Когда закончился последний ледниковый период и более высокие температуры положили конец сильному сжатию, вызванному четвертичными ледниками, земля начала постепенно подниматься – примерно 40 см за столетие в южной Финляндии.

Место древнего берега, на котором высадились и разбили лагерь ахейцы, Гомер назвал *aigialos* (*Илиада* 14.34). Винчи счел, что оно может соответствовать поселку *Aijala*, примерно в 7 километрах к юго-западу от *Toija*, в сторону моря.

Происхождение богатства, которое приписывается царю Приаму в *Илиаде*, Винчи связал с расположенным неподалеку медным рудником у озера *Orijärvi*, в 6 км от *Toija* и *Kavasto*.

Также Винчи отметил, что Троя не была заброшена после того, как ахейцы разграбили и сожгли ее, а вместо этого была восстановлена, о чем и говорится в *Илиаде*:

Род же Приама уж стал ненавистен Зевсу.

Будет править отныне троянцами сила Энея,

Также и дети детей, которые позже родятся. (Илиада 20.306–308)

Поскольку ахейцы направились домой сразу после войны, как говорится в *Илиаде* (12.16) и *Одиссее* (3.130–131), вместо того чтобы оккупировать территорию, уцелевшие троянцы могли беспрепятственно восстановить свой город. Довольно предвзятый и гораздо более поздний рассказ Вергилия о бегстве Энея по морю из горящего города Трои был написан как дань уважения семье императора Августа, который считался потомком Энея, и не имеет отношения к реальной судьбе троянского героя и его города после войны. Эта версия послевоенных фактов также встречается в других источниках, таких как *Гомеровский гимн Афродите*, в котором Афродита говорит Анхису: «У тебя будет сын, который будет править троянцами;/его сыновья будут всегда иметь сыновей/его имя будет Эней» (196–198). Таким образом, согласно Винчи, Троя у берегов Финского залива была перестроена и просуществовала столетия и столетия, дойдя до наших дней, забыв о своем эпическом прошлом. И, поскольку первым царем династии, правившей Троей после войны, был Эней, исследователь указывает на заманчивую связь между именем *Эней* и *Aeningia*, названием области у Финского залива в римские времена, которое упоминается Плинием (*Естественная история* 4.96).

Винчи подчеркивает, что многие приводимые географические названия имеют очень древнее происхождение, но каков их точный возраст, эволюция и изначальные значения – установить практически невозможно. Большинство письменных финских и скандинавских документов, включая самые древние, относительно близки к нашему времени, и датируются в основном не ранее 1000 года н.э. Также Винчи упоминает исследования Даниэля Юслениуса (Daniel Juslenius), финского профессора иврита, греческого языка и теологии Королевской академии Турку XVIII века, который писал смелые работы о древнегреческом субстрате в финском языке.

Французский лингвист Жан Одри (Jean Haudry), после ознакомления с исследованиями Винчи и различными критиками его гипотезы, отметил, что:

«Топонимические эквиваленты, предлагаемые [Винчи] (датские острова для Итаки, Северная Атлантика для странствий Улисса, юг Финляндии для Трояды, Балтийское побережье для ахейского мира), оспариваются по несерьезным причинам: применяется принцип регулярности к фонетическим изменениям языка, а не к переходу географических названий из одного языка в другой, особенно когда это происходит удаленно, в пространстве и времени».¹²⁸

Винчи признает, однако, что его сравнения географических названий отнюдь не бесспорны, и что его гипотеза использует топонимы лишь как следы или подсказки. Прежде всего она базируется, заостряет исследователь, на вопиющих противоречиях, возникающих у стихов Гомера на Средиземноморье, и, с другой стороны, на географических, морфологических, описательных и климатических параллелях между гомеровским и северным миром.

Впервые Винчи посетил место предполагаемой им Трои еще в 1992 году, как на земле, так и облетев его на арендованном небольшом одномоторном самолете.

Исследователь счел, что небольшие речки *Kurkelanjoki* и *Mommolanjoki*, у впадения которых в озеро *Kirkkojärvi* стоит найденная им *Toija*, могли быть гомеровскими Скамандром и Симоентом. Согласно Гомеру, Троя была расположена недалеко от места, «где Симоент и Скамандр быстрокатные воды сливают» (*Илиада* 5.774) – что невозможно в окрестностях Гиссарлыка, где вообще нет слияния рек. Река Скамандр была самой важной, поскольку упоминается не менее двадцати четырех раз в *Илиаде* – часто под другим именем *Ксанф*, что означает «светлый» или «священный» – по сравнению с семью упоминаниями о Симоенте.

Город лежал напротив «равнины Скамандра» (*Илиада* 2.465). По Винчи, озеро *Kirkkojärvi* (средней глубиной всего около 2 м) ниже *Toija* может представлять собой затопленную долину, на которой происходило знаменитое сражение за Трои, «где столько щитов твердокожих и шлемов / пало во прах» (*Илиада* 12.22–23). Винчи указывает, что подтопления (возможно, лишь сезонные, в мае-июне, после таяния снегов) происходили и во времена *Илиады*: «Равнина (...) была вся залита водой» (*Илиада* 21.300).

Это была холмистая местность: в *Илиаде* упоминается *Kallikolōnē*, «Прекрасный холм» (*Илиада* 20.151) и еще один холм в окрестностях, известный как *Batieia*, «Колючий Холм». Интересно, что Гомер использует очень красноречивое выражение, указывающее на топографию города: «рифленый (*ophryōessa*) Илион» с четкой ссылкой на неровную поверхность. По Винчи, холмистая местность на восточной стороне озера *Kirkkojärvi* кажется идеальным местом для древнего города, находясь у реки и занимая возвышающееся положение с видом на долину.

Из Трои воины проходили через Скейские врата и спускались к равнине (*Илиада*, 3.263, 6.393), к реке (*Илиада*, 21.1–3). Греческое название ворот – *Skaiaí* – имеет точное значение, которое также указывает на их расположение. Это термин женского рода множественного числа прилагательного *skaiós*, «левый» или «западный». Таким образом, Скейские ворота были «западными воротами» Трои, расположенными на стороне города, обращенной к равнине и реке. Следовательно, Троя стояла к востоку от реки, на относительно высокой территории, недалеко от равнины на восточном берегу Скамандра.

Примечательно, что древние городища на восточном берегу реки *Kurkelanjoki* (идентифицированной Винчи со Скамандром) действительно стояли – об этом молчаливо свидетельствуют финские названия *Purolinna* («крепость у речного потока») и *Vuorilinna* («крепость на холме»), на месте которых сейчас только гранитные камни и сосновые боры. Это одни из сотен деревянно-земляных городищ, существовавших на юге Финляндии в дохристианский период, и в дальнейшем полностью заброшенных.¹²⁹ Рядом у озера *Kirkkojärvi* также находятся развалины замка *Haapasalo*, относимого к XV-XVI векам н.э., но построенного, вполне вероятно, на месте более ранних крепостей.

¹²⁸ Haudry Jean, *Homère dans la Baltique*, “Eléments” n. 160, May – June 2016, p. 57.

¹²⁹ Про древние городища, спрятанные в лесах юга Финляндии – см. документальный ролик по ссылке: https://youtu.be/p_L-d8mMeBQ

Винчи подчеркивает, что обнаруженное местоположение вполне разумно: древние строили свои города на стратегических позициях возле рек, часто вблизи мест, где переход был наиболее легким, и, конечно, в целях водоснабжения, а также развития торговли. Города на холмах размещались из соображений безопасности: для защиты от наводнений и атак врага. Винчи приводит Рим как хороший пример такого расположения: «вечный город» был построен на холмистой местности рядом с рекой *Тибр*, напротив острова *Тиберина*, облегчавшего переход с одного берега реки на другой, и защищенного речными порогами с обеих сторон.

Римские топонимы *Тибр* и *Тиберина* не имеют точной этимологии. Интересно, однако, что на Карельском перешейке на древнем вуоксинском водном пути между Финским заливом, озером Сайма и озером Ладога, в месте, где Вуокса раздваивалась на два порожистых русла, лежат созвучные с римской *Тибериной* руины крепости *Тиуринлинна*, *Tiurinlinna* («*Тиверский городок*», *Tiber*, *Tiuri*). Никто не знает, когда была основана эта крепость, известен только год ее окончательного сожжения – 1408, после чего крепость не восстанавливалась. Примечательно, что крепость *Тиуринлинна* лежит между двух русел Вуоксы с порогами и волоками, точно так же, как остров *Тиберина* в самом центре Рима лежит между двух русел *Тибра* (лат. *Tiber*, *Tiberis*, ит. *Tevere*) с порогами, не проходимыми для судов, а слово *tiveri*, *tiuri* в карельском языке и означает «*речной порог*». С этой же возможной основой столь знакомое нам название города *Тверь* (старые названия *Тьфтьрь*, *Тфтьрь*, *Твтьрь*, *Тьхверь*), расположенного при впадении в Волгу реки *Тверца*, с многочисленными речными порогами (Лось, Бабий, Прутенский, Ямской и др.).

В этой связи примечательно, что даже такие известные из романских языков слова, как итальянское и испанское *cascata* или *cascade*, несут явный след прибалтийско-финского окончания множественного числа *-d* (*-t*), которое напрямую напоминает эстонскую (западно-чудскую) форму *kosked*. К сожалению, однако, сторонники «индоевропейской» гипотезы, возникшей в конце XIX века и глубоко укоренившейся в университетах, не хотят замечать, что финно-угорские языки на самом деле содержат остатки праязыков Древней Европы – и когда-то были распространены на гораздо более обширных территориях, чем это признается до сих пор.¹³⁰

Отбросив сказки про мифических Рема и Ромула, «основавших Рим», напрашивается и сравнение ойконима *Roma*, *Рим* с карел. *gota* – «*высокий берег, на который можно было выгрузить лес*»; арх. эст. *gutto* – «*высокий берег, холм*»; венг. *ogot* – «*выделяющийся объект, круто поднимающийся горный пик, также замок*»; ивр. [*ram*] – «*возвыситься; высокий*»; ивр. [*rum*, *rot*] – «*высь, высота*»; лит. *rūtai*, *rūtas* – «*дворец, здание, крепость*»; этрус. [*rima*] – «*грудь, корма*». Явно в этом же семантическом поле, с начальн. кр-/хр-: *кром*, *кръм* (кремль во Пскове); *храм*; *cromlech*, *кромлех* (древнее сооружение, как правило, позднего неолита или раннего бронзового века, представляющее собой несколько поставленных вертикально в землю продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей); и т.д.

Также, упомянув финское название *Purolinna*, *Пуролинна* («*крепость у речного потока*»), на бывшем острове между двух русел реки *Kurkelanjoki* (ныне на ее восточном берегу), рядом с финским селением *Toija*, идентифицированным Винчи как отголосок гомеровской Трои – невозможно не задаться вопросом о возможной связи *Purolinna* с ойконимом *Берлин*, в самом центре которого также расположен остров между двух рукавов реки Шпрея, ныне Museumsinsel, знаменитый «остров музеев». Не могло ли на нем стоять доисторическое городище, давшее рождение нынешней столице Германии? Многократно сменявшие язык нынешние жители Берлина ассоциируют название с нем. *Bär* – «*медведь*», и, в самоутверждение данной этимологии, изображают медведя на гербе города – при этом значение окончания *-лин* не рассматривают вовсе (по определению советского лингвиста Льва Успенского, это т.н. «суррогатная замена», когда более древнее название из чужого или вымершего языка жители пытаются объяснить из уже используемого ими языка)¹³¹.

Однако, вернемся назад, к месту, идентифицированному Феличе Винчи как финская Троя. Исследователь выяснил, что местные жители часто находят артефакты бронзового и каменного

¹³⁰ См. ESTO-EUROPA: A Treatise on the Finno-Ugric Primary Civilization in Europe, Edgar V. Saks, Montreal, 1966

¹³¹ Л. Успенский, «Слово о словах / Загадки топонимики», Лениздат, 1974.

веков на полях, окружающих Тойю и Киско. Это также говорит о том, что много столетий назад на этой территории действительно были поселения и очаг цивилизации.

Кроме того, в окрестностях *Salo* (в 20 км от Тойи) археологи обнаружили великолепные образцы мечей и наконечников копий бронзового века, которые сейчас выставлены в Национальном музее в Хельсинки. Эти находки происходят из захоронений, включая каменные курганы, на вершинах холмов, которые сегодня возвышаются над равниной, но тысячи лет назад, когда береговая линия находилась ближе, часто выходили прямо на море. Более того, многие сохранившиеся курганы стоят на холмах, окружающих долину между озером *Kirkkojärvi* и *Perniö*, селением, расположенным в нескольких километрах к западу от Тойи: они свидетельствуют о том, что в бронзовом веке здесь было важное поселение. Эти курганы напомнили Винчи как описание гробницы Ахилла в *Одиссее* (24.80–84), так и отрывок из *Илиады*, в котором Гектор вызывает ахейского героя на дуэль с обязательством вернуть тело своего противника в случае его победы:

*...пусть похоронят его длиннокудрые мужи ахейцы,
на берегу Геллеспонта широкого холм пусть насыплют.
Некогда кто-нибудь скажет из поздно живущих потомков,
по винночерному морю плывя в корабле многовеслом:
«Это могила воина, умершего в давнее время;
Доблестный, был умерщвлен он блистательным Гектором в битве» (Илиада 7.85–90)*

Гомеровские курганы «на берегу Геллеспонта широкого» и курганы бронзового века возле Сало и Перниё, стоявшие у моря много лет назад, удивительно похожи. Скандинавские характеристики гробниц, описанные в гомеровских поэмах, не знакомы ученым: «Гомер (...) описывает гробницы Гектора и Патрокла как курганы, подобные тем, которые принадлежат нашей культуре Тюрингии».¹³² Более того, в *Беовульфе* могила главного героя описывается самим героем как

*курган на холме над морем,
что поднимется над Мысом Китовым,
чтобы напомнить моим людям обо мне,
дабы отныне то место звали
«Курганом Беовульфа» морескитальцы,
в кораблях плывущие из дальних пределов темного моря. (Беовульф 2803–2808)*

По Винчи, описание данных строк напоминает и курган Ингвара на эстонском морском берегу, где набегающие волны непрерывно поют «Песню Гимира».

На восточном берегу *Kurkelanjoki* исследователь подмечает место с названием *Kavasto*, на греческом звучащее примерно как «сгоревший город»: корень греческого глагола *ka(v)iō* означает «сжигать» (родственные слова в английском *caustic* – «жгучий» и *cauterize* – «выжигать»), а *astu* означает «город». Примечательно, что и в финском языке *kuiva* означает «сухой, выжженный», *koivu* – «молодая береза, поросль на пожогах в подсечно-огневом земледелии», тогда как *-sto* – древний суффикс в названиях мест, т.е. название уже из финского языка имеет примерно то же значение, «место на пожоге». Рядом с *Kavasto* находится продолговатый холм длиной 680 м, параллельный реке *Kurkelanjoki*, на котором Винчи и предполагает нахождение сожженной Трои, оставляя эстафету археологам.

НАРВСКАЯ ВТРОЯ

Как уже было сказано, Феличе Винчи отождествил Финский залив с гомеровским широким Геллеспонтом (следуя, в том числе, текстам Саксона Грамматика), и искал Трою, учитывая указание Гомера, что священный Илион лежал *на северо-востоке* [очевидно, Балтийского] моря (*Илиада* 21.334–335). В своем поиске однако исследователь рассматривал лишь северный берег Финского залива. В результате из поиска был исключен южный берег Финского залива, и сделан упор на местечке Тойя (*Toija*) на юго-западе Финляндии. Река Куркеланйоки (*Kurkelanjoki*) была отождествлена со Скамандром, а расположенная в 7 километрах ниже по течению деревня

¹³² Karl Schuchhardt, *Alteuropa*, section 10, quoted in Romualdi 1978, p. 98.

Айала (*Aijala*), была принята Винчи за бывший берег (до предполагаемого подъема суши на 10-15 метров), по созвучию с греч. *aigialós* – «берег» (*γαλός*, *гьялос* в современном греческом).

Что касается названия Тойя, Винчи счел, что оно может являться искажением изначального Троя, в силу неприятия в прибалтийско-финских языках наслоения двух начальных согласных. Следует учесть однако, что при «заимствовании» иностранных слов и названий в прибалтийско-финских языках отбрасывается начальная согласная (т.е. Троя должна была бы стать «Ройей», а не Тойей). Кроме того, по разным уголкам Финляндии разбросано еще 10 ойконимов Тойя (*Toija*), что свидетельствует о том, что данное название является изначальным именно в таком виде.

Что касается поселения Айала (*Aijala*), то этот топоним мог и не быть связан с бывшей береговой линией: по-фински, *Aijala*, дословно – «место бога неба, погоды, урожая и грома» (*Äijä* – одно из имен данного бога в прибалтийско-финской мифологии; *-la* – суффикс места).

Также, береговая линия в Финляндии (как нынешняя, так и любая старая, до того, как «море убежало») – *изрезанная и практически не имеющая длинных песчаных пляжей*, где могла бы разместиться флотилия из «1200» ахейских судов. Согласно *Илиаде*, ахейцы вывели свои корабли на берег в несколько рядов вдоль длинного широкого берега, ограниченного двумя мысами:

*...к берегу ближе, а стену воздвигли у более дальних.
Берег залива, как ни был широк, не мог совершенно
Всех вместить кораблей. И сильно теснились воины.
Так что поставили суда тесными рядами,
Берег залива всего заполнив от мыса до мыса. (Илиада 14.33–36)*

Представляется интересным взглянуть на южный берег Финского залива, где таких пляжей, наоборот, большое множество. Особенное внимание привлекает Нарвский залив, с его более чем 20 километрами песчаного пляжа по обе стороны от устья реки Нарова – где можно очень живо представить себе высадку огромной флотилии и сооружение длинной оборонительной стены:

Илл. 15. Берег Нарвского залива.

Примечательно, что спустя столетия после Троянской войны, в октябре 1939 года эти же аргументы сформулировал Аладар Паасонен на переговорах с Советским руководством, требовавшим от Финляндии уступок территорий на берегу Финского залива, для защиты Ленинграда от возможного нападения Англии либо Германии:

«её [Финляндии] берега являются более трудными навигировать, чем берега её южных соседей; факт невыгодных десантных возможностей сильно затрудняет высадку десантных войск на Финский материк».¹³³

Скамандр-Ксанф, Симоент, Троя-Илион vs. Скамья-на-Нарове, Сёёмоя и Втроя

Первое, на что стоит обратить внимание при поиске места древнего Илиона у широкого Геллеспонта – это морфологические характеристики в описании главной реки, у которой располагалась троянская крепость. Как очень подробно информирует *Илиада*, это

...поток широчайший, глубокопучинный:

Боги зовут его Ксанфом, а смертные люди – Скамандром. (Илиада 20.73-74)

После того как троянцы до брода реки добежали

Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным –

(...) Половину ж

Он к глубокой реке оттеснил серебристопучинной.

С шумом, зубами стуча, они бросились в реку. Вскипели

Воды, кругом берега застонали. Троянцы в потоке

Плавали с криком туда и сюда, крутясь в водовертях,

(...) бегущие падали кони и вои,

Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа. (Илиада 21.1-16)

«Широчайший», «глубокий», «глубокопучинный», полный «засасывающих водовертей» – это однозначно не река Мендерес (тур. Кара Мендерес, Черный Мендерес) в Малой Азии в районе раскопок древнего города, идентифицированного Генрихом Шлиманом в XIX веке в качестве гомеровской «Трои». Мендерес никакой не широкий, и не глубокопучинный, и никогда им не был.

Илл. 16. Мендерес в нижнем и среднем течении.

Однако, это и не Куркеланйоки, идентифицированная Феличе Винчи как река «Скамандр» около Тойи в юго-западной Финляндии. Куркеланйоки точно так же не широкая, и не глубокопучинная:

¹³³

<https://www.youtube.com/watch?v=XAqitOrSpnY>

Илл. 17. Река Куркеланйоки в Финляндии.

В центре же южного берега Финского залива вытекает река, идеально соответствующая описанию в *Илиаде*: река Нарова (Нарва), *широчайшая* изо всех рек на южном побережье, несущая в Финский залив воды всех рек, впадающих до этого в Чудское озеро. На верхнем участке Нарова имеет врезанное русло шириной 150–200 м, далее по течению местами достигает 300–400–500 м в ширину. Русло реки *порожистое*, уклон реки 0,5%. Преобладающие глубины реки 5–6 м, в плёсах до 9–11 м.

Илл. 18. Река Нарова между крепостями Ивангорода и Нарвы.

В *Илиаде* также описывается, что Скамандр периодически выходит из берегов: во время сражения «равнина (...) была вся залита водой» (*Илиада* 21.300); а после поражения Трои

Скамандр сносит своим половодьем и ахейскую стену (*Илиада* 12.17-22). Учитывая, что, как будет выяснено далее, действие сражения происходит во время белых ночей (позволяя сражаться два дня подряд, без ночного перерыва), то данные описания весьма соответствуют характерным паводкам на реке Нарова. Весеннее ежегодное половодье на Нарове начинается в среднем 2 апреля, а завершается около 9 июля. Нагонные колебания уровня воды в нижнем течении реки Наровы достигают 2-3 м.¹³⁴

Случаются половодья и в истоке реки. На фото: весеннее наводнение в Васк-Нарве, 1920-е годы – «передвигаться в деревне можно было по выстроенным мосткам или на лодках»¹³⁵:

Илл. 19. Наводнение в Васк-Нарве, 1920-е годы.

Песнь 12 *Илиады*, описывая сильный паводок, который должен снести ахейскую стену, перечисляет и реки, способствовавшие подъему воды:

*...между собой сговорились тогда Посейдон с Аполлоном
смыть укрепление, силу всех рек на него устремивши
тех, что с идейских вершин изливаются в бурное море:
воды Гентопора, Реса; Кареса и Родия воды
Греника струи, Эсена, священные волны Скамандра
и Симоента (Илиада 12.17-22)*

В малоазиатской реальности Греник (ныне Бига) течет в 60 км к северо-востоку от Гиссарлыка, впадает в море и никак не может сливаться с Кара Мендересом, общепринято считающимся Скамандром, где стоит шлимановская Троя. Соседняя речка (идентифицируемая как Симоент, но никогда так не называвшаяся), не впадает в Кара Мендерес. Нет поблизости от Гиссарлыка и других рек из 12-й Песни *Илиады*.

Если холмы *Иды* идентифицировать, однако, с *Лужской возвышенностью* (см. рис. 10), то имеется большое количество рек, ниспадающих в Чудское озеро, далее питая воды Наровы-Скамандра, единственного стока в море (в Финский залив – широкий Геллеспонт). И, в действительности, Нарова очень часто выходит из берегов.

¹³⁴

См. https://water-rf.ru/Водные_объекты/1183/Нарва

¹³⁵

Поселения Понаровья: <https://www.facebook.com/leonid.mihhailov.984>

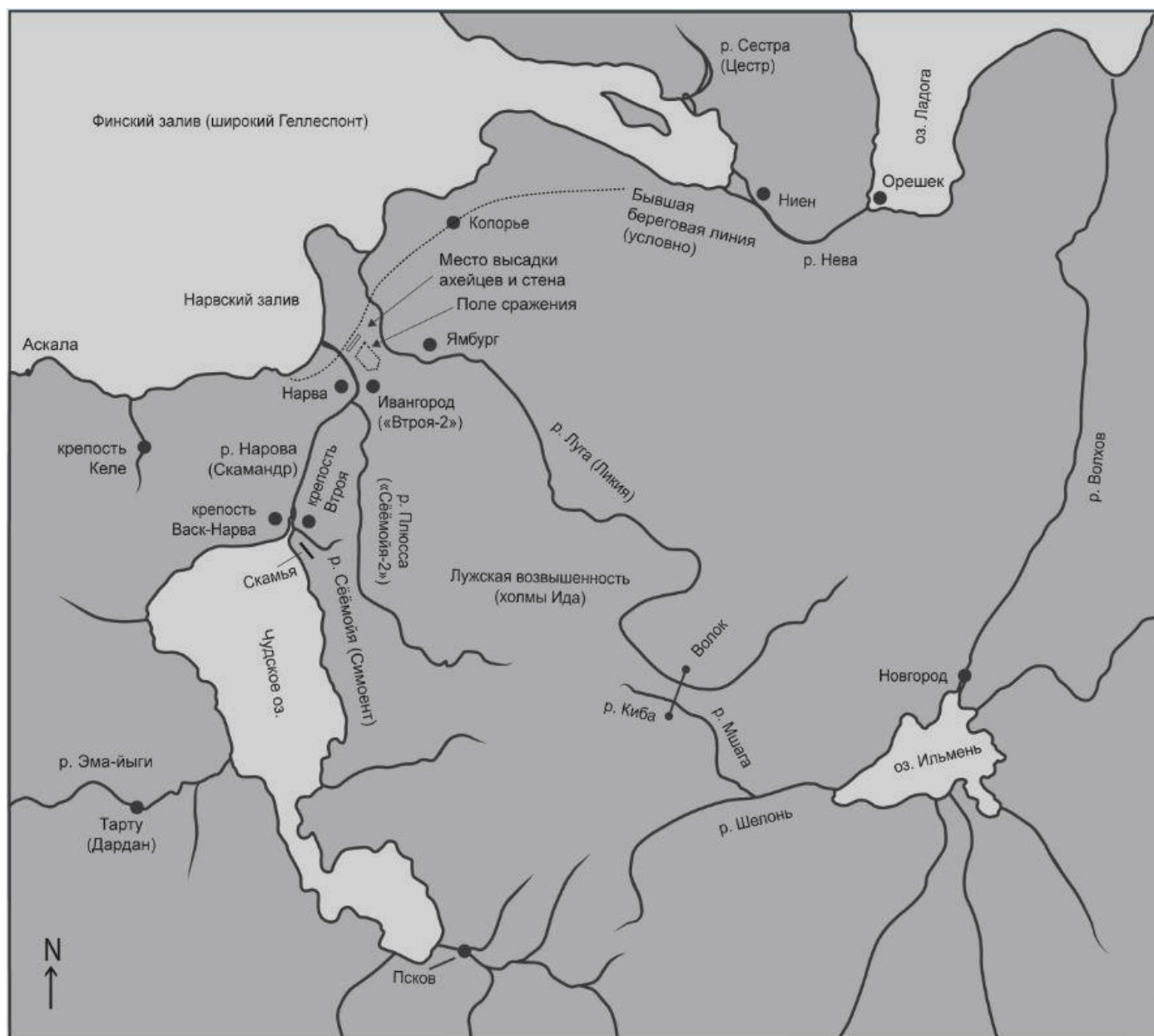

Рис. 10. Район Трои в Нарвско-Лужском междуречье

Такое расположение объясняет и только что процитированные строки из *Илиады* 12.18-19:

...смыть укрепление, силу всех рек на него устремивши
тех, что с идейских вершин изливаются в бурное море...

Т.е. речь может идти о *промежуточном* бурном море (Чудском озере), которого нет ни в Малоазиатской реальности, ни на юго-западе Финляндии, куда поместил Троию Феличе Винчи.

Что касается названий рек, то следует начать с самой большой реки, питающей Чудское озеро – реки *Великая*, на которой стоит Псков. *Великая* река – *Grandis* на латыни – могла соответствовать *Гренику*. *Гептопор* мог соответствовать реке *Кебь*; *Карес* – рекам *Кири* или *Черёха*; *Эсен* – реке *Исса*; *Родий* – реке *Ритупе*; *Рес* – реке *Рика* – притокам р. Великая.

Однако, это далекие от Финского залива (Большого Геллеспонта) реки, и перечисленные выше созвучия могут быть совершенно случайными. Прежде всего интерес представляют логично завершающие список *священный* Скамандр и впадающий в него Симоент, у слияния которых располагалась Троя, священный Илион.

...поток широчайший, глубокопучинный:

Боги зовут его Ксанфом, а смертные люди – Скамандром. (Илиада 20.73-74)

Ксанф, Xanthus, Ξάνθος – собственно, «Священный» – лат. Sanctus, ит. Santo, англ. Saint. Ср. с греч. Ξανθός (с ударением на последний слог) – прил. «светлый», «белокурый», «светлорусый» (частое личное имя в мифологии). Примечательно, что Скамандр (Ксанф) в Илиаде также часто упоминается как «серебристопучинный», «светлоструйный».

И всем известна фраза «Ксанф, выпей море!» Какое «море» должен был выпить эзоповский Ксанф? Эзоп, вероятно, использовал для своего героя иносказательно имя гомеровской великой реки, истекавшей из моря!

Обратим далее пристальное внимание на реку Нарова и близко прилегающие к ней районы.

Река Нарова, текущая из Чудского озера в Финский залив, начинает свой путь у бывшего города Скамья, Камья (*Skamja, Kamja*, вероятно «песчаная банка, отмель») на ее восточном берегу. Альтернативно, название Скамья, как и «серебристо-вихревой» (*ἀργυροδίνης, argyrodīnēs*) Скамандр (Илиада 21.8, 21.130) могли быть связаны со скандинавским *skut* [скуп], англ. *scum* [скам], нем. *Schaum* [шаум], ит. *schiuma* [скьюма] – «пена, накипь» (от которых имеем всем известное сегодня слово шампунь).

Почти сразу за Скамьей Нарова встречает на своем пути впадающую в нее речку Сёёмойя (*Söömoja*, с эст. языка – «питающий», или «болотный» ручей), также называвшуюся Втроя, Утроя (*Vtroja, Utroja, Outroja*), с сохранением на настоящий момент названия Втроя (и одной из деревень выше по ее течению), с ударением на последнюю гласную. Гидроним Втроя не единичен, и является достаточно распространенным в данной географической зоне: например, река Утроя (*Utroja*), один из притоков р. Великая, за Псковом; ручей Удрия (*Udria*) в 15 км к западу от Нарвы, впадающий напрямую в Финский залив.

Три названия, Скамья, Втроя и Сёёмойя – удивительно напоминают комбинацию трех основных географических названий в *Илиаде* – Скамандер, Троя и Симоент (*Simōis, Σιμόεις*) – нигде в мире больше не встречающихся вместе!

Священный Илион и почитание Илии

По иронии судьбы (или через пронесенную сквозь века память?), на вероятном месте бывшего священного Илиона (альтернативное название Трои в Илиаде), в бывшем городе Скамья была воздвигнута белая церковь Святого Илии. На противоположном берегу, в городке Сыренец (Васк-Нарва) стояла вторая белая церковь Святого Илии, и вместе они служили своеобразными белыми священными Илейскими «воротами» у истока могучей реки (на карте 1938 года обозначены двумя крестами):¹³⁶

Илл. 20. Фрагмент карты Эстонии 1938 года.

Между двумя деревнями издревле было нечто вроде соперничества – и церкви обеих были посвящены пророку Илии, и в одно и то же время (на Ильин день в начале августа) три дня отмечали праздник святого покровителя деревни. «Это был общий праздник, один на двоих».¹³⁷

¹³⁶ http://www.etomesto.ru/map-europe_estonia_topo-2km-1938/

¹³⁷ <https://narova.spb.ru/service/ekskursii.html/#4551ecd5b96c5ad5d>

Существует также любопытная потенциальная связь поклонения Илии с поклонением богу Лугу, о которой Феличе Винчи сообщил нам ранее: «...кельтское летнее празднество, известное как Лугнасад (Lughnasa), посвящено богу Луг (Lug), герою ирландских саг. Из четырех основных праздничных дней в кельтском календаре (по одному на каждый сезон) Лугнасад приходился на 1 августа, праздник урожая. (...) Тот факт, что этот праздник отмечается летом, подчеркивает солнечные или аполлоновские черты Луга, ...его имя означает белизну, свет; в ирландском эпосе его называют солнечным, сияющим героем, который никогда не умирает и поднимается каждое утро».

Имя *Илия*, в свою очередь, напоминает греческого Бога Солнца, *ἥλιος*, *Гелиос*, сравнимого далее с водск. *eliä*, фин. *heleä* – «яркий, светлый» и др. Вполне возможно, что христианский *Илия* имеет свои корни в языческих религиях, отголоскам которых непрерывно следовали в деревенских общинах, таких как Скамья и Васк-Нарва, вплоть до начала XX века.

По мнению некоторых исследователей, до принятия на Руси христианства отмечался *Перунов день*, который затем стал называться *Ильин день*, вобрав многие дохристианские традиции. Образ Ильи-пророка, благодаря сходству функций, органично заменил громовержца Перуна. Представления о том, что *Илья ездит по небу на колеснице, гремит и пускает молнии, преследуя змея*, не являются славянской новацией. А.Н. Веселовский приводит мнение греческого исследователя Николая Полита, согласно которому на святого перешли некоторые черты *Зевса* и бога солнца *Гелиоса* (благодаря омонимии, наличию огненной колесницы и т.д.).

Я от стены побегу поскорее

Прочь по Илеанскому, полю, пока не достигну

отрогов Иды, и не скроюсь в лесах. (Илиада 21.557–559)

Название *Илейское*, или *Илеанское (Peian)* поле, лежащее рядом с Троей – может происходить и от второго названия Трои – Илиона. Однако, интересно также сравнение с рус. *елань*, *алань* – «низменное травянистое место, удобное для пастбищ и покоса»; фин. *alanko* – «низменность»; тат. *алан*, *аланлык*, тур. *alan* – «поляна, лужайка, просека, прогалина в лесу, перелесье».

В корне, в частности, эст., фин., карел., ливон., вепс. *ala*, *alla*, *alā*, *alaz*, эрз., мокш. *al*, мари *ül*-, удм. *ul*, ул, селькуп. *il*, *ыл*, венг. *alá* – «внизу, под»; тур. *Alçak* – «низкий»; тур., азерб. *alt*, *alti*, *altında* – «под, внизу», и т.д. Ср. *Holland*, ит. *Olanda*, русск. *Голландия* (= Netherlands, Нидерланды, досл. «низкая земля, низменность»; ит. *Paesi Bassi*, досл. «низменные земли») – хотя для Голландии и предпочитают выводить иную этимологию, увязывая ее название с фонетически созвучными словами со значением «лес».

«Скамандр, прими мою девственность»: параллели в магии греков и вожан

(Древне)греческий культ реки Скамандр, очищающей невест и исцеляющей женщин от бесплодия, находит глубокие смысловые параллели в архаичных верованиях вожан и ижор Понаровья. Несмотря на огромную географическую дистанцию, оба региона объединяет сакрализация бурной проточной воды как источника жизни и деторождения.

Античные девушки перед браком отдавали свою невинность божественному Скамандру. Река Скамандр, персонифицированная в качестве одноименного божества, считалась исцеляющей от бесплодия; согласно Эсхину, греческому оратору IV века до н. э., девушки купались в ней перед бракосочетанием и говорили: «Скамандр, прими мою девственность».

На берегах Наровы, славящейся своими мощными порогами, магия плодородия имела похожий очистительный характер. Здесь бесплодие часто трактовалось как *veden viha* («гнев воды»), запечатавший чрево. Водские и ижорские знахари (арбуи) проводили обряды умиловления стихии, читая заговоры у речных быстрин и порогов. Они просили реку «взять свой гнев назад» и вернуть женщине её чадородную долю — *osa*. Ритуал закреплялся омовением «водой роженицы» у истоков, возвращающим жизненную силу.

Поселения в Понаровье

Согласно археологам, первобытные охотники и рыболовы начали селиться в истоке Наровы уже 10 тысяч лет назад. Стоянки древнего человека найдены археологами и возле бывшего города Скамья.

Также известна, как минимум, *русская крепость XIV века*, называвшаяся *Скамья*. «Точное местонахождение крепости неясно, но предполагается, что она находилась в таком месте, где было удобнее всего переправляться через реку. Скорее всего, эта деревянная крепость-острожек была построена в устье реки *Втроя*» (альтернативно называвшейся *Сёёмойя*).¹³⁸ Ровно напротив, в *Васк-Нарве*, до сих пор стоит небольшая *ливонская крепость*, также относимая к XIV веку (*Нейшлот*) – «калькируя» ситуацию ниже по течению, где ровно напротив русской крепости Ивангород стоит ливонский замок Нарва.

Илл. 21. Руины ливонской крепости Васк-Нарва, 1935 год.

В июне 2023 года мы посетили Втрою и Скамью на российской стороне. Территория ныне очень незначительных поселков мало напоминает, что жизнь кипела здесь еще совсем недавно. Скамья сильно пострадала во время Второй мировой войны, а после того, как в 1944 году была сожжена во время интенсивных боев, так и не восстановилась как городское поселение. У главной когда-то городской улицы, идущей параллельно берегу великой реки, повсеместно стоят зарастающие фундаменты разрушенных городских домов. Археологи сюда не заглядывают, а все поля в округе давно заросли непроходимой чащобой, и даже висячий мост через р. Втроя ведет в никуда. При этом, как сообщили нам немногочисленные местные жители, на центральную улицу периодически наведываются медведи.

К слову, поиск гомеровской Трои у истока Наровы-Скамандра может оказаться существенно затруднен, учитывая уже описываемые в *Илиаде* половодья, одно из которых снесло и ахейскую стену:

*...между собой сговорились тогда Посейдон с Аполлоном
смыть укрепление, силу всех рек на него устремивши (Илиада 12.17-18)*

Нарова-Скамандр, несущая воды других рек из Чудского озера-моря, регулярно выходя из берегов в мае-июне, за сотни лет была способна много раз смыть всё, что осталось и от крепости, и от троянского (втроянского) сражения. Как мы убедились на местности, Скамандр-Нарова могла еще и многократно «заметать следы», о чем свидетельствуют многочисленные старицы (бывшие русла) в истоке Наровы.

Место брода через Скамандр

¹³⁸

<https://narova.spb.ru/service/ekskursii.html/#291c8bca0348371a2> См. также <https://www.narova.eu/skamja>

Можно также предположить, что названия *(В)Троя, Ильин град~Илион, Скамья~Скамандер, Сёёмоя~Симоент* – перенеслись в гомеровский эпос лишь индикативными, опознавательными, хорошо известными названиями, от нахождения в истоке р. Нарова из Чудского озера, на важной точке торгового пути. Сама гомеровская крепость Троя (назовем ее «Втроя-2»), скорее всего, стояла на месте нынешнего Ивангорода (на восточном берегу Наровы-Скамандра), а гомеровским Симоентом была река Плюсса (назовем ее «Сёёмоя-2»), впадавшая в Нарову чуть выше Ивангорода (ныне – в искусственное водохранилище) – см. рис. 10.

Здесь же, на порогах между Нарвой и Ивангородом, вероятно, находился и древний гомеровский *брод*, осушающийся при падении уровня воды во второй половине лета: в *Илиаде* часто упоминается «брод Скамандра», что лежал недалеко от Трои. Когда Гектор был ранен теламонийским Аяксом возле кораблей,

*[тroyанцы] к городу помчали стонавшего тяжело героя.
Но лишь приехали к броду реки, водовертью богатой,
Светлоструистого Ксанфа. (Илиада 14.432–434)*

Позже Приам прошел мимо того же места по возвращении из ахейского лагеря (располагавшегося на побережье), выкупив тело Гектора (*Илиада* 24.692).

Илл. 22. Пороги у Кренгольмской мануфактуры в Нарве.

Место троянского сражения

Троянская битва, предположительно, проходила на равнине между Ивангородом и старой песчаной береговой линией Финского залива, где высадились «1200» кораблей ахейского альянса, собранного со всех берегов Балтики (описанных в *Каталоге кораблей* в *Илиаде*).

Поскольку Гомер никогда не говорит, что ахейская армия перешла брод Скамандра, можно сделать вывод, что лагерь находился на той же стороне, что и Троя, то есть к востоку от реки. Это подтверждается другим отрывком, относящимся к бегущим троянцам, преследуемым Ахиллесом: «После того как троянцы до брода реки добежали (...) Там, разделивши бегущих, одних по равнине погнал он [Ахиллес] / К городу (...) в то время как других он / к реке оттеснил» (*Илиада* 21.1-8). Это согласуется с другой описательной фразой Гомера: «Слева от битвы / возле Скамандра берега» (*Илиада* 11.498–499).

Гомер упоминает вместе «корабли и широкий Геллеспонт» (*Илиада* 17.432) и неоднократно говорит, что ахейцы «добрались до своих кораблей и Геллеспонта» (*Илиада* 15.233, 18.150, 23.2). Как можно заключить из различных ссылок в поэме, море было довольно далеко от города. Например, во время битвы за тело Патрокла «они сражались под Троянской стеной / очень далеко от кораблей» (*Илиада* 17.403–404). Помимо этого, перед смертельной атакой Ахиллеса мудрый Полидор тщетно советовал Гектору вернуться «в город, а не ждать рассвета здесь, на равнине, у кораблей; мы слишком далеко от наших стен» (*Илиада* 18.255-256). То, что ахейский лагерь находился вне зоны видимости троянской стены, подтверждается присутствием там троянского разведчика:

В тайном дозоре сидел, полагаясь на быстрые ноги,

*На вершине могильного холма старого Эсиета
Информировать [троянцев], когда от судов устремятся ахейцы. (Илиада 2.792–794)*

Холмы Иды

В верховьях нарвско-лужского междуречья находится и один из других важных мифических, поэтических и географических элементов гомеровской Трои. Прежде всего, это холмистая местность за городом, которая традиционно известна как «гора Ида», хотя это знакомое имя никогда не используется в единственном числе ни в одном из эпосов Гомера. В *Илиаде* этот регион описывается как дикая, неровная земля, богатая водами и холмами. Часто упоминаются «отроги Иды» (*Илиада* 11.105), ее «холмы» (*Илиада* 8.170) и ее «высоты» (*Илиада* 11.183). Более того, поэт использует описательно-поэтическое выражение «Ида с ее многими родниками» (*Илиада* 14.307). По описаниям Гомера, Ида представляет собой не одну гору, как в 30 км. к востоку от Гиссарлыка в Малой Азии, а неровную местность, которая идеально соответствует топографии местности к юго-востоку от Втрои и Скамьи, и имеет возвышенности, холмы и множество озер разного размера. Примечательно, что в эстонском и финском языках *ida*, *itä* и означают «восток», а уезд у реки Нарва (на эстонской территории) до сих пор называется Ида-Вирумаа (*Ida-Virumaa*, «восточная земля Виро»), уже по отношению к жившим западнее.

Ахиллес, вернувшийся к битве, чтобы отомстить за смерть Патрокла, разгромил всю троянскую армию на равнине и берегах реки и преследует их, подойдя угрожающе близко к городским стенам. В этот момент Агенор задается вопросом, стоит ли ему противостоять Ахиллесу или бежать:

*Я от стены побегу поскорее
Прочь по Илеанскому, полю, пока не достигну
отрогов Иды, и не скроюсь в лесах. (Илиада 21.557–559)*

Отважный молодой Агенор в конце концов набирается храбрости, чтобы противостоять ужасному Ахиллесу. Своим копьем ему даже удастся поразить броню своего противника, но ранить его не получилось. Агенор избегает контратаки Ахиллеса с помощью Аполлона, который окутывает его типичным для битв Илиады туманом. Затем Бог солнца, «сделав себя в точности похожим на Агенора» (*Илиада* 21.600), заманивает Ахиллеса на тот же маршрут, который ранее рассматривал Агенор, чтобы отвлечь его и позволить троянским солдатам найти убежище в городе:

*[Аполлон] побежал пред ним, гнал Ахиллес Аполлона равниной, покрытой пшеницей,
и его оттеснить старался к омутному потоку Скамандра. (Илиада 21.601–603)*

Когда Ахиллес в конце концов понимает, что его обманули, он возвращается к Трое, где находит Гектора, ждущего его у Скейских ворот (*Илиада* 22.5–21). Решающий поединок вот-вот начнется. Этот отрывок подтверждает, что в «отроги Иды» можно попасть, поднявшись вверх по реке Скамандр и Илейскому (Илеанскому) полю.

Вот почему Гомер называет два участка долины Скамандр двумя разными именами: Илейским и Скамандрийским, обозначающими части выше и ниже города соответственно.

По словам Гомера, ахейцы также совершили набег на район Иды на предварительной стадии войны, до событий, прямо рассказанных в *Илиаде*. Эней, герой Трои, вспоминает, что «Ахиллес (...) согнал копьем меня острым / с Иды, когда на коров неожиданно наших нагрянул / и разорил нам Лирнесс и Педас» (*Илиада* 20.89–92).

Дардания

Находилась неподалеку и Дардания, древний город Дардана, прародителя троянской царской семьи:

*Первый, Дардан, рожден был Зевесом, собирающим тучи.
Он основатель Дардании был. Илион же священный
не был еще на равнине в то время построен, и люди*

жили тогда на склонах богатой родниками Иды. (Илиада 20.215–218)

Не соответствует ли гомеровский *Дардан* современному *Тарту* к юго-западу от Чудского озера, контролировавшему речной путь, позволявший выйти к Пярну на берегу Рижского залива? См. рис. 10А.

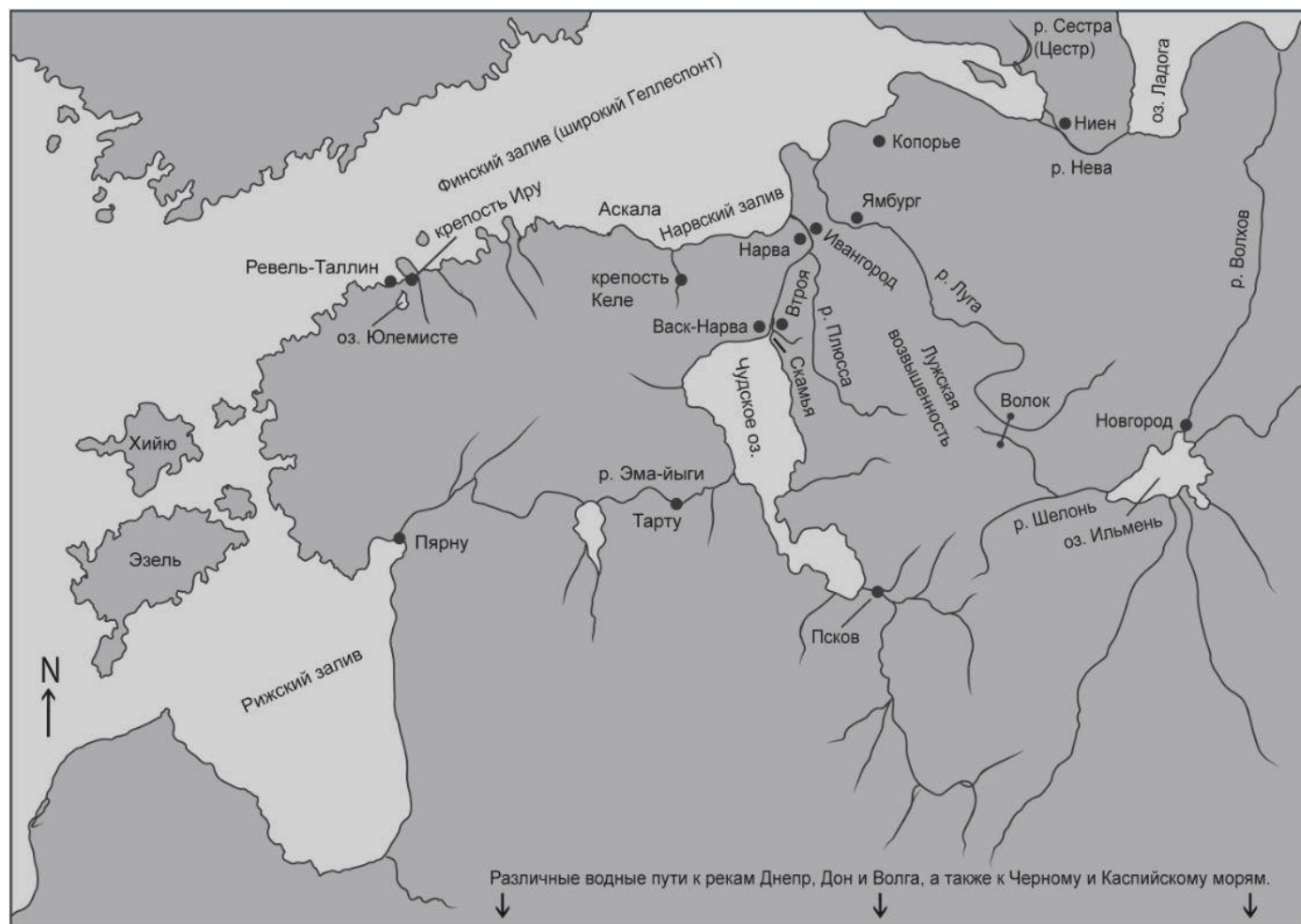

Рис. 10А. Древние речные водные маршруты вокруг Нарвской Трои

Если гомеровский *Дардан* действительно окажется сегодняшним *Тарту*, то эта территория вдохновила на создание некоторых из самых ярких историй греческой мифологии. Маленький Парис, сын Приама, остался здесь и рос в хижине пастуха, не подозревая о своем царском происхождении, пока по неосторожности не отдал золотое яблоко богине любви Афродите (после того, как она пообещала подарить ему прекрасную Елену) во время первого в истории «конкурса красоты», что положило начало отсчету времени до гибели Трои.

Богатства нарвской Трои

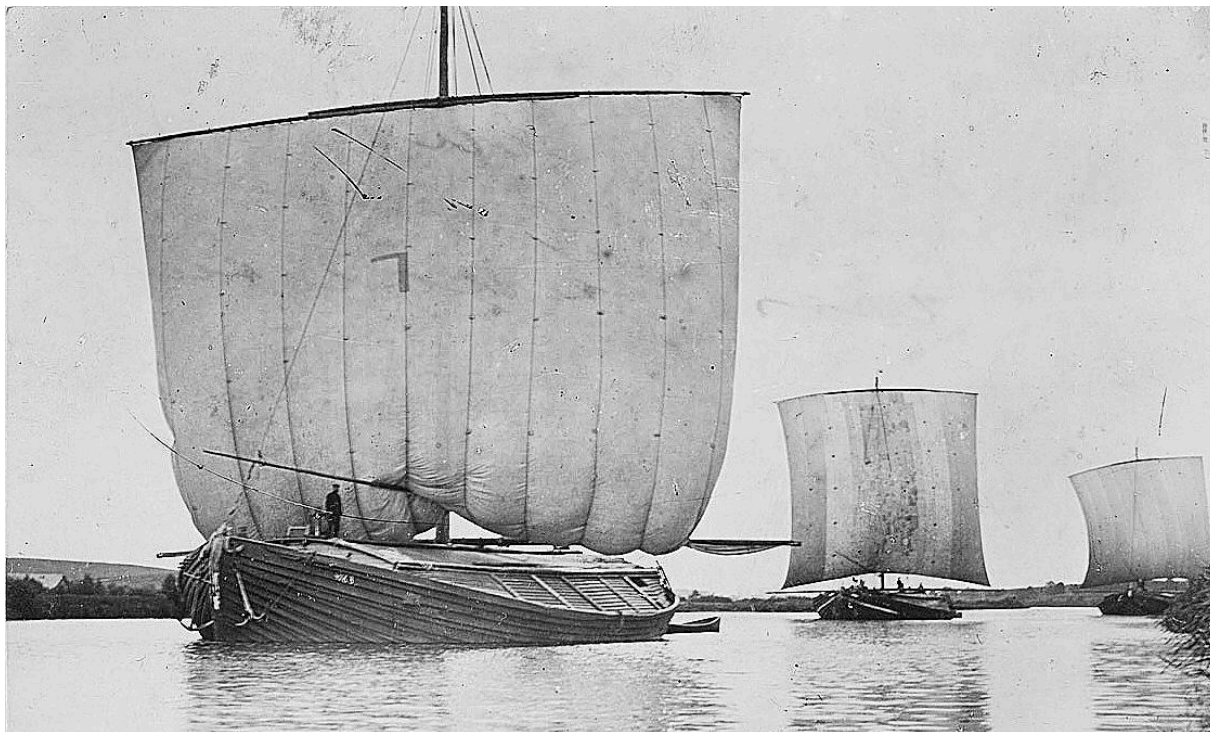
Вероятная причина Троянской войны, по версии Феличе Винчи, как будет подробнее описано дальше – похищение Елены, женитьба на которой давала царские полномочия для похитившего её Париса. Ахейцы даже не оставили в Трое военного гарнизона после окончания военной операции.

Нельзя, однако, не учитывать и такой важный фактор как контроль над древним «*Янтарным путем*». Некоторые его варианты пролегали, в том числе, и по рекам через нынешний Псков и Великий Новгород, см. рис. 10А. Торговля должна была приносить Трое и несметные состояния

(наверяд ли их источником была добыча меди рядом с финской Тойей, связываемая Феличе Винчи с указанием Гомера на богатства Трои).

Примечательно также, что и до совсем недавнего времени поселение в истоке реки Наровы (Скамандра), пронесшее сквозь века почитание Святого Илии, продолжало экономическое процветание за счет строительства грузовых судов и грузоперевозок:

«В первой половине – середине XIX века вся торговля водным путём из Пскова производилась псковским купечеством, но оно не имело собственных судов. Суда, плававшие между Псковом, Дерптом [Тарту] и Нарвой, были наёмными и принадлежали жителям д. Сыренец и д. Скамья, расположенным в истоке р. Наровы, на её эстляндском и петербургском берегах. Жителей этих селений называли «ладейщиками».¹³⁹

Илл. 23. Грузовые лоды на реке Эма-Йыги.

Ликийцы и другие союзники Трои.

Очень велика частота упоминаний в *Илиаде* союзницы Трои – *Ликий*. Мартин П. Нильссон утверждает, что «отрывки, в которых упоминаются Ликия и ликийцы, слишком многочисленны, чтобы их можно было перечислить».¹⁴⁰ Данный факт даже побудил Андреаса Пяабо определить местонахождение самой Трои в Ликий в Малой Азии.¹⁴¹

Область Ликия в Малой Азии (*Lukki* или *Lukka* в египетских, хеттских и угаритских текстах 1500-1200 гг. до н.э.), вероятно, получила свое название от названия реки – *Lycus* или *Lykos* (греч. Λύκος) – частого названия греческих рек – возможно, утерянного названия реки Ксанф, *Xanthos* (сегодня Эшен, *Eşen*) в Ликий. Однако, Ликия в Малой Азии очень далека от Гиссарлыка и малоазиатского Геллеспонта.

Все это заставляет внимательнее присмотреться к районам и рекам, прилегающим к Скамандру-Нарове, Симоенту-Сёемойя и Втрое. Следующей по значимости рекой после Наровы на южном побережье Финского залива, на всем протяжении между сегодняшним

¹³⁹ См. <https://lake.peipsi.org/trade/shipbuilding-in-modern-times>

¹⁴⁰ Martin P. Nilsson, *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*, Berkeley, University of California Press, 1932

¹⁴¹ Andres Pääbo, *The Iliad and evidence that many details about Troy and the Trojan War came from ancient Lycia* <http://www.paabo.ca/papers/pdfcontents.html>

Таллином и Петербургом, является река *Луга* (по-водски – *Лаука, Lauka*), нижнее течение которой проходит всего в 15 км к востоку от устья Наровы.

Нарова была важным водным путем из Финского залива («широкого Геллеспонта») через Чудское озеро в Тарту и Псков. Аналогично, и *Луга-Лаука* являлась не менее важной древней водной артерией, соединяющей Финский залив с Новгородом, позволяя перемещение судов в верхнем течении с помощью сухопутных волоков (Большой Волок и Ожогин Волочек) в водный путь вниз по рекам Киба-Мшага-Шелонь, ведущим к озеру Ильмень – см. рис. 10 и 10А. Реки Скамандр-Нарова и Луга-Ликия были сёстрами-близнецами, расположенными на стратегическом соединении древних торговых путей, с множеством доисторических поселений на своих берегах – и становится неудивительной частота упоминаний ликийцев как важнейших союзников Трои в *Илиаде*.

И действительно, в начале текста *Илиады* троянская сторона описывается как «троянцы и ликийцы»; позже Гомер добавляет «дарданцев».

Собственно говоря, и многие из выделенных Феличе Винчи в Финляндии топонимов, звучащих похоже с именами прочих союзников Трои, а также их полководцев, и с другими гомеровскими именами, можно встретить и на южном побережье Финского залива. Многие из этих названий являются «кальками» топонимов северного побережья, поскольку они были частью единого домена. Согласно исследованиям Эдгара Вальтера Сакса,¹⁴² многие названия на северном побережье Финского залива были присвоены мигрантами «культуры Kogela» с южного берега. Например, жители *Askala* к западу от Нарвы, прибрежного поселения 1-го тысячелетия н.э., «хорошо известного своей морской деятельностью», по мнению Эдгара Сакса, основали упомянутые Феличе Винчи *Askala* и *Askainen* в Финляндии.¹⁴³

Подобно анализу, проведенному Феличе Винчи для юго-запада Финляндии, следующие сравнения могут быть сделаны для южного побережья Финского залива (гомеровского «широкого Геллеспонта»). К западу от Наровы:

- топоним *Askala* сравним с именем *Аскания, Ascanius*, предводителя союзного троянцам отряда (*Илиада* 2.862–863).

- *Pada, Päite* или *Päide* – сравнимы с *Paiso*, родным городом Амфиуса, союзника Приама.

- Деревня *Moona küla*, или остров *Monis (Mona)* позади *Tholis* – могут соответствовать союзникам Трои «меонианам (*Maeonians*), рожденным под Тмолусом (*Tmolus*)» (*Илиада* 2.864–866).

- Прибрежная *Eisma* – сравнима с гомеровским *Исмаром*, разграбленным товарищами Улисса по пути из Трои.

- *Aro-Vainu, Aruküla, Aresi-Vanaküla* или *Aresi-Altküla* – сравнимы с гомеровским *Арисбе (Arisbe)*.

- *Abaja* – с *Абиями (Abii)*, «самым законопослушным из народов» (*Илиада* 13.6).

- Замок *Kele* 1-го тысячелетия до н.э. к западу от Нарвы (либо деревня *Кулли* на р. Солка, приток Луги к востоку от Нарвы) может соответствовать *Cilla (Killa)*, «святилищу Аполлона».

- Водные источники *Saula Siniallikad* к западу от Нарвы, ныне национальный парк источников, равно как древнее название реки Нарова *Alukse* («великий исток» из Чудского озера-моря) – могут фонетически и образно соотноситься с *Alybe*, «местом рождения серебра» (*Илиада* 2.856-857), откуда пришли союзники Трои *ализоны (Ἀλιζῶνες, Halizônes)*. Согласно Леннарту Мери¹⁴⁴, местные жители веками приносили в жертву священным источникам ритуальное серебро (*hõbevalge*). Синие источники *Saula Siniallikad* были одним из главных обрядовых центров: чтобы умиловить водного духа и вернуть здоровье (или чадородие), в бурлящую воду обязательно бросали серебряные монеты или украшения, либо просто соскабливали серебро.¹⁴⁵ В эстонских этнографических музеях и архивах (например, в Музее прихода Kose) хранятся археологические находки из подобных жертвенных источников

¹⁴² Эдгар Вальтер Сакс (Edgar Walter Saks), историк (1910-1984)

¹⁴³ E.W.Saks, *AESTII. An Analysis of an Ancient European Civilization*, Monreal 1960, p. 254.

¹⁴⁴ Леннарт Мери (Lennart Meri), эстонский антрополог и историк (1929 – 2006)

¹⁴⁵ Lennart Meri, *Hõbevalge. Sulla rotta del vento, del fuoco e dell'Ultima Thule*. Gangemi Editore, 2016, pp. 15–18.

(ohvriallikad), включая старинные *артефакты из серебра*, которые веками копились в сакральной воде.

- Устье реки *Пуртсе* (*Purtse*) к западу от Нарвы, а также прибрежная деревня *Perjatse* (*Perjatsi*) между Усть-Нарвой и Силламяэ – сравнимы с *Перкотом* (*Percotes*), местом альтернативной высадки союзника Трои Ифидаманта, который «оставил свои прекрасные корабли в *Перкоте* / и дошел пешком до Илиона» (*Илиада* 11.229–230).

К востоку от Нарвы:

- *Niso* и *Pjata* в нескольких километрах к востоку от Нарвы могут соответствовать *Lygnessus* и *Pedusus* в районе Иды, «разграбленном ахейцами» (*Илиада* 20.89–92)

- Река *Систа*, впадающая в Копорскую губу, примерно в 40 км к востоку от устья реки Нарова (гомеровского Скамандра), либо река *Сестра*, впадающая в Финский залив чуть выше устья Невы – сравнимы с гомеровской рекой *Цестр* («Так же, как стаи густые бесчисленных птиц перелетных, / Диких гусей, журавлей иль стада лебедей длинношеих / Возле течений *Каустра* (*Цестра*) реки» (*Илиада* 2.459–461).

Местность в устье реки Сестра (фин. *Siestar joki*) была заселена сразу после схода ледника и богата поселениями всех эпох, что было подтверждено многочисленными археологическими экспедициями, и о чем также молчаливо свидетельствуют курганы бронзового века вдоль берегов Малой Сестры.¹⁴⁶

- *Коваши* (*Коваш*, *Коваша*, *Kava-joki*), реку примерно в 60 км к востоку от устья реки Нарова (гомеровского Скамандра) можно сравнить с упоминанием: «...только что прибыл/ из *Кабеса* (*Cabesus*)» (*Илиада* 13.363–364). На Средиземном море единственный *Кабес* (*Габес*) – это залив Малый Сирт в Тунисе – и оттуда никакой «*кабезиец*» не мог бы «тотчас» прийти на помощь «троянкам» в Малой Азии, когда на нее напали ахейцы.

Схожие гидронимы встречаются также к востоку от Великого Новгорода (*Кобожя*, *Кабожя*) и в Карелии (*Кавожя*).

- Ижорская деревня *Sipilä* напоминает о горе *Сипил* (*Σίπυλος*), где был похоронен мифический Тантал (*Τάνταλος*), царь региона, прилегавшего к Трое.

- *Karja*, *Karjala* (карелы и Карелия) – сравнимы с *карийцами*, союзниками Трои.

Фауна Втрои.

Гомер многократно «рисует фон» с лебедями, дикими гусями и журавлями (цаплями): «Перелетные стаи гусей, лебедей длинношеих / и журавлей, на речном побережье пасущихся мирно» (*Илиада* 15.690–691); «С криком журавли пролетают под небом высоким / прочь убягая от грозной зимы и дождей бесконечных...» (*Илиада* 3.3–4).

Посетив в июне 2023 года деревню Скамья (Камья) у истока р. Нарова из Чудского озера и впадении в Нарову реки Втроя (Сёёмоя), мы имели удовольствие наблюдать в течение одних лишь суток и клин летящих диких гусей, и ловящую рыб болотную цаплю, и множество пасущихся на лужайках у берегов лебедей.

Нарвско-Лужское междуречье как очаг древней цивилизации

«История археологического изучения Нарвско-Лужского междуречья насчитывает около полутора столетий, но начавшиеся в 1990-х годах планомерные систематические поиски археологических памятников каменного века показали действительно уникальную для восточной части Балтийского региона концентрацию таких объектов. На российской части Нарвско-Лужского междуречья систематические поиски и изучение памятников каменного века – эпохи раннего металла начались в середине 2000-х годов. К настоящему времени здесь зафиксировано 86 объектов археологии (64 на российской стороне).

...Очевидно, далеко не все объекты выявлены. Но полученные результаты позволяют говорить об уникальной для всего региона Финского залива концентрации остатков стоянок древнего человека на рассматриваемой территории».¹⁴⁷

Для *Ивангородской неолитической стоянки* еще в 1980-е годы предлагалось проведение дополнительных обширных раскопок в дополнение к начатым: «культурный слой местами достигает 2 метров, в ряде участков зафиксировано присутствие в слое остатков различных сооружений; хронологический диапазон находок, полученных в результате названных исследований, чрезвычайно велик».

Невзирая на это, в 2019 году МАЭ РАН объявил Ивангородскую неолитическую стоянку... ложной, «попавшей в списки охраняемых памятников археологии по ошибке».¹⁴⁸ Такое заявление напоминает историю с Охтинским мысом и древней крепостью Ниен и еще более древними поселениями на ее месте в Петербурге, мешающими коммерческой застройке: «В заключении министерства культуры от 1 декабря 2021 года говорится, что оснований для создания полноценного музея-заповедника на территории Охтинского мыса, где ранее были обнаружены уникальные археологические пласты, включая стоянки людей эпохи неолита, раннего металла, крепости XIV и XVII веков, нет».¹⁴⁹ Поистине, «неосновательные» основания!..

Раскопки на эстонском берегу Наровы ведутся коллективом под руководством археолога Айвара Крийска (Aivar Kriiska) из Тартуского университета. Одно из недавно раскопанных Крийска поселений у реки Нарова относится к каменному веку (с отнесением к периоду 2800-2000 лет до н.э.), еще одно – предположительно к бронзовому или железному веку. «Если учитывать также раскопки, которые мы вместе с российскими коллегами вели на другом берегу Наровы, то всего таких поселений в низовьях Наровы насчитывается свыше 60» – уточняет Крийска. «Древние люди плотно заселяли низовья Наровы». Одно поселение раскопано в центре Нарвы, в районе Липовки.¹⁵⁰

«Главным открытием Крийска [в одном из последних мест раскопок у Наровы] было то, что деревянные постройки в Нарвско-Лужском междуречье существовали еще 2800 лет до н.э. «До сих пор самые старые строения, найденные в Эстонии, относились примерно к 900 году до нашей эры. Они были обнаружены под Таллином. Конечно, это не значит, что нет более древних зданий. Возможно, их еще только предстоит обнаружить» – отмечает Айвар Крийска. Обнаружено два строения – дом, «ферма», и небольшое сооружение.

«Археологи говорят, что на этом месте жили земледельцы, чей генетический код совпадает с кодом людей, населявших в то же время окрестности Черного моря. Это предки современных европейцев, в том числе русских, белорусов, эстонцев».¹⁵¹

В Рийгикюла (Riigi или Riigiküla) в нижнем течении Наровы найдены стоянки человека 7000-летней давности. «С учётом местности, характера находок и факта, что более 7000 лет назад берег моря был буквально в паре сотен метров от Рийгикюла, ученые предполагают, что обнаруженное поселение было некогда рыбацкой деревней. На данный момент археологам известны более 500 древних поселений на территории Эстонии. А поселение в Рийгикюла, по словам Крийска, интересно тем, что именно здесь берет начало история местной керамики».¹⁵²

«Причина столь плотной заселенности этих мест [уже] в каменном веке – *наличие двух крупных рек, Наровы и Луги, а также моря*. В то время существовала лагунная система, где людям легче было добывать пропитание. Неожиданным же было то, что древнее поселение

¹⁴⁷ Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья; Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук (МАЭ РАН), 2019, стр. 8, 26. <https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-379-8/978-5-88431-379-8.pdf>

¹⁴⁸ Памятники каменного века; Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 2019, стр.. 153 – 162.

¹⁴⁹ https://www.rbc.ru/spb_sz/10/12/2021/61b30af89a79479db364a90a?from=from_main_6

¹⁵⁰ <https://rus.postimees.ee/4670460/pod-narvoy-nachalis-raskopki-poseleniya-kamennogo-veka>

¹⁵¹ <https://rus.delfi.ee/statja/78894218/foto-v-rezultate-raskopok-u-narva-vyesuu-sdelany-vazhnye-otkrytiya>

¹⁵² <https://rus.err.ee/1110593/vozte-narvy-vedutsja-masshtabnye-arheologicheskie-raskopki>

обнаружено не прямо на берегу реки, а в отдалении от нее – это указывает на то, что обитатели поселения были [и] земледельцами» – поясняет Крийска.¹⁵³

В сентябре 2025 года археологи ИИМК РАН заявили также об обнаружении неподалеку от поселка Усть-Луга уникального укрепленного поселения каменного века (Куровицы-9), датируемого IV тысячелетием до н.э. Ученые обратили внимание на его нетипичное расположение: оно находится вдали от водоемов, где ловили рыбу – как современных, так и древних, – на самом краю Куровицкого плато. Поселение было окружено частоколом и включало две постройки около 600 кв. м каждая, что свидетельствует о сложной социальной организации и постоянной угрозе конфликтов еще 6000 лет назад. Ближайшие аналоги этому укрепленному поселению в столь ранний период известны лишь в Северной Финляндии (на западе) и за Уральским хребтом (на востоке).¹⁵⁴

Согласно Джанни Глинни, итальянскому филологу, сделавшему перевод на итальянский язык знаменитой работы “*Hõbevalge. Sulla rotta del vento, del fuoco e dell'Ultima Thule*” эстонского антрополога и историка Леннарта Мери

«...Важность *нарвской культуры* хорошо известна в археологии. Керамическое производство под названием *нарвская культура* свидетельствует о продвинутой технологии производства у местного населения. Имеется также малоизвестный факт – в раскопках древнего археологического поселения в Северной Италии недалеко от Ровиго найдены изделия из балтийского янтаря приблизительно 1500 г. до н.э.; их обработка была названа «*нарвской обработкой*» [по схожести с янтарными изделиями, обнаруженными в раскопках у Наровы].

В лабораториях экспериментальной археологии, руководимых Мауро Чезаретто (Mauro Cesaretto), эта нарвская техника обработки была успешно использована для получения того же типа сколов, который был обнаружен в янтаре во время археологических раскопок под Ровиго. Эта любопытная связь возвращает нас к *древнему Янтарному Пути* [одни из вариантов которого проходили по Нарве и Луге]». ¹⁵⁵

¹⁵³ <https://www.seti.ee/modules/news/article.php?storyid=102441>

¹⁵⁴ <https://www.archeo.ru/institute/news/uchenyie-iimk-ran-nashli-v-lenoblasti-drevne-02ba8>

¹⁵⁵ Юлле Тооде, Джанни Глинни (Ülle Toode, Gianni Glinni) – *La Bella Elena di Troia indossava l'ambra?*
<https://www.italiaestonia.org/single-post/la-bella-elena-di-troia-indossava-l-ambra>

ГЛАВА 6. ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

КАТАЛОГ КОРАБЛЕЙ: БАЛТИЙСКИЕ БЕРЕГА ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

В Каталоге кораблей *Илиады* (2.494–759) перечислены ахейские дружины, которые направились в Трою. В этом большом обзоре Гомер перечисляет корабли и их капитанов (*Илиада* 2.493) – двадцать девять ахейских флотов, которые участвовали в войне, вместе с именами их сорока шести капитанов и помощников капитанов, количество кораблей в каждой флотилии и места их отправления, а также населенные пункты в регионах, представленных каждой дружиной. Последовательность не является иерархической: так, главнокомандующий Агамемнон, который «был самым выдающимся, / он возглавил большое количество войск» (*Илиада* 2.580), указан девятым. Эта «словесная карта» организована *географически*. Однако, согласно Феличе Винчи, ее наложение на Средиземное море приводит к ряду загадочных несоответствий и абсурдных «географических скачков», в то время как, если ее наложить на побережье Балтики, описания мест и народов Гомера сходятся последовательно, двигаясь вдоль балтийских берегов против часовой стрелки.

Учитывая большое количество упомянутых флотов, по Винчи, вполне естественно, что последовательность является географической, как для мнемонической потребности бардов, декламировавших эти стихи, так и для того, чтобы их слушатели могли следить за последовательностью, мысленно визуализируя регионы происхождения перечисляемых капитанов.

Винчи направляет нас начиная с того места, где сейчас находится центральная Швеция, и, двигаясь против часовой стрелки вокруг побережья Балтийского моря, заканчивая в Финляндии (рис. 11). Каталог кораблей, объединенный с дополнительной информацией, содержащейся в двух поэмах и в остальной части греческой мифологии, позволяет, с точки зрения исследователя, провести точную реконструкцию всего первоначального мира гомеровских ахейцев (по Винчи, вероятно, мира нордического бронзового века, после тысячелетий забвения).

Рис. 11. Последовательность мест и народов, перечисленных в Каталоге кораблей, против часовой стрелки, по Феличе Винчи

Направление против часовой стрелки свойственно поэмам Гомера, подчеркивает Винчи. Например, сватавшиеся к Пенелопе женихи, сидящие в зале Улисса, встают по очереди против часовой стрелки, чтобы принять участие в соревновании по стрельбе из лука (*Одиссея* 21.141–142), и таким же образом Гефест наливает вино другим богам на Олимпе (*Илиада* 1.597). Также и в гонке на колесницах, проводимой по случаю похорон Патрокла, колесницы поворачивают против часовой стрелки (как и до сих пор атлеты при беге на стадионе) – как можно заключить из указаний Нестора, старого колесничего, которые тот дает своему сыну Антилоху перед гонкой (*Илиада* 23.327–341).

Во время путешествия вдоль побережья Балтийского моря Винчи находит множество географических названий, напоминающих их средиземноморские аналоги. Хотя, как подчеркивает исследователь, эти похожие по звучанию имена сами по себе не являются доказательством представленной им гипотезы, они дают значительную пищу для размышлений.

Беотия и Фивы

*Пенелей и Леит беотийских мужей возглавляли:
Вместе с Архесилаем, Профоенором и Клонием.
Были вожди они тех, что жили в Гирии и в Авлиде скалистой,
В Схене, Сколе и холмистом Етеоне (...)
Те, что владели Арной, богатой лозою, Мидеей,
Нисой священной и лежащим на самом краю Анфедоном;
С ними осталось пятьдесят кораблей, и в каждом
Храбрых бойцов молодых беотийских сто двадцать сидело (Илиада 2.494–510).*

Каталог кораблей начинается в Беотии со ссылки на «каменный Аулис», подтверждающий, как полагает Винчи, местонахождение гомеровской Беотии в центральной Швеции, недалеко от залива Норртелье, немного севернее Стокгольма. Этот место, откуда ахейский флот отправился в Лемнос (вероятно, современный Лемланд) и Трою, выходит на Аландские острова и финско-эстонскую Троаду. Поскольку начало последовательности в Каталоге географически зафиксировано в этом месте, исследователь считает, что Гирия, упомянутая выше, может быть современным Херренгом, который находится в 60 км к северо-востоку от Упсалы (*Uppsala*) – древнего города. По словам Адама Бременского, старая Упсала была главным языческим центром Швеции, а в Храме в Упсале хранились великолепные идола норвежских богов. Название Упсалы и в самых древних документах писалось как *Upsala*, что, как ни странно, похоже на греческое прилагательное *hypsēlōs*, «высокий».

Этот регион включает беотийский город Фивы (*Thebes*) «с семью вратами» (*Илиада* 4.406), родной город Эдипа – который может соответствовать нынешнему Тебю (*Täby*), расположенному недалеко от Стокгольма рядом с Норртелье (Аулисом). Это был не ахейский город и он не принимал участия в Троянской войне; однако, Гомер упоминает его несколько раз в рассказах Эсхила о войне в трагедии *Семеро против Фив*, «где ахейская армия была уничтожена» (*Илиада* 6.223).

В этом неудачном походе пал также отец Диомеда, Тидей, «покрытый землею могильною в Фивах» (*Илиада* 14.114). Диомед никогда не встречал того, кто «оставил меня, когда я был младенцем /когда ахейская армия была разгромлена в Фивах» (*Илиада* 6.222–223), но потом Диомед и Эпигоны – «после рожденные», то есть потомки героев, которые были побеждены – взяли реванш (*Илиада* 4.406). К слову, во время Троянской войны Диомед был одним из самых молодых военачальников ахейской армии (*Илиада* 14.112), успев, однако, уже завоевать Фивы и жениться на Эгиалее, ждущей его дома (*Илиада* 5.412–415). Следовательно, полагает Винчи, маловероятно, что он пробыл под стенами троянцев девять лет. Это еще одно доказательство того, что, как мы увидим далее, Троянская война началась и завершилась в течение одного северного сезона навигации.

Отождествление Фив с Тебю подтверждается и подсказками, разбросанными по предместьям Стокгольма. Например, название небольшого городка Тюресё (*Tyresö*), очень похоже на имя фиванского Тиресия (*Одиссея* 10.492), слепого пророка из *Одиссеи*, которого настолько почитали, что называли *anax*, «царь» (*Одиссея*, 11.151). Возможно, считает Винчи, с этим же корнем Тюреста (*Tyresta*), имя древнего леса недалеко от Стокгольма. Сравнение с Тиресием может быть очень интересным, учитывая шаманскую священную ауру некоторых лесов в древние времена – стоит вспомнить лишь священный лес Неми (*Nemi*), недалеко от Рима, где жрецы святилища *Дианы Неморенсис* следовали друг за другом согласно очень древнему языческому обряду, вдохновившему Джеймса Фрейзера на написание знаменитой книги *Золотая ветвь*. С другой стороны, в гомеровском Аиде пророк Тиресий изображен как строго «шаманский» персонаж, единственный человек, которому Персефона, владычица подземного мира

...после смерти ясный ум сохранила,

души же прочих умерших порхают как тени (*Одиссея* 10.494–495).

Другие топонимы в этой области, такие как остров Фарингсё (*Faringsö*) и городки Кюнэс (*Kynäs*) и Орста (*Årsta*) – напоминают Винчи греческие существительные *pharynx* («горло») и *aristos* («лучший» или «благородный») соответственно. Кюнэс напоминает беотийскую деревню Киноскефалах (*Cynoscephale*), где родился поэт Пиндар, рядом с греческими Фивами. Согласно исследователю, с топонимами Аспен (*Aspen*) и Аспудден (*Aspudden*) может быть связано название реки Асопус (*Asopus*), дважды упомянутое в *Илиаде* в связи с Фивами, а место под названием Бромма (*Bromma*) на окраине Стокгольма звучит очень похоже на *Brómios* – прозвище Диониса, который родился в Фивах (*Илиада* 14.325).

Наиболее интригующим местом Винчи считает название холма к югу от Стокгольма, известного как Нюсэттра (*Nysättra*), которое напоминает как о «священной Нисе», городе, который Каталог кораблей располагает в Беотии (*Илиада* 2.508), так и об одном из самых загадочных мест в греческой мифологии – легендарной горе *Ниса*, где молодой Дионис (чьё имя означает «бог Нисы») был воспитан нимфами, известными как Гиады. Этой мифической горы не существует в Греции, хотя древние ученые выдвигали самые фантастические гипотезы, чтобы найти ее местонахождение, вплоть до поиска ее в Аравии и Индии. Если это подтвердится, то окажется, что в греческую мифологию проникли топонимы, имеющие скандинавскую этимологию (*Nysättra*, шв. «Новая Сэттра»).

В этом регионе Швеции также имеется несколько географических названий, которые могут относиться к загадкам металлообработки и кабирической традиции древних беотийских Фив с таинственным храмом, посвященным кабирам, богам металлообработки, для которых кузнецы были «жрецами». Такие имена, как *Hammarby* (шв. «деревня кузнеца / кузнечного молота»), одна к северу от Тэбю, другая около Стокгольма), полагает Винчи, соединяют тысячелетия. Примечательно, что на Балтике Тебю-Фивы и Аландские острова-Самофракия лежат в непосредственной близости, что объясняет общую кабирическую традицию, в то время как их греческие аналоги находятся довольно далеко друг от друга.

Фокида, Пифон и Сидоняне

Двигаясь на юг вдоль берегов нынешней Швеции, после Беотии и Минеи (*Minyae*), Феличе Винчи попадает в Фокиду (*Phocis*). Здесь Гомер упоминает Крису и Лилею (*Илиада* 2.522–523), которые напоминают названия современного шведского города Киса (*Kisa*) и реки Лиллан (*Lillan*).

Среди городов Фокиды в Каталоге упоминается Пифон (*Pytho*), где стояла святыня Аполлона с его «каменным порогом» (*Илиада* 9.404, *Одиссея* 8.80). Пифон – это еще одно название Дельф, места самого известного оракула Аполлона в классической Греции. Греческая мифология тесно связывает Аполлона с гиперборейцами, мифическими обитателями крайнего севера – Пиндар называет их «народом Аполлона, гиперборейцами» (*Olympian* 3, 25). Кроме того, греческий историк I века до н.э. Диодор Сицилийский в отрывке, где прямо упоминается культ Аполлона, утверждает, что дельфийцы и гиперборейцы были «в очень дружеских отношениях» и что «они унаследовали традицию дружбы с древних времен» (*Историческая библиотека*, 2.47). По этому поводу профессор Марко Дуичин¹⁵⁶ в своей работе «*Аполлон, шаманский бог, пришедший с севера – по маршруту лебедей и янтаря*» утверждает:

«Мы чувствуем отголоски первоначального прихода Аполлона из гиперборейской северной страны. Это могло быть ностальгическое воспоминание о далеких странах, откуда в незапамятные времена произошли эллины».¹⁵⁷

В храме Аполлона в Дельфах хранился омфалос (священный камень в форме яйца – олицетворяющий пупок Гайи, богини Земли). Как сообщает нам профессор Витторио Ди Чезаре из Болоньи,¹⁵⁸ существует поразительное сходство между омфалосом Дельф, поверхность которого украшена сетчатым узором, и некоторыми древними сферическими камнями с

¹⁵⁶ Марко Дуичин (Marco Duichin), итальянский историк.

¹⁵⁷ Duichin, Marco. "Apollo, il dio sciamano venuto dal Nord", in *Abstracta* no. 39, July/August 1989., p. 36.

¹⁵⁸ Витторио Ди Чезаре (Vittorio Di Cesare), итальянский историк, писатель и журналист.

аналогичным сетчатым орнаментом, найденными в женских гробницах в Южной Швеции, где люди использовали эти камни для принесения клятвы между V и XII веками н.э. Таким образом, считает Винчи, заявление Диодора о связи между дельфийцами и гиперборейцами находит и косвенное археологическое подтверждение.

Продолжая тему Фокиды: средиземноморские потомки фокейцев основали город Фокея (современная Фоча) – древний ионийский город на западном побережье Анатолии. Считается, что греческие колонисты из Фокеи, в свою очередь, основали порт Массалия (Марсель) на юге Франции около 600 г. до н.э. Винчи задается вопросом, не рискнул ли знаменитый исследователь массалиотов Пифей, чье имя происходит от Пифона, святилища Аполлона в гомеровской Фокиде, отправиться в Северную Атлантику с той же целью найти гиперборейскую землю своих предков?

Побережье Швеции преподносит Винчи еще один сюрприз. Речь идет о городе Сидон, который не упоминался в Каталогe, но находился на пути между Спартой и Троей, о чем свидетельствует отрывок из *Илиады*, в котором корабль Париса делает остановку в Сидоне во время его путешествия с Еленой из Спарты в Трою (*Илиада* 6.289-292). В свою очередь, в *Одиссее* также подтверждается наличие Сидона на этом маршруте, когда Менелай останавливался там на обратном пути после Троянской войны (*Одиссея* 15.118). Как покажет Винчи далее, гомеровская Спарта должна была находиться на юго-восточной стороне острова Зеландия – и, учитывая реконструированное расположение Трои у Финского залива (широкого Геллеспонта), сидонцы, по всей видимости, жили на побережье центрально-южной Швеции.

С другой стороны, достаточно взглянуть на карту Средиземного моря, пишет Винчи, чтобы понять, что Сидон в Ливане находится более чем в 1000 км от маршрута между греческой Спартой и анатолийской Троей у Дарданелл: «Гомер в Средиземном море как географ оказывается вновь и вновь просто «ужасен», но, будучи помещенным в нордический мир, становится безупречным».

Сидонцы производили серебряные вазы «уникальной в мире красоты» (*Илиада* 23.742), а сам Сидон был «богат бронзой» (*Одиссея* 15.425) – и, по предположению Винчи, соответствуют суетанам (*suethans*), упомянутым Иорданом, в гл. 3 его *Истории готов*¹⁵⁹, в которой говорится о народах Скандинавии.

Также Тацит дает нам колоссальное подтверждение шведского местонахождения сидонцев, когда заявляет: «За племенами ситонов (*sithones*) следуют суионы (*suiones*)» (*Германия* 45,6), где суионы являются нынешними шведами. Не только имя этих ситонов римского периода, но и их географическое положение в районе Швеции делает весьма вероятным, что они произошли от сидонцев, «очень хороших мастеров» (*Илиада* 23.743), которые видели прекрасную Елену, прибывшую в их город с Парисом, когда они вдвоем направлялись в Трою после бегства из Спарты; потом они снова увидели ее, после Троянской войны, но на этот раз ее сопровождал Менелай.

Локрид, Эвбея, Афины и Саламин

После Фокиды Гомер упоминает города локров, «живущих перед Эвбеей священной» (*Илиада* 2.535). Среди городов локров упоминаются Каллиара (*Calliarus*) и прекрасная Авгея (*Augeae*) (*Илиада* 2.531–532), которые, согласно гипотезе Феличе Винчи, могут представляться нынешними шведскими Халларумом (*Hallarum*) и Аугерумом (*Augerum*) соответственно. Однако, более важным, чем сходство в звучании топонимов, к которому, подчеркивает исследователь, следует относиться с должной осторожностью, является тот факт, что после земли локров упоминается Эвбея, аналогом которой является остров Эланд (*Öland*), обращенный к шведскому побережью (рис. 11). Греческая Эвбея и шведский Эланд оба имеют продолговатую форму и повторяют очертания материкового побережья, от которого они отделены соответствующими проливами. Также на Эланде название современного города Калкстад (*Kalkstad*) напоминает древнюю эвбейскую Халкиду (*Chalcis*).

В этой области находились еще два города локров – Тарф (*Tarphe*) и Фронион (*Thronion*), на берегу Боагрия (*Boagrius*) (*Илиада* 2.533), которые, по Винчи, могут соответствовать

¹⁵⁹

<http://remacle.org/bloodwolf/historiens/jornandes/goths1.htm>

современным Торпа (*Torpa*) и Транос (*Tranås*), лежащим в глубине страны в регионе Смоланд (*Småland*) у озера Соммен (*Sommen*) в нескольких километрах друг от друга.

После Беотии Гомер помещает земли минийцев, фокейцев и локров лицом к Эвбее (*Илиада*, 2.535). Лишь после этого следуют Афины. Из такого распределения Винчи делает вывод, что Беотия, первая упомянутая земля, находилась на некотором расстоянии от Эвбеи и удалении от Афин. Оказывается, не только эта последовательность регионов в Каталоге, но и расстояния между ними отвечают протяженности шведского побережья: «Беотийский» район, включая Норртелье (Аулис) и Тебю (Фивы), находится примерно в 200 км от самой северной точки о. Эланд.

Это пространственное соотношение, однако, совершенно не соответствует средиземноморскому миру, где Беотия расположена прямо перед Эвбеей, которая выходит на залив Авлис (современная Вати) и расположена рядом с Атикой (где расположены Афины), в то время как Локрис и Фокида лежат на *противоположной* стороне. Более того, помимо непригодности для большого флота, положение греческой Авлиды за Эвбеей не видится слишком удачным для похода, следующего в Малую Азию.

Положение гомеровских Афин связано с мысом Сунион, «мысом Афин» (*Одиссея* 3.278). Поэтому, путешествуя вдоль побережья Швеции, руководствуясь последовательностью в Каталоге, Винчи ищет географическую точку, соответствующую Суниону, имея в виду также карту Греции. С помощью местоположения греческой Эвбеи и шведского Эланда в их соответствующих обстановках исследователь идентифицирует аналог средиземноморского Суниона как лежащий к востоку от города Карлсруна, где шведское побережье внезапно изгибается на запад перед самой южной точкой о. Эланд (рис. 12).

Рис.12. Ахейские поселения на юге Балтики, по Феличе Винчи

Греческая легенда о Цефале и Прокрисе родилась здесь, в городе Торик, на мысе Сунион, на самой южной стороне Аттики, напротив Крита. Шведская деревня Торхамн (*Torhamn*) – менее чем в 20 км к востоку от Карлскруны – находится точно в том же месте, что и гомеровский Сунион. В гомеровском *Гимне Деметре* Торик (1.126) упоминается богиней (которая претворяется старухой) как место ее высадки, когда ее против воли привезли с Крита. Торик обращен прямо к Криту на юг, точно так же как Торхамн около гомеровского Суниона обращен к побережью польской Померании, то есть гомеровскому Криту (который поэт никогда не называет островом) – последний, однако, намного ближе к Торхамну и гомеровскому Суниону, чем греческий Торик к берегу эгейского Крита.

Название Афины имеет множественное число (*Athēnai*) – форма, которая, вероятно, относится к первобытному расположению города на полуострове и нескольких островах. Согласно Винчи, мы можем найти косвенное подтверждение этого в другом примере из классического мира: множественное число названия Сиракузы (*Syracusae*) на Сицилии, которое происходит из своеобразной топографии этого города, охватывающего материк и остров напротив, как свидетельствует Цицерон в своей *Verrinae*. Это также объясняет, почему название беотийских Фив встречается во множественном числе – деталь, которую невозможно объяснить в греческой географии: их балтийский предшественник лежал не слишком далеко от островов, на которых сегодня стоит Стокгольм. Название еще одного очень важного гомеровского города, Микены, также стоит во множественном числе, что является важным фактором при его расположении в островном районе Копенгагена.

Винчи проводит сравнение некоторых географических названий в этой области, в частности, на небольших островах возле Карлскруны, с названиями в греческом мире: Аспё (*Aspō*) может соответствовать афинскому топониму Асопус (*Asopus*). Около Карлскруны расположен мыс, известный как Кнёсё (*Knösö*), название которого напоминает Кносс (*Cnossus*, *Knōsos*), критского города, упомянутого в Каталоге (*Илиада* 2.646). Возвращаясь на сушу, очень интересным географическим названием, как мы уже упоминали, является Халларум, небольшой городок, расположенный недалеко от Карлскруны, который может соответствовать гомеровскому Каллиару, городу локров, «живущих перед Эвбеей священной» (*Илиада* 2.535). Древний Каллиар находился рядом с Афинами, которые в Каталоге упоминаются сразу после Эвбеи, что подтверждает, что Халларум, вероятно, является его нынешним продолжением.

При этом Винчи отмечает, что, хоть все мы знаем о важности Афин в греческом мире, согласно *Илиаде* афинский контингент играет чрезвычайно ограниченную роль в Троянской войне. Вполне вероятно, что, если бы действие *Илиады* происходило на греческой арене, где Афины были выдающимся городом с микенской эпохи, Гомер придал бы ее роли гораздо больший акцент.

Расположение мифических Афин Эрехтея, Эгея и Тесея на территории Швеции, считает Винчи, подтверждается Платоном, который в своем *Критии* делает неожиданную паузу, чтобы описать город таким, каким он был в очень далекие времена после того, как Афина и Гефест его основали. Афины лежали в совершенно другом регионе, нежели тот, который он знал в свое время (и который знаем мы сегодня):

«В те времена вместо гор были холмы; равнины, известные сегодня как поля Феллеуса, были покрыты плодородной почвой; в горах были обширные леса (...) Повсюду было много воды и родников (...) И территория Акрополя отличалась от нынешней (...) Он был настолько обширен, что простирался до Эридана и Илисоса, включая Пикнус и гору Ликабетт, граничащими с ним с противоположной стороны.» (*Критий* 111c–112a)

Обширность этого далекого доисторического города, описанная в диалоге *Критий*, согласуется с прилагательным «широкий», которое Гомер применяет к Афинам (*Одиссея* 7.80). Что касается Ликабетта, то его название до сих пор прослеживается в деревне Ликебю (*Lyckeby*) недалеко от Карлскруны, где находится замок Лико (*Lyckå*).

Эти уникальные словесные изображения древних Афин описывают географическую реальность, которая полностью отличается от нынешней Греции. Сам Платон подчеркивает несходство и делает попытку объяснить причину этого различия «действием атмосферных явлений». Тем не менее, география этих Афин идеально вписывается в обширную холмистую местность Швеции, изобилующую реками и озерами.

Винчи полагает, что этот отрывок из *Крития* – своего рода «послание в бутылке», плывущее по течению в море времени сквозь тысячи лет, чтобы каким-то образом добраться до Платона двадцать четыре сотни лет назад, а затем и до нас сегодня. Описание в *Критии* является выдающимся свидетельством реального внешнего вида древних северных Афин, которые выделяются из глубин доисторических времен.

Сразу после Афин в Каталоге кораблей упоминается Саламин, который Гомер никогда не называет островом: «Аякс вывел двенадцать кораблей из Саламина / и расположил их там, где располагался лагерь афинян» (*Илиада* 2.557–558). Любопытно, что в 30 км к западу от Карлсруны находится деревня Свалемола (*Svalemåla*), чье название и положение напоминают гомеровский Саламин.

От Аргоса до мыса Малеа

Далее в Каталоге перечисляются города под управлением Диомеда, среди которых Тиринф (*Tiryns*) и Трёзен (*Troezen*), которые Феличе Винчи идентифицирует с двумя сегодняшними шведскими городами: Тюриндж (*Tyringe*) и Трэне (*Träne*).

Поэт также упоминает Гермийон (*Hermione*) и Асин (*Asine*), «возвышающиеся над глубоким заливом» (*Илиада* 2.560). Действительно, отмечает Винчи, здесь, в 20 км к западу от Свалемола, есть большой залив Пукавик (*Pukavik*), знаменитый изобилием лосося – и две деревни на берегу этого залива *Mörrum* и *Ysane* напоминают названия упомянутых двух гомеровских городов.

Что касается Аргоса, города Диомеда, где он высадился, вернувшись с Троянской войны (*Одиссея* 3.180–181), в этом районе протекает река Верка-он (*Verka-ån*), название которой похоже на (В)аргос. Здесь были сделаны археологические находки очень древних сооружений, в частности, мегалитической гробницы *Havängsdösen* (или *Haväng Dolmen*). Также, всего в 6 км от устья р. Веркаон находится внушительная Кивикская гробница (*Kivik tomb*), известная как *Bredarör* или *Kungagraven* – «Могила короля».

Примечательно, что внутри *Kungagraven* находится царский каменный саркофаг длиной 3,5 метра. Чинция Меле, пишущая работы по изначальной северной географии уже библейских сюжетов, сообщает нам, что «...в Библии упоминается царь Ог, последний из великанов Рефаимов и царь амореев», и что, согласно Второзаконию 3.11 «у царя Ога была железная кровать длиной девять локтей (4,5 метра), на иврите это обозначает родовое место, где человек лежит, а «железо» в некоторых текстах понимается как «базальт». «Также очень любопытно», – добавляет Чинция – «что Ог, имя короля-великана, соответствует шведскому Hög, что означает «высокий»».¹⁶⁰

Рядом с Кивиком сделаны и другие археологические находки, относимые к бронзовому веку. Возможно, на этом месте когда-то существовал один из важнейших городов региона. Если мы возьмем *Илиаду* в качестве ориентира, мы можем предположить, что это мог быть Аргос Гомера, город Диомеда.

Следуя последовательности Каталога кораблей, Винчи приближается к Скании, в самой южной части Швеции, где, к востоку от Мальмё, мы можем найти аналог печально известного мыса Малеа – места, где флоты Улисса, Агамемнона и Менелая натолкнулись на шторм и бушующее море во время их возвращения из Трои (*Одиссея* 3.287).

Чтобы точно определить его местонахождение, Винчи предлагает внимательно прочитать четыре отрывка, в которых Гомер упоминает мыс Малеа в *Одиссее*. В действительности, он никогда не описывает его как «мыс» (греч. *akros*, как, например, в случае с мысом Сунион). Напротив, Гомер всегда описывает Малеа как «крутой подъем» (*oros airoy*). Это заставляет нас искать на карте Балтийского моря какое-либо возвышение вдоль низкого южного побережья Скании, которое совпадает с обратным путем кораблей Улисса, Агамемнона и Менелая, то есть трех ахейских героев, обогнувших мыс Малеа, возвращаясь домой после Троянской войны.

Если плыть на запад вдоль плоского южного побережья Скании, у Касеберги (*Kåseberga*), примерно в десяти километрах к юго-востоку от Истада, на море появляется «крутой подъем». Здесь, на вершине холма, находятся «Камни Але» (*Ales Stenar*), одно из самых важных мегалитических мест в Скандинавии – каменный «корабль» овальной формы, валуны которого

¹⁶⁰ Cinzia Mele. *Bibbia Anno Zero: Quid est veritas?* 2024
<https://www.amazon.it/dp/B0CWF7P99M>

на каждом конце заметно крупнее остальных. Его длина 67 м, образован 59 крупными камнями весом до 1,8 тонн каждый. *Ales Stenar*, вероятно, были очень важной исходной точкой для балтийских моряков.

Илл. 24. «Камни Але».

Расположение реального мыса Малея в греческом мире напротив острова Кифера (*Kythera*) (рис. 4) показывает еще одну огромную нелепость географии Гомера в Греции, поскольку греческая Малеа, где, согласно *Одиссее* плывший в Микены Агамемнон столкнулся со штормом (*Одиссея* 4.514–515) на обратном пути после Троянской войны, стоит намного южнее курса от Трои до Микен. Согласно Феличе Винчи, это все равно что сказать, что корабль, плывущий из Стокгольма на о. Готланд, сделает «промежуточную» остановку в Гданьске.

Что касается опасности мыса Малеа для кораблей, о которой часто упоминается в *Одиссее*, отметим, что рядом с *Ales Stenar* находится мыс Сандхаммарен (*Sandhammaren*, «Песчаные рифы»): «Прибрежная зона за пределами Сандхаммарен славится песчаными рифами, или томболо, которые постоянно меняются и их сложно измерить. Вместе с сильными течениями эти рифы вызвали столько кораблекрушений, что прибрежная зона известна как кладбище кораблей», в самом деле это «крупнейшее кладбище кораблей в Швеции».¹⁶¹ Помимо подтверждения правдивости повествования Гомера, все это говорит нам о том, считает Винчи, что за последние тысячелетия ничего не изменилось в географии этих мест и во влиянии на человеческую деятельность.

Также Винчи отмечает, что мыс Сандхаммарен и мыс Малеа соответствуют географически, потому что представляют собой юго-восточные крайние точки Скандинавии и Балканского полуострова соответственно. Исследователь шутит на это счет: «древние географы, которые перенесли скандинавские топонимы в южную Европу, проделали большую работу!»

Следуя вдоль побережья Южной Швеции, Винчи достигает большого острова Зеландия, где находится Копенгаген. Здесь Каталог сначала задерживается на двух регионах, находящихся под властью двух братьев, Агамемнона и Менелая, чьи греческие аналоги сегодня называются Арголида и Лакония соответственно, а затем последовательно упоминается Пилос, Аркадия и Элида.

Пелопоннес

Зеландия является географическим аналогом греческого Пелопоннеса, предполагает Феличе Винчи: главный полуостров Греции находится в положении, соответствующем самому большому острову Балтики. Имеется и одна чрезвычайно очевидная аномалия на греческом Пелопоннесе, обращает наше внимание Винчи: в описаниях Гомера он далеко не неровный и горный, как в греческом мире, не говоря уже о том, что это не остров, несмотря на название

¹⁶¹

<https://www.ystad.se/turism/se-och-gora/sevardheter-och-besoksmal/sandhammaren/>

(«Остров Пелопса», где *-nes* – «остров»). Если мы отождествим его, однако, с Зеландией, куда нас привела последовательность Каталога кораблей, это несоответствие уходит.

Пересекая пролив Эресунн, мы достигаем Зеландии, где встречаем Хельсингёр, город Гамлета. Согласно Каталогу кораблей, на этом острове было несколько ахейских поселений: Арголида Агамемнона (Арго у Гомера), Лакедемон Менелая, Пилос Нестора, Аркадия, а также Элида, «где правят эпейцы» (*Одиссея* 13.275) – рис. 13.

Эта последовательность, с учетом данных, разбросанных в обеих поэмах, и расположение соответствующих регионов на территории Греции – которые, однако, постоянно противоречат указаниям Гомера по причинам, которые мы вскоре разберем очень подробно – позволяет нам восстановить всю карту этих регионов на острове Зеландия (рис. 13).

Рис. 13. Ахейские поселения на острове Зеландия, соответствующем греческому Пелопоннесу, по Феличе Винчи (границы регионов указаны условно)

Каталог кораблей сначала останавливается на территории Агамемнона, которая, следовательно, должна была быть расположена вдоль северо-восточного побережья Зеландии, напротив пролива, что соответствует положению греческой Арголиды.

В *Одиссее* рассказывается, что по возвращении Агамемнона после войны шторм, с которым он столкнулся у мыса Малеа (который, как мы уже отметили, представляет собой огромную географическую абсурдность средиземноморского положения), унес его к «границам страны, где Фиест в прежнее время обитал в своем доме; теперь же Эгист обитал там» (*Одиссея* 4.517–518). Фиест был братом и заклятым врагом Атрея, отца Агамемнона. Оттуда Агамемнону удалось вернуться домой, где его ждала трагическая судьба: Эгист, любовник его жены Клитемнестры, предательски убил его (*Одиссея* 4.534). Этот отрывок, кажется, предполагает, что «хорошо построенный» (*Илиада* 2.569) город Микены был расположен на северо-востоке Зеландии. Микены находились у моря, как мы можем заключить из слов Диомеда Агамемнону, когда он упоминает «корабли / что следовали за тобою из Микен» (*Илиада* 9.43–44).

Еще одна деталь, предполагающая, что это место является достоверным для Микен, заключается в том, что в *Илиаде* оно описывается как «широкое» (*Илиада* 4.52), что сильно отличается от своего греческого аналога, который расположен на узкой скальной опоре в 10 км от моря – как и в случае с Афинами и Калидоном: гомеровские города сильно отличаются от своих тезок на неровной территории Греции.

Интересно также то, что название Микены встречается во множественном числе, как Афины и Фивы, что указывает на то, что их территория, вероятно, охватывала материк и один или несколько островов. На восточной стороне Зеландии есть только один остров недалеко от побережья, Амагер, и Копенгаген лежит на обеих сторонах: как на острове, так и на материке. Филологам стоит исследовать возможную связь этого топонима – упоминавшегося как Амакум (*Amacum*) в XI веке и Амаке (*Amakæ* или *Amake*) в XIII веке – с греческими Микенами (*Mykēnai*).

Поэтому, считает Винчи, вполне вероятно, что Микены Гомера находились на том же месте, что и сам Копенгаген (который считается основанным лишь в XII веке н.э., по первому упоминанию в известных письменных источниках). Это был один из самых важных городов северной цивилизации бронзового века. Статус и поведение Агамемнона, «золотого царя Микен» (*Илиада* 7.180) и главнокомандующего ахейской экспедицией, свидетельствуют об этом:

*Он был покрыт блестящей бронзой
и гордо выделялся среди всех героев,
так как был он самым выдающимся* (*Илиада* 2.578–580).

Агамемнон также правил городом Сикион (*Sicyon*), «где Адраст сначала правил» (*Илиада* 2.572), часто упоминаемым в греческой мифологии. Согласно *Илиаде*, он простирался на «обширной земле», что снова соответствует «широким Микенам» Агамемнона. Что касается названия *Sicyone* (*Sikyōn*, с сокращенной *i*), оно похоже на название Скания (регион на юге Швеции, обращенный к Зеландии и королевству Агамемнона). Учитывая, что в Средние века густые леса изолировали Сканию от остальной Швеции, в то время как сообщение по морю с Данией было легким; это сделало ее естественной провинцией Датского королевства, и что, по словам Адама Бременского, Скания была богатейшей провинцией Дании (владевшая ею до 1658 года), нельзя исключать, подчеркивает Винчи, что влияние Агамемнона распространялось также на Сканию или на ее часть.

Спарта и Лакедемон

Согласно логике и последовательности Каталога, рядом с царством Агамемнона располагалось царство его брата Менелая, гомеровский Лакедемон, который в греческом мире стал Лаконией. Согласно греческой мифологии, два брата были женаты на двух сестрах, Клитемнестре и Елене, отец которых Тиндарей (брат Икария, отца Пенелопы) подарил им города Микены и Спарта соответственно. Сопоставление Зеландии греческому Пелопоннесу, с заливом Факсе, являющимся аналогом залива Лакония, предполагает, что Лакедемон лежал на юго-восточной стороне Зеландии.

Здесь становится понятным, считает Феличе Винчи, почему Гомер называет его «изогнутым Лакедемоном» (*Илиада* 2.581, *Одиссея* 4.1): он тянулся вдоль побережья, «огибая» залив Факсе и его внутренние районы (рис. 13). Здесь деревня, известная как Форуп (*Fårup*), напоминает гомеровский город Фарис (*Pharis*). В Каталоге кораблей Фарис и Спарта упоминаются вместе (*Илиада* 2.582), что указывает на их близость. Таким образом, гомеровская Спарта, из которой Парис похитил царицу Елену, вероятно, стояла в окрестностях современного Форупа. Хотя топоним Спарресхольм (*Sparresholm*), расположенный в 10 км от Форупа, кажется, имеет недавнее происхождение, дальнейшее исследование может помочь понять, относится ли оно к более старому географическому названию, связанному со Спартой.

Однако, морфология этой страны важнее географических названий. Например, приведем слова Телемаха, обращенные к Менелаю после достижения Спарты:

*Ты владеешь широкой равниной
где много и клевера и калгана (Одиссея 4.602–603).*

Гомер также употребляет прилагательное «широкий» для обозначения самой Спарты: «широкая Спарта» (*Одиссея* 11.460). Все это гораздо лучше соответствует плоскому острову Зеландия, чем неровному греческому Пелопоннесу. Мы вернемся к этой теме, когда сосредоточимся на путешествии Телемаха из Пилоса в Спарту.

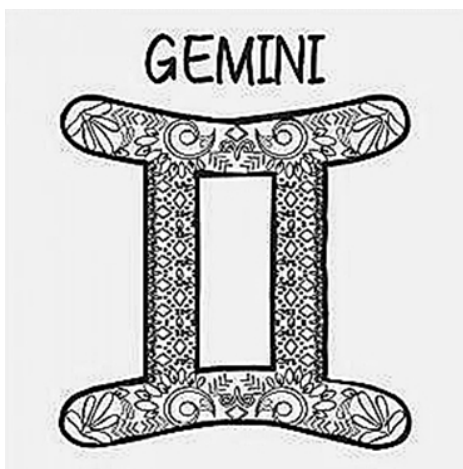
Что касается значения и происхождения имени Лакедемон, по Винчи, это составное слово от греч. *lakis* (лат. *lacer*), означающего «разрез, разрыв», и глагола *daiomai*, означающего «разделять». Другими словами, Лакедемон может означать примерно «оторванный кусок», который соответствует морфологии самой внутренней части залива Факсе, где полоса земли простирается в море, как своего рода естественная плотина, образуя границу с заливом, известным как Прэстёфиорд (*Praestøfford*) – заливом шириной около 3 км с очень узким входом. Из этого исследователь делает вывод, что длинный узкий выступ первоначально назывался Лакедемон, потому что он выглядел как «оторванный кусок», выступающий из берега, и что это название позже было распространено на соседний регион.

Интересно, отмечает Винчи, что всего в десяти километрах от Прэстёфиорда находится деревня Леккенде (*Lekkende*, или *Lækynge* в документе 1310 года), название которой означает «место тех, кто живет в Лакке»¹⁶² – что подтверждает идею о том, что здесь мог располагаться древний Лакедемон.

Кроме того, недалеко от северо-западного побережья Прэстёфиорда, у деревни *Sjølte* (примерно в 8 км к востоку от Форупа), лежит несколько курганов. Может быть, здесь стояла гомеровская Спарта, задается вопросом Винчи. Это место и, в более общем плане, вся территория вокруг Прэстёфиорда, с особым упором на полосы у протекающих там рек, стоит тщательно обследовать археологам.

Название Спарты – столицы Лакедемона, где жили Менелай и Елена – наводит на размышления. По словам Роберта Грейвса, спартанцы изображали своих покровителей – диоскуров – близнецов Кастора и Поллукса, которых вспоминала Елена (*Илиада* 3.237) – с «двумя параллельными деревянными досками, соединенными двумя другими поперечными балками» (эти доски все еще являются символом созвездия *Гемини*, *Близнецов*):

¹⁶² Jørgensen, Bent, *Dansk Stednavneleksikon. Øerne øst for Storebælt*, Gyldendal, Oslo 1981, p. 71.

Илл. 25. Символ близнецов из Спарты.

На древнескандинавском языке *sparri* означает «балка, доска» (на верхненемецком – *sparre*). Возможно, высказывает предположение Винчи, что корень имени Спарта, при сравнении с древнескандинавским, скрывает значение, тесно связанное с символом города, то есть «двумя досками» его мифических покровителей. Интересно, что поклонение близнецам встречается также у малийских догонов, мифология которых представляет некоторые загадочные аналогии с греческой. По словам Марселя Гриоля,¹⁶³ догоны изображают своих близнецов двумя вазами, или, скорее, «двумя круглыми сплюснутыми чашами (...), соединенными их краями».¹⁶⁴ Более того, Роберт Грейвс сообщает, что другим спартанским символом божественных близнецов, помимо двух досок, была двойная амфора.¹⁶⁵

Следует также отметить, что в *Одиссее* город Мессена (*Messene*) помещен в область Лакедемон (*Одиссея* 21.13–15), что не имеет никакого соответствия в греческой Лаконии. Эта Мессена, согласно Винчи, могла бы соответствовать сегодняшнему Мосебёлле (*Moseballe*), недалеко от Прэстёфиорда. В свою очередь, в *Илиаде* среди городов, которыми правил Менелай, упоминается город известный как Мессе (*Messe*), «со множеством голубей» (*Илиада* 2.582).

Елена и остров Краная

Теперь, когда мы достигли Лакедемона и Спарты, Феличе Винчи предлагает войти во дворец Менелая и полюбоваться царственной осанкой прекрасной Елены, «схожей образом всем с Артемидою золотострельной» (*Одиссея* 4.122). За царицей следуют три служанки: поэт говорит об одной из них, Фило, в то время как та передает своей хозяйке «золотое веретено и серебряную корзину на колесах / с позолоченными краями» (*Одиссея* 4.131–132). Фило напоминает исследователю – и своим именем, и функцией – Фуллу, норвежскую богиню, верную служанку Фриги и хранительницу ее шкатулки с драгоценностями (*Gylfaginning* 35).

Подобно Пенелопе, Елена описывается прядущей или ткущей шерсть – занятой привычным женским ремеслом в гомеровском мире. Также в эпизоде *Илиады* – в доме Париса в Трое – она работала над «большой тканью» (*megan histón*), на которой вышивала события войны, которую из-за нее вели троянцы и ахейцы (*Илиада* 3.125–128). Винчи также сопоставляет ткачество Елены с нормандским гобеленом IX века н.э. из Байё (*Bayeux*), который, согласно легенде, лично соткала жена Вильгельма Завоевателя, Матильда, изобразив сцены войны, в которой участвовал ее муж на английской земле.

К слову, замечает Винчи, огромные размеры гобелена Матильды – 70 метров в длину и 50 см в ширину – помогают нам понять, почему сватавшиеся к Пенелопе женихи считали

¹⁶³ Марсель Гриоль (Marcel Griaule), французский этнограф-африканист, исследователь культуры догонов (1898 – 1956).

¹⁶⁴ Griaule, Marcel. *Dio d'acqua*, Milan 1968, 30th day.

¹⁶⁵ Graves, Robert. *Graves R., I miti greci*, Milan 1979, 74.7.

нормальным (*Одиссея* 19.151), что она целых три года работала над своим знаменитым полотном, также называемым «большим» или «чрезмерно большим» (*Одиссея* 19.140).

Елена и Пенелопа, с одной стороны, и Матильда, с другой, хотя их, по общепринятой хронологии, и разделяет тысячелетняя бездна времени, показывают нам, что высокопоставленные женщины на севере часто тратили свое время на создание изображений важных историй – обычай, который мог существовать почти три тысячи лет. У этих древних народов воспоминания о прошлом сохранялись не только через стихи бардов, но и в вышивках знатных женщин, что предполагает возможную связь и между гомеровским термином *histós*, означающим «гобелен», и словом «история» (греч. *historiē*).

Винчи предлагает вернуться к Елене и ее тканному полотну в *Илиаде*. Продолжение этого эпизода очень интересно, потому что оно дает нам важный географический ключ. Пока она работает, к ней приближается Парис, соблазнительно напоминая ей об их первой любовной встрече,

*... когда впервые с прекрасного Лакедемона
Я похитил тебя и на быстрых судах мореходных мы плыли,
И затем мы с тобою соединились любовью и спали на острове Краная. (Илиада 3.443-445)*

В речи Париса мы не только слышим о «прекрасном» Лакедемоне, столь отличном от сухой, неровной морфологии греческой Лаконии, но мы также узнаем, что недалеко от Лакедемона находился остров Краная (*Cranae*), на котором влюбленные высадились после своего побега и провели вместе первую ночь – оставаться в Спарте было бы для них слишком рискованно: Менелай мог вернуться в любой момент!

В действительности, в нескольких километрах от балтийского Лакедемона лежит остров под названием Мён (*Møn*), который, на взгляд Винчи, кажется очень подходящим для такой приятной интерлюдии. Остров Мён известен своими отвесными белыми скалами (высотой до 125 м), которые выделяют его восточную сторону посреди в целом плоских берегов Балтийского моря – в настоящее время это популярное туристическое место.

Его отождествление с гомеровским островом Краная подкрепляется тем фактом, что название *Cranae* означает «скалистые» на греческом языке. Высокие скалы о. Мён – геологическая достопримечательность для плоского Балтийского мира, тогда как в гористом греческом мире не имело бы смысла выделять какой-либо из множества скалистых островов, описывая его как таковой – и гомеровский остров Краная никогда не был идентифицирован в Средиземноморском регионе.

Самые красивые пляжи о. Мён находятся на небольшом полуострове Ульвсхале (*Ulvshale*), который выходит на залив Факсе и Прэстёфиорд, то есть гомеровский Лакедемон. Таким образом, полагает Винчи, корабль Париса после отплытия из Спарты со своей очаровательной пленницей, вероятно, бросил якорь на северном побережье о. Мён, на удобном пляже к западу от скал, и там начался один из самых романтических и самых роковых медовых месяцев в истории.

На о. Мён есть много неолитических гробниц и расположена деревня под названием Кранелед (*Kraneled*), которая является единственным топонимом в Дании с приставкой *krane-*. Что касается суффикса *-led*, это корень, который означает «ведущий» или «лидер» на датском языке. Учитывая, что Кранелед находится всего в одном километре от побережья, в самой юго-восточной точке острова, мы могли бы предположить, что в бронзовом веке – или, по крайней мере, когда остров все еще носил свое старое название – у него была гавань или пристань, вероятно, первое место, с которым сталкивались моряки, прибывающие с юго-востока Балтики, сразу после обрывов, где, конечно, очень трудно пришвартоваться. Таким образом, его новое название, Кранелед – «начало Краная» – возможно, сохранилось сегодня как последний отголосок древнего ахейского названия «скалистого» острова.

На этом этапе, предлагает нам Винчи, мы можем попытаться представить настроение этой молодой красивой царицы – черты которой смутно напоминают нам принцессу Диану, красивую и обаятельную, но, возможно, не подходящую для своей роли – после ее отъезда с острова, когда она долго смотрела с корабля Париса на те исчезающие белые утесы, на последний остающийся позади образ ее мира. Хотя Гомер в этой части не описывает Елену в подробностях,

мы можем обратиться к словам Лауры Орвието¹⁶⁶ и ее незабываемых «Рассказов мировой истории» (эта необычная книга, повествующая детям о Троянской войне, была написана в 1911 году и до сих пор издается в Италии):

«Сладкая магия, посланная Афродитой, заставила ее поверить всем словам троянского царевича, желать остаться с ним навсегда, мечтать о чудесном мире любви и радости в далеком городе, куда их нес корабль (...) И корабль неся со скоростью ветра, унося Елену все дальше и дальше...»

Пилос

С древних времен местонахождение гомеровского Пилоса было загадкой. В Древней Греции его название было даже синонимом «несуществующего места» или «места, которое невозможно найти», как говорил Аристофан в отрывке из своей комедии *Рыцари*. Страбон, со своей стороны, предложил довольно сложную теорию на эту тему, но пока никому не удавалось связать данные Гомера с вероятным местом. Как обычно, детали Гомера оказываются последовательно изложенными, но несовместимыми при их приложении к греческому миру. Леонард Палмер¹⁶⁷ в своих трудах *Микенцы и минойцы* честно признает что

«Современные исследователи, хоть и оказались наделены мощным инструментом структурированной науки, не более чем уточнили теорию Страбона».¹⁶⁸

В свою очередь, Фриц Граф откровенно заявляет, что «география микенского Пилоса совсем не та, которую предлагает Гомер».¹⁶⁹

Однако, полагает Феличе Винчи, перенесение действия поэмы из Средиземного моря на Балтику и отождествление гомеровского Пелопоннеса с датским островом Зеландия решает эту древнюю проблему. И подробности путешествия Телемаха из Итаки в Пилос, и последовательность в Каталоге кораблей показывают, что гомеровский Пилос лежал на западной стороне Зеландии. Богиня Афина послала Зефира (западный ветер), чтобы направить корабль Телемаха к городу Нестора, в то время как в греческом мире северный ветер был бы гораздо более подходящим для путешествия из Итаки в район Пилоса, расположенный на западной стороне современного Пелопоннеса. Первая половина пути Телемаха лежала ровно с запада на восток, пока его корабль не достиг побережья Зеландии, а затем на север, следуя вдоль западного побережья огромного острова, продолжая использовать западный ветер – древние корабли не могли идти против ветра, но могли использовать боковой ветер (рис. 14).

¹⁶⁶ Лаура Орвието (Laura Orvieto), итальянская писательница (1876 – 1953).

¹⁶⁷ Леонард Роберт Палмер (Leonard Robert Palmer), британский филолог (1906 – 1984).

¹⁶⁸ Palmer, Leonard. R. *Minoici e Micenei*, Torino 1969, p. 9.

¹⁶⁹ Graf, Fritz. *Il mito in Grecia*, Bari 1997, p. 52.

Рис. 14. Путь Телемаха из Итаки в Пилос, по Феличе Винчи

Добравшись до Пилоса, смелый сын Улисса оставил там свой корабль и продолжил путь по суше (в сопровождении Писистрата, сына Нестора) в Спарту, город Менелая. Принимая во внимание последовательность Каталога кораблей против часовой стрелки, с востока на запад по эту сторону Балтийского моря, где Итака упоминается после регионов Пелопоннеса и Дулихия, мы можем сделать вывод, что первые два из этих регионов, а именно Арголида Агамемнона и Лакедемон Менелая лежали на восточной стороне Зеландии, в то время как Пилос Нестора был расположен на северо-западе. Что касается Элиды, в *Илиаде* сообщается, что она была обращена к Дулихию, а значит, лежала на юго-западе (рис. 13).

Все это прекрасно вписывается в общую картину датских островов (рис. 12). Более того, как уже подчеркивал Винчи, датская обстановка позволяет сразу разрешить еще одно бесчисленное противоречие между гомеровской географией и греческим расположением, а именно – чрезмерную краткость путешествия Телемаха из Итаки в Пилос, которое, согласно *Одиссее*, продолжалось всего одну ночь. Это маловероятная продолжительность по сравнению с расстоянием в 100 морских миль между греческой Итакой и Пилосом! И наоборот, расстояние между Итакой-Люэ и датским Пилосом сокращается почти вдвое, что идеально соответствует продолжительности этого путешествия.

Согласно Гомеру, область Пилоса была довольно обширной и граничила с Арголидой Агамемнона (*Илиада* 9.153), Аркадией (*Илиада* 7.134) и Элидой (*Илиада* 11.671), что помогает объяснить, почему Нестор возглавлял не менее девяноста кораблей (*Илиада* 2.602) в ахейской армии – второй по величине флот после Агамемнона. Его обширная земля и размер его флота также объясняют, почему другие вожди так сильно уважали старого царя – даже высокомерный Агамемнон «очень почитал его» (*Илиада* 2.21).

Что касается границы между царствами Нестора и Агамемнона, в *Илиаде* перечислены семь городов, находящихся под властью Агамемнона, «у моря, в конце песчаного Пилоса» (*Илиада* 9.153). Эта деталь – еще одно из бесчисленных противоречий между гомеровской географией и

расположением греческого Пелопоннеса, где Арголида и Пилос не являются соседями, а лежат диаметрально противоположно друг другу – первая находится на северо-востоке, а второй – на юго-западе. Таким образом, в греческом мире граница у моря невозможна, в то время как в датской среде этого несоответствия не существует – Винчи вернется к этой теме, как только обнаружит положение гомеровской Элиды, т.е. региона, аналог которого в Средиземноморском греческом мире помещен между Арголидой и Пилосом, не позволяя им иметь общую границу у моря (рис. 4).

Положение Пилоса позволяет, согласно Винчи, решить и другой старый вопрос, связанный с рекой Алфей (*Alpheus*), «протекающей по стране пилийцев» (*Илиада* 5.545). В греческом мире эта строка стихов отмечена двумя очень серьезными нестыковками: одной географической, а другой морфологической: Алфей, самая длинная река Пелопоннеса, берет свое начало в Аркадии, далеко от Пилоса, и течет все дальше и дальше к северу-западу! Кроме того, большая часть ее потока проходит между горами Аркадии, поэтому она отнюдь не «широкая».

Теперь, если мы рассмотрим карту Зеландии, то увидим, что Сусо (*Suså*), самый большой водный путь и самая длинная река острова, в верхнем течении устремляется прямо к территории гомеровского Пилоса, который только что был идентифицирован. Таким образом, гомеровский *Алфей*, имя которого напоминает Винчи корень слова «река» в скандинавских языках (*älv* на шведском языке, *elv* на датском и норвежском), сегодня является рекой Сусо.

Такое отождествление с Алфеем, одним из самых многообещающих образов греческой мифической географии, дает Винчи ключ к решению еще одной проблемы: несоответствия между неровным греческим рельефом и местом действия событий, связанных с военным походом молодого Нестора на защиту города Фриоэсса – «высокий холм / вдали от Алфея, в конце песчаного Пилоса» (*Илиада* 11.711–712) – против осаждавших его эпейцев. Из упоминания Гомера исследователь делает вывод, что Алфей в своем верхнем течении отмечал границу между Пилосом и Элидой, где жили эпейцы, а «Фриоэсса, при броде Алфея» (*Илиада* 2.592), вероятно, был стратегическим местом на реке. Согласно подробному рассказу старого царя об этом приключении его юности – которое выглядит как реальное событие – после того, как его армия переночевала в Арене у устья реки Миньей, «к полудню мы достигли реки Алфей» (*Илиада* 11.726). Здесь пиллийцы напали на эпейцев и победили их:

*Мы гнались за ними по бескрайней равнине,
убивая их и прекрасное оружие их забирая.
Пригнали коней мы в Бупрасион, богатый пшеницей,
Где Оленийский есть камень и холм Алесийский (Илиада 11.754–757).*

Эта ссылка на «бескрайнюю равнину» хорошо согласуется с тем, что ранее описал Нестор:

*Мы от элейцев добычу богатую с поля погнали:
стад захватили коровьих полсотни и столько ж овечьих (Илиада 11.677–678)*

и увязывается с описанием Алфея, «который течет широко», а также с плавным путешествием Телемаха из Пилоса в Спарту.

Илл. 26. Злаковые поля о. Зеландия.

Легко заметить, отмечает Винчи, что мы очень далеки от неровной, гористой почвы Греции, где мы не могли найти такой ровный ландшафт, в то время как пейзаж, описанный старым царем, идеально подходит для равнинной территории Зеландии (рис.13): молодой Нестор двинулся на юг со своими солдатами от Пилоса к Арену – возможно, к современному датскому Арслеву (*Arslev*) – который лежал у реки Миньей, нынешнего Тудео (*Tudeå*). Имя реки Тудео (*Tudeå*) может напоминать имя воинственного отца Диомеда, Тидея (*Tydeus*), сыгравшего ведущую роль во время первой войны между ахейцами и фиванцами.

Отсюда пилийцы достигли Фриоесса, «брода Алфея» (*Илиада* 2.592), который, вероятно, был современным Треллэзе (*Traelløse*), лежащим примерно в 30 км к юго-востоку, на реке Сусо. Стоящая здесь возвышенность высотой 36 м могла быть Фриоеским холмом. После того, как пилийцы выиграли битву, они загнали эпейцев на свою территорию до самого Бупрасиона – возможно, датского Борсе (*Bårse*) – который находится в 30 км к юго-востоку. Что касается Аллесийского холма, то он может соответствовать еще одному подъему у Аллерслева (*Allerslev*), который находится на 5 км дальше в том же направлении. Однако, здесь – и вообще везде – очень важна не столько топонимия, сколько соответствие среды и морфологии мест, упомянутых поэтом. К слову, Саксон Грамматик рассказывает о военной экспедиции, которая внимательно следует за этим походом пилийцев: мы имеем в виду поход пирата Хакона, который ушел с места, где сейчас лежит Калундборг (*Kalundborg*), к реке Сусо, где он вступил в битву с датчанами (*Деяния данов* 7.8.2–3).

Из насыщенных событиями эпизодов, таких как ранний поход Нестора, по Винчи, вырисовывается чрезвычайно яркий и реалистичный образ жизни архаичных скотоводов и воинов – например, другой эпизод из *Илиады* повествует о «засаде / на реке, где скот идет в воду» (*Илиада* 18.520–521). Исследователь сравнивает этих древних людей с «ковбоями» раннего бронзового века, участвовавшими в непрерывных стычках, засадах, угоне скота и диких погонях по равнинам, холмам и рекам на северном, плоском европейском ландшафте: «вместо винчестеров и кольтов, их оружием были стрелы и копья, но события и их атмосфера, с привлечением персонажей, действительно напоминают сказки американского Запада – однако, это более заметно в оригинальном греческом тексте, чем в переводах».

В *Одиссее* город Нестора находится недалеко от моря, о чем можно сделать вывод как из прибытия корабля Телемаха (в начале песни 3), так и из другого отрывка: по возвращении из Спарты Писистрат отвел Телемаха на берег, где его товарищи, готовые к походу, ждали его; затем сын Нестора «загнал лошадей / обратно в город Пилос, и вскоре он добрался до своего дворца» (*Одиссея* 15.215–216).

Кроме того, после того, как Телемах и Писистрат покинули дворец Нестора по пути в Спарту

*Хлестнул лошадей, и охотно они полетели полем
и сзади себя оставили высокую крепость Пилос (Одиссея. 3.484–485).*

Эта «высокая крепость» подсказывает Винчи, что город Пилос стоял на возвышении. Он мог лежать на возвышении у моря, на западной стороне Зеландии, между Калундборгом и устьем реки Тудео, который пересекли пилийцы, когда направились прямо к Фриоессе. На этом побережье, в основном песчаном (что подтверждается в описании «песчаный Пилос»), не так много подходящих мест для древнего города. Однако мегалитическая гробница с геометрическими гравюрами, также использовавшаяся в бронзовом веке, находится на археологическом участке Ревехёй (*Raevehøj*) недалеко от Далбю (*Dalby*), почти напротив небольшого полуострова Реерсё (*Reersø*). В окрестностях есть и другие курганы. Менее чем в 10 км оттуда находится город Гёрлев (*Gørlev*): было бы заманчиво, пишет Винчи, сравнить это имя с *gerénios*, вторым именем Нестора (которое, согласно греческим мифографам, относится к городу Герене, где восстанавливался Нестор, когда Геракл опустошил Пилос). Морфология района Ревехёй, расположенного лишь немного выше уровня моря, соответствует гомеровскому описанию Пилоса. Однако окончательные будущие доказательства находятся в руках археологов.

Путь Телемаха в Спарту и обратно

Положение Лакедемона указывает, полагает Феличе Винчи, что Телемах пересек всю Зеландию с северо-запада на юго-восток на своем пути из Пилоса в Спарту, где он встретил Менелая. Вот почему мудрый Нестор посоветовал ему путешествовать по суше, а не по морю, что спасло его от плавания вокруг половины острова и значительно сократило его путь. *Одиссея* снабжает нас поучительными подробностями об этом путешествии, которое длилось два дня с промежуточной остановкой на ночь. Вот описание первого отрезка от Пилоса до Фер:

*На колесницу прекрасную встал Телемах.
Следом и Несторов сын Писистрат, мужей повелитель,
На колесницу взошел и взялся за вожжи.
Хлестнул лошадей и охотно они полетели полем
И сзади себя оставили высокую крепость Пилос.
Кони весь день напролет, ярмо сотрясая, неслися.
Солнце зашло, и все пути потемнели.
Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.
Сыном он был Ортилоха, рожденного Алфеем.
Там они ночь провели, радушие он оказал им (Одиссея 3.481–490)*

Далее описывается второй отрезок, от Фер до Спарты:

*Розовопалый забрезжил Рассвет.
Коней они запрягли и, на пеструю став колесницу,
Быстро к воротам на ней через портик помчались звонкий.
Коней он хлестнул, охотно они полетели.
Вскоре равнины достигли, богато заросшей пшеницей.
Там они кончили путь - так быстро домчали их кони.
Солнце зашло, и все пути потемнели.
Прибыли в низменный Лакедемон, окруженный холмами,
Ко дворцу Менелая колесницу примчали. (Одиссея 3.491–497, 4.1–2)*

В этом описании очевидным становится несоответствие между географией Гомера и морфологией греческого мира. Колесница быстро пересекает «равнину, богато заросшую пшеницей», совершенно непохожую на пересеченную территорию Греции. В частности, между греческими Пилосом и Спартой находится массив Тайгет (*Taygetus*), цепь гор длиной около 100 км, простирающаяся от центра Пелопоннеса до мыса Матапан (на нем находится самая высокая гора на Пелопоннесе высотой 2404 м).

Более того, если бы действие *Одиссеи* происходило в Греции, не было бы смысла совершать это путешествие по суше через горы; Телемах использовал бы свой корабль. То, что оправдывает выбор наземного путешествия, согласно Винчи – это равнинная местность и относительно меньший размер Зеландии по сравнению с греческим Пелопоннесом.

Следует также отметить, что в Спарте двух молодых людей принял царь Менелай, «владыка обширной равнины» (*Одиссея* 4.602): вот еще одно подтверждение того, что мы не в Греции.

Нелогичное путешествие Телемаха по земле в греческом мире не ограничивается морфологией. Существует заметное расхождение в хронологии – возможно, результат неудобной попытки продлить время поездки героя, учитывая, что его путешествие в Спарту кажется слишком коротким в греческой реальности. Винчи предлагает рассмотреть оба этапа и время путешествия Телемаха из Пилоса в Спарту:

Первый этап (от Пилоса до Фер): Телемах – гость в доме Нестора в Пилосе. После торжественного жертвоприношения и прощального утреннего банкета – для этих народов был обычным делом обильный и очень ранний обед, и затем ужин вечером – он и Писистрат, сын Нестора, уезжают на колеснице в Феры. Они прибывают в Феры около заката: «Солнце зашло, и все пути потемнели» (*Одиссея* 3.487).

Второй этап (от Фер до Спарты): в наступившее утро двое молодых людей отправились из Фер в Спарту. Здесь повторение строки «Солнце зашло, и все пути потемнели» (*Одиссея* 3.497) подчеркивает, что эти двое прибыли в Спарту на закате или сразу после него. Это, однако, противоречит остальной части эпизода в Песне 4, где прибытие в Спарту ясно изображено как происходящее утром, а не вечером! Действительно, когда Телемах и Писистрат прибыли во дворец Менелая, они наслаждались роскошным ранним «обедом [*deîrnon*]» (*Одиссея* 4.61). После серии приветствий и приятных бесед с хозяином и его супругой Еленой они отужинали [*dôrpon*] (*Одиссея* 4.213), а затем удалились на ночь (*Одиссея* 4.294–303).

Разные значения слов *deîrnon* («завтрак или обед») и *dôrpon* («ужин») очевидны во всех стихах. Более того, в отрывке из *Одиссеи*, относящемся к дню убийства женихов, они противопоставляются намеренно: «[женихи] закончили обед [*deîrnon*], смеясь (...), но быть печальней не мог бы тот ужин [*dôrpon*]» (*Одиссея* 20.390–392).

Винчи предлагает две возможности объяснить это несоответствие: либо путешественники спят вторую ночь в конце второго этапа своего путешествия в месте, о котором Гомер забывает упомянуть – но это маловероятная гипотеза, учитывая, что поэт обычно очень точен в своих высказываниях, описаниях и расчетах – либо второе появление строки «Солнце зашло, и все пути потемнели» (*Одиссея* 3.497) – лишь более поздняя повторенная вставка. Если ее убрать, все возвращается на свои места:

*...они кончили путь - так быстро домчали их кони.
Прибыли в низменный Лакедемон, окруженный холмами,
Ко дворцу Менелая колесницу примчали.*

Это показывает, что они прибыли в то же утро, как раз вовремя, чтобы принять участие в свадебном банкете, проходившем во дворце. Эта гипотеза, которая поддерживает строчку «*так быстро домчали их кони*», кажется намного более правдоподобной.

Подводя итог, Винчи считает, что собственно путь из Пилоса в Спарту занял менее суток: первый отрезок, от Пилоса до Фер, отнял время от позднего утра до заката, а второй отрезок, от Фер до Спарты, был еще короче: рано утром. Из этого, говорит нам исследователь, можно заключить, что Феры были ближе к Спарте, чем к Пилосу, что вызывает вопрос, почему Телемах решает остановиться в Ферах вместо того, чтобы следовать сразу в Спарту. Винчи считает, что мы можем ответить на этот вопрос, предположив, что, если не считать рисков ночного путешествия, приходиться к чьему-то дому поздно ночью считалось неприличным, так же, как и сейчас, особенно когда хозяин – такой могущественный царь как Менелай.

Изучение условий средиземноморской географии в Греции делает маловероятным, чтобы путешествие из Пилоса в Спарту могло занять такое короткое время – и, с другой стороны, является реалистичным в балтийском мире в Дании. Современная национальная дорога №82 в

Греции, которая соединяет Спарту с Пилосом через Каламату, длиной 110 км, поднимается от уровня моря до высокого перевала высотой более 1300 м – очень отличается от ровного пути, описанного в *Одиссее*. Можно представить себе трудности тех, кто отважился бы подниматься по местным тропам на колеснице более 3000 лет назад!

Становится также объяснимой предложенная версия, почему древнегреческий бард *мог повторно вставить* строку «Солнце зашло, и все пути потемнели»: по-видимому, с целью искусственно удлинить второй этап путешествия, чтобы прибытие в Спарту произошло вечером, в конце второго дня пути, а не утром – одним словом, чтобы увеличить время пути и сделать его более совместимым с греческой реальностью. При этом вставка в текст Гомера была скопирована у Гомера же – поистине, нельзя было найти более надежное средство успокоить свою совесть!

Однако, хотя задержка во времени прибытия в Спарту и вносит некоторое улучшенное соответствие с греческой географией этой благословенной поездки, тем не менее, согласно Винчи, дает огромную «течь» в логике повествования, так как приводит к гротескному «гастрономическому марафону», с обедом и затем ужином в один и тот же вечер.

Эта история приема гостей, тем не менее, длинная и отличается необычайным реализмом, который проявляется в удивительных деталях, таких как «сонный напиток», который Елена дала своим гостям после обеда, чтобы облегчить их сон (*Одиссея* 4.219–233) – бдительное око хозяйки явно заметило напряжение двух молодых людей. Елена получила это лекарство (*pharmakon*) от «египетской» женщины (*Одиссея* 4.229) – и Гомер добавляет, что каждый в стране этой женщины является экспертом по лекарствам, потому что земля производит их там в изобилии (*Одиссея* 4.229–232). Примечательно, что, как мы скоро убедимся, гомеровская «река Египет» может соответствовать реке Висла на территории современной Польши – где, неподалеку от Долича (*Dolic*), в больших мегалитических гробницах найдены, в том числе, остатки разнообразных лекарственных снадобий.¹⁷⁰

Если путешествие Телемаха вызывает проблемы в греческом мире, то в датском, по Винчи, оно «идеально». Касательно остановки Телемаха через две трети пути в Ферах, отмечает исследователь, примерно в двух третях пути между западной и восточной сторонами Зеландии находится посёлок Фёрслев (*Førslev*), напоминающий своим названием Феры, и находящийся очень близко к главной реке острова, Сусо, идентифицируемой нами с рекой Алфей, которая у Гомера напрямую связана с Диоклом, правителем Фер. На датском острове Зеландия (рис. 13) на пути, соответствующем первому этапу, то есть между Ревехёй (вероятно, гомеровским городом Пилос) и Фёрслевом-Ферой, лежит около 50 км плоской земли, которую колесница может преодолеть за полдня, как и повествует Гомер. Что касается второго этапа, то еще более короткое расстояние, около 20 км, между Фёрслевом-Ферой и Форупом-Фарисом, соседом Спарты в Лакедемонне, согласуется с описанием быстрого утреннего путешествия, позволившего двум молодым людям прибыть в Спарту вовремя к раннему обеду: «Вскоре равнины достигли, богато заросшей пшеницей / Там они кончили путь – так быстро домчали их кони» (*Одиссея* 3.495–496).

Отсюда вытекает еще одно соображение: поскольку Феры лежали недалеко от Спарты, у Телемаха не было причин делать еще одну остановку в них на обратном пути в Пилос, в отличие от того, что повествуется в Песне 15 *Одиссеи*.

Винчи предлагает подробно рассмотреть этот эпизод. Утро отъезда Телемаха из Спарты было, скорее всего, третьим днем его пребывания там, если учесть, что на следующий день после его прибытия Менелай лично предоставил ему информацию об Улиссе (*Одиссея* 4.316–331, 4.555–560). Можно предположить, что на следующий день Телемах, у которого больше не было причин оставаться на Пелопоннесе, проснулся «до рассвета» (*Одиссея* 15.50), преисполненный желанием вернуться домой (*Одиссея* 15.66), что является естественной реакцией на критическую ситуацию, требовавшую решения на Итаке. Вскоре после пробуждения он встретил Менелая, который приказал немедленно подать завтрак [*deîpnon*] (*Одиссея* 15.94), после чего Телемах отбыл со своим другом Писистратом. Телемах так хотел вернуться на Итаку, что даже не стал снова останавливаться во дворце Нестора в Пилосе, говоря: «Я должен вернуться домой как можно скорее» (*Одиссея* 15.201), хотя он знал, что

¹⁷⁰

<https://www.archaeology.org/news/4228-160302-poland-megalithic-tombs>

Нестор «был бы в ярости» (*Одиссея* 15.214) от такого неуважения. Тем не менее, он направился прямо к берегу в Пилосе, туда, где был оставлен его корабль, и сразу же отправился на Итаку (*Одиссея* 15.209–210).

Из этой хронологии, считает Винчи, можно предположить, что первоначальная версия *Одиссеи* не предусматривала какой-либо промежуточной остановки в Ферах на обратном пути: двое молодых людей покинули Спарту в большой спешке сразу после раннего завтрака и достигли берега в Пилосе без остановки – вечером того же дня, что согласуется с тем фактом, что последующее отплытие к Итаке произошло ночью.

Более того, отмечает Винчи, девять строк, касающихся остановки на обратном пути в Ферах (*Одиссея* 15.184–192), *дословно скопированы* из строк, относящихся к первоначальной поездке из Пилоса в Спарту (*Одиссея* 3.486–494). Возникает вопрос, не являются ли они еще одной *вставкой* пересказывавшего поэму греческого барда. Обоснование неизвестного «редактора» этой истории могло быть тем же: путешествие между Пилосом и Спартой оказывается слишком коротким, чтобы соответствовать греческой географии. Если на пути в Спарту потребовалось продлить путешествие до вечера второго дня (в нарушение остального повествования) – то завершение обратного пути за один безостановочный день в средиземноморской греческой реальности выглядело и вовсе абсурдным. Соответственно, наиболее логичным оказалось добавить еще одну остановку в Ферах на обратном пути к кораблю, несмотря на то что, учитывая непосредственную близость между Ферами и Спартой – такая остановка во время поспешного путешествия не имела никакого смысла.

Эти повторные вставки, считает Винчи, служат ярким примером потери исторической памяти о догреческом мире *Одиссеи*, и делает предположение, что они были добавлены уже после падения микенской цивилизации в XII веке до н.э. (последние микенцы могли все еще знать, что эти сказания не касались их нового дома, а относились к их предкам и древней северной родине). Крах микенского мира и наступление темных веков эллинской эпохи, по мнению Винчи, не помешали передаче поэм, однако, стерли все оставшиеся воспоминания об исходной географии гомеровского эпоса, оказавшегося перенесенным в измерение вне пространства и времени.

Также вероятно, что некоторые изменения (достаточно вспомнить, как ель превратилась в оливковое дерево) были произведены *при обретении этими древними устными преданиями своей письменной греческой формы*, в результате чего обе поэмы оказались донесены до нас в том виде, в каком мы их знаем сегодня.

Облачение эпоса в письменную форму, предполагает Винчи, заставило некоторых греческих бардов, этого коллективного «Гомера», задуматься о содержании поэм и приспособить их к реальности своего нового мира – в то время как устный пересказ заученных стихов обычно не позволяет их критического осмысления.

Здесь может быть полезна общая иллюстрация: история Телемаха в *Одиссее* занимает десять дней, кратко разделенных Винчи следующим образом:

- *Первый день*: Телемах встречается на Итаке с Ментесом, который убеждает его начать действовать.
- *Второй день*: проходит народное собрание Итаки, после которого вечером Телемах отправляется в Пилос.
- *Третий день*: Телемах прибывает наутро в Пилос и встречается с Нестором.
- *Четвертый день*: Телемах и Писистрат отправляются из Пилоса на колеснице и добираются в Феры.
- *Пятый день*: утром двое молодых героев прибывают во дворец Менелая, обедают, беседуют с Еленой, а затем ужинают с хозяевами.
- *Шестой день*: Телемах наедине беседует с Менелаем о судьбе Улисса.
- *Седьмой день*: рано утром Телемах и Писистрат в спешке отправляются из Спарты в сторону Пилоса, где стоит корабль Телемаха, и затем вечером он отправляется на Итаку.
- *Восьмой день*: прибытие на Итаку, встреча с Евмеем и Улиссом (лже-Улиссом, как мы выясним далее).
- *Девятый день*: Телемах возвращается в имение отца, чтобы подготовиться к расправе над сватавшимися к Пенелопе женихами.

• *Десятый день*: Расправа над женихами.

Можно сказать, что эти десять дней составляют основу повествования *Одиссеи*, что подтверждается огромной стратегической ценностью, которую богиня Афина (принявшая форму Ментеса) придает путешествию Телемаха, когда встречает его в начале поэмы.

Вторая повествовательная часть *Одиссеи* – странствия Улисса для его возвращения на Итаку после окончания Троянской войны – занимают около трети поэмы. Эти странствия разделены на историю путешествия Улисса из Огигии на Итаку, включая остановку в Схерии, и рассказ Улисса от первого лица при феакском дворе о своих злоключениях после Троянской войны до прибытия на остров Огигия.

Существует значительная разница между повествованием о «десяти днях» и историей возвращения Улисса. Первое характеризуется настолько замечательным реализмом, что нельзя полностью исключить вероятность, что было основано на фактических событиях.

Странствия Улисса, с другой стороны, имеют тенденцию к «полетам фантазии» и насыщены чрезвычайно архаичными шаманистическими сюжетами, которые временами кажутся относящимися к изначальному наследию Старого Света. Тем не менее, как мы уже многократно убеждались, после восстановления странствий Улисса в их первоначальном северном мире, даже эта часть *Одиссеи* демонстрирует множество связей, включая реалистичную точность географических деталей северных норвежских побережий и островов. Последнее, подытоживает Феличе Винчи, побуждает нас предположить, что повествование о странствиях Улисса могло быть вдохновлено утерянным устным преданием феаков, «знаменитых мореплавателей», переселившихся с севера Норвегии.

Из вставок в описания в *Одиссее* путешествия Телемаха на соседние острова можно понять, насколько древние греки были озадачены гомеровской географией, топонимы которой казались им знакомыми, но которая на самом деле была полна странных неразрешимых аномалий и загадок.

Аркадия и Элида

Идентифицировав Арголиду, Лакедемон и Пилос, Феличе Винчи предлагает далее добавить Аркадию и Элиду к картине гомеровского Пелопоннеса (рис. 13). Аркадия была расположена рядом с Пилосом, как следует из эпизода, в котором Нестор рассказывает об одной из стычек между соседними племенами (*Илиада* 7.134). Помимо этого, Гомер предоставляет нам довольно конкретную информацию об аркадцах: Агамемнон «дал им хорошие корабли, чтобы на них переплыли они винно-черное море / поскольку не имели они опыта мореплавания» (*Илиада* 2.612–614). Это заставляет Винчи предположить, что Аркадия не имела выходов к морю и лежала рядом с территорией Агамемнона, то есть ближе к центру Зеландии.

Путешественник, покидающий Копенгаген и направляющийся в глубь Зеландии по дороге из Роскилле (*Roskilde*) в Соро (*Sorø*), вскоре почувствует себя погруженным в особую «аркадскую» атмосферу. Мягкий холмистый пейзаж, ручьи, стада крупного рогатого скота и даже растительность – всё вызывает ощущения, которые могут понять только те, кто побывал в этих местах. Здесь, в Аркадии, стояла мифическая гора Циллен (*Cyllene*), «около гробницы Эпита» (*Илиада* 2.603). Мы можем связать Циллен с Гильденловес Хёй (*Gyldenløveshøj*), самой высокой точкой в Зеландии. Приятная тропа через густой лес, покрывающий склоны, позволяет с легкостью достичь самой вершины. В конце тропы стоит военный памятник – в определенном смысле знак того, что это место и до недавних пор оставалось почетным.

Наконец, чтобы полностью реконструировать план ахейских поселений в Зеландии, мы должны очертить «прекрасную Элиду, где правят эпейцы» (*Одиссея* 13.275). Мы уже выяснили, Элида граничила с Пилосом, который находится на северо-западной стороне Зеландии. В Каталоге кораблей также упоминаются «корабли из Дулихия и священных Эхинейских / островов, лежащих за морем напротив Элиды» (*Илиада* 2.625–626).

По этим подсказкам мы можем определить, что Гомеровская Элида простиралась вдоль юго-западного побережья Зеландии, обращаясь к Дулихию (Лангеланду) и Эхинейским островам, то есть современным Фальстеру и Лолланду, южному побережью Зеландии. Любопытно сравнить, замечает Феличе Винчи, название Фальстер с филистимлянами, которые, по мнению некоторых ученых, связаны с народом пелесетов, упомянутом среди «народов моря»

в египетских документах. Считается, что они были греческого происхождения и с ними связывают название Палестина.

После расположения на Балтике мы можем понять, почему Гомер представляет Арголиду и Пилос смежными по морю (*Илиада* 9.149–153; 291–295), в то время как в греческой географии Элида расположена между этими двумя регионами. Ключ к разгадке состоит в том, что Гомер помещает Элиду напротив Дулихия (*Илиада* 2.626), то есть лицом к архипелагу Итаки. В балтийской обстановке этот архипелаг расположен к юго-западу от Зеландии и, таким образом, датская Элида была обращена на юго-запад. Следовательно, гомеровский Пилос лежал к северу от Элиды, граничив с Арголидой вдоль моря, как и утверждается в *Илиаде* (рис. 12, 13).

И, наоборот, в греческом мире Ионические острова (архипелаг Итаки) лежат к северо-западу от Пелопоннеса и Элиды (рис. 4). В результате греческая Элида зажата между Пилосом, который находится южнее, и Арголидой, создавая невозможность их соприкосновения на морском побережье, что противоречит описанию в *Илиаде*.

Нетрудно усмотреть, подчеркивает Винчи, ключевую роль острова Дулихий (Лангеланда) в этой реконструкции гомеровского мира: он служит своего рода «стыком» между регионами Пелопоннеса (Зеландия) и Итакой (Люэ), и, таким образом, подытоживает Винчи, идеально соответствует всем деталям, предоставленных нам Гомером. Остров Дулихий (в переводе с греческого «*dolichós*» – «долгий, длинный»), неоднократно упоминается не только в *Одиссее*, но и в *Илиаде* – однако, его так и не обнаружили на Средиземном море.

Маршрут, которым следует Телемах, чтобы вернуться из Пилоса на Итаку, совпадает с этой трактовкой: его корабль «прошел мимо прекрасной Элиды, где правят эпейцы / Затем он направил его к островам» (*Одиссея* 15.298–299). Это доказывает, что Пилос лежал вдоль северо-западного побережья Зеландии, к северу от Элиды и самой северной точки Дулихия (Лангеланда). Дальнейшее подтверждение можно найти и в географических деталях войны между пилийцами и эпейцами (когда последние были побеждены молодым Нестором), что также увязывается с равнинностью (а не гористостью) этой территории.

Более того, согласно Каталогу кораблей, территория Элиды простиралась на юг до Мирсина, который определен как «последний» (*Илиада*, 2.616). Было бы заманчиво отождествить гомеровский Мирсин с современным поселком Мерн (*Mern*), расположенным всего в 10 км от самой южной точки Зеландии. В Каталоге он описывается как находящийся рядом с Бупрасионом и Алессийским холмом, которые также упоминаются в связи с разгромом эпеев после битвы при Фриессе. Любопытно, что неподалеку от датского Мерна находятся созвучные городки Борсе (*Bårse*) и Аллерслев (*Allerslev*, рис. 13). Как обычно, сходство географических названий усиливает поразительные географические соответствия (хотя само по себе и не является доказательством).

В качестве дополнительного подтверждения северной обстановки, Гомер неустанно ссылается на туман, когда Нестор рассказывает о битве при Фриессе и упоминает двух близнецов Молионов, о которых мы говорили ранее при рассмотрении достоверности гомеровских генеалогий:

*Я собирался убить двух молодых Молионов, сыновей Актора,
но отец Посейдон, могущественный Сотрясатель Земли
спас их от битвы, укрыв густым туманом. (Илиада 11.750–752)*

В точности то же случилось с Агенором, который перед Троей спасся от ярости Ахиллеса благодаря туману, ниспосланному Аполлоном. В самом деле, климат Пелопоннеса в описаниях Гомера довольно суров, как уже мы видели и по «тяжелым одежаниям» (*Одиссея* 4.50), в которые облачен Телемах на банкете, проводимом во дворце Менелая в Спарте.

На этом Феличе Винчи завершает реконструкцию гомеровского Пелопоннеса. Эта задача оказывается невыполнимой на греческой земле, но решается на острове Зеландия, где Арголида лежала на северо-востоке, Лакедемон на юго-востоке, Пилос на северо-западе, Аркадия в центре и Элида на юго-западе перед Дулихием-Лангеландом (рис. 13). Все это хорошо согласуется с географическими данными, содержащимися в двух поэмах; и, с другой стороны, позволяет немедленно решить многие древние проблемы, связанные с гомеровской географией, такие как невозможность локализовать острова Дулихий и Краная; непонятное расположение Пилоса; казалось бы, странное путешествие Телемаха (как с точки зрения географии, так и с

точки зрения хронологии) из Пилоса в Спарту; абсурдный путь Агамемнона от Трои до Микен через мыс Малей, расположенный намного южнее такого маршрута (рис. 4); не говоря уже о «невозможной» границе между Арголидой и Пилосом – и все это происходит в метеорологической обстановке, очень отличающейся от греческой. Более того, решение этих тысячелетних загадок идеально согласуется с единой картиной всего первозданного ахейского мира вдоль побережья Балтийского моря.

Этолия

Следуя мимо архипелага Итаки, в Каталоге кораблей говорится, что

*Фоас, сын Андромона, возглавил этолийцев,
что жили в Плевроне, Оленусе, Пилене,
Халкиде и Калидоне. (Илиада 2.638–640)*

В районе Балтийского моря, к которому ведет это описание, жили древние юты, давшие свое название Ютландии. Было бы заманчиво, полагает Феличе Винчи, сопоставить ютов с этолийцами, учитывая расположение их территорий, и предположить, что юты в самом деле произошли от этих «храбрых» людей (*Илиада* 9.529).

Этолийские города Оленос (*Olenus, Ōlenos*), Пилен (*Pylene*) и Калидон (*Calydon*) Винчи идентифицирует с современными Волин (*Wolin*), Плён (*Plön*) и Киль (*Kiel*) соответственно. В Раннем Средневековье Волин был местом многоэтнического торгового центра, известного как Юлин (*Julin*). Что касается Калидона (*Calydon*), города «белокурого Мелеагра» (*Илиада* 2.642), то он считался «приятным городом» (*Илиада* 9.531), но в греческой реальности, как отмечает Фриц Граф, «это противоречит его горному положению».¹⁷¹ Строка стиха из *Илиады* подтверждает, что он лежал на равнинной местности, «там, где плодороднейшие части милой равнины Калидона» (*Илиада* 9.577).

Крит, «обширная земля»

Гомеровский Крит очень важен в греческой мифологии, но его расположение на Средиземноморье демонстрирует множество несоответствий, отмечает Феличе Винчи. В *Одиссее* Крит описывается как «обширная земля» со «множеством рек», которую Гомер никогда не называет островом. В *Одиссее* и *Илиаде* также говорится о присутствии «множества народов» и почти сотни городов и подчеркивается их воинственный характер. Так, город Гортин (*Gortyn*) был «окружен стенами» (*Илиада* 2.646), что, однако, противоречит удивительному отсутствию оборонительных сооружений в минойских поселениях на эгейском Крите.

Как утверждает Пьер Видаль-Наке,¹⁷² также «в минойско-критском искусстве нет ничего, что иллюстрировало бы какие-либо известные легенды»,¹⁷³ несмотря на важность Крита в гомеровских поэмах и в греческой мифологии. И, хотя минойская цивилизация эгейского Крита богата изобразительным искусством, рисунки кораблей очень скудные.

Ко всему этому Винчи добавляет, что последовательность Каталога кораблей, где Крит почти сразу же следует за Этолией – регионом континентальной Греции, находящимся далеко от Крита – географически абсурдна на Средиземноморье.

Напротив, при перенесении в Балтийский мир последовательность Каталога кораблей показывает, что «обширная земля» Крита лежала на территории современной Померании, побережье которой является балтийским аналогом эгейского побережья Крита. В действительности, при сравнении Эгейского моря с Балтийским, первое, что бросается в глаза – это сходство между положением средиземноморского Крита по отношению к Эгейскому морю и положением Померанского побережья по отношению к Балтийскому морю. Оба они ориентированы с запада на восток и очерчивают южную границу соответствующих морей.

¹⁷¹ Graf, Fritz. *Il mito in Grecia*, Bari 1997, pp. 49–50.

¹⁷² Пьер Видаль-Наке (Pierre Vidal-Naquet), французский историк-эллинист (1930 – 2006).

¹⁷³ Vidal-Naquet, Pierre, *Introduzione all'Iliade*, Turin, Einaudi 1991.

Расположение гомеровского Крита на южном берегу Балтики также соответствует условию близости к Афинам, отмечает Винчи. Померанское побережье обращено к югу Швеции, а также к области Карлсруны, где, как определил исследователь, лежали гомеровские Афины, и близлежащему Торхамну, то есть древнему аттическому городу Торикус у мыса Сунион, который, согласно греческой мифологии, был обращен к Криту.

Кроме того, внутренние районы южного побережья Балтийского моря простираются на обширной территории, включая хорошо орошаемую территорию Померании. Во всех отрывках, где Гомер упоминает Крит (четыре раза в *Илиаде* и пятнадцать раз в *Одиссее*), поэт никогда не называет его «островом» (*nēsos*). Напротив, он определяет его как богатую, красивую, «обширную землю» – прилагательное *eureia*, «обширный», по Винчи, используется не менее семи раз по отношению к Криту – полному «рек и ручьев» и «множества народов» (*Одиссея* 19.174). Примечательно, что Крит – единственный регион, который Гомер характеризует таким образом:

*Здесь проживало много разных народов:
ахейцы, великодушные этеокриты, кидонцы,
Три клана дорийцев, благородные пеласги (Одиссея 19.175–177)*

Согласно *Одиссее*, на Крите было *девятьсот городов* (*Одиссея* 19.174); а в Каталоге кораблей *Илиады* говорится о *сотне городов* (*Илиада* 2.649). Из этого стойкого упоминания, не связанного с какой-либо другой областью гомеровского мира, Винчи делает вывод, что Крит был одним из крупнейших и наиболее густонаселенных регионов, которые ахейцы населяли на своей балтийской родине.

Длинный, узкий и сухой средиземноморский Крит недостаточно велик для того, чтобы служить домом и для множества различных народов, которые, согласно Гомеру, селились на «обширной земле», не говоря уже о том, чтобы вместить около сотни городов. Нет здесь и рек, достойных упоминания, а прекрасное море эгейского Крита сильно отличается от «туманных» или «темных» вод, описанных поэтом.

Также в греческом мире, хотя Эгейское море намного уже, чем Балтийское, расстояние между Афинами и Критом существенно длиннее, и они ни в коем случае не находятся в непосредственной близости, подчеркивает Винчи.

Дополнительным доказательством померанского окружения гомеровского Крита, по Винчи, является рассказ о том, что случилось с Улиссом во время его плавания из Итаки к стенам Трои, чтобы принять участие в войне:

*Ветра ярая сила, в то время как в Трою он плыл,
К Криту загнала его, отбивши от мыса Малей.
Стал он в Амнисе. Пещера богини Илифии есть там (...)
Целых двенадцать там дней богоравные ждали ахейцы,
Так как дул Борей, столь яростный, что и на суше стоять
Было нельзя. (Одиссея 19.186–188; 199–201)*

В самом деле, если от балтийского аналога мыса Малей – возвышенности у моря, где находится мегалитический памятник *Ales Stenar* – корабль унесет северным ветром (Бореем) прямо на юг, он достигнет острова Рюген, или померанского побережья, недалеко от устья Одера. Что касается гомеровского Амниса (*Amnisus*), то, по предположению Винчи, он может соответствовать современному городу Кемниц (*Kemnitz*) близ Любмина, на побережье германской Померании.

С флотом Менелая произошла похожая история около «высокого подъема Малей»:

*После того как и он в винно-темное выехал море
В полых своих кораблях и возвышенья Малей
Быстро достиг, приготовил ужаснейший путь ему дальше
Зевс протяженно гремющий: направил дыханье свистящих
Ветров и волны тяжелые вздыбил, большие, как горы.
Там, разделив корабли, одни из них к Криту погнал он,
Где возле теченья Иардана обитали кидонцы.
Есть над водою утес, высокий и гладкий,*

На море туманном, у крайних пределов Гортины. (Одиссея 3.286–294)

Здесь Гомер упоминает реку Иардан (*Iardanos*), «где живут кидонцы (*cydonia*)» (*Одиссея* 3.292). Возможно, предполагает Винчи, современная Цедыня (*Cedynia*) на реке Одер могла быть последним воспоминанием о кидонцах и реке Иардан (которая никогда не была найдена на эгейском Крите). Цедыня – очень старинный город, название которого в письменных источниках впервые упоминается в 972 году как *Cidini*. Более того, расположенное всего в 9 км от Одера местечко Гардно (*Gardno*) может напомнить нам о гомеровской реке *Иардан* (либо имя самой реки *Одер*).

Что касается гомеровского Гортина-града (*Gortyn*), где есть «крутой утес в море» (*Одиссея* 3.293), то, согласно Винчи, это мог быть сегодняшний Гёрен (*Göhren*), недалеко от мыса Нордперд, самой восточной точки острова Рюген. «Камень, отражающий волны» (*Одиссея* 3.296), может быть Бускамом (*Buskam*), ледниковым неустойчивым валуном, в 330 метрах от побережья Гёрен. Искусственные пещеры в скалистых утесах указывают на то, что в доисторические времена Бускам использовался как место языческих ритуалов.

В строках *Одиссеи* 3.295–296, «Борей гонит большие волны к мысу слева, к Фесту (*Phaistos*)». На побережье Рюгена, слева от Гёрена, не доходя до валуна Бускама, расположен город Засниц (*Sassnitz*) у широкого мыса. На его территории имеются важные археологические объекты, относящиеся к неолиту и бронзовому веку: много крупных гробниц и каменных курганов, возможно, являющихся гомеровским Фестом.

Рюген был заселен еще со времен каменного века, и по всему острову находится множество древних археологических объектов, таких как мегалитические гробницы и алтарные камни. В бронзовом веке Рюген мог считаться частью «обширной земли» балтийского Крита. Также возможно, предполагает Винчи, что название мыса Аркона (*Arkona*), северной оконечности Рюгена, соответствует греч. *akron* – «мыс», и *akrōs* – место «на крайнем пределе, в высшей точке».

Достаточно взглянуть на остров Крит, считает Винчи, чтобы понять, что положения эгейских Гортина и Феста не имеют ничего общего с указаниями Гомера, тогда как необычайное соответствие этих мест у южного берега Балтики представляет собой еще одно убедительное доказательство северного расположения гомеровского Крита и мира Гомера в целом.

В *Одиссее* используется своеобразное прилагательное для обозначения Крита, термин, который не встречается больше нигде в поэмах Гомера: *perirrhytos* (*Одиссея* 19.173) – «у волн» – соответствующий названию Померании, которое происходит от старославянского «ро море», «у моря», «приморье». Впервые в письменных источниках название Померания упоминается в 1046 году. Однако, и все остальные регионы Балтии находятся «у моря», но только Померания носит такое название. Аналогично, и многие земли гомеровского мира находятся «у волн», но Гомер использует термин *perirrhytos* только в отношении Крита. Соответственно, *perirrhytos* могло быть не общим прилагательным, а точным географическим выражением, однозначно присвоенным Гомером этому региону – считавшемуся «землей у моря» *par excellence* с древнейших времен.

Балтийские берега в Померании знамениты своими меловыми скалами (*rupes creta* в латыни, *Kreidefelsen* по-немецки, *kriklippor* по-шведски, *kriitaklintis* по-латышски, *kriidikaljud* по-эстонски) – и гомеровский *Krit* может нести данную специфическую морфологическую характеристику в своем имени.

Между прочим, замечает Винчи, суровый климат Померании объясняет также, почему на гомеровском Крите Улисс одевал «пурпурный плащ толстый и двойной» (*Одиссея* 19.225–226) и получил другой похожий «двойной» плащ в подарок от друга (*Одиссея* 19.241).

Возможно, что Минос, мифический царь Крита, чьим внуком был Идомей, критский царь, сын Девкалиона, один из героев *Илиады* (*Одиссея* 19.182), жил в современной Померании, и в ней Минотавр был убит афинским героем Тесеем в лабиринте. Лабиринт типичен для северных культур и был построен Дедалом на Крите по приказу Миноса. В скандинавской и германской мифологии Велунд – аналог Дедала – после заключения в лабиринте сумел сделать крылья и улететь на свободу. Любопытно, что в северной Германии, примерно в тридцати километрах от Щецина, есть место под названием Дедело (*Dedelow*), известное своим дольменом. Топонимы и

имена героев мифологического мира Крита, такие как Кнос, Фест, Минос, Ариадна, Дедал – могли быть перенесены из Балтийского мира.

Винчи также отмечает, что неподалеку от Дедело и Цедыни обнаружено место великого сражения бронзового века на реке Толлензе, которое археологи относят к XIII веку до н.э. Факт их близкого расположения дает пищу для размышлений: вероятно, в эпоху бронзового века на этой территории происходило множество важных событий.

Исследуя отношения между Афинами и Критом, Винчи также внимательно перечитывает знаменитый миф о Тесее и Минотавре: это был период, когда Афины находились под властью критян и потому были вынуждены посылать «семь юношей и семь девушек» каждый год в жертву Минотавру в его критский лабиринт, пока Тесей не отплыл из Афин на Крит, чтобы убить Минотавра и освободить афинян *от дани*.

В этом мифе упоминается остров Наксос (*Naxos*) на пути между Афинами и Критом. В Наксосу Тесей оставил Ариадну – где на обратном пути она помогает афинскому герою. Примечательно, что на полпути между шведской Карлсруной-Афинами и Померанией-Критом мы наталкиваемся на остров Борнхольм с его портом Нексё (*Nexø*) – находящимися в том месте, где мы предположительно и должны были бы найти Наксос (рис. 12). Имеются на Борнхольме и другие интересные географические названия. Так, название небольшого порта на севере острова, Тейн (*Tejn*) – напоминает *Diē*, альтернативное имя Наксоса в *Одиссее* (11.325). Поскольку эти топонимы расположены на побережье и относятся к портам, можно предположить, что их названия связаны с именами, дававшимися древними моряками всему острову, лежавшему на пересечении морских торговых путей.

Винчи усматривает нордическую параллель с мифом о Тесее и в средневековом романе о Тристане и Изольде, где король Корнуолла должен был ежегодно платить королю Ирландии *дань в виде юношей и девушек*, пока Тристан не победил ирландского короля Моргольта и не освободил свой народ. То, что эта параллель не случайна, подтверждается эпизодом, когда Тристан повелевает Кахедину плыть с белыми парусами, если последний привезет Изольду, и с черными парусами – если нет. Изольда соглашается вернуться к Тристану с Кахедином, но ревнивая жена Тристана лжет ему о цвете парусов – и, как следствие, Тристан умирает от горя. Аналогичным образом, когда Тесей отправляется на Крит, его отец Эгей говорит ему поднять белый парус при возвращении, если ему удастся убить Минотавра. Однако, когда Тесей возвращается, он забывает эти инструкции. При виде черного паруса, приближающегося к Афинам, Эгей бросается в море и тонет, полагая, что его сын был убит.

На Крите, согласно греческой мифологии, родился и вырос Зевс, и куда увез похищенную Европу. Как заявляет сам Зевс в *Илиаде*, Европа была

*знаменитая дочь Феникса,
которая родила мне Миноса и богоподобного Радаманта (Илиада 14.321–322)*

Зевс влюбился в Европу и, чтобы соблазнить ее, превратил себя в домашнего белого быка и проник в стада ее отца. Пока Европа собирала цветы, она заметила этого быка, погладила его и, в конце концов, забралась ему на спину. Зевс направился к морю и поплыл с ней на спине к Криту, где раскрыл свое лицо, а Европа стала первой царицей Крита. Феличе Винчи задается вопросом, не был ли это образный кеннинг, скрывающий похищение какой-нибудь скандинавской княжны или принцессы *на корабле, украшенном головой быка на носу*? Викинги любили украшать свои корабли головами животных – так, например, корабль короля Норвегии Олафа II Харальдссона называли *Visundr* (Бизон), «из-за головы бизона на носу».¹⁷⁴

Отождествление Крита с Померанией в мире балтийской географии Гомера (учитывая нестыковки, возникающие в районе Средиземного моря), является одним из важнейших ключей в пользу гипотезы Винчи о том, что действие в мире Гомера первоначально происходит в Северной Европе, а также представляет важную составляющую в восстановлении потерянного мира, который, после столетий и столетий забвения, наконец обнаруживается через *Илиаду* и *Одиссею*.

«Река Египет» и Фивы

¹⁷⁴ Del Zotto Carla, *La scoperta del Nord tra etnografia ed evangelizzazione*, p. 47.

В Одиссее несколько раз упоминается «река Египет», и ее местоположение в поэме связано с «обширной землей» Крита (идентифицированной Феличе Винчи с южным побережьем Балтийского моря). Как мы уже видели, Менелай попадает в шторм у гомеровского мыса Малеа (на юго-восточной конечности Швеции) и его уносит к Криту, где

волны разбили корабли о скалы.

Однако пять кораблей

К самому пригнаны были Египту водою и ветром. (Одиссея 3.298–300)

Это и несколько других указаний Гомера предполагают, согласно Винчи, что река Египет – это вовсе не Нил; и гомеровский «Египет» – это не земля, которую мы сегодня называем Египтом.

«Река Египет» «с прекрасным течением» (Одиссея 14.257) была очень важной. Она была судоходной – в частности, Улисс сообщает нам, что поставил на якорь здесь свои корабли (Одиссея 14.258) после отплытия из Крита. Через некоторое время он даже встретился с царем страны:

Кинулся быстро навстречу царевым коням и колени

Начал царю обнимать, целовать. Меня пожалел, защитил он.

Позволил мне сесть рядом с собой на его колесницу и увез к себе во дворец (Одиссея 14.278–280)

Помимо того факта, подчеркивает Винчи, что приложение головы к коленям другого человека в качестве мольбы, извинения или подчинения – было типичным жестом викингов – также и удивительное неформальное отношение этого царя подтверждает, что мы действительно далеки от долины африканского Нила и страны фараонов.

В древности египтяне называли свою страну *Kemet*, а не Египтом, в то время как первоначальное название египетских Фив было *Wō'se*. Если названия Египет и Фивы имеют балтийское ахейское происхождение, предполагает Винчи, оба эти названия могли быть топонимами, изначально относившимися к северной территории и ее столице, которые позже были перенесены ахейцами в соответствующие средиземноморские районы. Таким образом, нам следует искать реку, имеющую характеристики р. Нил, в районе юго-восточной Балтики, которая соответствует юго-востоку Средиземного моря, недалеко от дельты реки Нил. В этом районе мы действительно обнаруживаем реку, которая похожа на Нил – это река Висла, текущая, как и Нил, с юга на север, и чья широкая болотистая дельта, протянувшаяся на многие километры, выходит на восточное побережье современной Польши (рис. 1). Ее сходство с дельтой Нила и его аналогичное положение по отношению к морю – очевидны.

Интересно, что, по словам Иордана, до III века н.э. у устья Вислы жило племя *гепидов*

«...на острове, окруженном бродами Вислы, и который на языке их отцов называли

Гепидос (*Gepidos*)» (*History of the Goths* 17).

Название речного острова Гепидос и одноименного племени явно напоминает название Египет (греч. *Aígyptos*), косвенно подтверждая идею о том, что гомеровский Египет располагался в дельте Вислы.

Кроме того, если средиземноморский Улисс действительно бы хотел достичь африканских египетских Фив, ему пришлось бы плыть по Нилу вверх по течению на сотни миль, что заняло бы много дней; вместо этого все приключения *Одиссеи* разворачиваются в местах недалеко от моря.

Примечательно также совпадение названия *Мазур*, *Мазурия* (болотистый край Великих Мазурских Озёр к востоку от низовья Вислы) – и древнего названия Египта: ассир., вавил. *Мусур*, *Мусру*, *Мисри* – считающегося связанным с именем *Мицраима* – библейского родоначальника египтян; *символа темноты и нечистоты*. Данные названия болотистых местностей повторяются с завидной регулярностью в самых разных уголках Земного шара и скорее свидетельствуют о некогда существовавшем единстве использовавшегося языка, чем о миграциях и переносах названия переселенцами: так, *Mestre* – город в болотистой дельте реки По, на берегу венецианской лагуны; *laguna di Mistras* – болотистая лагуна на западном побережье о. Сардиния; *Мястро* – озеро в Минской области в Белоруссии; *Мисерва*, *Мстёра* –

гидронимы в центральной России; *Мискара, Мозир, Мазур* – реки на Дальнем Востоке; *Миссури* – болотистая река в Сев. Америке. Ср. рус. диал. *миара, омиара, мещера, мещёра* – «болото; болотистая речная долина»; укр. *мочарі, мочар*, болг. *мочур* – «болото, болота, топь, трясина»; арх. белорус. *мосар* – «болото, болотистая низина, заросшая травой, кустами»; венг. *mocsár* – «болото». Ср. также с авест. [*muthra-*] – «*мусор, экскременты, грязь*».

Однако, где же могли располагаться гомеровские «египетские Фивы»? Будучи *столицей* Египта – вероятно, размышляет Винчи, на упоминаемом Иорданом острове Гепидос, «окруженном бродами Вислы». Было бы заманчиво, добавляет исследователь, разместить его в дельте Вислы, где сегодня находится польский город Тчев (*Tczew*).

Заслуживает также внимания, что названия, подобные Фивам (*Thebes, Θῆβαι, Θήβα*), не были редкостью в Восточной Пруссии – например, замок Тапиау (*Tapiau, Tapio*, ныне Гвардейск) на реке Преголе в 40 км восточнее Кёнигсберга (ныне Калининград). Тапиау был ключевым замком Тевтонского Ордена (т.е. *столицей* тевтонцев).¹⁷⁵ Замок Тапиау, как и другие тевтонские замки, впервые упоминается в письменных источниках в середине XIII века, но вполне вероятно, что все эти крепости уже находились на своих стратегических местах задолго до того. Тапиау расположен на разделении реки Преголя на рукав, который ведет на запад далее к Вислинскому / Калининградскому заливу, и на поток под названием Дейма, который ведет на север к Куршскому заливу. Через различные каналы Дейма далее соединяется с рекой Неман, минуя выход в открытые воды залива. Приток Преголи, река под названием Лава (*Lawa*, также *Alle*, по-польски *Łupa*), соединяет эту водную систему с Мазурскими озерами, которые, в свою очередь, дают начало реке Нарев, притоку Вислы.

Сеть этих речных переходов вдоль побережья Балтийского моря с незапамятных времен позволяла купцам обходить выход в открытое море, предоставляя возможность перевозить товары с помощью речных барж и лодей. Сам Тапиау стоял на ключевом речном перекрестке, контролируя экспорт янтаря по Преголе напрямую с полуострова Самбия (на месторождение которого до сих пор приходится 90% добываемого в мире янтаря). Далее янтарь везли по рекам Висла и Неман, соединенным сетью волоков в их верховьях, соответственно, с реками Днестр и Днепр, ведущими к Черному морю, Дарданеллам и Средиземному морю.

Гомер подчеркивает необычайное богатство жителей города Фивы (*Thebes*), вероятного Тапиау-Гвардейска, утверждая, что у них «большие дома полные богатства» (*Одиссея* 4.127). Профессор Пиа Лавиоза Замботти¹⁷⁶ пишет:

«Торговля балтийским янтарем, в которой участвовали известные торговые центры в Восточной Пруссии, должна была также вызывать сильный интерес у понтийских и месопотамских народов. Цивилизация Злоты (*Zlota civilization*) развивалась в верховьях реки Висла, являвшейся самым прямым путем, ведущим к этому древнему Эльдorado».¹⁷⁷

Возможно, в этом и заключался секрет огромного богатства жителей гомеровских «египетских Фив»: добыча и торговля янтарем. В сделках с этим товаром они использовали завидное положение своего города в дельте «реки Египет» и, прежде всего, судоходность этого водного пути, о чем прямо говорится в *Одиссее*. Плоские кили гомеровских кораблей, а также их маневренность за счет двойного носа – о чем Гомер вспоминает, когда корабль Улисса причаливают к берегам Египта (*Одиссея* 14.258) – хорошо подходят для этой цели.

Родос

После Крита в Каталоге упоминаются *родосцы*, «те, что с Линдоса, Ялисоса и белоснежного Камироса» (*Илиада* 2.656). Гомер никогда не описывает Родос как остров, поэтому возможно, что он был расположен на полуострове Самланд к востоку от Польши, где сегодня находится Калининград (бывший Кёнигсберг).

¹⁷⁵ См. <https://tvzvezda.ru/news/202110161045-t1FXM.html>

¹⁷⁶ Пиа Лавиоза Замботти (Pia Laviosa Zambotti), итальянский историк (1898 – 1965).

¹⁷⁷ Laviosa Zambotti, Pia. *Le più antiche civiltà nordiche*. Milan 1941, p. 209.

В этом регионе на Балтике – в бывшей Пруссии, до советских переименований, сделанных после II Мировой войны – можно было встретить топонимы, схожие с гомеровскими: Родос (*Rhodes*) мог соответствовать прусскому замку *Rudau*, *Рудов* (ныне Мельниково) и одноименной прибрежной волости *Rudov* на северо-востоке Самбийского полуострова с ее портовым рынком Кауп на бывшем берегу Куршского залива; Линдос (*Lindus*) мог соответствовать прусским замкам *Lind* и *Linxtu*; Ялисос (*Ielysus*) – прусскому городу и области *Eylau*, *Пауля* (ныне Багратионовск) к югу от Кёнигсберга; Камирос (*Cameirus*) – прусским прибрежным деревням *Kayme*, *Autekaym*, *Kaymelabegowe*, *Windekaymen*.¹⁷⁸

Интересно, что Гомер называет Камирос *arginoenta Kameiron* (в винительном падеже), где *arginoenta* (от прилагательного *arginoeis*) означает «белый». Не лежал ли он перед Куршской косой, известной своими огромными белоснежными дюнами, сформировавшими даже песчаную мини-пустыню, единственную в своем роде в Европе?

Илл. 27. Мини-пустыня на Куршской косе.

Это прилагательное (*arginoeis*) используется Гомером также для обозначения Ликастоса (*Илиада* 2.647) на Крите, «от природы земли или от белых домов». Ликастос должен был лежать на побережье Померании (немецком или польском), поэтому следует посмотреть, нет ли вдоль южного побережья Балтийского моря, к западу от гомеровского Родоса, других выделяющихся мест с белыми дюнами. Гомер использует это прилагательное только в этих двух случаях, и оно идеально соответствует морфологии белых песчаных дюн.

Примечательна также 118-метровая скала цвета белоснежного мела в Рюгене (части гомеровского «Крита»), называемая «Трон короля» (*Königsstuhl*) в Заснице, который Феличе Винчи идентифицирует с гомеровским Фестом. Не может ли этот «белый трон» быть гомеровским «белым (*arginoeis*) Ликастосом»?

Еще одна связь с гомеровским миром, обнаруживаемая на юго-восточном побережье Балтики, прослеживается в легендах прусских рыбаков о движущихся песчаных дюнах Куршской косы, некоторые из которых достигают 70-80 метров в высоту и способны засыпать целые дома рыбаков всего за одну ночь.¹⁷⁹ Эти рассказы соответствуют уже упомянутым сюжетам о «движущихся горах» (*Одиссея* 8.569, 13.152, 158, 177, 183), иногда называемых учеными «Помпеями Одиссеи».

¹⁷⁸ E.W.Saks. *AESTII. An Analysis of an Ancient European Civilization*, Montreal, 1960, pp. 97–98, 136–137, 143–144, 164–165, 210–212.

¹⁷⁹ Иллюстрацию этих легенд можно найти в довоенном прусском фильме ‘12 Kurzfilme über Ostpreussen’ – см. <https://youtu.be/t2G2HVMYEXE>.

Куреты

К востоку от волости *Rudov* в Пруссии (вероятного гомеровского Родоса) лежала Курляндия. Это название происходит от древнего балтийского народа – куршей – живших на территории нынешних западных частей Латвии и Литвы, и полностью ассимилированных к XVI веку н.э. в балто-славянские народы. Курши были известны как свирепые воины, отличные моряки и морские разбойники.

Саксон Грамматик называет Курляндию – *Curetia*, а ее жителей – куретами (*Curetes*). Возможно, предполагает Феличе Винчи, они были потомками гомеровских куретов, осадивших Калидон (*Илиада* 9.529–589), и связанных с поклонением Зевсу. Примечательно, что в верованиях куршей обнаруживается

«...фигура верховного бога по имени Диевас (*Dievas*) в Литве и Диевс (*Dievs*) в Латвии.

В местном фольклоре он демонстрирует необычайные черты, характерные как для эллинского Зевса, так и для христианского Бога».¹⁸⁰

Куршский Диевас соотносится с лит. *dievas*, лтш. *dievs*, прус. *deiws*, *deywis* – «бог». Ср. далее с ливон. *tōvaz*, эст. *taeva*, р.п. *taevas*, фин., водск., ижор., карел. *taivas*, вепс., людик. *taivaz* – «небо, небеса; рай; царство небесное; сила небесная; бог»; фин. *taivaan isä*, эст. *taeva isa*, *taeva jumal* – «царь (отец) небесный». Помимо собственно греч. *Зевса*, верховного бога в греческой мифологии, родственными словами являются греч. *θεός*, лат. *deus*, *divus*, итал. *dio*, исп. *dios*, фр. *dieu* – «бог».

После ознакомления с исследованиями Винчи профессор Илзе Румнице, декан гуманитарного факультета Латвийского университета согласилась связать куршей с куретами греческой мифологии.¹⁸¹ Куреты были тесно связаны с мифом о рождении Зевса, но никогда не были идентифицированы среди известных народов на Средиземноморье.

Также в Курляндии в Балтийское море впадает река Мемель или Неман, которую Птолемей называл рекой Кроноса,¹⁸² намекая, согласно Винчи, на связь с греческим богом Кроносом, отцом Зевса.

Ливия

К северо-востоку от земель куршей (куретов) находилась Ливония, еще совсем недавно одно из мощнейших государств на Балтике. Винчи предполагает ее связь с гомеровской Ливией – не перечисленной в Каталоге кораблей, но упоминаемой в *Одиссее* в двух эпизодах. В одном из них рассказывается о корабле, направлявшемся в Ливию, который плыл «в открытом море мимо Крита» (*Одиссея* 14.300). Несмотря на абстрактность, подчеркивает исследователь, это описание совпадает с положением Ливонии по отношению к польско-германскому побережью, идентифицированному нами как балтийский «Крит». Вероятно, это относится к морским путям, которыми следовали в южной части Балтики в эпоху бронзового века.

Название Ливония связывают с именем древнего прибалтийско-финского народа, который сегодня практически вымер (ассимилирован): он известен как *ливонцы*, или *ливы* – рыболовы, земледельцы и животноводы. В Ливонии молодожены традиционно получали в качестве свадебных подарков домашний скот.¹⁸³ Все это, пишет Винчи, очень хорошо сочетается с эпизодом, в котором Гомер описывает и Ливию как страну животноводов, где

ежегодно три раза и овцы котятся и козы.

Там никогда не бывает, чтоб сам ли хозяин, пастух ли

В сладком имел молоке недостаток, иль в сыре, иль в мясе.

Доится скот в той стране непрерывно в течение года. (*Одиссея* 4.86-89)

В действительности, мягкий влажный климат на латвийском (ливском, ливонском) побережье позволяет даже средиземноморским растениям процветать в некоторых конкретных

¹⁸⁰ Prampolini, Giacomo. *La mitologia nella vita dei popoli*, Milan 1954, p. 460.

¹⁸¹ Rūmniece, Ilze, *Ancient "curetes" and the Western Baltic tribe of "kūri". Some suggestive parallels*, in "Rivista di Cultura Classica e Medioevale" 2/2013.

¹⁸² E.W.Saks. *AESTII. An Analysis of an Ancient European Civilization*, Montreal, 1960, p. 42.

¹⁸³ *Treccani Italian Encyclopedia*. Rome 1949, under "Livi".

областях до такой степени, что немцы называли это место «божественными землями» (*Gottesländchen*) из-за местного микроклимата. Согласно Винчи, если ливы, или ливонцы действительно потомки гомеровских «ливийцев», то они являют собой выдающийся пример культурной устойчивости от раннего бронзового века до нового времени.

Название гомеровской Ливии (*Lybia*) Винчи сравнивает с именем приморского города Лиепая (нем. *Libau*) в западной Латвии. Первоначально на месте современного города стояло куршское рыбацкое селение под названием Лива (от названия реки, которое в свою очередь, произошло от куршского слова «лиив», означающего «песок»). Первое упоминание о порте Лива (*Portas Liva*) датируется 1253 годом.¹⁸⁴ Слово лиив – общее для прибалтийско-финских народов: куршск., ливон., эст. *liiv*, р.п. *liiva*, фин., водск., ижор. *liiva* – «песок, мелкий песок»; эст. *liivane* – «песчаный»; эст. *liivad* – «пески». Примечательно, что практически вся береговая линия Курляндии и Ливонии (Лифляндии) – это пески и дюны (как и средиземноморской Ливии, на карте Геродота названии всей пустыни Сахара). По-эстонски Ливония – *Liivi-maa* – что можно перевести и как «земля ливов», и как «песчаная земля». В греческом языке возможный когнат: *λιβα, λιβαδι* [лива, ливади] – «заливаемый луг, открытое место».

В Каталоге кораблей далее упоминается «Кос, город Еврипила и Калиднийские острова» (*Илиада* 2.677). Феличе Винчи предполагает, что название Калиднийских (*Kalydnai*) островов в почти неизменном виде можно встретить в названии Аландского архипелага (*Åland*). Что касается топонима Кос (*Kōs*), то, путешествуя по восточному берегу Балтийского моря, Винчи попадает в Эстонию, где, в 30 км к юго-востоку от Таллина, находит небольшой городок Косе (*Kose*), впервые упомянутый в письменных источниках как *Cosius* уже в 1219 году¹⁸⁵.

Эллада и Фтия

Далее Каталог кораблей переносит нас в Элладу и Фтию:

*Те, кто населял Пеласгский Аргос,
Некоторые жили в Алусе, Алоне и Трахисе,
Некоторые же Фтией владели и Элладой с ее прекрасными женщинами;
Их называли мирмидонцами, эллинами и ахейцами.
Пришло их пятьдесят кораблей во главе с Ахиллесом* (*Илиада* 2.681–685).

Рассматривая карту Балтики, Феличе Винчи считает, что Эллада, или Гелла (*Hellas*) может соответствовать берегам Эстонии. Название Геллеспонт, которое можно перевести как «море Эллады», относится к морю, обращенному к Трое, и также связано с этой областью: как мы уже видели, Саксон Грамматик находит «геллеспонтский» народ в этом восточно-балтийском регионе. Более того, в последней главе *Germania* Тацит упоминает народ, известный как *Hellusians* (*Hellusii*, 46.4), точное место происхождения которых не указано, но жили они предположительно в дальних северных регионах, где вполне могли быть связаны с геллеспонтцами Саксона и, следовательно, их имя могло перекликаться с могущественными эллинами, воспетыми Гомером. В греческом мире, подмечает Винчи, Эллада и Геллеспонт («море Эллады»), однако, находятся на необъяснимом отдалении друг от друга.

Если гомеровская Эллада – это побережье современной Эстонии, то можно обнаружить и вероятную соседнюю Фтию, родину Ахиллеса. Гомер сообщает, что между Фтией и Троей «много тенистых холмов и гулкого моря» (*Илиада* 1.156–157); таким образом, Фтия могла находиться в холмистой глубинке Эстонии. В подтверждение этого Гомер упоминает Фтию как землю «с плодородными почвами, матерью пастбищ и стад» (*Илиада* 9.479), поскольку наиболее плодородная часть Эстонии находится в ее юго-восточной стороне, в сторону границы с Россией и Латвией, где мы находим моренные холмы, богатые отложениями, образовавшимися отступающими ледниками. Там, по предположению Винчи, могла лежать Фтия «с плодородными почвами».

Что касается названия Фтия (*Phthia*), то, согласно Винчи, оно явно связано с греческим глаголом *phthiō* (что означает «закончить»). При переносе на Балтику Фтия и оказывается

¹⁸⁴ В 1418 году куршская Лива была сожжена литовским войском, причём погибло все население:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/Лиепая>

¹⁸⁵ E.W.Saks. *AESTII. An Analysis of an Ancient European Civilization*, Montreal, 1960, p. 148.

своеобразной границей ахейского мира. Это также проясняет другой старый вопрос: почему Фтия была землей беглецов в гомеровском мире. Так, в армии мирмидонцев было не менее трех перебежчиков – Феникс, Эпигей и Патрокл – в то время как еще один, Медон, был зачислен к фтианцам. Похоже, что в гомеровской балтийской Фтии, вдали от морских берегов, за «множеством тенистых холмов», которые Гомер описывает как лежащие между этой землей и морем – находили убежище многие беглецы. В греческом же мире расположение Фтии не является периферийным – что до сих пор делало непонятным как ее название, так и ее функцию в качестве убежища.

Любопытно было бы также сравнить название Фтия с прибалтийско-финским народом Водь (самоназвание: *Vaddja*), населявшим территорию к востоку от Чудского озера, известным по письменным источникам с XI века, воевавшим за независимость от Новгорода.

Феры и Иолкус

Согласно гипотезе Феличе Винчи, список ахейских флотов в Каталоге следует далее вдоль финской стороны Ботнического залива, за пределами «вражеских» территорий Трои. Здесь в тексте упоминаются

*те, что жили в Ферах близ Беобейского озера,
что Бебу, Глафиры, прекрасный Иолкус населяли, -
С ними одиннадцать шло кораблей под начальством Евмела,
Сына Адметова; Алкестой был он рожден – божественной женщиной
И самой красивой дочерью Пелия (Илиада 2.711–715)*

Винчи предлагает связать Феры (*Pherae*) с современным городом Вёро (*Vörå*), расположенным у реки Кюрёньйоки (*Kyrönjoki*) недалеко от озера Лаппаярви (*Lappajärvi*), которое, по Винчи, возможно, является аналогом Беобейского озера.

Схожих названий у восточных берегов Балтики много: Виро (*Viro*) – то, как финны до сих пор называют всех эстонцев; *Virumaa*, или *Ida-Virumaa*, название большого северо-восточного уезда в Эстонии; *Вырица* в Ленинградской области и т.д. Заманчиво также было бы сравнить Феры с Выру (*Võru*, нем. *Werro*) и одноименным уездом *Võrumaa* на юго-востоке Эстонии, к югу от Чудского озера. Любопытно и созвучие гомеровского Беобейского озера со старинными названиями Чудского озера: *Пейбес*, *Peibas*, *Peybass*, *Beibessee*, *Beibs*, *Peips*, соврем. эст. *Peipsi järv*.

Царь Фер, Евмел, был зятем Пенелопы через брак с ее сестрой Ифтимой (*Одиссея* 4.798). Таким образом, две сестры жили очень далеко друг от друга: одна на Итаке (о. Люэ), у юго-западных берегов Балтийского моря, а другая – на дальних берегах Ботнического залива – и, действительно, в *Одиссее* говорится, что они жили «очень далеко друг от друга» (*Одиссея* 4.811).

Гомеровский Иолкус с почти неизменным названием Винчи видит в финском городке Йолкка (*Jolkka*). Он расположен между городами Васа и Оулу, в 20 км от моря, но, как предполагает Винчи, ранее он мог быть приморским городом, учитывая уже рассматривавшийся постепенный подъем суши, после освобождения от ледника.

В греческой мифологии Иолкус играет важную роль, так как он связан с Ясоном и аргонавтами. Странствие аргонавтов в поисках Золотого руна восходит к поколению, предшествовавшему Троянской войне – времен сына Язова – короля Лемноса (*Илиада* 7.468). Путь аргонавтов, по Винчи, мог лежать против часовой стрелки вдоль Ботнического залива; приплыв к крайней северной его точке, затем следуя по рекам и озерам, которыми изобилует Лапландия, и используя древние волоки для судов, аргонавты должны были достичь Северного Ледовитого океана, далее направившись вдоль северного побережья Норвегии к Колхиде, царству Ээта, брата чародейки Цирцеи.

Латифы и «кентавры» / лопари-саамы

По мере приближения к концу Каталога кораблей в последних строках появляются топонимы, которые Феличе Винчи сравнивает с названиями финских географических мест,

расположенных в северной части Ботнического залива. В частности, Оулу (*Oulu*), город недалеко от самой северной точки залива, исследователь сравнивает с городом Олоосон (*Oloosson*), управлявшимся Полипоэтом – храбрым воином, правителем лапифов, родившимся в тот самый день, когда его отец Пейритус победил кентавров и прогнал их от горы Пелион (*Pelion*), вероятной финской горы Пальякка (*Paljakka*). В Греции гомеровским Пелионом считается гора Пилио (*Pilio*), с расположенным у ее подножия городом Волос (*Volos*).

Война лапифов с кентаврами упоминается как в *Илиаде*, так и в *Одиссее*, и является очень важной темой в греческой мифологии, поскольку битвы между кентаврами и лапифами были изображены на скульптурных метопах Парфенона и храма Зевса в Олимпии.

Любопытно, отмечает Винчи, что гомеровские кентавры выглядят как обычные люди без своих традиционных конских черт. Последнее, вероятно, было результатом приукрашивания греческими мифографами, много времени спустя после ахейской миграции с севера. Название кентавров у Гомера, по Винчи, связано с лошадьми следующим образом: *kentores hipp*, что означает «те, что погоняют лошадей» (*Илиада* 4.391, 5.102). Отсюда также можно было бы предположить, что кентавры умели ездить верхом (образно – сливаться с конем в единое целое), в то время как в поэмах Гомера лошади обычно используются только для транспортировки колесниц или повозок.

Более того, подчеркивает Винчи, Гомер называет кентавров *lachnēentas* (*Илиада* 2.743), что обычно переводится как «волосатый» в связи с их предполагаемой одичалой внешностью; однако, этот термин может также означать «завернутый в шубу» (греч. *lāchnē*), что было бы логичным, учитывая географические условия их северной страны. Примечательно, что в прошлом саамы, коренные жители Финляндии, «носили не шитые шкуры, а повязывали их на голову, что делало их волосатыми подобно животным».¹⁸⁶

В *Илиаде* кентавры также называются ферианами (*Phēras*). Любопытно, что в своей *Истории готов* Иордан упоминает народ фервиров (*Fervir*), живущий около финнов (*Finnath*) в своем списке скандинавских народов.

В *Илиаде* кентавр Хейрон связан с Пелеем и его могущественным сыном, «быстроногим» Ахиллесом, благодаря копью Ахиллеса, «которое Хейрон дал отцу [Ахиллеса] с вершины Пелиона, чтобы убивать героев» (*Илиада* 16.143–144). Это оружие, часто обнаруживаемое в археологических раскопках бронзового века и на рупестрийских гравюрах, широко использовалось в Скандинавии. Саксон заявляет, что «никакое другое население не является столь опытным, как финны в метании копья» (*Деяния данов* 5.8.1) – т.е. традиция метания копья (олимпийский вид спорта в наше время) в этой части света, вероятно, восходит к очень древним временам.

Хейрон был также врачом, знавшим, какие травы использовать для лечения ран. Он обучал использованию этих трав как Ахиллеса (*Илиада*, 11.832), так и Асклепия, отца Махаона (*Илиада*, 4.219). Что касается Махаона, то и он тоже стал «великим врачом» (*Илиада*, 11.518) ахейской армии, прибывшей из одного из последних мест, перечисленных в Каталоге – Трикке (*Tricce*; *Илиада* 2.732). Озеро *Lappajärvi* и расположенная рядом река *Kyrönjoki*, по Винчи, могли унаследовать в своих именах память о *лапифах* и *Хейроне*. Лапифы – соседи и враги кентавров – участвовали в Троянской войне под властью полипоетов. Было бы заманчиво посчитать гомеровских лапифов предками современных саамов (*лопарей*).

Интересна причина войны между кентаврами и лапифами, описанной и в *Одиссее*, и в *Илиаде*:

*Вино свело с ума Эвритиона, знаменитого кентавра,
во дворце смелого Пейрифа*

Когда он призвал лапифов (...)

Так начался конфликт между кентаврами и героями (Одиссея 21.295–297, 303)

Эти строки напоминают Винчи отрывок из *Германии* Тацита, где говорится о драках между пьяными германцами на пиршествах, «которые часто заканчиваются убийствами и ранениями» (*Германия* 22.1). Также можно вспомнить архиепископа Эльфегуса, которого пьяные викинги убили во время застолья. Дело в том, что мир викингов был таким же варварским, как и

¹⁸⁶

Corradi Musi, Carla, *I Lapponi* (The Lapps), Parma, Palatina 1985, p. 20.

ахейский, и между ними на протяжении веков существует заметная преемственность – прослеживаемая и через свидетельство Тацита.

Нестор в молодости участвовал в походе лапифов против кентавров. Он рассказывает об одном из своих типичных «воспоминаний молодости» в следующем эпизоде:

*Подобных мужей я не видал и не увижу
таких как Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Как Каин, Эскадий, богоподобный Полифем
и Тесей, рожденный Эгеем, на бессмертных похожий.
Они выросли сильнейшими из людей на земле:
были могучи они и сражались против сильнейших
горных кентавров и страшно их истребили.
Пришлось мне с этими людьми иметь дело, Пилос покинув,
Издав к ним пришедши. (Илиада 1.262–270)*

Отметив, что Пилос, расположенный на Пелопоннесе-Зеландии, действительно очень далек от финского места действия этой войны, последовательность во времени между этими далекими событиями, по Винчи, замечательна: беспокойный Нестор в юности сражается вместе с Пирифосом и Кайном в войне против кентавров, в старости встречается Полипоэтом, сына Пирифоса, и Леонтея, внука Каина, во время Троянской войны – где Полипоэт был командиром армии лапифов, а Леонтей – его правой рукой. Далее о Полипоэте сказано,

*[он] был рожден от благородных Гипподамии и Пирифоса
в тот день, когда последний отомстил кентаврам
и прогнал их от Пелиона (Илиада 2.741–744)*

Гомеровский Пелион – это, вероятно, современная гора Пальякка (*Paljakka*), самая высокая вершина (384 м) горного хребта в регионе Кайнуу на севере Финляндии, к востоку от Ботнического залива. Покрытая лесом, она находится примерно в 120 км к востоку от Оулу (*Oulu*), название которого напоминает Олоосон (*Oloosson*) – город, которым правил Полипоэт (*Илиада* 2.739).

Что касается Каина, давнего соратника Нестора в войне против кентавров, его имя (греч. *Kaineus*) удивительно напоминает название региона Кайнуу (*Kainuu*), где стоит гора Пальякка. Он также упоминается как «царь» (*anaktas*) в *Щите Геракла* (1.179), греческой поэме, повествующей о войне между кентаврами и лапифами (*щит Геракла* древние ученые ошибочно приписывали Гесиоду). Последовательность этих сложных генеалогий подтверждает историческую достоверность столь подробно описанных Гомером далеких событий раннего бронзового века, произошедших на севере современной Финляндии.

Винчи отмечает, что в том же отрывке говорится про двух братьев кентавров по имени *Peukeidas*, «сыновей Певкея» (*Щит Геракла* 1.187) – что похоже на название *Пециниев* (*Peucini*), северного народа, который Тацит упоминает вместе с венетами и финнами (*Германия* 46.1). Тацит добавляет, что

«венеты совершают набеги и грабят всё, что стоит среди лесов и гор пециниев и финнов» (Германия 46.2)

Этот отрывок, согласно Винчи, подтверждает, что венеты – вероятные потомки гомеровских *Enetoi*, союзников троянцев – продолжали жить на территории современной Финляндии и во времена Древнего Рима.

Додона, Пиерия и область Олимпа

В Каталоге кораблей Додона упоминается сразу после лапифов и войны, в которой они победили кентавров и изгнали их с горы Пелион (*Илиада* 2.750). Предпоследний флот, упомянутый в Каталоге кораблей – это флот Гуней, который

*... вел двадцать два корабля за собою из Кифоса.
Эниенцев и Перебов был он вождем;
Они построили себе дома вокруг морозной Додоны,*

И землю возделывали вдоль красивой реки Титаресий. (Илиада 2.748–751)

Согласно последовательности Каталога кораблей, по Винчи, Додона должна была лежать у самой северной точки Ботнического залива. Весьма вероятно, что ухудшение климата во время суббореальной фазы вынудило многие народы мигрировать на юг (таких как феаки, которые, согласно *Одиссее*, были вынуждены переселиться с севера на юг Норвегии).

Прилагательное «морозная», или «зимняя» (греч. *dyschéimeros*, буквально «плохой зимы») красноречиво используется здесь для определения Додоны, позволяя нам визуализировать мирмидонов и их преемников, *пераэбийцев* (*Илиада* 2.749-750). Обычно в поэмах про народы говорится, что «они владели» определенным регионом (или «они жили в» нем). Перебы – единственный народ, о котором в Каталоге говорится, что «они построили себе дома», и можно заподозрить, что они поселились «вокруг сурового Додона» незадолго до этого – придя из другой страны, возможно, из-за Полярного круга (с Кольского полуострова и земель к востоку от него – которые финны называли *Perämaa*, «задняя территория», «крайняя земля» – вариации: *Бьярм, Биарм, Биармия, Парма, Пермь*), будучи вытесненными неумолимыми погодными условиями при похолодании климата (точно так же, как феаки, которые аналогичным образом переместились с севера на юг Норвегии).

Кроме того, изображение Зевса, правящего «морозной Додоной», демонстрирует типичные черты бога бури в древних мифологиях:

*Царь Зевс додонский, пеласгийский, живущий далеко
и правящий морозной Додоной... (Илиада 16.233–234)*

Любопытно, что жрецы Зевса, известные как *Selli* (Σελλοί; *Илиада* 16.234), жили недалеко от пераэбийского города Додон (*Илиада* 2.750) – и кажется разумным связать название *Selli* с городом *Salla* в финской Лапландии, недалеко от границы с современной Россией. Было бы заманчиво предположить, что жреческими свойствами наделались лесистые края и хребты, оставленные на севере уходящими ледниками. Ср. имя гомеровских *Selli*, жрецов Зевса, с саам. *čielgi*, фин. *selkä*, эст. *selg*, р.п. *selja* – «сельга, спина, хребет, гребень, лесистый край, раскорчеванное место». Бесчисленное количество северных топонимов имеет корневое -*сельг*-, -*сельк*-, в местах ледниковых кражей. Ср. также *Seljamaa*, «скалистая, хребтовая, кражистая земля» – название Норвегии в Калевале (*Solymi* – в *Одиссее* 5.278–280). С этим же именем известен *Solytos* – горный хребет на юго-западе Турции. Любопытно сравнить имя *Selli* далее с ивр. [сэла] – «скала».

Пора обратить внимание и на места «на краях света» или, по сути, «на границах реальности» – такие как Олимп, резиденция гомеровских богов:

*Голубоглазая Афина правит
Олимпом, где, говорят, нерушима вовеки обитель Богов.
Ветры ее не колеблют, не мочит водою дождь,
и снега там не бывает, но небо
вечно безоблачно, сиянием светится ясным;
Там для блаженных богов в наслажденьях все дни протекают (Одиссея 6.41–46).*

Из этого отрывка *Одиссеи* можно почувствовать, полагает Винчи, что полностью идеализированный здесь Олимп находится где-то «вне этого мира». В *Одиссее* Олимп упоминается двадцать раз, в то время как в *Илиаде* – намного чаще, почти девяносто раз – что, при перенесении в северный мир, возможно, указывает на то, что он находится ближе к месту действия последней поэмы, к северу от Балтийского моря.

Из различных отрывков Гомера, в которых упоминается эта «обитель Богов», Винчи делает вывод, что речь может идти не о единственной горе. В *Илиаде*, в которой Олимп описан как «великий», «сияющий», «снежный» и «со множеством долин», имеется повторяющаяся линия, подтверждающая это представление как о месте со множеством гор: «На самой высокой точке Олимпа с множеством вершин» (*Илиада* 1.499, 5.754, 8.3). Другими словами, имя Олимп, как и Ида, указывает в стихах Гомера на гористый (холмистый) регион, а не на отдельную гору.

Дополнительную информацию о гомеровском Олимпе Винчи находит в определенных отрывках, относящихся к тому, что кажется определенным маршрутом, ведущим из дома Богов в мир смертных. В *Илиаде* рассказывается, как Гера покинула Олимп и спустилась в Пиерию и

«прекрасную Эматию» (*Emathia*). Оттуда она направилась во Фракию, а затем «пересекла пенное море с Афона/ и достигла Лемноса» (*Илиада* 14.229–230).

Подтверждение того, что регион Пиерия находился около Олимпа, Винчи получает и из описания путешествия Гермеса, когда он отправился в Оигию просить Калипсо отпустить Улисса домой. Гермес поднял свой волшебный посох, покинул Олимп и «пройдя через Пиерию, спустился с неба в море/ затем побежал по волнам, как чайка» (*Одиссея* 5.50–51). Итак, на пути от Олимпа до Оигии лежит Пиерия, затем Гермес «бежит» по морю, то есть по Атлантическому океану, где Фарерские острова обращены к норвежскому побережью.

Таким образом, согласно Винчи, в обоих отрывках Пиерия выступает в качестве первой остановки в путешествии, начинающемся с Олимпа. Эта область Норвегии – «обширная Гиперия», где феаки жили рядом с мифическими циклопами, прежде чем переселиться южнее в Схерию. Действительно, если соединить район Оуланйоки (*Oulankajoki*) в Норвегии с островом Ноульсой (*Nólsoy*) на Фарерских островах прямой линией, побережье Норвегии пререзается примерно на широте Тосенфьордена (*Tosenfjorden*) (рис. 1), то есть страны циклопов, отмеченной у Рифейских гор на средневековой карте Адама Бременского.

Итак, согласно гомеровскому *Гимну Гермесу*, область Пиерия, где родился Гермес, находилась на очень высокой широте. Согласно Винчи, это ключ и к местонахождению области Олимпа, учитывая, что Пиерия связана с перазбийцами – ахейцами, упомянутыми в предпоследнем списке в Каталоге кораблей (*Илиада* 2.749).

К этому «коллажу» Винчи добавляет отрывок из *Одиссеи*, который повествует о предположительно очень древнем мифе об атаке двух гигантов, Отуса и Эфиальта, на обитель Богов: «Они грозили Бессмертным / начать ужасную битву на Олимпе. / Оссу они на Олимп взгромоздить собирались, затем на Оссе / Лиственный Пелион, чтоб неба достигнуть» (*Одиссея* 11.313–316) – т.е. поместить три горы друг на друга. Здесь Олимп описан как одиночная вершина, что может означать, что он был *самым высоким* в группе. Также на Средиземноморье Олимп – *наивысшая* горная вершина в Греции (2917 м), а также *наивысшая* горная вершина на Кипре (1952 м). Ср. название Олимп с фин. *ylempi* – «более высокий»; где *-mpi* – окончание превосходной сравнительной степени прилагательных.¹⁸⁷ Пелион, гору кентавров, Винчи сравнивает с современной вершиной *Paljakka* в северной Финляндии.

Роберт Грейвс сопоставляет рассказ об Отусе и Эфиальте с хурритским рассказом, в котором два богоподобных брата нападают на гору Хаззи (*Mount Hazzy*) – практически совпадающую с названием Осса (*Ossa*). Примечательно, что в районе, который Винчи идентифицировал с Пиерией, недалеко от границы с Россией, имеется топоним Хосса (*Hossa*), который по звучанию похож как на гомеровскую Осса, так и хурритскую Хаззи. Ср. мифических *Оссу* и *Хаззи* со шв. *ås* [*oc*] – «вершина горы»; «конёк крыши»; также шв. *ås* [*oc*], эст. *oos*, р.п. *oosi* [*ooc*, *oosi*], рус. *оз*, *о́за* – «ледниковый вал, хребет, гряда», линейно вытянутые, узкие грунтовые валы с глыбами валунов высотой до нескольких десятков метров, шириной от 100–200 м до 1–2 км и длиной до нескольких десятков километров, образовавшиеся тающими ледниками, распространены в Канаде, Швеции, Финляндии и на северо-западе России, в районах распространения последнего материкового оледенения.

Набор совпадающих данных позволяет Винчи определить область Олимпа «с множеством вершин» в гористом регионе между Лапландией и Карелией, недалеко от границы между Россией и Финляндией. Финские названия мест *Pyhätunturi* («Священная гора») и *Pyhäjoki* («Священная река»), обнаруживаемые немного дальше на северо-западе, по мнению исследователя, могут подтверждать сакральный характер этой территории. Есть здесь и название *Pallastunturi*, могшее сохранить эпитет Афины Паллады (*Athena Pallas*), выдающейся ахейской богини. Возможно, в этой гористой местности имела и собственно вершина с названием мифической обители Богов, Олимп (*Oûlympos*).

Винчи «реконструирует» и маршрут Геры от Олимпа до Лемноса, проходящий через Пиерию, Эматию и Фракию. Она спустилась через Лапландию-Пиерию, затем прошла по западной стороне Ботнического залива с севера на юг (Эматия и Фракия) и, наконец, пересекла море в сторону Лемланда (рис. 1). Исследователь полагает, что это служит подтверждением шведского местонахождения гомеровской Фракии, где, согласно *Младшей Эдде*, жил бог Тор.

Он находится вдоль юго-западного побережья Ботнического залива и его внутренних районов. Это также позволяет Винчи определить гомеровскую Эматию (*Илиада* 14.226) на прибрежной равнине, которая граничит с северо-западной стороной Ботнического залива – в том районе Швеции есть река, известная как Уме (*Ume*), напоминающее исследователю имя «прекрасной Эматии». Таким образом, Олимп должен был находиться вдали от ахейских поселений на Балтике, в некотором отдалении от человеческого мира, а область пераэбов была местом «контакта» с Богами. В этом финском регионе возникла географическая картина, которая с ее богатыми деталями согласуется с тем, что нам передала греческая мифология.

На этом этапе, заключает Винчи, можно предположить, что у балтийских народов бронзового века все еще сохранялись воспоминания об очень древней цивилизации, соответствующей Золотому веку Кроноса, которая процветала в северной Скандинавии в прежнюю эпоху, когда климатический оптимум делал обитаемыми ныне пустынные земли на Крайнем Севере. Эту идею подтверждают следы чрезвычайно древних человеческих поселений, обнаруженные в Финнмарке (*Finnmark*), самом северном регионе Норвегии. К ним относятся, в частности, уже упомянутые наскальные изображения каменного века в Альте. И, как показал в своих работах Тилак, схожие воспоминания о предыдущей арктической цивилизации находят в преданиях многих народов.

Магнеты

Наконец Феличе Винчи подходит к последнему упомянутому в Каталоге кораблей народу:

*Профос же, сын Тенфредона, руководил магнетами,
Что жили окрест реки Пеней и лиственнного Пелиона (Илиада 2.756–757).*

Магнеты – это народ, чье имя всегда было связано с магнетитом, минералом железа, хорошо известным своими магнитными свойствами. Довольно любопытно – может быть, это чистая случайность – но рудник Кируна, крупнейший рудник железной руды в мире, находится в шведской Лапландии, недалеко от берега Ботнического залива.

Подводя краткий итог, можно сказать, что, следуя Каталогу кораблей, Винчи сделал основательную попытку реконструировать мир Гомера на Балтике и обнаружил поразительную согласованность греческой мифологической вселенной при ее переносе на север Европы – в географическом, климатическом, топонимическом и морфологическом аспектах. Таким образом, заключает Винчи,

«мы можем ощутить и заново пережить истинный дух греческой мифологии не на сухой неровной земле Греции или на солнечных островах Средиземного моря, а в огромных лесах и тихих озерах Северной Европы; в его темном, туманном море, непостоянном небе и нескончаемых сумерках. Отголоски и воспоминания далекого гиперборейского прошлого, утерянного, но никогда полностью не забытого, сохранились в этих мифах, чтобы впоследствии отразиться во всех проявлениях греческой цивилизации и, в конечном итоге, дойти до нас».

МАРШРУТ АХЕЙСКОГО ФЛОТА В ТРОЮ

После рассмотрения последовательности в Каталоге кораблей, Феличе Винчи предлагает перейти к шведскому побережью, обращенному в сторону Финского залива. Здесь находится воронкообразный залив длиной почти 20 км, который носит название Норртелье (*Norrälje*), в 60 км к северу от Стокгольма. Этот район всегда использовался кораблями и флотом, чтобы добраться до Финляндии. На взгляд Винчи, залив напоминает гомеровскую Авлиду, где собрался ахейский флот, прежде чем отправиться в Трою. На узком участке моря между двумя странами находятся Аландские острова, образующие своего рода естественный мост между двумя землями.

Это маршрут, по которому следуют и современные паромы мимо острова *Лемланд*, название которого напоминает о древнем *Лемносе*, где останавливались ахейцы во время своего перехода. Соседние острова напоминают *Имбер* и *Самофракию*, мифическое место с секретами металлообработки. Другой остров южнее, примыкающий к побережью Эстонии, известен как

Хийюмаа (*Hiiumaa*), что напоминает о Хиосе (*Chios*), острове, который миновал флот Нестора, возвращаясь из Трои в конце войны. Взятые вместе, эти острова представляют собой картину, соответствующую описанию Гомером маршрута, по которому ахейский флот направлялся в Трою и обратно.

Авлида в греческой мифологии известна тем, что Агамемнон принес в жертву свою дочь Ифигению, о чем рассказывает Еврипид¹⁸⁸ в трагедии *Ифигения в Авлиде*. На греческой территории Авлиды находится недалеко от современного Вати (*Vathy*). Его порт расположен на скале, которая вдается в Эвбейское море, образуя две небольшие бухты в проливе Еврипа, почти перед Халкидой (рис. 4). Однако, их крайне недостаточно для укрытия почти двенадцати сотен кораблей, отправившихся в поход на Трою. Более того, положение греческой Авлиды за Эвбеей не кажется очень удачным, учитывая, что войско направлялось в Малую Азию.

Между тем, в Балтийском море берега залива Норртелье – название которого, по Винчи, без префикса напоминает гомеровскую Авлиду (*Aulis*) – обычно низкие и подходят для высадки, а у его устья имеется множество укрытых островов и островков. Учитывая его размер и форму, которые могут обеспечить хорошее укрытие для бесчисленного множества кораблей, а также отличное стратегическое положение, он является, согласно Винчи, идеальным местом сбора для любого флота, направляющегося к противоположному берегу, который находится менее чем в 100 морских милях от него, с возможностью остановиться на Аландских островах, лежащих в середине водного пути. Вот почему он всегда считался лучшим пунктом пересечения как для военных, так и торговых кораблей между Швецией и Финляндией.

В июне 2006 года этот маршрут прошел на парусной лодке проф. Уильям Маллен (William Mallen), исследовавший античные культуры в Бард-колледже в Нью-Йорке, и четверо его учеников¹⁸⁹. После состоявшегося мероприятия, финансируемого за счет гранта, предоставленного SEA, престижным океанографическим институтом США, он заявил:

«Трудно переоценить влияние, как научное, так и творческое, которое можно ожидать от распространения убедительно аргументированного тезиса Винчи о балтийском происхождении Гомеровского эпоса. Ученые будут переосмысливать «индоевропейские» исследования с нуля. И читатели гомеровского эпоса войдут в новые обитали, воссоздав заново мир, в котором его герои впервые дышали и двигались».

Впоследствии американское издание исследования Феличе Винчи *The Baltic Origins of Homer's Epic Tales: The Iliad, the Odyssey, and the Migration of Myth* было принято в качестве учебного пособия для студентов Барда, где в учебном плане курса «Гомер» в 2007 г. были проведены лекции по теории Винчи.

В настоящее время паромы, направляющиеся в Хельсинки или Турку, выходят из Kapellskär, в устье залива, и несколько рейсов останавливаются в Мариехамне, главном городе Аландских островов, в то время как безостановочные паромы огибают мыс *Лемланда*, самого южного острова Аландских островов. Это название напоминает Винчи о древнем *Лемносе*, где остановились ахейские корабли и бросили Филоктета (*Илиада* 2.722), что дает нам еще одно подтверждение того, что нынешний Норртелье соответствует гомеровской Авлиде. Древние ахейцы, вероятно, следовали тем же курсом, что и современные паромы из Швеции в Финляндию.

Тем не менее, для древних кораблей с квадратными парусами и плоскими килями, непригодными для плавания против ветра, отплытие из такой длинной бухты с множеством рифов в ее устье было бы очень сложной задачей, особенно если дул встречный ветер. Именно это произошло с ахейским флотом, который, согласно греческой мифологии, не смог отплыть из Авлиды из-за встречного ветра, пока Ифигения не была принесена в жертву.

История Ифигении повторяется в эпизоде, рассказанном Саксоном Грамматиком: во время морской экспедиции случилось так, что

«[моряки] оказавшись в некоем месте, где их кораблям постоянно досаждали сильные штормы, а ветер мешал плаванию так сильно, что большую часть времени они были

¹⁸⁸ Еврипид (Εὐριπίδης, лат. Euripides), греческий драматург (480-е – 406 г. до н. э.)

¹⁸⁹ <http://vteam06.googlepages.com/>

вынуждены бездействовать, они решили умиловить богов при помощи человеческой крови. Чтобы избрать жертву, в урну был брошен жребий, и вышло так, что погибнуть выпало королю». (*Деяния данов* 6.5.7)

В *Илиаде* Лемнос, Самос и Имброс упоминаются вместе (*Илиада* 24.753) и парами (*Илиада* 14.281, 24.78), что дает понять, что все они принадлежат к одной области.

Лемнос упоминается не менее чем в семи песнях *Илиады*, как правило, в связи с металлургией. Здесь же разворачивалось действие истории о Гефесте, боге-кузнеце, сброшенном с Олимпа:

[Зевс] за ногу крепко схватил и с небесного бросил порога.
Несся стремглав я весь день и тогда лишь, когда заходило
Солнце, на Лемнос упал; чуть-чуть только духу осталось.
Там уж меня подобрала немедля синтийские мужи (*Илиада* 1.591–594).

Этот отрывок, по предположению Винчи, может относиться к метеоритному происхождению железа, а также быть связанным с мифом о солнце: бог, который передвигается по небу «целый день» и достигает земли «на закате» – это солнце, и оно связано с металлургией – кузнецы делают отливку из раскаленного металла, своеобразное «мини-солнце».

В *Одиссее* также говорится о тесной связи между богом-кузнецом и Лемносом, который был «самым дорогим для него из всех земель» (*Одиссея* 8.284). Эта строчка взята из эпизода, в котором Гефест использует классическую ловушку для своей жены Афродиты и ее любовника Ареса: когда он делает вид, что уходит, Арес попадает на крючок и бросается к своей возлюбленной, объявляя: «Нету ведь дома Гефеста / к синтиям грубоголым на Лемнос отправился муж твой» (*Одиссея*, 8.293–294).

В продолжение этого эпизода двое влюбленных попадают в сеть, «тонкую, как паутина» (*Одиссея* 8.280), которую умный муж устроил так, чтобы она упала на кровать в нужный момент. Что касается этой сети, Роберт Грейвс говорит: «Похоже, что жрицы Афродиты носили ее во время Весенних фестивалей, а также скандинавские жрицы богини Холле, или Года, на празднестве в мае».¹⁹⁰ Эта история может быть связана, полагает Винчи, с древней металлургической деятельностью на острове, и это выглядит как сложная метафора для металлоплавильного процесса, особенно когда кузнец в образе Гефеста находит медь (Афродиту) и железо (Арес), «схваченные» вместе на дне плавильного котла.

В обеих поэмах Гефест упоминается в связи с синтиями (*Sintians*), мифическими жителями Лемноса (*Илиада* 1.594, *Одиссея* 8.294). Винчи отмечает, что их имя совпадает с названием современных синти (*Sintians*), племенем цыган, члены которого традиционно являются мастерами металлообработки. Более того, Гомер называет Лемнос «окутанный дымом» (*Илиада* 24.753), что вполне может иметь какое-то отношение к металлообработке. Греческий Лемнос также был назван Полибием *Aithále* от глагола *aithō*, который выражает понятие «курить» или «сжигать». В подтверждение этого, в *Илиаде* мы находим слово *aithalōen*, означающее «сожженный» (*Илиада* 2.415).

Интересно, подчеркивает Винчи, что греки использовали то же название для острова Эльба в Тирренском море, перед Тосканой, где этруски установили множество печей для производства железа: *Aitháleia* или *Aithalia*, то есть «дымление». Название *Italia* (Италия), по мнению исследователя, возможно, происходит от этого названия, имея в виду большое количество вулканов (Этна, Везувий, Стромболи и т.д.) на юге страны, откуда это название произошло. Современная этимология, восходящая к древним римлянам, до сих пор, однако, связывает название *Italia* с *vitulus*. («теленок»).

В подтверждение версии Винчи, что название *Italia* может быть связано с *Aitháleia* или *Aithalia* (греч. «дымление» – и греч. *aithō* – «курить», «сжигать»; *aithalōen* – «сожженный» (как в *Илиаде* 2.415); *αἰθάλη*, *aitháli* – «сажа»), любопытно вспомнить о древнем торговом Янтарном пути с Балтики на Адриатику, и сделать дальнейшее сравнение с эст. *edel*, р.п. *edela* – «юго-запад, юго-западный»; фин. *etelä* – «юг»; фин. *eteläinen* – «южный». Ср. с «калькирующей» парой в английском: *soot* – «сажа» <-> *south* – «юг».

¹⁹⁰ Graves, Robert. *Graves R., I miti greci*, Milan 1979, 18.1.

Самофракийский остров Гомера, расположенный недалеко от Лемноса, Винчи отождествляет с самым большим островом архипелага, известным как Аландские острова, недалеко от Лемланда. Здесь топоним Sålís напоминает Винчи о древнем городе Сале в греческой Самофракии, мифическом доме кабиров и их загадках металлообработки.

Загадки металлообработки относятся к древним металлургическим предприятиям, которые были окружены ореолом религиозной энигмы: кузнецы считались хранителями секретов своего искусства, доступ к которым они получали только после церемоний посвящения. К слову, подчеркивает Винчи, обычай древних объединений декоративно-прикладного искусства бдительно охранять свои секреты был довольно распространен в древнем мире вплоть до Средневековья. Остается вспомнить об алхимии (которая, вероятно, зародилась из древних секретов обработки металлов) и мастерстве строителей соборов, чьи обычаи породили современное умозрительное масонство с его ритуалами, легендами, церемониями посвящения и пр.

Возможно, полагает Винчи, упоминания о металлообработке также можно найти в топонимах Аландских островов, таких как: *Hammerland* и *Hammarudda* (швед. *hammare* – «кузнечный молот»).

Отождествив гомеровскую Самофракию с Аландскими островами, естественно отождествить Ботнический залив, который начинается за Аландскими островами, с гомеровским Фракийским морем, средиземноморский аналог которого находится в самой северной части Эгейского моря (логическое соответствие между Финским заливом и Дарданеллами).

Отрывок из *Илиады* подтверждает это: Борей и Зефир, то есть северный и западный ветры, пересекли Фракийское море, направившись к Троаде, чтобы раздуть огонь в костре, на который погибший положен Патрокл (*Илиада* 23.208–230). Следовательно, это море находилось к северо-западу от Трои, что соответствует расположению Ботнического залива по отношению к вероятной Троаде в Нарвско-Лужском междуречье.

Что касается местоположения Фракии, откуда пришло войско троянских союзников (*Илиада* 2.844) – учитывая, что Ифидамант пересек море по пути из Фракии в Трою (*Илиада* 11.221–30), и слова Гомера о «вине, которое ахейские корабли/ перевозят через широкое море [εὐρέα pontoon] из Фракии» (*Илиада* 9.71–72) для снабжения своего лагеря, Винчи делает вывод, что гомеровская Фракия лежала на западной стороне Ботнического залива, вдоль нынешнего побережья Швеции, напротив Финляндии.

Гомер устанавливает точную связь между Аресом, богом войны, и Фракией, откуда он, вероятно, пришел и где ему сильно поклонялись (*Илиада* 13.298–301). С другой стороны, единственный отрывок, где в *Одиссее* упоминается этот регион, относится конкретно к Аресу (*Одиссея* 8.361). Примечательно, что Фракия упоминается в скандинавской мифологии: Снорри Стурлусон в *Младшей Эдде* отождествляет жилище норвежского бога Тора, известного как *Thrúðheimr*, то есть «Страна Силы», с регионом, называемым Фракия – Тракья (*Trakja*).

Рассматривая ранее совпадения между балтийской географией и маршрутом ахейского флота в Трою, Винчи предлагает рассмотреть и обратный путь ахейцев после войны. Нестор так говорит об этом путешествии:

*Несколько позже к нам также пристал Менелай русокудрый.
В Лесбосе он нас нагнал, переход обсуждавших далекий:
Плыть ли нам выше хиосских заливов и мысов скалистых
К Псире, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо проплывши Миманта, открытого ветрам.
Бога мы попросили, чтоб знаменье дал нам. Дорогу
Он указал и велел середину нам моря прорезать
Прямо к Эвбее, чтоб прочь от беды убежать поскорее. (Одиссея 3.168–175)*

По мнению Винчи, этот отрывок очень хорошо вписывается в балтийскую географию. Хиос идентифицируется как по наименованию, так и по расположению с Хийумаа (*Hiiutaa*, эст. «Священная земля»), вторым самым крупным островом у западных берегов Эстонии. Таким образом, ахейцы, вышедшие из Финского залива, миновали Хийумаа и направились прямо к острову Эланд, параллельному шведскому побережью – и последовательность в Каталоге

кораблей подтверждает, что о. Эланд идентифицируется с гомеровской Эвбеей. Оттуда герои продолжили путь к южной Швеции и Дании.

Самый крупный эстонский остров, Сааремаа (*Saaremaa*)¹⁹¹, расположенный недалеко от Хийумаа, является самым юго-восточным из крупных островов в Балтийском море, как Кипр в Средиземном море. Таким образом, заключает Винчи, Сааремаа можно отождествить с гомеровским Кипром, местом культа Афродиты, покровительницы троянцев: «У нее есть святилище и благоухающий жертвенник в Пафосе» – а именно, в городе на Кипре (*Одиссея*, 8.363). Помимо своего местоположения, подчеркивает исследователь, Сааремаа по форме отдаленно похож на форму Кипра: оба острова имеют довольно продолговатую главную часть, из которой выступает своего рода «рука».

Возможно, считает Винчи, существует связь между названиями городов *Kuressaare* и *Kyrenia*, которые находим на Сааремаа и средиземноморском Кипре соответственно. Как мы уже говорили, широко распространенное явление соответствующих топонимов поддерживает идею о том, что общий культурный и этнический субстрат, восходящий к раннему бронзовому веку, связывает всю Европу с севера на юг.

Таким образом, полагает Винчи, будет не столь смело предвидеть нахождение и других географических «близнецов», таких как уже выявленные Лемланд и Лемнос; Хийумаа и Хиос; Нексе на о. Борнхольм и греч. Наксос, и т.п.

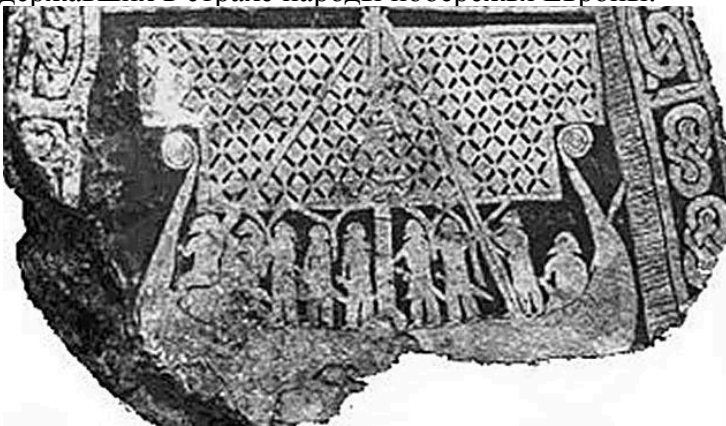
НЕСРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ АХЕЙСКИХ КОРАБЛЕЙ

Читатель не может не попытаться представить себе огромный ахейский флот, направлявшийся из Авлиды в Трою. Сам Гомер не передал нам это зрелище, однако, Феличе Винчи предлагает рассмотреть нечто похожее в *Деяниях данов*, где Саксон описывает датский и шведский флот, столкнувшиеся друг с другом перед морским сражением при Бровалле, которое произошло в этих водах:

Вы могли видеть повсюду носы кораблей, бороздящих волны, а паруса на их мачтах заслоняют собой вид на море. (*Деяния* 8.3.13)

Какова конструкция кораблей, описываемых Гомером? Прежде всего, из отрывка, связанного с прибытием Улисса на Итаку, Винчи делает вывод, что корабль, на котором феаки доставили его домой, должен был иметь плоский киль и минимальное водоизмещение: темп гребли был быстрым, и корабль «преодолевал на берегу половину своей длины» (*Одиссея* 13.114).

Более того, эти корабли имели *двойной нос*, что придавало им большую маневренность, что Винчи заключает из часто употребляемого выражения *ἀμφιέλισσαι*, *amphiélissai* – с обеих сторон «завернутый» (загнутый, витой, искривленный), т.е. с двух сторон имеющий одинаковую форму. Это прилагательное, по Винчи, относится к двойному изгибу кораблей, то есть двойному носу и отсутствию кормы. Эти конструктивные особенности были характерны для кораблей викингов, державших в страхе народы побережья Европы.

¹⁹¹ Древнее название острова Сааремаа – Осилия, Озель (*Osilia*, *Osel*) – собственно, англ. *isle*, итал. *isola* – «остров» – см. <https://new-etymology.livejournal.com/45693.html>

Илл. 28. Конструкция викингских кораблей.

Тацит, живший (по общепринятой хронологии) между рассматриваемых двух эпох (эпохи Гомера и викингского периода), также упоминает двойной нос, который позволял шведским морякам его времени (он называл их *Suiones* или *Sviones*) управлять своими кораблями в узких прибрежных фьордах:

«Форма их кораблей отличается от нашей: оба конца имеют нос и поэтому оба готовы к причаливанию (...), и направление гребли можно менять в зависимости от обстоятельств». (*Germania* 44.2)

Эта форма подтверждается и самым древним найденным археологами северным кораблем, известным как «корабль Альсена», датируемым IV веком до н.э. Также, рассказывая про *Suiones*, Тацит утверждает, что «помимо людей и оружия, они выделяются своими флотами» (*Germania* 44.2).

Знаменитые *драккары*, корабли викингов, следовательно, основывали свои конструкции на очень древнем, передававшемся через века «ноу-хау», предполагает Винчи. Их корпуса периодически обмазывали смолой, чтобы сделать водонепроницаемыми. Такой же обработке подвергались ахейские «черные корабли» (*Илиада* 2.524). Кроме того, борта кораблей викингов, до этого покрытые смолой, далее окрашивались в яркие цвета, как правило, с красными и белыми полосами, что соответствует *красному цвету* кораблей Улисса (*Илиада* 2.637).

Продуманной особенностью, типичной для кораблей викингов, являлась также *съемная мачта*. Ее опускали всякий раз при риске образования льда, так как лед на мачте мог привести к опрокидыванию корабля из-за изменения распределения веса. Съемная мачта, однако, была типична и для гомеровских кораблей. Действительно, многие отрывки из *Илиады* (1.434; 480) и *Одиссеи* (2.424–425; 8.52) подтверждают, что действия по установке и снятию мачты были обычными в начале и в конце каждой миссии.

Вдоль всего норвежского побережья текут тёплые воды Гольфстрима, незамерзающей «реки Океан», позволяющей круглогодичную навигацию – при этом температуры воздуха зимой суровые, и наледь на мачтах была существенной проблемой. Это та же проблема, что с современными фюзеляжами самолетов, требующими обработки противообледенительной жидкостью перед их взлётом (для предотвращения образования наледи, добавляющей вес и ухудшающей управляемость судна). Подобной задачи по борьбе с наледью на мачтах на Средиземном море просто не существовало.

В *Одиссее* подробно сообщается даже о процедуре установки мачты (*Одиссея* 2.424–426). В свою очередь, в *Илиаде* сообщается, что при снятии мачты моряки ставили ее на «эстакаду» (*Илиада* 1.434). Примечательно, подчеркивает Винчи, что съемная мачта требует довольно продвинутой технологии, поскольку она должна обеспечивать, с одной стороны, идеальную устойчивость паруса даже при наличии серьезных нагрузок, а с другой – высокую скорость установки и настройки. Этот момент очень важен: в *Одиссее* отмечается, что, когда корабль Телемаха вернулся на Итаку, команда «быстро» сняла мачту (*Одиссея* 15.497).

Одним словом, ахейцы обладали знатным мастерством в судостроении, что свидетельствует о мореходном опыте, широко подтвержденном гомеровскими поэмами и который определенно предшествовал временам Гомера, полагает Винчи: «Поскольку все конструктивные особенности ахейских судов – двойной нос, плоский киль, съемная мачта – также были типичными для кораблей викингов, кажется, что мы не слишком ошибаемся, используя последние в качестве ориентира для определения формы и размера судов в мире Гомера».

На одном из пяти судов (два военных корабля и три торговых судна), недавно обнаруженных во фьорде Роскилле (*Roskilde*) недалеко от Копенгагена, «помещалось от 50 до 60 воинов, оно имело мачту и парус, и, несомненно, было одним из ужасающе длинных кораблей викингов, которые использовали датские короли в своих нападениях на Англию».¹⁹² Его длина составляет 28 метров, а ширина – 4,5 метра, и на основании уже сказанного, Винчи делает предположение, что корабли Гомера с более или менее одинаковым экипажем должны были быть примерно такого же размера.

¹⁹² Pörtner, Rudolf. *L'epopea dei Vichinghi*, Milan 1996, p. 220.

В случае с кораблем Улисса сведения, сообщаемые в приключении на острове Цирцеи, позволяют нам подсчитать количество людей на борту: всего было 46 человек, включая капитана (*Одиссея* 10.203–208). Это число кажется реалистичным, потому что в обеих поэмах упоминаются корабли одного класса, то есть с 50 гребцами. Речь идет о кораблях Ахиллеса (*Илиада* 16.170) и Филоктета (*Илиада* 2.719), а также о феакском корабле, который доставил домой Улисса и имел 52 гребца (*Одиссея* 8.35).

Если, продолжает расчеты Винчи, мы добавим 6 человек, убитых Циклопом, к 46, присутствовавшим на корабле Улисса, когда он высадился на острове Цирцеи, мы получим 52 человека – экипаж феакского корабля. Тот факт, что люди, убитые Киконами (*Одиссея* 9.60), не были посчитаны, сходится с идеей, что рассказ о странствиях был обусловлен источником, отличным от остальной части *Одиссеи*.

Второй военный корабль из Роскилле, меньшего размера (18 метров в длину, 2,6 метра в ширину), вмещал 24 человека. Этот тип корабля может быть использован как отсылка к классу ахейских кораблей с 20 гребцами, которые в *Илиаде* под командованием Улисса вернули юного Хриса его отцу (*Илиада* 1.309), а в *Одиссее* Телемах использовал такой корабль для плавания к Пилосу (*Одиссея* 2.212), и Антиной сел на один, чтобы попытаться перехватить его (*Одиссея* 4.669). В другом отрывке *Одиссеи* упоминается «торговый корабль с 20 гребцами», пригодный для дальних путешествий (*Одиссея* 9.322–323).

В то же время корабли, идущие из Беотии, принимали на борт 120 человек (*Илиада* 2.510). Интересно, что и Саксон Грамматик говорит об огромных «кораблях с сотней человек на борту» (*Деяния данов* 7.14.2).

Разумеется, и у троянцев были корабли. Гомер намекает на их судостроительную деятельность, когда рассказывает о похищении Елены: он упоминает троянца по имени Тектон, что «был руками во всяких ремеслах очень искусен / так как, средь всех отличая, его возлюбила Афина / он и Парису когда-то суда равнобокие строил / что причинили много зла всем троянцам» (*Илиада* 5.60–63).

Морской порт Трои мог располагаться у устья Скамандра, места, выбранного ахейцами для их высадки, что сделало порт непригодным для троянцев (вероятно, гибель Протесилая была связана с первой попыткой высадки ахейцев). Это подтверждается рассказом об Ифидаманте, который отплыл из Фракии, «затем корабли равнобокие те он в Перкоте оставил / Сам же с отрядом пешком в Илион крепкостенный явился» (*Илиада* 11.229–230).

Интересно, что поэт дает нам некоторую информацию – разбросанную, но очень последовательную – о расположении ахейских кораблей вдоль берега рядом с их лагерем. Например, корабли Улисса были вытащены на берег посередине, в то время как Ахиллес и Теламоний Аякс разместили свои корабли с обоих концов (*Илиада* 8.222–225). Корабли Нестора находились между кораблями Аякса и Улисса. Корабли Аякса были рядом с Протесилеем, командиром фтийцев, главный корабль которого, храбро защищаемый Аяксом, был в конце концов подожжен троянцами, атаковавшими ахейский лагерь, где сооруженная для его защиты стена была «очень низкой» (*Илиада* 13.683).

Однако, подчеркивает Винчи, троянцы понесли большие потери на левом фланге (*Илиада* 13.675), который защищали критяне Идомения и лапифы Полипета (*Илиада* 12.117–130). Войска Ахиллеса во главе с Патроклом поздно вступили в бой, потому что их расположение на наиболее укрепленной стороне – левой – ахейского лагеря означало, что они не знали, что троянцы прорвали ахейские рубежи с другой стороны. Мы только что увидели, что левая сторона соответствует западу: таким образом, корабли Ахиллеса лежали на западном конце берега, недалеко от устья реки, а корабли Аякса находились на противоположной стороне (то есть справа), по направлению восточной части берега, где битва продолжалась долго и ожесточенно перед контратакой Патрокла. Такое расположение подтверждается отрывком из Песни 13, в которой говорится, что фтийцы сражались рядом с беотийцами (*Илиада* 13.685–686), которые, согласно Каталогу кораблей, фактически были «на правой стороне».

То, что корабли Ахиллеса стояли у устья реки, подтверждается деталью, связанной с лошадьми армии мирмидонцев: поскольку Ахиллес воздерживался от сражений, они «оставались без дела / и сельдерей, порожденный болотом, и клевер жевали» (*Илиада* 2.775–776). Таким образом, эта сторона ахейского лагеря была болотистой и сырой, что обусловлено близостью реки.

В Каталоге также говорится, что корабли Аякса были рядом с афинянскими кораблями (*Илиада* 2.558), возглавляемыми Менесфеем, а, с другой стороны, Песнь 13 *Илиады* подтверждает, что Менесфей воевал рядом с беотийцами и фтийцами (*Илиада* 13.690). Все это, подытоживает Винчи, показывает последовательность информации, разбросанной по *Илиаде*, в частности, в Каталоге кораблей, и надежность поэта, первым осветившего эти события.

СТРАННЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

Колесницы были предназначены исключительно для знати, и во время дуэлей, которые, по Гомеру, проходили в пешем порядке, колесницы оставлялись в стороне. Например, троянец Асий обычно сражался

*пешим, впереди своих пыхтящих коней,
которых возница удерживал позади него* (*Илиада* 13.385–386).

Ученые утверждают, что использование колесниц троянцами и ахейцами описанным образом является *аномальным или абсурдным*: «Знаменитые колесницы использовались не только для перевозки героев на битву, но и для передвижения в бою (...) Факт борьбы на колесницах отражен в преданиях»¹⁹³. По этому поводу другой ученый, Франко Монтанари¹⁹⁴ добавляет: «Гомер знает о боевых колесницах, типичных для микенских воинов, однако, он не знает об их использовании, его герои используют их только для передвижения, а сражаются пешими»¹⁹⁵.

Однако, кажущееся нонсенсом описание, которое мы находим в поэмах о таком использовании боевых колесниц, вовсе не абсурдно, считает Феличе Винчи, если рассматривать его в свете других древних практик военного времени, таких как, например, описанные *Юлием Цезарем* о традиции использования колесниц в боевых действиях в древней Британии:

«Их способ сражения на колесницах таков: сначала они разъезжаются во всех направлениях, метая свои орудия, и обычно разбивают ряды врага уже страшным видом коней и стуком колес; затем, прорвавшись между войсками противника с помощью коней, спрыгивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возничие выводят колесницы из линии боя и ставят их так, чтобы бойцы, в случае если враг будет теснить их своей численностью, могли с легкостью отступить к своим войскам. Таким образом, в бою достигается мобильность конницы в соединении с устойчивостью пехоты» (*De Bello Gallico*, 4.33).

Юлий Цезарь подчеркивает эффективность этой стратегии и в другом отрывке:

«Бритты большей частью отступают преднамеренно, и, как только отвлекут наших людей на небольшое расстояние от легионов, то соскакивают со своих колесниц и сражаются пешими, что делает бой неравным» (*Де Белло Галлико* 5.16).

По этому поводу Винчи приводит также утверждение Диодора Сицилийского (Diodorus Siculus), современника Цезаря:

«Говорят, что [остров] Британия населен местными племенами, которые придерживаются своего старого образа жизни. Они используют колесницы в битвах, как древнегреческие герои Троянской войны» (*Историческая библиотека* 5, 21).

Следовательно, делает вывод Винчи, странное использование колесниц, описанное в *Илиаде*, не является «бессмысленным» результатом предполагаемого невежества поэта, который проявил себя очень сведущим по ряду вопросов. Напротив, это является выдающимся свидетельством использования колесницы в битвах в нордическом бронзовом веке, а также методов, которые сохранились в цивилизации британцев до эпохи Цезаря. Более того, это еще одно подтверждение того, что гомеровский мир *Илиады* полностью чужд традиционно считающейся средиземноморской среде,

¹⁹³ Finley, Moses. *The World of Odysseus*, 2nd Edition. London, Penguin Books, 1979, p. 148.

¹⁹⁴ Франко Монтанари (Franco Montanari), итальянский филолог (род. 1950).

¹⁹⁵ Montanari, Franco, *Introduzione a Omero* (Introduction to Homer), Florence 1992, pp. 73–74.

«...где никто никогда не сражался так, как герои Гомера. Их ведут в битву на колеснице, а затем они прыгают противостоять врагу. Все, что мы знаем о боевых колесницах в восточном Средиземноморье, протестует против такого взгляда на вещи».¹⁹⁶

Данное свидетельство очень важно: знаменитый исследователь древней Греции Пьер Видадь-Наке,¹⁹⁷ утверждая здесь о несовместимости между *Илиадой* и средиземноморской средой, косвенно подтверждает справедливость нордической гипотезы Винчи.

АХИЛЛЕСОВ ЩИТ

Феличе Винчи предлагает более внимательно взглянуть на знаменитый щит Ахиллеса, сделанный богом кузнецов Гефестом. Гомер останавливается на его украшениях примерно в 125 строках поэмы (*Илиада* 18.483–607), где он дает прекрасный снимок повседневной ахейской жизни и ознаменовывает жанр, который долгое время был типичным для викингских скальдов. Однако, до того, как рассматривать эти украшения, мы должны решить еще одну древнюю проблему: структуру щита, из которой можно реконструировать расположение украшений на его поверхности.

Для этого Винчи обращается к отрывку, рассказывающему о поединке Ахиллеса и Энея, во время которого копье Энея попадает в щит Ахиллеса:

*Так не пробила щита и тяжелая пика Энея:
Золотом, божьим подарком, была остановлена пика:
Два слоя на щите пронизала, а там еще было три,
поскольку бог Колченогий поставил пять слоев [pénte ptýchas];
Два из бронзы, и внутренних два – оловянных,
И один – золотой; это осиновое копье и сдержало. (*Илиада* 20.267–272)*

Поначалу кажется абсурдным, что золотой слой заключен между остальными, «как кусок сыра в бутерброде»: в этом случае он был бы невидимым, жертвуя всем своим декоративным назначением! Таким образом, это расположение не может быть правильным, считает Винчи. Вот комментарий специалиста в сноске к этому отрывку:

«Последние четыре строки стиха еще александрийский филолог Аристарх считал недостоверными. В строке 268 говорится, что щит не был пробит, но следующие строки абсурдно заявляют, что золотой слой находился между двумя слоями из бронзы и двумя из олова».¹⁹⁸

Но можем ли мы найти интерпретацию, которая вернет смысл этим строкам и изображению щита? Другой отрывок из *Илиады* объясняет, как Гефест сделал щит:

*Он изготовил большой, тяжелый щит,
всюду его украсив; вокруг установил блестящий тройной [tríplaka]
и сияющий обод и серебряный ремень.
Щит состоял из пяти слоев [pénte ptýches];
много создал он украшений, хитро их задумав (*Илиада* 18.478–482)*

Винчи особо отмечает упомянутые в этом отрывке «пять слоев». Слово «слой» (греч. ptýchē) также упоминается в связи с щитом Аякса, сделанного из слоев коровьей кожи. О нем в *Илиаде* говорится, что Гектору удалось пробить «шесть слоев, но остановился на седьмой шкуре» (*Илиада* 7.247–248). Металлические или кожаные гомеровские щиты явно состояли из нескольких слоев, наложенных друг на друга, чтобы обеспечить максимальное сопротивление в сочетании с удобством и меньшим весом.

Щит Ахиллеса состоял из пяти слоев – пяти металлических пластин, уложенных одна на другую, имеющих пять различных постепенно уменьшающихся диаметров. Слои представляют

¹⁹⁶ Vidal-Naquet, Pierre, *Postface à l'Iliade, Iliade*, Paris, Gallimard 2013, p. 573.

¹⁹⁷ Пьер Видадь-Наке (Pierre Vidal-Naquet), французский историк-эллинист, публицист (1930 – 2006).

¹⁹⁸ Codino in *Iliad* 1974, p. 715.

как бы мишень из пяти концентрических колец. Эта конструкция очень функциональна: в центре два бронзовых слоя, которые являются самыми прочными и, конечно же, имеют основное назначение – отражать удары. Остальные три – золотой и два оловянных – шире, а их внешние края в основном декоративные, образуют «тройной блестящий обод». Однако, они также полезны в качестве вспомогательной защиты, поскольку их границы увеличивают защищаемую площадь, доступную воину, и укрепляют бронзовые слои. Действительно, золотой слой останавливает копье Энея после того, как двое бронзовых становятся менее крепкими – то же самое происходит в поединке Ахиллеса с Астеропеем (*Илиада* 21.165). Украшения, конечно же, покрывают весь первый слой бронзы (который можно рассматривать как своего рода мишень в центре щита), а также внешние кольца остальных четырех слоев.

Такая структура отвечает требованию ограничения веса – золото и олово, металлы, используемые для больших слоев, очень пластичны, и поэтому их можно ковать очень тонко. Тем не менее, щит был «большим и тяжелым» (*Илиада* 18.478). Чтобы приблизительно оценить его вес, мы можем условно предположить, что пять слоев имели диаметр 30, 60, 70, 80 и 90 см соответственно, бронзовые пластины были толщиной 2 мм, а остальные слои 0,5 мм. Учитывая, что такого рода вычисления основаны на, разумеется, произвольных данных (что касается размера первого слоя, мы берем за основу бронзовый диск с изображением звездного неба, найденный в немецком городе Небра), итоговый вес составляет примерно 15 кг – тяжелый, но вполне сносный для чемпиона в отличной форме.

Мы также должны учитывать, подчеркивает Винчи, что герои Гомера несли свои щиты не на предплечьях, как это делали воины Средиземноморья и Ближнего Востока, а, скорее, с ремнем (*Илиада* 18.480) на левом плече (*Илиада* 16.106). Это так называемый «щит лучника», который позволяет носителю использовать лук свободными руками. Он встречается в некоторых примитивных африканских и индонезийских культурах, что согласуется с архаизмом гомеровского мира. То, что древние греки могли быть так озадачены строением щита Ахиллеса, несомненно, является еще одним признаком того, что их культура потеряла преэминентность с культурой Гомера.

На этом этапе, следуя последовательности украшений на щите, Винчи производит «реконструкцию» их расположения на поверхности. Центральный бронзовый слой был украшен землей, небом и звездами – упоминаются даже Плеяды; это конфигурация, которая удивительно похожа на диск Небры, где Плеяды легко узнаваемы. На втором слое (или кольце вокруг прицела), тоже из бронзы, были изображены два города, один в мире, а другой в состоянии войны. Третий слой золота, внутренняя часть которого, покрытая слоями бронзы, блокирует копье Энея, содержал сцены земледелия и разведения скота. Вспаханная земля была «золотой» (*Илиада* 18.549), что подтверждает размещение этого украшения на золотом кольце. Производственные орудия земледелия и разведения, которые приносят людям богатство, изображены на золотом слое, самом драгоценном из всех. Четвертый слой, сделанный из олова, изображал танцующих «юношей и любимых девушек» (*Илиада* 18.593). В заключение,

(Гефест) установил великую силу Реки Океан,
вдоль внешней границы твердого щита (*Илиада* 18.606–607).

Это, считает Винчи, относится к пятому слою, тоже из олова. Говоря об изображении на этом слое, примечательно то, что идея об океане, окружающем всю Землю, также встречается в скандинавской литературе, где Земля «окружена океаном, связанная кольцом»,¹⁹⁹ и «Мировой пояс» – это кеннинг, который указывал на океан²⁰⁰ (с вероятной отсылкой на самую северо-восточную ветвь Гольфстрима).

Это грандиозное изображение мира можно прочесть также в «вертикальной» последовательности, начиная с верхнего слоя, центрального, затем спускаясь к краю щита: небо, города (которые обычно стояли на холмах), поля, танец и море.

Между прочим, подчеркивает Винчи, мы можем представить, что танец на четвертом слое происходит в месте собрания (*agorē*) у моря, как и у феаков (*Одиссея* 6.263–264), где молодые исполняли танец во время игры Демодока на кифаре (*Одиссея* 8.261–264).

¹⁹⁹ Chiesa Isnardi *I miti nordici* (Norse myths). Milan 1996, p. 466.

²⁰⁰ Mari Catani, Alessandro, *I Vichinghi di Jomsborg*, Florence 1982, p. 153.

Такое расположение напоминает украшения на древних финских и саамских шаманских барабанах, которые были поделены на зоны, отражающие разделение вселенной (типичное для шаманизма) – на Небеса, Землю и Преисподнюю. На этих круглых барабанах есть некоторые небесные символы, символы, относящиеся к человеческому миру, а также к подземному (аналогично Реке Океан, учитывая, что в шаманистических концепциях «Ад» связан с реками и иными водами).

Связь щитов с этими шаманскими барабанами предполагает, что их изображения вызывали магическую защиту в дополнение к обычной – мы уже видели, что на щите Агамемнона была изображена «ужасающая Горгона» (*Илиада* 11.36), а щиты викингов были украшены страшными изображениями для защиты от злых душ и неудач. Также возможно, если предположить, что повествование *Илиады* было вдохновлено реальными событиями, что Ахиллес – который отдал свой боевой щит Патроклу, чье оружие было схвачено Гектором – после падения вышел на поле со своим «парадным щитом», более подходящим для демонстрации богатства и власти, чем для сражений (парадный щит был найден в одной из кельтских гробниц в Ле-Плесси-Гассо, недалеко от Парижа).

Интересно, продолжает Винчи, что согласно Салическому закону – своду законов VI века н.э., в котором зафиксированы в письменной форме древние устные правила салианских франков и других германских племен – в некоторых случаях тот, кто председательствует на собрании, обязан иметь щит, «в соответствии с ритуалом магического происхождения». Возможно, щит Ахиллеса, который, кажется, не очень подходит для боя, имел ритуально-магическую функцию, но у него не было ужасающих изображений для апотропных целей, таких как Горгона, изображенная на щите Агамемнона, потому что это был не боевой щит.

Так или иначе, подводит итоги Винчи – пять тем, изображенных на соответствующих слоях щита (небо, города, трудовая деятельность, танцы, Река Океан, которая все окружает) выстроены поэтом на высочайшем уровне ума и мастерства – или, еще точнее, «мудрым разумом» бога Гефеста, как говорится в *Илиаде*. С описанием этого щита Гомер оставил нам выдающийся документ о скандинавском бронзовом веке и его *Weltanschauung*, т.е. «мировоззрения» – наиболее достойное завершение нашей реконструкции утерянного мира ахейцев.

ЗАГАДОЧНОЕ ОРУЖИЕ

[Агамемнон] проверял ряды солдат

Их и копьем, и мечом, и чермадионом сражая (*Илиада* 11.264–265).

Из этого отрывка следует, что одно из основных видов оружия, которое использовали гомеровские воины, на греческом языке называлось *chermádion*. Это имя – источник недоразумения, которое, при его разъяснении, может стать предметом интереса археологов. *Chermádion* обычно переводится как «камень» или «кремень», но это не обычный камень, который называют *pétrē*, *lâas* или *lithos*. Например, Патрокл «спрыгнул со своей колесницы / с копьем в левой руке; другой он поднял / грубый сверкающий камень [*pétron*], всю руку занявший / и бросил его с силой (...) Острый камень [*lâi*] попал в лоб возничего Гектора Кебриона (...) / камень [*lithos*] разбил ему брови (*Илиада* 16.733–740).

Патрокл не бросал свое копье, подчеркивает Феличе Винчи, чтобы защититься от быстро приближающегося Гектора, а вместо этого использовал подручный камень, чтобы попасть в возничего колесницы своего врага. Гомер употребляет все три вышеупомянутых синонима слова «камень» в нескольких строках, но не упоминает *chermadion*. Чем бы ни был *чермадион*, это, безусловно, какое-то смертельное оружие, рассуждает исследователь. Пока Епигей пытался схватить труп Сарпедона, которого только что убил Патрокл, «Гектор ударил его / по голове *чермадионом*, который расколол его череп надвое / внутри его прочного шлема; ничком повалился он» (*Илиада* 16.577–579).

Точно так же Диомед, у которого не было копья, когда Эней напал на него, «взял *чермадион* (...) и ударил Энея по бедру (...). Он сломал ему вертлужную впадину и перерезал два сухожилия; зазубренный камень разорвал кожу» (*Илиада* 5.302–310). Под «зазубренным камнем» здесь явно подразумевается острый конец оружия. Мы находим похожее описание

ранее: «[Диореса Амаринцидеса] ударил чермадионом по пятке (...) жестокий камень раздробил два сухожилия/ и кости» (*Илиада* 4.517, 521–522).

Как видно из этих строк, продолжает анализ Винчи, чермадионы обычно ранили разрезанием: Патрокл «ударил Сфенелая / по шее чермадионом и разрезал его сухожилия» (*Илиада* 16.586–587). Есть еще одно свидетельство того, что чермадион – это не просто «камень» или «кремень», а, скорее, настоящее оружие: про Аякса Теламония в *Илиаде* говорится, что он никому не уступал, только «уязвимый для бронзы или больших чермадионов» (*Илиада* 13.323). Следовательно, чермадионы были не из бронзы.

На данный момент можем ли мы понять, что это за оружие – *chermadion*? Ключ находится, согласно Винчи, в другом отрывке, где Гектор

*...чермадион схвативши рукою,
Ринулся прямо на Тевкра; убить его рвался он махом.
Тот между тем из колчана стрелу окрыленную вынул
И приложил к тетиве. Но когда тетиву напрягал он,
Шлемом блистающий Гектор в плечо его, там, где ключица
Грудь отделяет от шеи, - опасное самое место! -
Камнем зубристым ударил в то время, как тот в него метил,
И тетиву перервал (*Илиада* 8.321–328)*

Поэт *Илиады*, в отличие от *Одиссеи*, очень точно описывает человеческое тело (как, например, в последних строках этого отрывка) и, в частности, все виды ран – он наверняка побывал на полях сражений, и Винчи даже подозревает, что он мог быть военным врачом.

Возвращаясь к чермадиону, это оружие с режущим камнем, которое можно было бросить или использовать в ближнем бою и даже перерезать тетиву – и Винчи полагает, что его можно отождествить с инструментом, обычно встречающимся во многих древних культурах: каменным топором, дротиком: такая интерпретация подходит ко всем отрывкам, где упоминаются чермадионы.

Винчи находит чермадионы также в руках лестригонов в *Одиссее*, которые бросали их против людей Улисса «со скал» (*Одиссея* 10.121). В этой сцене исследователь чувствует «довольно странный эффект дикого запада, напоминающий индейцев, стоящих со своими томагавками на краю каньона». Гомер описывает лестригонов как примитивных и диких людей, похожих на диких краснокожих Джона Форда, и каменный топор хорошо подходит для такого рода клише.

Другие примеры, в которых упоминается чермадион, подтверждают это: когда Ахиллес, вооруженный мечом, напал на Энея, последний «поднял чермадион» (*Илиада* 20.285), чтобы защитить себя, ведь каждый из них уже метнул свое копьё. Здесь Энею нужно оружие для быстрой защиты, и он подбирает чермадион, который, вероятно, кто-то потерял на поле боя.

Чермадионы также «использовались как подпорки для кораблей» (*Илиада* 14.410), указывает Винчи. Это, с одной стороны, подтверждает связь между топорами и чермадионами, а с другой – связывает их с найденными в Скандинавии высеченными петроглифами, где часто встречается сцепной топор.

Более того, в *Илиаде* Винчи находит еще один отрывок, связанный с топорами и мореплаванием: топоры являются призом в соревнованиях по стрельбе из лука в голубя, привязанного к мачте корабля (*Илиада* 23.852). Связь между кораблями и топорами, считает исследователь, могла иметь конкретное и практическое происхождение: в чрезвычайной ситуации древние мореплаватели становились дровосеками и плотниками, чтобы отремонтировать свои корабли или построить плоты, как это делает Улисс на острове Огигия. Кажется вероятным, что топоры были наиболее важными инструментами для доисторических моряков в определенных ситуациях, как и сегодня для пожарных (в Средние века на самых больших кораблях в команде обязательно был «мастер-плотник»).

Помимо петроглифов, отождествление гомеровских чермадионов с каменными топорами хорошо согласуется со скандинавской археологией, полагает Винчи: топоры очень часто встречаются в захоронениях, относящихся к эпохе, предшествовавшей приходу ахейцев в Средиземное море. Археологи даже говорят о «культурах боевых топоров», имея в виду

каменные топоры, найденные в Северной Европе, которые очень похожи на бронзовые топоры микенской эпохи в Греции (но гомеровские *чермадионы* не из металла):

«Несмотря на сомнения, топоры обычно считаются творением Севера (...) Первые топоры были из камня; позже их делали, обрабатывая самородную медь. Там традиция продолжалась несколько тысячелетий, в то время как ее не существовало на Ближнем Востоке, где топоры встречаются редко, а соответствующие технологии, похоже, отсутствуют».²⁰¹

Вот почему, считает Винчи, уже древние греки не могли понять, что такое *чермадион*. С другой стороны, все это замечательно согласуется с архаизмом гомеровского мира по отношению к микенскому.

Эти древние каменные топоры известны также как «*громовые камни*». Датские фермеры, которые находят их на своих полях, называли их «камнями Зебедея»²⁰² или похожими именами. Другие варианты названия каменных наконечников топоров в датских диалектах: *sebedaei*, *sepadeje*, *sebedei*²⁰³. Ср. *Zebedee*, греч. *Zeβedaĩos*, ивр. זְבִדְיָהּ *Zvad'yah* – «Гром, (Бог) Грома»; албан. *sëpatë* – «топор»; эст. *sepista* – «ковать», эст. *sepp*, *sepa*, ливон. *siepā*, фин. *seppä*, саам. *šæppe* – «кузнец; искусный мастер»; эст. *sepatõõ* – «кузнечное мастерство»; многочисленные ойконимы *Seppälä*, *Sipilä* – «место кузнеца»; рус. *шибать*, эст. *siba-*, санскр. [*ksipa*] – «бросать, кидать».

Таким образом, предполагает Винчи, в то время как ведущие воины использовали колесницы и бронзовое оружие, рядовые – которых поэт *Илиады* называет анонимно: «Я не мог ни упомянуть их, ни вспомнить их имя» (*Илиада* 2.488) – были легко вооружены и сражались пешими, используя довольно примитивные *чермадионы*, которые обычно делали так, чтобы они напоминали аналоги из металлов.

В греческом языке слово *chérma*, по Винчи, является практически синонимом слова *chermádion*, может быть связано с греч. словом *χείρ*, *cheír* – «рука», что, очевидно, относится к рукоятке топора. Ср. санскр. *kara*, венг. *kar*, нем., англ. *arm* – «рука»; эст. *haru*, фин. *haara*, ливон. *a'r* – «ветвь, сук»; лат. *armus* – «плечо»; ит. *armo*, англ. *arm* – «орудие, оружие» (отсюда: *армия*); англ. *harm* – «рана, ранить».

В гомеровском мире драгоценное бронзовое оружие и доспехи – то, что использовал Диомед, стоило «девяти быков» (*Илиада*, 6.236), иногда передавались по наследству от отца к сыну. Например, оружие, которое Ахиллес одолжил Патроклу для его ночной контратаки, было передано ему его отцом (*Илиада* 17.196–97), а менее богатые воины были похоронены с их бедными каменными топорами, наследием предыдущей эпохи.

Все это подтверждает, согласно Винчи, огромную архаичность гомеровского мира, очень удаленного от Древней Греции, и объясняет, почему греки уже не понимали истинное значение слова *чермадион*: это древнее оружие было чуждо их утонченной цивилизации. С другой стороны, явления архаизма не являются чем-то необычным для скандинавской археологии.

Когда в одной культуре представлены более древние черты или обычаи, чем у одновозрастных культур, считается, что такая культура является архаичной. В случае скандинавской археологии архаизм очевиден в открытии того, что каменные топоры все еще использовались, в то время как одновременно другие культуры уже использовали бронзовые топоры.

По этому поводу Винчи приводит цитату Пиа Лавиоза Замботти: «Страсть к каменным орудиям правильной формы восходит к далекому прошлому, эпохе неолита, а отсутствие металла способствовало росту индустрии, основанной на имитации инструментов из ценных металлов».²⁰⁴

²⁰¹ Maréchal, Jean-François, *Metallurgy at Homer's time and its possible Northern origin*, in "Iliad and Odyssey in Northern Europe. Proceedings of the 2nd international conference, Toija, Finland, July 23-24, 2011", ed. G. Tripodi, Samperi, 2012, p. 198.

²⁰² de Santillana Giorgio, and Hertha von Dechend, *Il mulino di Amleto*, Milan 2003, p. 274.

²⁰³ https://www.bibliotecapleyades.net/hamlets_mill/hamletmill16.htm

²⁰⁴ Laviosa Zambotti, Pia. *Le più antiche civiltà nordiche* (The Most Ancient Northern Civilizations). Milan 1941, p. 226.

Возможно, некоторые из этих древних *чермадионов* все еще лежат на восточном берегу Наровы-Скамандра, между местом лагеря ахейцев на старой береговой линии Финского залива (широкого Геллеспонта) и нарвской Трои, ожидая археологических открытий, подобных открытию места сражения в долине реки Толлензе (*Tollense*) в Германии.

Поле битвы при Толлензе (археологическое место бронзового века на севере Германии), было обнаружено в 1996 году, и с 2007 года там систематически производят раскопки. Тысячи костных фрагментов, принадлежащих разным людям, были обнаружены вместе с дополнительными подтверждающими доказательствами битвы; текущие оценки показывают, что около 4000 воинов сражались на этом месте в XIII веке до н.э. Похоже, что в этой битве приняли участие многие обученные и опытные воины. Долина Толлензе на сегодняшний день является крупнейшим в мире раскопанным местом сражений того времени. Огромный масштаб битвы указывает на то, что в Северной Европе бронзового века происходили организованные сражения с участием обученных воинов и обслугой, обеспечивавшей их едой, что позволяло воинам сражаться на постоянной основе. Во время сражения использовались копья, дубины, мечи, кинжалы и стрелы. Хотя сами мечи и не были оставлены на месте сражения, на костях видны следы ранений, характерные для этого вида оружия. В сражении принимали участие и некоторые всадники, о чем свидетельствуют найденные на месте кости лошадей. Исследования останков показали, что воины принадлежали разным этническим группам.

Археолог Детлеф Янцен²⁰⁵ говорит: «площадь [битвы при] Толлензе имеет такой размер, который [ранее] никто не считал возможным для нашего региона». Хелле Вандкильде²⁰⁶ также комментирует: «Большинство людей думали, что древнее общество было мирным, и что люди бронзового века заботились лишь о торговле и быте (...) Очень немногие говорили о сражениях». Группа из такого количества воинов подразумевает, что их собрали, обучили, организовали и накормили, прежде чем повели в бой.

По мнению исследователей места сражения при Толлензе, оно являет собой поразительное событие для того времени и предполагает наличие центрального правительства. Это означает, что социально-политическое развитие в Центральной Европе было более продвинутым и более воинственным, чем предполагалось ранее. Хорошо сохранившиеся артефакты и кости со следами ранений от мечей дополняют картину развитости бронзового века, указывая на существование обученного класса воинов. Также, отличающаяся этническая принадлежность костных останков предполагает, что народы из разных частей Европы присоединились к кровавой битве.

«Что, если аналогичное поле сражения все еще ждет археологов у берегов Финского залива?» – задается вопросом Феличе Винчи.

ЗА ЧТО БЫЛА ПОХИЩЕНА ЕЛЕНА

Смена места действия Троянской войны, из Малой Азии на берега Финского залива, поднимает заново вопрос о ее реальных причинах, которые до сих пор отождествлялись с захватническими целями ахейцев в направлении Черного моря и стратегическим расположением города в устье Дарданелл.

Феличе Винчи, однако, предлагает начать с анализа смысла похищения Елены (и ее имущества), которое сам Гомер называет единственной причиной войны (*Илиада* 22.116). Прежде всего следует учитывать, что, согласно греческой мифологии, молодой Менелай, осиротевший сын Атрея, взшел на трон Спарты в результате его брака с Еленой, дочерью Тиндарея, могущественного царя Спарты и Микен. Таким образом, похищение Елены с последующим замужеством с Парисом не было делом личным: это событие поставило под удар право Менелая на трон Спарты, ранее принадлежавшее ему вследствие брака, тем самым создав риск появления вакуума власти в его (или, скорее, *ее*) королевстве. Вот настоящая причина войны, сообщает нам Винчи, и иронизирует: «Только представьте, каково было бы влияние на средневековую Европу, если бы сын царя похитил, например, английскую королеву, и увез из Лондона в Москву!»

²⁰⁵ Детлеф Янцен (Detlef Jantzen), немецкий археолог (род. 1960)

²⁰⁶ Хелле Вандкильде (Helle Vandkilde), шведский археолог (род. 1955)

Следовательно, ахейские цари намеревались вернуть Елену не из-за ее красоты, а потому что она была царицей – для того, чтобы вернуть Менелая его право на трон Спарты и, прежде всего, предотвратить опасный прецедент. Вот почему Агамемнон, брат Менелая, так много вложил в удачное завершение похода: он сам стал царем Микен благодаря браку со старшей дочерью Тиндарея, Клитемнестрой.

Если мы теперь рассмотрим *Одиссею*, которая сосредоточена вокруг спора между Пенелопой, ее женихами и ее отсутствовавшим 20 лет мужем Улиссом, можно задаться вопросом, почему многие молодые знатные люди того же возраста, что и сын Пенелопы Телемах (их неоднократно называли *neoî* или *koûroi*, то есть «юноши» или «мальчики») подняли такой шум из-за гораздо более взрослой женщины. Сам Телемах отвечает на этот вопрос так:

*[Евримах] самый он знатный, всех больше стремится
Мать мою взять себе в жены и получить статус Улисса. (Одиссея 15.521 – 522)*

Слово, которое здесь переводится как «статус», греч. *gêras*, означает «привилегия» или «царское право власти». Последнее уместно, поскольку Улисс был царем Итаки. Мы находим ту же концепцию в *Илиаде*, где право власти Приама, то есть положение, которое он намеревался передать своим потомкам, здесь также называется *gêras* (*Илиада* 20.182). Одним словом, женихи Пенелопы стремились к власти, которую они получили бы, женившись на ней. Стоит отметить, что, *gêras* также передавался по наследству и потомку мужского пола, если не было дочери – как мы можем заключить из фразы, адресованной Телемаху: «избави нас от того, чтоб стал ты в Итаке / нашим царем, по рожденью уж право имея на это!» (*Одиссея* 1.386-387).

Сюжеты сватовства к Пенелопе для получения царских полномочий, и последующей расправы над всеми женихами сразу, явно имеют общие корни и общую традицию с легендой о сватовстве древлян к овдовевшей княгине Ольге: спустя столетия после Гомера в *Повести временных лет* описываются два посольства, по 20 сватов «лучших мужей» древлян, отправляющихся в Киев к Ольге, где их ждет жестокая расправа (первых княгиня приказывает закопать заживо, вторых – сжечь в бане).

Аналогичный сюжет имеется в скандинавском *Сказании о королеве Сигрид*, которая отвергает претендентов на ее руку и мстит настырному жениху, сжигая его живьем в бане.²⁰⁷

Как и Пенелопа в *Одиссее*, в русском фольклоре царевна-невеста устраивает испытания для своих женихов, в том числе в стрельбе из лука.²⁰⁸ По аналогии с древлянскими сватами к княгине Ольге, царевна-невеста также могла приказывать закопать жениха живьем, например, за неправильный ответ жениха на загадку (как в *былинах о Михайло Потоке*).

Вскользь упоминает о данной традиции и Л.С.Клейн²⁰⁹: «Этолийский герой [Тидей] прибыл в Аргос к инициатору Фиванской войны царю Адрасту и женился на его дочери Деипиле. Поскольку в мифические времена ахейские цари таким браком обычно приобретали себе престол (зять наследовал тестю), Тидей стал наследником аргивского трона».

«...Отец [Улисса Лаэрт] даже в отсутствие сына не правит, а тут же, на Итаке, сам с несколькими рабами обрабатывает свой сад и поле, одетый в заплатанную одежду (*Одиссея* 1.185–189; 24.205–247). Правит на Итаке Пенелопа. (...) Видимо, несообразности с бытом Лаэрта – следы того состояния эпического материала, когда отца [Улисса] и не представляли бывшим владельцем Итаки. Ведь в мифическом мире ахейцев наследование престола шло от тестя к зятю, как, впрочем, и в русском фольклоре: герой волшебной сказки непременно женится на царской дочери и получает с нею царство или полцарства. [Улисс] должен был получить Итаку как приданое – с Пенелопой, от ее отца Икария».

Этот же сюжет можно найти и в немецких сказках: женихи обязательно проходят испытания, а победившему в них достаётся принцесса и полкоролевства или целое королевство в придачу.

²⁰⁷ Петрухин В. Я. *Мифы древней Скандинавии*. Москва, АСТ, 2009, стр. 400

²⁰⁸ Цветков С. Э. *Русская земля. Между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава*. Глава: *Древнерусские или скандинавские корни?* Москва, Центрполиграф, 2012

²⁰⁹ Лев Самуилович Клейн, советский и российский историк, археолог, культурный антрополог, фольклорист, филолог-литературовед (1927-2019).

К сожалению, Клейн не развивает далее эту тему взаимосвязи мира ахейцев и северной Европы, а сам миф о похищении царицы Елены считает основанным исключительно на отчасти похожем «сюжете египетской сказки о двух братьях, отвоевавших у врага [у «злодея-фараона»] жену младшего из них», описанном, по словам Клейна, в «рукописи XIX династии (XIV-XIII века до н.э.) на новоегипетском разговорном языке» («т.н. папирус д'Орбиней»).²¹⁰

Феличе Винчи проводит параллель сюжета со сватовством к Пенелопе с *Деяниями данов*, где Саксон говорит о женщине очень высокого ранга и что «всякий, кого она почитает достойным своего ложа, станет королём и вместе с её объятиями получит и королевство» (*Деяния* 4.1.16).

Улисс, следовательно, делает вывод Винчи, намекает на это, когда встречает призрак своей мертвой матери, Антиклей, в царстве Аида и спрашивает ее, принадлежит ли еще его *gêras* ему, или «благороднейший из ахейцев уже женился на Пенелопе» (*Одиссея* 11.179). Улисс, вероятно, имеет в виду Евримаха, который в другом отрывке *Одиссеи* и является главным сватающимся женихом Пенелопы, собирающимся жениться на ней (*Одиссея* 15.16–18). Однако Антикля сразу же успокаивает его: «держится стойко и твердо / в доме твоём и все время / долгие дни она там и бессонные ночи проводит в слезах непрерывных / не перешел ни к кому еще твой прекрасный статус [*gêras*]!» (*Одиссея* 11.181–184).

Можно также предположить, что и сам Улисс приобрел свой «прекрасный статус», *gêras* таким же образом. С одной стороны, Пенелопа принадлежала к знатной, а точнее, царской семье. Ее отец Икарий был «очень могущественным человеком» (*Одиссея* 1.276), братом Тиндарея, царя Спарты и Микен (таким образом, Пенелопа и Елена были двоюродными сестрами); Ифтима, ее сестра, была замужем за Евмелом, царем Фер. С другой стороны, старый Лаэрт, отец Улисса, изображен в *Одиссее* бедным стариком, живущим в полях в жалком состоянии: «У него была грязный / с заплатами, грубый хитон (...) / и козья шапка, что делало его еще более жалким» (*Одиссея* 24.227–228; 24.230–231). Кажется маловероятным, чтобы такой человек мог оставить Улиссу его *gêras* – и можно предположить, что лишь богатства, накопленные, как утверждает в *Одиссее*, нашим проникательным героем до войны, подготовили почву для его аристократической свадьбы.

Однако, Винчи предлагает вернуться к Менелаю и его посрамлению. Мы находим аналогичный эпизод в *Деяниях данов*, где Один, после того как жена изменила ему, «отправился в изгнание, надеясь искоренить это великое бесчестие» (*Деяния данов* 1.7.1). Это подчеркивает важность, не только частную, но и публичную, такого преступления против царя. Также в *Деяниях* мы уже видели, что похищение королевы ведет к войне (это история о Сnione, сыне короля Дании, который похитил королеву Швеции). То же самое и в других древних обществах, например в Ирландии, где

«В период раннего Средневековья среди двенадцати основных историй, которые поэты должны были знать, были рассказы о похищенных женщинах (*aithid*) (...) Похищение Этайн, то есть жены верховного короля Эохайда Айрейн, героем-Богом Мидиром развязало войну».²¹¹

Другими словами, подытоживает Винчи, похищение Елены было настоящим поводом для войны, как рассказывает Гомер, и теперь мы можем понять, почему. Читая поэму в этом ключе, можно отвергнуть стратегическое положение Трои как причину войны. В *Илиаде* вообще нет ни одной строчки стиха, где бы говорилось о такой причине Троянской войны. Также, завоевание Трои для получения стратегического контроля над торговым путем повлекло бы за собой оставление постоянного ахейского гарнизона в Трое после войны – однако, согласно Гомеру и греческой мифологии, этого не произошло.

Настоящие причины конфликта были связаны с похищением Елены, считает Винчи, и они выходят далеко за рамки оскорбления чести преданного мужа или его любви к (возможно) красивой, но неверной жене. То же самое касается и состязания между Улиссом и женихами его жены, где призом был *gêras*, *властное полномочие*. Иными словами, главный общий мотив поэмы

²¹⁰ Л.С.Клейн, *Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады»*, С.-Петербург, 1994, стр. 41, 98, 105–106, 178.

²¹¹ Markale, Jean. *I Celti*, Milan 1982, p. 73.

Гомера – *власть*, влиявшая на человеческие отношения с древних времен, часто превращая человеческую историю в драму и трагедию.

ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ ТРОЯНСКОГО КРЕМЛЯ

После рассмотрения причин Троянской войны, Феличе Винчи предлагает обратить внимание на мифические «неприступные» стены Трои. Считается, что война длилась огромное количество времени – десять лет! – из-за этих «неприступных» стен – и закончилась стратегической уловкой с «деревянным конем». Эта версия кратко приведена в *Одиссее* – вероятно, полагает Винчи, с единственной целью усилить роль Улисса в войне и, возможно, оправдать его двадцать лет отсутствия на Итаке – что, однако, не соответствует подробному повествованию в *Илиаде*.

Что касается легендарных стен города, в *Илиаде* им вообще не придается особого значения. В поэме больше описываются стены ахейского лагеря и его постройки:

*[Ахейцы] возвели стену
и башни высокие им и самим, и судам в оборону.
Сделали в этой стене и ряд ворот,
Чтобы проехать чрез эти ворота могли колесницы (Илиада 7.436–439)*

К слову, подчеркивает Винчи, кажется довольно странным, если эта защитная стена строится лишь через девять лет после начала войны.

Поэт предоставляет нам различные подробности конструкции ахейской стены, вокруг которой накануне «губительной ночи» шла ожесточенная битва. Она имела также башни и парапеты (*Илиада* 12.373; 375), каменный и деревянный фундамент (*Илиада* 12.29) и была построена как из дерева (*Илиада* 12.36), так и из камня (*Илиада* 12.178). Во время атаки троянцев,

*шумный бой разгорелся повсюду.
И трещали бревна
в башнях громимых (Илиада 12.35–37)*

По описанию, стена была похожа на прочный частокол – такой, какой можно найти в северной местности, где много леса. Поэтому неудивительно, что троянцы с относительной «легкостью» (*Илиада* 15.362) сокрушили эту стену.

Одновременно, эти детали дают и некоторое представление о стенах самой Трои, поскольку Гомер – хотя он прямо и не описывает их – делает *сравнение* с ахейской стеной, слава о которой, по словам Посейдона,

*(...) разойдется, куда лишь заря достигает,
И позабудут люди о той [т.е. Троянской стене], которую мы с Аполлоном
Лаомедонту герою с такою построили мукой! (Илиада 7.451–453)*

Винчи отмечает, что стены Трои даже *уступают* «великой ахейской стене» (*Илиада* 12.12), которая сама по себе была далеко не неприступной, учитывая, что ее каменно-деревянное строение было разрушено в течение первой же атаки троянцев.

Можно было бы предположить, продолжает Винчи, что это сравнение должно быть ошибочным, но здесь нет ни ошибки, ни недоразумения, потому что также другие отрывки стиха описывают Троянские стены как уязвимые, как например, в отрывке из диалога между защищавшими Трою Андромахой и Гектором (из которого обычно помнят только сентиментальную сторону), где она говорит:

*Войско же наше поставь у дикой смоковницы; легче всего там
К городу подступ, и легче всего там на стены взобраться.
Трижды в том месте пытались напасть их лучшие мужи.
(...) о том им сказал прорицатель какой-либо вещей
Или, быть может, и собственный дух побудил их на это (Илиада 6.433–435, 438–439)*

Эти слова, очевидно, относятся к войне, которая только началась, а не к девятилетней осаде!

В первой строке также явно усматривается одна из метаморфоз с названием деревьев, после переноса эпоса на Средиземное море. Вероятна путаница «дикий смоковницы» (лат. *figus*) и «дикого дуба» (лат. *fāgus*, гр. *φῆδος* [*figos*] – «дуб»).

Возвращаясь к конструкции стены, Винчи делает предположение, что ахейцы обнаружили слабые места Троянской стены во время своей разведки в морозную весеннюю ночь (*Одиссея* 14.475–477).

Уязвимость городских стен дополнительно подтверждается тем фактом, что они чуть не упали в результате атаки Патрокла после «губительной ночи»: «В этот момент сыновья ахейцев захватили бы Троию / под предводительством Патрокла, копьем бушевавшим (...) трижды на выступ высокой стены поднимался» (*Илиада* 16.698–699, 702). У Патрокла это почти получается:

*День напролет неустанно у Скейских ворот они бились
И овладели бы городом в тот же день,
если бы Аполлон не убил храброго сына Менетия* (*Илиада* 18.453–455)

Более того, после того как Патрокл был убит, Ахиллес опять присоединился к сражению, чтобы отомстить за смерть своего друга, и ему почти удалось завоевать город (*Илиада* 21.544).

Одним словом, заключает Винчи, Троянская стена была похожа на стену феакского города, упомянутого в *Одиссее*, «частоколом снабженную» (*Одиссея* 7.45), что может показаться нам довольно примитивным, но считалось превосходным в этой древней цивилизации: «Диво для взора!» (*Одиссея* 7.45). Это согласуется с тем, что говорят археологи:

«Ранние укрепления в варварской Европе в основном представляли собой простые частоколы или земляные валы и рвы, окружавшие деревню».²¹²

Как пишет Карл Шуххардт, «Гомер говорит о деревянных стенах, окружающих феакский город и ахейский лагерь, как если бы они были германским *Фольксбургом* (*Volksburg*)».²¹³

Это подтверждает, что в архаичном Северном мире, который был гораздо более древним, чем его микенское «продолжение» – быстро эволюционировавшее после перемещения в Грецию в силу контакта с другими цивилизациями Средиземноморья и Ближнего Востока – камень использовался в качестве строительного материала, но преобладала в строительстве древесина. Действительно, Гомер часто ссылается на *работающих лесорубов*. Также эти архаичные стены, представляющие собой своего рода большой частокол с парапетами и башнями на месте ворот, такими как башня у Скейских ворот (*Илиада* 3.153) – чем-то напоминают старые американские форты из «вестернов».

Города, описанные в *Илиаде*, сильно отличаются от могучих цитаделей микенских поселений. Таким образом, одни только останки больших стен, которые были найдены в районе Гиссарлыка – столь отличные от древних частоколов, описанных в двух поэмах – в действительности доказывают, что город Шлимана не имеет ничего общего с гомеровской Троей.

Скорее, утверждает Винчи, Троя была похожа на другие древние города на севере, где древесина имеется в изобилии. Эти города, делает сравнение Винчи, вполне могли напоминать Москву, какой она была пятьсот-шестьсот лет назад, когда все дома были деревянными, и даже кремлевские стены, расположенные на холме, возвышающемся на сорок метров над Москвой-рекой в самом центре города, до XV века были деревянными. Это подтверждает утверждение Финли и многих других ученых, что мир Гомера был более примитивным, чем греческий мир микенцев.

Уязвимость Троянских стен, считает Винчи, является и причиной того, что троянцы и их союзники не забаррикадировались внутри цитадели, когда ахейцы начали свою первую атаку: «Настежь раскрылись ворота. Из них выходили отряды / Пешие, конные» (*Илиада* 2.809–810). Стены, конечно же, служили и для временного укрытия солдат: «Настежь ворота! Пока не войдет в них бегущее войско / Уж вон Ахиллес, уже преследует их по пятам!» (*Илиада* 21.531–533).

²¹² Piggott, Stuart. *Ancient Europe*. Chicago 1968, p. 202.

²¹³ Schuchhardt, *Alteuropa*, section 10, quoted in Romualdi 1978, p. 98.

Если археологи примут во внимание приведенные аспекты, указывает Винчи, им не следует рассчитывать на обнаружение останков циклопических стен на холмах у Финского залива (широкого Геллеспонта), а лишь гораздо более легких и простых структур, не в пример защитным сооружениям микенской цивилизации и Средиземноморья.

ЧЕМ НА ДЕЛЕ БЫЛ «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

Как было показано выше, для завоевания Трои не нужно было использовать какую-то особую хитрость. Уловка с деревянным конем никогда не упоминается в *Илиаде*, хотя в поэме нет дефицита пророчеств о завоевании города (в *Одиссее* же «деревянный конь» упоминается несколько раз, вероятно, чтобы «усилить» ведущую роль проницательного Улисса в войне).

Сама по себе история с троянским «конем», хотя и является очевидной интерполяцией, настолько прочно ассоциируется в сознании со взятием Трои, что на ней нельзя не остановиться. Что мог подразумевать под «деревянным конем» бард *Одиссеи*?

Как уже отмечалось, «конями» зачастую называли корабли – так, Пенелопа говорит о них: «морские кони» (*halós hippoi*, *Одиссея* 4.708). В *Одиссее*, где описывается хитрость с «конем», изображается деревянная структура, без упоминания каких-либо частей тела животного – при этом многие использованные в описании выражения имеют смысл, если говорить о корабле. Троянцы «волокли коня» до акрополя, используя греческий глагол *eruo*, часто употреблявшийся для описания «волочения корабля по земле». Два раза использовано прилагательное *koilos* «вогнутый» (или «полый»), применявшееся и более поздними греческими авторами для описания кораблей. *Durateos hippos* («деревянный конь») означало «составленный из досок» (от *durata* – древесина, из которой делали корабли).²¹⁴

В норманнской традиции, корабли часто сжигались вместе с телом усопшего короля или военачальника – и такой корабль («конь») мог быть подготовлен ахейцами для похорон погибшего (или притворившегося убитым) командира.

Илл. 29. Погребение царя, рисунок Aarno Karimo.

В этой связи, отмечает Винчи, любопытна параллель с хитростью, использованной датскими викингами при взятии в 860 году н.э. города Луни, недалеко от устья реки Магра на северо-западе Италии. В 859 году Бьорн Айронсайд (Бьорн Железнобокий) и Гастинг (Хастейн) отправились со своими викингскими флотилиями на Средиземное море, совершив набеги на Иберийское побережье и разграбив юг Франции, где их флот перезимовал, прежде чем высадиться в Италии и захватить прибрежные города Пиза и Луни. По легенде, прибыв к итальянскому Луни, викинги сообщили горожанам, что на смертном одре умирает их король Гастинг, пожелавший принять христианство и попросивший быть похороненным на священной земле городской церкви. Услышав это, жители Луни позволили небольшой группе викингов внести тело умирающего короля. Оказавшись в городских стенах, Гастинг, этот «подражатель» гомеровского Улисса, спрыгнул с носилок (или выскочил из своего гроба, который Пёртнер называет «*гробом Трои*»!) и вместе со своими товарищами, пронесшими с собой мечи, пробился к городским воротам, открыл их и впустил свое войско. Викинги опустошили и разграбили Луни и ушли со своим флотом, который поджидал их на берегу.

ПОДЛИННАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

Двое из сорока шести ахейских командиров, упомянутых в Каталоге кораблей, рассуждает Феличе Винчи, не присутствуют на поле боя в начале повествования *Илиады*, как отмечает поэт со своей привычной точностью. Речь о Протесилае, убитом сразу при высадке на берег, чье место занял его младший брат Подарк, и Филоктете, которого укусила змея, когда флот остановился на острове Лемнос (вероятном Лемланде), и место которого занял Медон. В поэме говорится о том, что десять из оставшихся сорока четырех человек пали в боях, а семеро были ранены. Что касается троянцев и их союзников, перечисленных сразу после Каталога, они понесли еще большие потери: из двадцати семи капитанов, упомянутых в нем, четырнадцать сразу пали и двое были ранены. Это показывает, и насколько кровопролитными были эти сражения, и лишний раз подтверждает, что в *Илиаде* повествуется об эпизодах войны, которая началась совсем недавно.

Теперь, когда оказывается развенчанным миф о неприступности стен древней Трои, которая якобы могла держать оборону в течение многих лет, Винчи предлагает обратиться к отрывкам из поэмы касательно строительства ахейской стены и страха Андромахи. Все это, кажется, относится к войне, которая едва началась, а не к войне, которая бушевала, как считается (по приписке времени уже в *Одиссее*), не менее девяти лет до начала повествования в *Илиаде*.

Сколько же времени в действительности длилась война? В *Илиаде* есть много ориентиров, которые указывают на то, что ахейцы достигли троянской территории незадолго до начала событий, описанных в поэме. Например, многие герои, перечисленные в Каталоге кораблей, были убиты или ранены во время повествования *Илиады*, но только один, Протесилай, пал до начала решающего сражения. Вряд ли девять лет войны обошлись бы без большого количества жертв!

В Каталоге кораблей упоминается также герой Филоктет, который остался на острове Лемнос (т.е. Лемланде, одном из Оландских островов, где ахейцы останавливались по пути в Трою) после укуса змеи: «Там он, страдая, лежал, но уж скоро пришлось аргивянам / о Филоктете у черных судов своих вспомнить» (*Илиада* 2.724–725). Согласно этим строкам и предсказанию, считает Винчи, Филоктет должен был сыграть ведущую роль в финальной фазе войны, о которой дошедшая до нас версия *Илиады* умалчивает. В любом случае, маловероятно, что бедняга девять лет пролежал на острове больным. С другой стороны, это наречие «скоро» (греч. *tácha*) явно указывает на его быстрое возвращение в строй.

Что касается союзников троянцев, которые перечислены сразу после Каталога кораблей, то они *только что прибыли* на место битвы: Офрионей «*только что прибыл / из Кабеса*» (*Илиада* 13.363–364); фракийцы и их царь Резус были «*вновь прибывшие*» (*Илиада* 10.434); асканцы прибыли «*накануне утром*» (*Илиада* 13.794); слова Астеропея перед дуэлью с Ахиллесом: «*Это одиннадцатый день с момента моего прибытия в Илион*» (*Илиада* 21.155–156); и так далее.

Также стоит отметить, что Пандарус, еще один союзник троянцев, корит себя в том, что не привел своих лошадей с собой в Трою. Он беспокоился, чтобы «граждане, в стенах

заключенные / в еде не нуждались, привыкнувши сытно питаться» (*Илиада* 5.202–203). Винчи делает вывод, что недостатка в продовольствии в городе тоже не было, что подтверждается и другим эпизодом, касающимся принесения Афиной в жертву «двенадцати быков» (*Илиада* 6.274). Если бы осажденные люди действительно страдали от голода (ожидаемый результат после девяти лет осады), поэт не упустил бы возможности развить эту тему! Напротив, Гомер вообще не упоминает о каком-либо голоде, кроме сожаления Пандара, которое подтверждает, что, наоборот, недостатка в припасах не было.

С другой стороны, то, что кажется настоящим началом войны – это сцена первого нападения ахейцев во 2-й песне *Илиады*. Троянский шпион дежурит на заставе, «чтобы сообщить, уходят ли ахейцы с кораблей» (*Илиада* 2.794). Когда он видит, что они продвигаются на равнину, он бежит к Трое, подходит к царю Приаму, который спокойно разговаривает на собрании, и внезапно прерывает его:

*Почтенный, Вы ведете бесконечные речи
так же, как в мирные дни. Но страшная война началась!
Очень мне часто бывает приходилось в ужаснейших битвах,
Но не видал я такого и столь многочисленного войска!* (*Илиада* 2.796–799)

В этот момент, рассуждает Винчи, троянское войско не остается забаррикадированным внутри стен, как при осаде, и бросается вперед через Скейские ворота и выстраивается в боевом порядке на равнине перед холмом *Batieia*. Имевшие место события вообще нельзя назвать «осадой», ведь ахейские войска не окружали город постоянно, а их лагерь находился далеко у моря.

Вскоре происходит поединок Париса и Менелая. На кону стоит Елена, которая тем временем указывает на главных ахейских вождей своему новому тестю, царю Приаму, с башни у Скейских ворот. Кажется, он видит их впервые:

*Назови мне имя того выдающегося воина внизу.
Кто этот благородный, великий ахеец?* (*Илиада* 3.166–167)

Все эти эпизоды, в том числе и дуэль Астеропея с Ахиллесом, согласно Винчи, больше подходят для начальных этапов войны, чем завершающих.

Старый Антенор – троянский дворянин, советник Приама, которому предстоит потерять пятерых сыновей в последующих сражениях – осознает серьезность ситуации и тщетно предлагает Парису вернуть Елену.

Ряд последовательных, сходящихся элементов – прежде всего тот факт, что Троянские стены были совершенно непригодны для длительной осады – приводят Винчи к выводу, что в *Илиаде* повествуется о самых *начальных* событиях войны, кроме некоторых предварительных действий Ахиллеса, предпринятых против окрестных «городов» (которые, предполагает исследователь, были простыми деревнями), лежавших в районе Иды за Троей (где он захватил Киликийские Фивы, Скирос, Педас и Лирнесс). Все это похоже на набеги грабителей и пиратов, искушаемых плохой защитой этих поселений, сильно отличающихся от каменных цитаделей Средиземноморья.

БИТВА В БЕЛУЮ НОЧЬ

Важным следствием переноса места действия Трои и Троянской войны из Анатолии на берега Финского залива Феличе Винчи рассматривает мгновенное прояснение, казалось бы, глубокой непоследовательности в *Илиаде*, сильно влияющей на ясность текста: Винчи ссылается на самую долгую и жестокую битву, состоящую из серии поворотных моментов и отдельных эпизодов, занимающих более трети всего эпоса, с песни 11 до песни 18.

В ходе этой длинной битвы Гомер упоминает два полудня (*Илиада* 11.86, 16.777), подразумевая, что битва продолжается всю ночь, растягивая этот промежуток времени на все повествование, как, например, в отрывке, относящемся к Сарпедону, царю Ликии, сыну Зевса, убитому Патроком:

*Ночь, гибель несущую, распростер Зевс над сраженьем,
Чтобы губительный битвенный труд разгорелся над сыном.* (*Илиада* 16.567–568)

Наиболее важным в этом отрезке времени Винчи отмечает то, что ночь не прерывает битву, которая продолжается непрерывно до вечера второго дня. По мнению исследователя, такое отсутствие перерыва в ночное время кажется очень странным для битвы, которая ведется в традиционном анатолийском мире. В эгейской реальности даже самые короткие ночи в году во время летнего солнцестояния имеют, по крайней мере, пять или шесть часов полной темноты, в течение которых невозможно сражаться без прожекторов или инфракрасных очков!

В прошлом «губительная ночь» интерпретировалась как солнечное затмение или чудесное вмешательство Зевса, и предполагалось, что вся битва должна была произойти в течение одного дня – несмотря на то, что Гомер говорит нам, что повторяющиеся атаки Патрокла на одни только троянские стены заняли «целый день» (*Илиада* 18.453). Такое сокращение, однако, делает ход событий и эпизодов запутанным и непонятным и противоречит загадочным «двум полудням», которые, по мнению некоторых ученых, стали результатом грубой ошибки поэта.

Однако, ни о какой грубой ошибке не может быть и речи, утверждает Винчи. Гомер сохраняет жесткий контроль над действием, никогда не записывая события битвы наугад. То, что повествование следует строгому плану, подтверждается отрывками, в которых Зевс изъявляет свою волю, назначая то, что неизбежно случится: ход событий разворачивается в соответствии с тем, о чем Зевс объявил заранее. Этот повествовательный прием довольно часто используется в *Илиаде*: поэт сначала излагает волю Зевса, то есть своего рода план действий, а затем сообщает о его действительном развитии.

К слову, подчеркивает Винчи, подобные отсылы к «схематическому изображению» действия и слиянию прошлого, настоящего и будущего типичны для эпической поэзии, и нет места никаким непредвиденным ситуациям. Поэт, вдохновленный музой, помещает себя в измерение вне времени, рассказывая о событиях, свидетелем которых он был, и чья последовательность, очевидно, неизменна. Это может быть связано с гомеровской концепцией Мойры или Судьбы, которая предполагает, что для поэта события, которые уже произошли, в то же время скрыты в неизбежном будущем его персонажей. Иными словами, гомеровская Судьба, кажется, выражает невозможность – не только для людей, но и для богов – изменения прошлых событий.

В этом случае общий план битвы излагается следующим образом:

*[Зевс] Гектору, сыну Приама, славу доставить желал его дух,
чтобы он мог забросить
Огонь на корабли (...)
С этого мига отпор победившим троянцам устроить
Он от судов собирался и славу доставить данайцам. (Илиада 15.596–602)*

Затем повествование событий следует данному плану, причем Зевс даже недвусмысленно указывает на определенный час для некоторых действий:

*После того ж, как троянским копьем иль стрелой пораженный,
Бросится Агамемнон в колесницу, я Гектора силой исполню;
Будет врагов избивать он, пока кораблей не достигнет,
Солнце пока не зайдет и не спустится сумрак. (Илиада 11.191–194).*

Таким образом, ясно, что ахейская контратака начинается вечером и продолжается всю ночь. Но в средиземноморском мире после сумерек сражаться невозможно. Если же поместить эти события, рассуждает Винчи, в район у Финского залива, на высокой северной широте, загадка решается.

В этом регионе в июне солнце садится лишь немного ниже горизонта, а белые ночи обеспечивают видимость до утра. Таким образом, как только мы перемещаемся в исходную реальность, мощная структура великой битвы по прошествии этих тысяч лет, наконец, раскрывается: *битва действительно длится безостановочно в течение двух дней подряд*, используя остаточный ночной свет благодаря высокой широте и сезону летнего солнцестояния. С учетом данного факта становится возможным, полагает Винчи, объединить все отдельные эпизоды, которые до сих пор происходили почти случайно из-за их «сжатия» в один день, в крайне последовательную общую картину:

- *Первый день.* После того, как начальная стадия битвы, кажется, никому не выгодна, ахейцы побеждают примерно в полдень, хотя Ахиллес и воздерживается от сражения после ссоры с

Агамемноном (что является отправной точкой *Илиады*). Однако Агамемнона ранят днем. Вскоре после этого троянцы совершают яростную атаку, разрушают возведенную у берега оборонительную стену, вторгаются в ахейский лагерь и, несмотря на отчаянное сопротивление врага, даже успевают поджечь корабль Протесилая. В этот момент, как и предвещал Зевс, Патрокл начинает свою контратаку во главе свежих войск Ахиллеса и тем самым меняет ход событий на противоположный: прогоняет троянцев от кораблей и лагеря, убивает Сарпедона и преследует врага до Трои. «Губительная ночь» наступает во время, когда ахейцы и троянцы ожесточенно борются за тело Сапердона.

• *Второй день*. Не прекращая битву в течение всей ночи, Патрокл неоднократно атакует стены города, которые вот-вот рухнут, но при четвертой атаке, во второй полдень битвы, он внезапно ослабевает, и Гектору удается его убить. Перевес переходит на сторону троянцев, нападающих на ахейцев, встревоженных смертью Патрокла, при этом ахейцам удается отбить труп Патрокла после очередной яростной битвы. Несмотря на свою усталость, троянцы укрепляются и снова теснят ахейцев к кораблям, пока после двух непрерывных дней жестокой борьбы не «скрылось солнце в волнах, и ахейцев божественных войско / всё от тревоги и общегубительной брани почило» (*Илиада* 18.241–242).

В самой *Илиаде*, считает Винчи, этот порядок событий подтверждается в отрывке, в котором богиня Фетида рассказывает Гефесту основные эпизоды только что закончившейся битвы: «День напролет неустанно у Скейских ворот [Трои] они бились» (*Илиада* 18.453). Очевидно, что это относится ко *второму* дню битвы.

Вся картина представляет собой огромную «фреску», наполненную сильными эмоциональными элементами. Вот войны, ослепленные ненавистью и жадной победы, которые после нескольких дней сражений – это не первая битва в поэме – нарушают все правила, игнорируя любые предыдущие традиции ночной паузы в битвах («Уж надвигается ночь – хорошо покориться и ночи»; *Илиада* 7.282). В конце каждого дня боя войны совершенно истощены. Сам Гомер говорит нам, что в определенный момент, ближе к первой половине дня, защитники ахейской стены «измучены» (*Илиада* 12.178) под натиском троянцев.

Битва, однако, в состоянии продолжаться после заката и до следующего дня, поясняет Винчи, потому что войска Патрокла вступают в бой вечером, после отдыха, что является планом действий, предложенным мудрым Нестором, когда он умоляет Патрокла вмешаться, так как Троянцы вот-вот прорвутся через ахейские рубежи: «Будет со свежими силами вам уж не трудно отбросить / Войско усталое прочь от судов и от нашего стана» (*Илиада*, 11.802–803). Вскоре после этого Патрокл повторяет ту же идею Ахиллу (*Илиада* 16.44–45), чтобы ускорить его вступление в битву. Сам Ахилл, будучи в ярости на Агамемнона, сражаться не хочет; однако он готов отправить своих мирмидонцев в бой со своим помощником, чтобы противостоять угрожающей ситуации.

Эта картина дополнительно подтверждается разливом троянских рек на следующий день: в северных регионах самые сильные наводнения случаются после таяния зимних снегов в конце весны и в начале лета, что совпадает с периодом белых ночей.

Последнее, как уже было отмечено, также подтверждается морфологическими особенностями реки Нарова, вероятного Скамандра, в районе быв. города Скамья при впадении в нее реки Втроя (Сёёмоя): вытекая из Чудского озера, Нарова вбирает в себя воды всех рек, питающих это озеро. Весеннее ежегодное половодье на Нарове длится с апреля до начала июля, при этом нагонные колебания уровня воды в нижнем течении реки Наровы достигают 2-3 м.

Ахиллес, который снова вышел на поле боя, чтобы отомстить за своего друга Патрокла, убитого Гектором накануне, рискует утонуть в переполненном Скамандре. Река выходит из берегов и заливает равнину (*Илиада* 21.306–313). Это подтверждает, что самая продолжительная битва *Илиады* происходит в мае-июне.

Одним словом, можно понять сложную структуру этой битвы, только признав, что «губительная ночь» знаменует собой переход между двумя последовательными днями непрерывной борьбы, не прекращающейся благодаря остаточному тусклому свету высоких широт во время летнего солнцестояния. Это не просто ключ к разгадке, заявляет Винчи, а *конкретное свидетельство* в пользу северного расположения, которое имеет здесь принципиальное значение для понимания смысла и последовательности повествования.

Жители Прибалтики и северных широт очень хорошо знакомы с феноменом «белых ночей», и дают им конкретное название в своих языках. Винчи отмечает сцену, где ахейцы во время краткого перемирия совершают обряд погребения своих умерших:

*Ахейцы мертвых своих на костер возлагали, печалясь в сердце,
После ж, предавши их огню, возвращались к судам.
Когда была еще тускло освещенная ночь [amphilýkē nýx], до рассвета,
Возле костра собрались отборные мужи ахейцы,
Курган над костром тем воздвигли могильный. (Илиада 7.430–435)*

Прилагательное *amphilýkē*, по Винчи, буквально означает «освещенный вокруг» от *amphí* «вокруг» и корня *luk-* (близкий к греческому слову *leukós*, λευκός, означающему «белый», и латинскому существительному *lux*, что означает «свет») ²¹⁵. «Тускло освещенная ночь» (*amphilýkē nýx*), как сообщает Гомер, предшествует рассвету. Винчи рассматривает этот термин как своего рода «лингвистическое ископаемое», уцелевшее с конца северного бронзового века благодаря тому, что ахейцы «переправили» его вместе с *Илиадой* в Средиземное море, где это явление, связанное со своим реальным смыслом, никогда не встречается. Словом, говорит Винчи, это похоже на упоминания о «танцах рассвета» (северном сиянии) на острове Цирцеи. Примечательно также, что в остальной греческой литературе *amphilýkē* найти невозможно, что логично, за исключением эпизода из *Аргонавтики* Аполлония Родосского, где упоминаются Аполлон и гиперборейцы, мифические народы севера (*Аргонавтика* 2.671).

Гомер также сообщает о «медленном наступлении ночи» (*Илиада* 21.232), что, считает Винчи, явно относится к бесконечным летним вечерним сумеркам северных широт, и согласуется с другим типичным выражением, которое поэт относит к человеческому миру в целом: «Под рассветом и солнцем» (*Илиада* 5.267). Также учитывая, что рассвет (греч. *ēōs*) был эпитетом богини в гомеровском мире, проблематично интерпретировать происхождение этих понятий в Средиземноморском мире, где интервал между ночной тьмой и прямыми солнечными лучами всегда ограничен. И наоборот, это идеально сочетается с северной обстановкой, где тусклый свет в сумерках иногда длится дольше, чем прямой солнечный свет.

Довольно любопытно, отмечает Винчи, что слово «сумерки» переводится на финский язык как *hämära*, что очень похоже на греческое *hēméra*, означающее «день» (согласно Павсаниасу, цитируемому К. Керини, одним из имен Рассвета было *Hēméra*). См. также приведенные ранее сравнения для имени *киммерийцев*, отнесенных Гомером в область у царства Аида.

Вышеупомянутые явления – не единственные среди явлений высоких широт, которые зафиксированы в *Илиаде* и стали непонятными при переносе мира ахейцев на Средиземное море. Так, например, Зевс, который

*простирает пурпурную радугу [porphyreēn îrin] в небе,
Знаменем этим для смертных людей иль войну предвещая,
Или суровую зиму (Илиада 17.547–549)*

Это напоминает Винчи, что, согласно нордической мифологии, северное сияние (которое к югу от Полярного круга встречается довольно редко) возникло из-за свечения доспехов валькирий, когда они участвовали в войне; кроме того, в ряде эпосов северное сияние объявляло войну ²¹⁶. Надо сказать, сообщает исследователь, что выражение *porphyreēn îrin* обычно интерпретируется как «радуга», но трудно поверить, что это очень распространенное явление считается предзнаменованием «войны или ледяной зимы», учитывая также, что прилагательное *porphyreos* (используемое здесь в винительном падеже) часто ассоциируется с морем, так как означает «колебание или пузыри»: поэтому его используют для описания пульсаций и колебаний, типичных для северного сияния, в то время как радуга – абсолютно статичное явление.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

²¹⁵ Rocci, L. *Vocabolario Greco-Italiano*, Genoa 1998, under “amphilýkē”.

²¹⁶ <https://global.hurtigruten.com/inspiration/experiences/northern-lights/european-mythology-and-legends/>

Задумываясь о достоверности историй, переданных Гомером, Феличе Винчи, разумеется, задается и вопросом, какова надежность повествований викингских скальдов, и начинает с цитаты Мартти Хаавио:²¹⁷

«Саги о викингх, которые издавна пересказывались устно, были записаны в XIII и XIV веках. В прошлом историческая достоверность всех устных преданий систематически подвергалась сомнению; отвергалась возможная достоверность саг и свидетельств скальдов об исторических событиях. Говорили, что невозможно, чтобы стихи, составленные, вероятно, к VIII-IX векам, сохранялись неизменными при устной передаче в течение четырех- или пятисот лет. Но впоследствии, благодаря филологическим и историческим доказательствам, скандинавское научное сообщество пришло к выводу: скальдическая поэзия умела сохранять нетронутой память о времени далеких предков (...) Будучи сохраненными в памяти, поэмы оставались нетронутыми на поколения и поколения (...) На этом наблюдении основывается тезис о том, что произведения скальдов должны рассматриваться как исторические документы».²¹⁸

Достоверность гомеровских стихов подтверждается поразительной последовательностью и точностью информации, содержащейся в двух поэмах, в которых, подчеркивает Винчи, мы встречаем хронологии аналогичных войн, например, ахейцев против фиванцев. Другой пример – незаконченный поединок между Нестором и «двумя молодыми Молионами, сыновьями Актора» (*Илиада* 11.750) – в этом отрывке старый царь вспоминает эпизод, произошедший, по крайней мере, за сорок лет до того – когда он сам был молод (*Илиада* 11.670, 684), во время его первого похода (*Илиада* 11.719), где его противники были такими же молодыми: при удобном случае он собирался убить двух близнецов Молионов, но туман, упавший на поле битвы, спас их (*Илиада* 11.750-752). Он встретился с ними лицом к лицу позже, при менее драматических обстоятельствах, рассказывая об этом: когда «сыновья Актора победили меня в гонке на колесницах» (*Илиада* 23.637). В Каталоге кораблей говорится, что этих близнецов, сыновей Актора и сверстников Нестора, звали Ктеат и Еврит, и они упоминаются как соответствующие отцы двух вождей эпейцев, Амфимаха и Фальпия, во время Троянской войны (*Илиада* 2.620–622). Таким образом, в Троянской войне приняли участие соответствующие наследники сыновей Актора. Амфимах пал от рук Гектора во время нападения троянцев на корабли (*Илиада* 13.186), в то время как Диорес, другой лидер эпейцев, также пал в битве (*Илиада* 4.518): он был сыном Амаринкия – царя, на похоронах которого за много лет до этого Нестор соревновался с близнецами в гонке на колесницах – и принадлежал к предыдущему поколению, совершившему набег против кентавров (в которой также участвовал Нестор в юности).

Аналогичные генеалогии возникают в отношении царских троянских предков, о которых подробно описано в Песне 20 (*Илиада* 20.215–240), и увязки с ними обнаруживаются на протяжении всей поэмы: три брата Приама, Клитий, Лампус и Гицетаон, упомянуты в начале поэмы сидящими среди «старейшин» у Скейских ворот (*Илиада* 3.147–149). Их сыновья участвовали в боях вместе с сыновьями Приама, то есть их кузенами и сверстниками. Калетор, сын Клития, пал во время нападения на ахейские корабли (*Илиада* 15.419), и сразу после этого Долопс, сын Лампуса, пал от рук Менелая (*Илиада* 15.541). В этот момент Гектор призвал Меланиппа, сына Гикетаона, отомстить «за убитого кузена» (*Илиада* 15.554), а Меланипп, в свою очередь, был убит Антилохом, сыном Нестора.

Винчи также отмечает, что оба старых царя в *Илиаде*, Приам и Нестор, в юности были изранены Гераклом. Согласно греческой мифологии, Приам был ребенком, когда Геракл «разрушил город троянцев» (*Илиада* 14.251) «ради лошадей Лаомедона» (*Илиада* 5.640; Лаомедон был отцом Приама). С другой стороны, Геракл напал на Пилос, когда им правил Нелей, отец Нестора, который вспоминает, «погибли тогда наши лучшие люди. / Нас двенадцать родил сыновей Нелей беспорочный, / Я лишь остался один, а все остальные погибли» (*Илиада* 11.691–693). В свою очередь, в Троянской войне участвовали два внука Геракла: они были сыновьями Фессала, царя Коса (*Илиада* 2.679), сына Геракла, который, вероятно, был зачат,

²¹⁷ Мартти Хенрикки Хаавио (Martti Henrikki Haavio), финский поэт, фольклорист и мифолог (1899–1973).

²¹⁸ Haavio, Martti, *Splendore e scomparsa del regno di Biarmia*, Viterbo, 2015, pp. 178–179.

когда Гера заманила Геракла на о. Кос (*Илиада* 15.27–28) после его победоносной войны против Лаомедона – и в этом случае прослеживается логичная последовательность.

Ясно, считает Винчи, что между этими сложными событиями и генеалогиями существуют сильные взаимосвязи, что еще раз указывает на тот факт, что ядро *Илиады*, включая Каталог кораблей, сцеплено генеалогическими, хронологическими, географическими и повествовательными нитями. Такие же нити присутствуют и в *Одиссее*: Ификл, царь Филация, который упоминается в Каталоге как отец Протесилая (тот, кто первым упал при высадке на берег), также упоминается в *Одиссее*: он был вовлечен в сложное дело, касающееся угона скота и заключении брака, в которых были замешаны отец и сестра Нестора, а также прорицатель Меламп, прадед гостя Телемаха (*Одиссея* 15.225–256). И в этом случае все взаимоотношения между разными поколениями хронологически точны.

ТЕНЬ УЛИССА НАД ИЛИАДОЙ

Во 2-й песне *Илиады* имеется отрывок, в котором, в противоречие с остальным изложением в поэме, поэт неоднократно упоминает длительный срок войны, возвращаясь к этой теме не менее трех раз (*Илиада* 2.134, 295, 329). В этом отрывке описывается довольно «странное» событие: внимая пророческому сну, Агамемнон решает действовать и атаковать Трои (подтверждая, таким образом, идею о том, что ахейцы прибыли туда незадолго); однако, пока Нестор излагает план битвы, Агамемнон внезапно приказывает своим солдатам плыть домой:

Действуем так, как сейчас вам скажу я:

Отплываем с кораблями немедля, в милую землю родную! (Илиада 2.139–140).

В этот момент в рядах поднимается большой шум. Только Улисс сохраняет самообладание: ему удается отговорить армию от отступления и навести порядок. Затем Нестор возобновляет нить своего рассказа (*Илиада* 2.362) именно там, где он остановился (*Илиада* 2.83), и это странное отступление полностью забывается.

Этот причудливый эпизод, подчеркивает Феличе Винчи, выглядит как *грубое дополнение* к оригинальному тексту *Илиады*. Если во второй песне убрать три вводные строки эпизода с 73 по 75 и все строки с 84 по 359, строки до и после будут плавно переходить друг в друга, поскольку они являются частями речи Нестора, что было бы полностью последовательным изложением, согласующимся с остальной частью повествования, но разделенным на две части данным вставленным отступлением. Более того, помимо упоминания «девяти лет войны», этот отрывок содержит еще два довольно подозрительных момента. В первом говорится о Гермесе как о посланнике богов (*Илиада* 2.103), что типично для *Одиссеи*, но не для *Илиады*, где эта роль обычно приписывается Ириде: в *Илиаде* она цитируется целых сорок раз, тогда как она ни разу не упоминается в *Одиссее* (это еще одно заметное свидетельство того, что мы имеем дело с разными авторствами).

Второй сомнительный момент касается красного дракона, который превратился в камень после того, как проглотил *гнездо с девятью воробьями*, что сам поэт интерпретирует как метафору «девяти лет» войны (*Илиада* 2.326–329). Этот «магический» элемент обычно неуместен в *Илиаде*, в то время как такие фантастические явления часто встречаются в *Одиссее*, где очень похожий символ встречается в пророческом сне, который рассказывает Пенелопа: «Двадцать гусей у меня из воды выбирают пшеницу/(...) с горы прилетел огромный орел кривокогтый / шею всем им свернул и убил» (*Одиссея* 19.536–539). Эти *двадцать гусей*, очевидно, относятся к тем *двадцати годам*, которые она ждала возвращения мужа.

Все эти увязки с *Одиссеей* не могут быть просто совпадением, считает Винчи. Этот спорный эпизод отступления ахейской армии, который кажется чуждым контексту повествования, в самом деле, направлен на возвышение образа и роли Улисса. Вот почему в этой «вставке» внедряется и идея о длительном сроке войны, точно так, как делается в *Одиссее* для того, чтобы усилить роль Улисса в завоевании города и оправдать его невероятно долгое отсутствие на Итаке. В подтверждение этого исследователь отмечает, что поэт *Одиссеи* часто называет Улисса «разрушителем городов» (*ptoliporthos*; *Одиссея* 8.3; 9.504; 14.447; 16.442 и т. д.) на основании приписываемой ему роли во время уничтожения Трои. В *Илиаде*, однако, этот эпитет относится к Ахиллесу (*Илиада*, 15.77; 24.108), который уже разгромил несколько союзничающих с

тroyнцами поселений, и Энио (5.333), богине войны, чья роль «разрушительницы городов» очевидна. И, наоборот, подчеркивает Винчи, в *Илиаде* этот эпитет никогда не используется для Улисса, за исключением подозрительного отрывка из песни 2 (*Илиада* 2.278) и из песни 10 (*Илиада* 10.363), который с древних времен считался неаутентичной «вставкой».

Другими словами, у нас есть веские основания подозревать, по мнению Винчи, что этот странный эпизод во 2-й песне *Илиады* был добавлен умышленно иным автором – и не следует принимать во внимание повторяющиеся ссылки на девяти- или десятилетнюю войну, которые полностью противоречат остальному повествованию поэмы.

В другом эпизоде *Илиады*, который всегда считался добавленным позже, прославляется персонаж Улисса: он занимает всю песнь 10, повествуя о рискованной ночной миссии, которую Улисс выполнил вместе с Диомедом на территории тroyнцев. В нем содержится особая тема, которая не встречается в остальной части поэмы и является общей с «подозрительным» эпизодом песни 2. Речь идет о странной цепочке смены владельца шлема Улисса (*Илиада* 10.266-271) и скипетра Агамемнона (*Илиада* 2.102-107). Более того, сообщает нам Винчи, в *Одиссее* и в песне 10 *Илиады* используются некоторые выражения, которых нет в других частях *Илиады*. Например: «Они вымылись в прекрасно отесанных ваннах» (*Илиада* 10.576; *Одиссея* 4.48); «говорит продолжая, по пыли его голова покатила» (*Илиада* 10.457; *Одиссея* 22.329); «Он еще продолжал говорить, когда...» (*Илиада* 10.540; *Одиссея* 16.11; 16.351).

Еще одной причиной недоумения является тот факт, что Улисс являлся лучником как в *Одиссее*, так и в песне 10 *Илиады*, и не был лучником в других песнях *Илиады*, всегда сражаясь копьем (например, в *Илиаде* 4.496 и 11.447) и даже называется *douriklytós*, «знаменитый копьем» (*Илиада* 11.396). Винчи также замечает, что в играх после похорон Патрокла он участвует в двух состязаниях, но отсутствует на соревнованиях по стрельбе из лука.

Имеются и три еще более интересных строки, которые можно найти только в 10-й песне *Илиады* и в *Одиссее*, которые описывают златорогую жертвенную корову, посвященную богине Афине:

Широколобую в жертву тебе годовалую корову

Я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.

Позолотив ей рога, я тебе принесу ее в жертву (*Илиада* 10.292–294; *Одиссея* 3.382–384)

В *Одиссее* тема *покрытых золотом рогов* развивается в последующих строках (*Одиссея* 3.426; 432-438), что, по мнению Винчи, означает, что эпизод, описанный в этом стихе, был источником для песни 10 *Илиады*, а не наоборот. Однако, эти строки важны не только с точки зрения связи между двумя поэмами и соответствующими авторами, но и замечательной параллели с отрывком из скандинавской литературы, найденным Винчи в одном из стихотворений в *Эдде*:

Вот черноволосые быки, радость великана,

тихо бродят по полям со своими позолоченными рогами. (*Thrymskvidha* 89-90)

По этому поводу профессор Мастрелли²¹⁹ отмечает, что «о коровах и быках с позолоченными рогами (*gull-bryndhar*) можно прочесть и в других скандинавских источниках».²²⁰ Это еще одна связь между Гомером и скандинавской мифологией, которая на сей раз сосредоточена на специфической детали крупного рогатого скота с позолоченными рогами.

Винчи подозревает, что и следующий эпизод *Илиады* был «вставлен» с целью возвеличить Улисса: речь идет о делегации, которую Агамемнон посылает Ахиллесу, чтобы убедить его снова взяться за оружие. Она состоит из трех героев, Улисса, Феникса и Аякса, с двумя глашатаями, Одием и Еврибатом (*Илиада* 9.168–170). В этом эпизоде наблюдается странная аномалия: в отрывке, описывающем прогулку этих *пяти* персонажей по берегу моря к шатру Ахиллеса, поэт использует не обычную форму множественного числа, а выбирает «двойную» форму, указывая на *двух* людей или предметы на греческом языке: «Они оба шли (*«tò bátēn»*) вдоль шумного берега моря» (*Илиада* 9.182). Эта форма – которая также встречается в *Одиссее*, где «два человека» – Улисс и его свинопас Евмей – направляются к хижине последнего (*Одиссея*

²¹⁹ Карло Альберто Мастрелли (Carlo Alberto Mastrelli), итальянский лингвист и историк (1923 – 2018).

²²⁰ Mastrelli, Carlo, ed., *L'Edda, carmi norreni*, Florence 1982, p. 372.

17.200) – повторяется несколько раз в упомянутых строках, хотя там пять человек, а не два! Для Винчи представляется вполне разумным сделать вывод, что в первоначальной версии стиха делегация и состояла только из двух человек – близкого друга Ахиллеса Феникса и глашатая. Позже другой поэт добавил Улисса, который теперь играет главную роль в этой встрече, и Аякса, чья репутация повышает важность делегации, тогда как Феникс становится второстепенным персонажем. Добавленный второй вестник – верный соратник Улисса (*Илиада* 2.184; *Одиссея* 19.247), который, хотя и является правителем небольшого острова, в этом приукрашенном действии всегда помещается среди самых важных «звезд», таких как Агамемнон, Ахиллес, Диомед.

КОНЕЦ ИЛИАДЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ТРОИ

Последняя 24 песнь *Илиады* часто подозревалась в интерполяции. По мнению Феличе Винчи, нам следует полагать, что исходная версия поэмы могла иметь другой конец, чем тот, который мы знаем сегодня, то есть похороны Гектора. Судьба Ахиллеса и завоевание Трои остаются невыясненными, хотя они были предсказаны много раз (а все сделанные в поэмах предсказания далее происходят наяву). Фактически, *Илиада* дает понять, что смерть Ахилла даже хронологически связана со смертью Гектора: «Тотчас за Гектором вслед и тебе ведь конец уготован» (*Илиада* 18.96); однако окончание поэмы полностью расходится с этим пророчеством. Сразу после убийства Гектора Ахиллес придумывает очень логичный ход – провести разведку вокруг троянской стены, чтобы немедленно атаковать город (*Илиада* 22.381–384), который, конечно, был шокирован смертью своего героя. Однако, он внезапно меняет свое мнение (*Илиада* 22.385) и, как ни странно, решает вернуться в лагерь, чтобы отдать дань уважения Патроклу, чьи похороны занимают всю песнь 23.

С этого момента, подчеркивает Винчи, война играет второстепенную роль, или, скорее, о ней почти забывают, поскольку действие замедляется, и начинает ощущаться совершенно другая атмосфера. Словом, в *Илиаде* в том виде, в котором мы ее знаем сегодня, все остается практически незавершенным. Ее «завершение» – не конец – видится Винчи «подогнанным» в повествование *Одиссеи*, поскольку позволяет последней приписать падение Трои исключительно Улиссу и его уловке с «деревянным конем».

Более того, во второй песне *Илиады* исследователь находит примечательную улику, которая подтверждает идею о том, что изначальная поэма продолжалась *далее* той версии, которая дошла до нас. Винчи имеет в виду два параллельных пророчества, которые приводит Гомер при включении Ахиллеса и Филоктета соответственно в *Каталог кораблей*:

В части про Ахиллеса, который воздержался от сражения после того, как Агамемнон забрал у него Брисеиду, «он лежал по ней тосковал, но вскоре ему суждено было подняться», *tēs hó ge keît'achéon, tácha d'anstēsesthai émellen*; *Илиада* 2.694);

В части про Филоктета, который остался на Лемносе, «там он лежал и тосковал, но вскоре [ахейцам] суждено было вспомнить [его]» (*enth'hó ge keît'achéon, tácha de mnēsesthai émellon*; *Илиада* 2.724; здесь «вспомнить его» означает «увидеть его снова»). Имя «ахейцы» заключено в скобки, потому что оно встречается в последующей строке стиха.

Примечательно, отмечает Винчи, что структура этих двух строк идентична – меняется только *tēs* («по ней») на *enth'* («там»); *anstēsesthai* («подняться») на *mnēsesthai* («вспомнить»); *émellen* («[ему] суждено») на *émellon* («[им] суждено») – поскольку они представляют собой два аналогичных извещения о событиях, которым суждено было исполниться впоследствии, первое из которых – возвращение Ахиллеса к битве – фактически рассказывается во второй части *Илиады*. Следовательно, делает вывод Винчи, если мы примем во внимание, что *Илиада* не имеет реального завершения, можно сделать вывод, что первоначальная поэма развила и повествовала также и второе событие, то есть возвращение Филоктета, который больше не упоминается в нынешней версии.

Однако, пока мы ожидаем успешное, но крайне маловероятное раскрытие микенских надписей, которые могли бы пролить некий свет на этот вопрос, пишет Винчи, мы можем

представить, что *все пророчества и предчувствия*, упомянутые во всей *Илиаде*, в конечном итоге *нашли бы свое исполнение* (с учетом их логичности и последовательности).

Так, например, *согласно пророчествам*, во время атаки на город сразу же после смерти Гектора и запланированной разведки вокруг Троянской стены, Парис убил бы Ахиллеса возле Скейских ворот после смерти Гектора (*Илиада* 22.359–360), и ожесточенная битва разразилась бы из-за тела Ахиллеса (*Одиссея* 24.36–41). Тогда ахейцы совершили бы соответствующие погребальные обряды (*Одиссея* 24.43–46), о которых рассказывается в последней Песне *Одиссеи*. Тем временем, герой Филоктет выздоровел бы и прибыл с Лемноса (*Илиада* 2.724–725): он был высоко ценимым вождем (*Илиада* 2.726), а с другой стороны, многие ахейские военачальники были бы убиты или ранены; следовательно, его прибытие в этот столь щекотливый момент должно было иметь решающее значение.

После того, как их вождь пал в бою, троянцы вероятно решили забаррикадироваться в своих слабых оборонительных стенах, в то время как их враги начали последнюю непрерывную атаку на город, как и предсказал Зевс в одной из своих пророческих речей:

*Гектора убьет Ахиллес благородный.
И тогда возбужу я
атаку непрерывную от судов
пока Илионом не овладеют ахейцы. (Илиада 15.68–71)*

В итоге, после финального нападения, гипотезирует Винчи, Троя была бы разграблена, мужчины были убиты, а женщины взяты в плен на борт кораблей, чтобы быть обращенными в рабство (*Илиада* 6.452–455). Гомер раскрывает окончательную судьбу этого доисторического «Форта Аламо» в необыкновенном, почти «кинематографическом» пророчестве (которое поэт приписывает Скамандру, вероятно потому, что считает реку свидетелем той древней трагедии):

*Троя пожирающим пламенем вспыхнет
И запылает в пожаре, зажженном сынами ахейцев! (Илиада 21.375–376)*

Эта реконструкция событий показывает стратегическое значение для исхода войны возвращений Ахиллеса и Филоктета, оглашенных аналогичными предсказаниями, которые проанализировал Винчи. Ахиллес должен был разбить троянскую армию и убить ее командующего, но, в свою очередь, быть и сам убит; что же касается Филоктета, который должен был прибыть, когда главные ахейские полководцы были убиты или ранены, то его возвращение, безусловно, должно было быть ключевым фактором в окончательном штурме города.

Можно также предположить, что последняя часть *Илиады* была намеренно стерта, чтобы приписать падение города заслугам Улисса и его нелепой уловке с «конем» – Винчи уже находил в *Илиаде* следы «приукрашивания» его фигуры.

Конечно, это только предположения, даже не имеющие прямого отношения к тезису, предложенному Винчи; однако они показывают разрыв между греческим миром и культурой, которая за много веков до этого создала первоначальные устные ядра обеих поэм. Исследователь подчеркивает: они дают нам очень живую и реалистичную картину конца войны, строго основанную на всех пророчествах, постоянно встречающихся в поэме, и которые должны были сбыться.

Исходя из этого Винчи приводит краткое изложение вероятной хронологии всей Троянской войны и ее предыстории. После того, как Парис похитил Елену, что, скорее всего, произошло во время летнего сезона мореплавания, Агамемнон и Менелай начали собирать союзников из числа ахейских народов и организовали место встречи в Авлиде, которое было наиболее подходящим местом для отплытия в Трою. После своего отплытия на войну, которая, вероятно, произошла в начале сезона мореплавания следующего года, они остановились на Лемносе, затем достигли Трояды, где они – или, вернее, Ахиллес – разграбили несколько городов вокруг Иды в ожидании прибытия всей армии. Тем временем собирались троянские союзники. Затем ахейцы решили совершить прямое нападение на Трою, несмотря на ссору между Агамемноном и Ахиллесом (которая знаменует начало *Илиады*). Серия кровавых сражений, о первых из которых рассказывается в *Илиаде*, произошла в мае-июне, когда белые ночи позволяют сражениям продолжаться без перерыва, а реки выходят из берегов после весеннего таяния снегов. Наконец,

после неоднократных атак на городские стены ахейцы, хотя и понесли тяжелые потери, захватили город. Приближалась осень, и плохая погода делала плавание все более опасным. Однако, как рассказывает Нестор в песне 3 *Одиссеи*, победители очень хотели вернуться домой и решили уйти. Поэт уделяет много времени описанию бурного моря и сильных ветров, которые заставили Улисса, Менелая и Агамемнона отклониться от курса, а также вызвали кораблекрушения Аякса Ойлея и части флота Менелая.

Мы можем предположить, продолжает Винчи, что, помимо объективной красоты поэзии Гомера – здесь мы, очевидно, имеем в виду две поэмы в целом, оставляя авторство за скобками – возможно, ореол легенды, связанный с наиболее своеобразными аспектами повествования, такими как «десятилетняя» осада и хитрость с «деревянным конем» сделали Троянскую войну особенно увлекательной: даже неоднозначность в том, когда и где она произошла, усиливает ее очарование!

То же самое относится, считает Винчи, и к мифической неуязвимости Ахиллеса, которую автор *Илиады* открыто называет хвастовством (*Илиада* 20.102); этот поэт гораздо менее склонен к подобным фантазиям, чем его «коллега» по *Одиссее*. Фактически, Астеропею удалось слегка ранить Ахиллеса в поединке на берегу Скамандра: «Предплечье правое он слегка оцарапал / и черная кровь заструилась» (*Илиада* 21.166–167).

Эпизод из *Калевалы*, по Винчи, напоминает тему неуязвимости, когда Лемминкяйнену удается избежать нападения свирепой собаки, потому что «мать моя вымыла меня, бросила в воду, когда я был младенцем» (*Руна* 12). Это очень похоже на греческий миф, в котором богиня Фетида делает своего сына Ахилла неуязвимым, погрузив его в воды Стикса. Следует также учитывать, что в скандинавской литературе *verpa vatni* – это магический ритуал, своего рода «крещение» воинов, делающее их неуязвимыми.²²¹

Что касается легендарных неприступных Троянских стен, Винчи предполагает, что в микенские времена внушительная цитадель Шлимана, найденная у Дарданелл, могла способствовать их славе. Анатолийский город, который примерно представляет собой средиземноморский аналог гомеровской Трои, мог быть переименован микенцами под это имя, но в определенный момент времени воспоминания о вероятном переселении их предков из Балтики начали исчезать, а затем «рухнули» после падения микенского мира от рук дорийцев примерно в XII веке до н.э. Таким образом, заключает Винчи, эти народы пришли к тому, чтобы идентифицировать гомеровскую Трою, Микены, Тиринф, Афины, Фивы, Крит, Египет и другие города и регионы со своими средиземноморскими тезками (однако граждане римской Трои хорошо знали, что это не был гомеровский город, о чем свидетельствует Страбон).

С другой стороны, считает Винчи, остатки древних сказаний, относящихся к далекому скандинавскому прошлому, которые пережили темные века после вторжения дорийцев (так называемое «эллинское Средневековье»), кристаллизовались как «мифы», оторванные от каких-либо временных и географических реалий. Вот почему Финли утверждает, что

«Война Гомера, война стихов и преданий – это вневременное событие, плавающее во вневременном мире».

Таким образом, заключает Финли, его «необходимо исключить из истории греческого бронзового века».²²²

Сами греческие мифографы, по Винчи, зачастую ошибочно истолковывали тексты: не считая искажений передачи устных преданий на протяжении многих веков, они иногда приукрашивали факты многочисленными историями собственного сочинения, которые в большинстве своем были вставлены необоснованно, и теперь трудно отличить правду от вымысла.

Так, греческий поэт Стесихор (640 – 555 до н.э.) утверждает, что во время Троянской войны Елена была не в городе с Парисом, а в средиземноморском Египте. Достаточно упрощенного анализа *Илиады*, чтобы понять, что это нелепая идея, которая, однако, позже была вновь принята Еврипидом.

²²¹ Chiesa Isnardi *I miti nordici*. Milan 1996, p. 461.

²²² Finley, Moses. *The World of Odysseus*, 2nd Edition. London, Penguin Books, 1979, pp. 172, 177.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЖЕ-УЛИССА

Феличе Винчи предпринимает любопытную попытку обосновать события, рассказанные в *Одиссее*, считая, что поэма черпала вдохновение в реальных событиях. Накануне повторного замужества Пенелопы, которая могла стоять ее сыну Телемаху права на царствование – поскольку он наследовал отцовские «*gêras*» (*привилегии*), по-видимому, только при условии, что его мать не выйдет замуж повторно (*Одиссея* 11.174–175; 11.184–186) – Телемах решает отправиться просить помощи у старых друзей своего отца (который не вернулся на Итаку после того, как ушел на войну двадцать лет назад). В *Одиссее* есть прямые ссылки на этот план, с предоставлением слова сватающимся женихам высказать свои озабоченные мысли:

*На нас Телемах замышляет убийство!
Иль он кого привезет из песчаного Пилоса в помощь,
Или, быть может, из Спарты (Одиссея 2.325–327)*

Телемах до этого пророчески грозит им: «Все вы погибнете здесь же, и мщенья за это не будет!» (*Одиссея* 2.145). Он возвращается из поездки с «кем-то», кто способен ему помочь (совпадение возвращений Телемаха и Улисса на Итаку, являющееся центром повествования, считает Винчи, довольно подозрительно). Они размещают свой «штаб» в хижине надежного свинопаса Евмея, лежащей поодаль от города, в котором устроят бойню и сорвут повторное замужество Пенелопы. Если реальная история стала вдохновением для главной идеи *Одиссеи*, то человек, помогавший Телемаху, был, вероятно, *ложным* Улиссом, которого никто никогда – даже его супруга! – не узнал – а шрам, предъявленный старой няне на опознание, был хитрой уловкой. Это также объясняет внезапный нелепый отъезд Улисса сразу после устроенной резни (*Одиссея* 23.267–280) в поисках некоего народа, незнакомого с морем и мореплаванием.

Впоследствии сам Телемах или один из его потомков мог поручить придворному барду – учитывая точность морфологических деталей о. Люэ-Итаки – создать поэму, которая бы прославила его знаменитого предка и в то же время предоставила сфальсифицированную версию событий, произошедших на Итаке. Этот поэт, по версии Винчи, мог и приписать своему главному герою в заслугу падение Трои и расправу над женихами Пенелопы. Только Улисс, а не его сын, имел моральное право убить столько безоружных людей против интересов Пенелопы! – которая до последнего момента находилась в неведении о заговоре против ее женихов. Поэт в *Одиссее*, в частности, стремится оправдать как странное отбытие после резни, так и двадцать лет отсутствия Улисса, поровну разделенные между «десятилетней» осадой с ее невероятным завершением (с уловкой с «деревянным конем») и последующими еще более невероятными причудливыми странствиями.

С этой целью, считает Винчи, бард создал – возможно, опираясь на уже пересказывавшиеся истории (вероятно, феакского происхождения, учитывая точность описаний норвежских берегов), серию удивительных приключений, умело смешивая легенды моряков, фольклор и настоящие морские маршруты, максимально отдаленные от мира Итаки. Возможно, поэт был также вдохновлен каким-либо распространенным верованием о великом царе, который исчез, но не умер, чтобы в конечном итоге торжественно вернуться – стоит вспомнить только о короле Артуре или Фредерике Барбаросса! Что же до бедной Пенелопы, то она оказалась свидетельницей своей второй неудавшейся брачной церемонии, превращенной ее сыном в резню, и получила слабое утешение, войдя в историю как прототип идеальной жены...

Эта гипотетическая реконструкция Винчи изображает Телемаха как своего рода Гамлета: сюжеты о молодом принце-сироте, судьба которого отмечена тенью его великого и уважаемого отца; его сложной семейной ситуацией; гостем, который напоминает ему: «Ребятскими жить пустяками время прошло для тебя / не таков уже ныне твой возраст» (*Одиссея* 1.296–297); опасное путешествие вдали от дома, с риском не вернуться живым; но, прежде всего, план мести и убийств, которому он так непреклонно следовал. Все это так похоже, указывает Винчи, на Амлетуса у Саксона, который также убивает своих врагов в конце королевского банкета (*Деяния данов* 3.6.24). Своеобразная черта обоих персонажей, подчеркивает исследователь – *амбициозность*, связанная с чрезвычайно сильной решимостью достичь своей цели любой ценой.

Также стоит отметить, сообщает нам Винчи, еще одно любопытное обстоятельство: форму, которую Шекспир выбирает для имени Гамлет (*Hamlet*) – отличающуюся от Амлетуса (*Amlethus*) Саксона, похожего на др.-скандинавского *Amlóðhi*. Имя *Hamlet* звучит как имя Телемах (*Telemach*), *записанное наоборот* (все знают, что Шекспир известен своей игрой слов, в которой смешиваются классические ссылки и скрытые значения). Следует также упомянуть, что, согласно Саксону Грамматику, отцом Амлетуса являлся Хорвендиллус (*Horvendillus*), в *Поэтической Эдде* – *Аурвандилл*. Об этом персонаже Якоб Гримм говорит так: «Весь сюжет легенды [об Аурвандилле] напоминает *Одиссею* (...) Даже бесшовное платье можно сравнить с фатой Ино».²²³ Таким образом, подытоживает Винчи, каждый из двух членов пары отец-сын *Одиссеи* (Улисс-Телемах) находит аналог в соответствующей паре в древнескандинавской мифологии (Хорвендиллус-Амлетус).

Что касается настоящего Улисса, участвовавшего в войне, по некоторым намекам, считает Винчи, можно понять, что он пал во время Троянской войны после событий, описанных в *Илиаде*. Например, он делает заявление, которое звучит как эпитафия:

Жизнь проводить

Зевс предназначил от юности до старости самой

В войнах тяжелых, пока без остатка мы все не умрем (Илиада 14.85–87)

Поэт *Одиссеи* делает похожее заявление: «Лучше бы мне умереть и судьбу неизбежную встретить / Было в тот день, как в меня неисчетные толпы троянцев / Сыпали медные копья над трупом Ахиллеса! / С честью б я был погребен, и была б от ахейцев мне слава [*kteréon*]]» (*Одиссея* 5.308–311). Согласно Винчи, это может относиться к другому высказыванию Улисса в *Илиаде*: «Если я умру, благородные ахейцы совершат мне погребальный обряд [*kteriosi*]]» (*Илиада* 11.455). Глагол *kterioûsi*, по Винчи, имеет тот же корень, что и существительное *kteréon*, т. е. «погребальные обряды», упомянутые в приведенном ранее отрывке из *Одиссеи*. Эта строка звучит как одно из частых предзнаменований в гомеровском эпосе, раскрывающих неизбежную судьбу героев.

И черты главного героя *Одиссеи*, пришедшего на помощь Телемаху, удивительным образом соответствуют одному персонажу из *Илиады*. Прежде чем объявить себя Улиссом, прибывший на Итаку сообщает, что родом с Крита. Более того, в отрывке из *Одиссеи*, где он представляется свинопасу Евмею, он утверждает, что общался с Идомением, царем Крита, и принимал участие в Троянской войне. Он заходит так далеко, что говорит:

... Идоменею и мне поручено было

К Илиону вести корабли (Одиссея 14.237–238)

Если обратиться к Каталогу кораблей *Илиады*, то в нем рассказывается, что критскую армию в Троянской войне возглавляли два военачальника: пожилой Идомений и молодой Мерион (*Илиада* 2.651). Последний – очень смелый юноша, упоминаемый не менее пятидесяти раз в *Илиаде*, отличившийся во многих эпизодах, будучи очень доблестным и храбрым, до такой степени, что его сравнивают с Аресом, богом войны (*Илиада* 13.328). Мериона также называют *репутэнос*, то есть «мудрым, проницательным» (*Илиада* 13.254; 13.266), хотя в *Илиаде* он еще молод. Еще один намек на то, что его можно отождествить с *ложным* Улиссом, Винчи усматривает в следующей его браваде:

Лишь Филоктет победил меня луком

в Троянской стране! (Одиссея 8.219–220).

И в самом деле, Мерион был лучшим ахейским лучником: он выиграл состязание по стрельбе из луков (*Илиада* 23.870–882) после похорон Патрокла, в котором Филоктет не принимал участия, потому что он все еще был болен на Лемносе. Напротив, Улисс в *Илиаде* – не лучник.

Еще одна странность *Одиссеи*, обращает внимание Винчи, заключается в том, что Улисс на Итаке является лучником, однако в своих странствиях никогда не использует лук и стрелы, даже когда он стреляет в олени на острове Цирцеи (*Одиссея* 10.162). Если учесть, что феаки не

²²³

de Santillana Giorgio, and Hertha von Dechend, *Il mulino di Amleto*, Milan 2003, p. 476.

любили лук и стрелы (их игры не предусматривали соревнований такого рода), это может быть ключом к определению феакского происхождения саг, ставших вдохновением для песен *Одиссеи* о странствиях Улисса.

Единственные строки в *Илиаде*, в которых Улисс пользуется луком – это песнь 10 *Илиады*, которая всегда считалась недостоверной, с целым набором аспектов, напоминающих *Одиссею*. Как подчеркивает Элиза Авеццо²²⁴, песнь 10 «имеет стиль, более близкий к *Одиссее*, чем к *Илиаде*».

Здесь можно было бы предположить, продолжает Винчи, что в не дошедшей до нас версии «Итакской саги» Телемах встретил Мериона в Спарте, а затем критский герой (который через двадцать лет после Троянской войны уже был мужчиной средних лет) помог Телемаху в решении его проблем на Итаке и вернулся домой сразу, как только закончил свою кровавую «работу».

Эта реконструкция также делает путешествие Телемаха в Пилос и Спарту «в поисках отца» значимым для сюжета *Одиссеи*, хотя обычно оно представляется излишним. Его стратегическая важность проявляется в начале стиха в предложении, где Афина обращается к Телемаху: «Я дам тебе мудрый совет, если хочешь меня послушать» (*Одиссея* 1.279), когда убеждает его отправиться в Пилос и Спарту и, по его возвращении, навсегда решить проблему с женихами Пенелопы, также прибегнув к убийству (*Одиссея* 1.295). Этот «мудрый совет» богини фактически становится стратегически важным: он – истинное начало поэмы, потому что запускает цепь событий, которые приведут развязке с резней женихов.

Данная интерпретация Винчи очень хорошо согласуется с отрывком из 10-й Песни *Илиады*, в котором упоминаются дружеские отношения между Улиссом и Мерионом. Последний перед ночным набегом Улисса на троянский лагерь дает ему свое оружие: лук, колчан, меч и шлем, украшенные клыками кабана (*Илиада* 10.260–265). Мы знаем, подчеркивает Винчи, что в гомеровском обществе узы дружбы были очень важны: они передавались из поколения в поколение и выражались в обмене подарками, гостеприимством и услугами. Следовательно, просьба Телемаха о помощи старому соратнику его отца никогда не осталась бы непринятой. Более того, за этим переходом оружия от Мериона к Улиссу, Винчи видит своего рода символическое напластование фигур двух героев: для архаичного менталитета оружие воина, особенно шлем, в определенном смысле представляло его идентичность. Элиза Авеццо в своем комментарии к *Илиаде* подчеркивает

«...единство героев и их оружия, для которых оружие – форма героя, оно «есть» «герой»».²²⁵

В целом, делает вывод Феличе Винчи, кажется, что в гомеровских поэмах существует не менее трех Улиссов:

Первый – персонаж *Илиады*, копьеносец (должный погибнуть во время битвы за труп Ахиллеса).

Второй – главный герой *Одиссеи* на Итаке – лучник, которого, вероятно, можно отождествить с критским героем Мерионом.

Третий – главный герой странствий по норвежским берегам и прилегающим островам, копьеносец, возможно, до этого герой одной из феакских саг.

В заключение Винчи отмечает, что параллели между Мерионом *Илиады* и Улиссом из *Одиссеи*, с одной стороны, заслуживают дальнейшего изучения специалистами, а с другой – делают проблему происхождения гомеровских поэм еще более сложной и интригующей. Также примечательно, что в греческом мире нет никаких следов этой очень древней «словесной тайны», что подтверждает идею о том, что средиземноморские греки не имели ничего общего с первоначальной северной обстановкой двух произведений.

Последователь гипотезы Винчи итальянский исследователь Альберто Майрани, поддерживая идею, что вернувшийся на Итаку на помощь Телемаху герой был лже-Улиссом, склоняется, однако, к версии, что это был не Мерион, а Филоктет,²²⁶ победивший всех в другом состязании по стрельбе из лука (*Одиссея* 8.219–220). Майрани указывает на хромоту Филоктета,

²²⁴ Элиза Авеццо (Elisa Avezzi), итальянская писательница, переводчица, эллинист.

²²⁵ E. Avezzi in Homer 1998, p. 492, note 7.

²²⁶ Alberto Majrani, *L'Astuto Omero e il geniale inganno dell'Odissea*, Filottete Edizioni, 2020, p. 77

полученную результате ранения (или укуса змеей) ноги на Лемносе, и подсказку в 17-й Песне *Одиссеи*, что и вернувшийся на Итаку лже-Улисс был хромым (хотя больше про хромоту Улисса в обеих поэмах нигде не говорится):

*Если готовую палку имеешь, то дай мне и палку,
Чтоб опираться. (Одиссея 17.195–196).*

Брел, опираясь на палку (Одиссея 17.335).

ГЛАВА 7. ГОМЕР И НЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЭПОС ГОМЕРА И ПРЕДАНИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

«Некоторые считают, что и Улисс в своих долгих и невероятных странствиях прибыл в этот Океан и посетил земли Германии». (Тацит, *Germania* 3.2)

Феличе Винчи предлагает прочесть этот отрывок в новом свете. Время жизни Тацита относят примерно на середину между эпохой, о которой повествует Гомер, и сегодняшним днем – и высказывание Тацита о *нордическом* Улиссе видится скорее древним воспоминанием, чем просто литературной гипотезой. Согласуется с ним и заявление Плутарха, современника Тацита, о североатлантическом расположении острова Огигия. Создается впечатление, считает Винчи, что оба историка связаны стойким преданием, рожденным в начале бронзового века и связавшим тысячелетия.

По предположению Винчи, эти заявления могут быть обязаны экспедициям, которые римляне совершали в Британию в I веке н.э. Тесть Тацита, Юлий Агрикола, в течение семи лет, начиная с 77 г. н.э., был наместником в Британии. Информация о «нордическом Улиссе» могла быть получена из кельтского мира и устных преданий друидов. Возможно, размышляет Винчи, что и Плутарх ссылается на них, когда, говоря о местоположении Огигии и других островов, заявляет: «варвары спустились сверху...».

Примечательно также, отмечает Винчи, что в *Одиссее* Улисса называют «светловолосым» (*Одиссея* 13.399; 431), и он обычно изображается в конусообразной шапке, которая идентична традиционному головному убору викингов.

Сравнение греческих и северных мифов выявляет много общего между миром и образом Улисса и мифических героев северных стран – что дает Винчи еще один аргумент в пользу утверждения об ахейцах Гомера как народе Северной Европы.

Прежде всего Винчи обращает внимание на «*Песенную Эдду*» (*Poetic Edda*), знаменитый сборник мифологических древнескандинавских стихов, написанных в XII веке. Здесь он встречает героическую фигуру воина и лучника Улла (*Ull, Ullr*) – героя песен *Grímnismál* и *Atlakviða* – считающихся одними из самых старых сохранившихся эдических песен. Упоминание в них об Улле свидетельствует, что он мог быть персонажем очень древнего происхождения.

Согласно Винчи, фигура Улла-лучника в *Младшей Эдде* (*Gylfaginning*,³) соответствует ряду характерных черт гомеровского Улисса. В *Одиссее* Улисс демонстрирует свое мастерство в стрельбе из лука на известном состязании за руку Пенелопы и в последовавшей за ним расправе над сватавшимися женихами. Также и до этих событий он хвастается феакам своими способностями лучника: «Руки недурно мои полированным луком владеют;/ (...) Луком один Филоктет меня побеждал неизменно / в Троянской стране» (*Одиссея* 8.215, 219–20). Это подтверждается и в Песне 10 *Илиады*, когда Улисс с Диомедом вооружаются каждый «своим луком и колчаном» для разведки вражеского лагеря.

Что касается лука Улисса, который только он сам мог согнуть, Винчи обнаруживает поразительную аналогию с луком германского героя Зигфрида (Северный Сигурд), который «только он мог согнуть руками» («*Песнь о Нибелунгах*», нем. *Das Nibelungenlied*, строка 953).

Имеется и еще одно довольно любопытное совпадение, сообщает нам Винчи: *скандинавский Улл был сыном Сифа* – при этом некоторые греческие авторы, в том числе Еврипид в своей трагедии «*Ифигения в Авлиде*», называли Улисса «сыном Сизифа».

Интересны также параллели сюжетов в «*Саге об Одде Стреле*» (*Örvar-Odds saga*)²²⁷ и странствиях Одиссея:

Как и моряки Улисса в *Одиссее*, команда Одда из скандинавской саги грабит первый остров, к которому причаливает; в результате теряется много людей с обеих сторон. На другом острове люди Одда пробуют пиво или некий напиток, который действует на них усыпляюще – так же, как и спутники Улисса теряют память, отведав лотос на острове лотофагов.

²²⁷ «Сага об Одде Стреле» – средневековая исландская сага из цикла «о древних временах» (*fornaldarsögur*); предположительно создана в XII–XIII веках

Соратники Одда далее заезжают на остров великанов и стреляют великанше в глаз – так же, как и Улисс выкалывает глаз циклопу Полифему.

Великан кидает камень со скалы на корабль Одда – как и в историях об островах циклопов и лестригонов в *Одиссее*.

Великан дарует Одду попутные ветры, когда узнает, что победить Одда нельзя – так же, как и в *Одиссее* Эол дарит Улиссу кожан с ветрами и обучает управлять ими.

Обращает на себя внимание также поразительное сходство пророчества Одду о «смерти от коня своего» и смерти героя от змеи, выползшей из черепа коня, с пророчеством и судьбой Вещего Олега в *Повести Временных Лет*.

Удивительно похожи и социальные отношения, интересы и образ жизни в гомеровском мире и в обществе викингов, несмотря на то что между двумя культурами прошло (как считается) почти три тысячи лет. Вот как описывает нам викингов Пёртнер:

«Они были всем понемногу: фермерами, исследователями, колонизаторами, самыми смелыми моряками, самыми страшными воинами своего времени, пиратами, торговцами, героями, негодями, искусными ремесленниками, разумными организаторами, убийцами, гениальными художниками, безумными захватчиками и охладельными оппортунистами, ужасными индивидуалистами и очернителями властных структур, равно как и преданными семейному роду сыновьями».²²⁸

Пёртнер далее цитирует Эдит Эннан:²²⁹

«Германская цивилизация (...), несомненно, включает в себя воинственную аристократию в качестве динамического фактора. Однако, эти аристократы были землевладельцами, и поэтому оставались близки со своими странами».²³⁰

Все описываемые характеристики, особенно эта двойственная склонность к мореплаванию и ведению сельского хозяйства, типичны и для гомеровского мира.

Важной характеристикой, подчеркивает Винчи, также является разграничение – типичное для дофеодального германского общества – государственных активов царя и его личных вещей, что констатируется и в *Одиссее* (1.392, 2.335), и в *Беовульфе* (2330, 2608).²³¹

Еще одна, несколько своеобразная, параллель между *Беовульфом* и *Одиссеей* прослеживается Винчи в ссоре между Унфертом и Беовульфом при дворе короля Хродгара (499–606 гг.), идентичной той, которая возникает между Евриалом и Улиссом при дворе Алкиноя (*Одиссея* 8.158–185). Этот типичный тевтонский литературный жанр также встречается в древнескандинавской литературе (*senna* и *mannjafnadhr*).²³² Интересно, что ссоры заканчиваются одинаково в обеих поэмах: зачинщики (Унферт и Евриал) примиряются со своими соответствующими оппонентами (Беовульфом и Улиссом), каждый из которых *получает меч* от своего подстрекателя (*Беовульф* 1457; *Одиссея* 8.403).

Удивительное сходство обнаруживает Винчи как в описаниях жизни свободных людей, так и в жизненном укладе рабов. Права и обязанности Евмея, который подчиняется Улиссу и в то же время является владельцем другого раба, Месавлия, «которого свинопас [Евмей] / приобрел от его имени во время отсутствия царя» (*Одиссея* 14.449–450), очень похожи на условия, в которых находились германские рабы, которые, согласно Тациту:

«Каждый управляет своим домом; землевладелец требует определенного количества пшеницы или животных или одежды, и раб – крестьянин-арендатор – обязан подчиняться до этого момента; а его жена и дети выполняют всю работу по дому». (*Germania* 25.1)

²²⁸ Pörtner, Rudolf. *L'epopea dei Vichinghi*, Milan 1996, p. 7.

²²⁹ Эдит Эннан (Edith Ennan), немецкий историк (1907 – 1999).

²³⁰ Edith Ennan, *Frühgeschichte der europäischen Stadt*, quoted in Pörtner 1996, p. 131.

²³¹ Беовульф (*Beowulf*) – англосаксонская эпическая поэма о шведском герое, датирующаяся 7-м веком н.э., и действие которой происходит в Дании.

²³² *Beowulf*, edited by Ludovica Koch, Turin 1987, p. 47 (footnote 1).

Похожие условия действовали и через восемьсот лет после Тацита в викингской Швеции, где рабы «могли иметь хижину и домашний скот» и «им было разрешено продавать излишки со своих мини-хозяйств на рынке».²³³ Аналогичные условия обнаруживаются и в *Одиссее*:

*Хороший хозяин раба своего наделяет
домом, участком земли и красивой супругой,
если он честно работал и боги ему помогали. (Одиссея 14.63–65)*

Одним словом, считает Винчи, сходства условий содержания рабов гомеровских ахейцев бронзового века, германцев римского периода и средневековых викингов свидетельствуют о преемственности скандинавского мира на протяжении веков.

Возможно, размышляет исследователь, свидетельство этой преемственности сохранилось и в названиях народов бронзового века и Средневековья. Имена, которыми Гомер называет главных героев своих поэм – данайцы (*Dánaioi*) и аргосцы (*Argives*, *Argeioi*, или (*V*)*argeioi*) – никогда не были обнаружены в реальности на Средиземноморье – однако, возможно, дошли до более поздних времен как датчане (*Danes*) и *варяги*.

Датский средневековый историк Саксон Грамматик сообщает нам: «Дудо (*Dudon*), нормандский историк, написавший историю об Аквитании, считает, что датчане обязаны своим происхождением и именем данайцам».²³⁴ Мнение Дудо Сен-Кантенского о связи между датчанами и гомеровскими данайцами разделяют и другие средневековые историки, в частности, Гильом Жюмьежский.²³⁵

Другое существенное сходство между двумя рассматриваемыми Винчи мирами – это Агора (*Agorē*), место общественного собрания в гомеровском мире, и его викингский аналог – Тинг (*Thing*), народное собрание. Оба являлись наиболее важными политическими институтами в управлении обществом. Также и Тацит сообщает, что в его время (1 век н.э.) северные народы проводили публичные собрания (*Germania* 11), которые, как представляется, очень похожи как на Тинг, так и на Агору.

Тацит повествует, что люди участвовали в собраниях с копьями и сотрясали ими в одобрение решений. То же самое было обычаем и норвежских собраний в 12 веке н.э. – т.н. *varpnaták.*, англ. *weapon-take*.²³⁶ В этой связи исследователю интересно повествование Гомера о том, как Телемах «вышел на площадь, с копьем медноострым в ладони» (*Одиссея* 2.10). Вероятно, обычай принимать участие в собраниях с копьями в руках, существовавший у германцев в римскую эпоху и сохранившийся в Норвегии много лет спустя, восходит к гомеровским временам, подытоживает Винчи.

Традиция с *голосованием поднятием оружия* почти в неизменном виде сохранялась до недавнего времени и в некоторых кантонах в Швейцарии. Так, жители швейцарского Аппенцелля каждое последнее воскресенье апреля собираются на главной площади городка для принятия решений на местном «народном вече» – *Ландсгемайнде* – для голосования по всем важным решениям кантона. Традиция документально засвидетельствована с 1409 года, и до 1991 года голосовали только мужчины. Исторически единственным доказательством гражданства, необходимым мужчинам для голосования в Ландсгемайнде, было предъявить свой церемониальный меч или копье: это доказывало, что они были свободными людьми, которым разрешалось носить оружие и голосовать. Это оружие при голосовании и поднималось (как когда-то и в Германии, и Скандинавии, и Британии); только после допуска в 1991 году в Ландсгемайнд женщин поднимать стали просто руки.

Винчи предлагает рассмотреть и сходство между норвежскими *валькириями*, которые доставляют души убитых воинов в Вальхаллу, и гомеровской грозной Керой (*V*)*oloē Kēre*), выполнявшей ту же роль на поле битвы:

*И грозная Кера
Раненых жадно хватала она, и не раненых также,
За ноги трупы убитых из битвы свирепой тащила;*

²³³ Pörtner, Rudolf. *L'epopea dei Vichinghi*, Milan 1996, p. 105.

²³⁴ Saxo Grammaticus, «Деяния Данов», *Gesta Danorum* 1.1.1

²³⁵ Гильом Жюмьежский (William of Jumièges), средневековый нормандский хронист (1026 – 1090)

²³⁶ Modzelewski, Karol, *L'Europa dei barbari*, Turin 2008, p. 33.

Кровью людскою вкруг плеч одежда ее обагралась. (Илиада 18.535-538)

Греческое выражение «грозная Кера» – «(*V*)oloē Kēre» (Илиада 18.535) – полагает Винчи, указывает на истинное происхождение имени «валькирия» – хотя, согласно общепринятой этимологии этого слова, оно должно происходить от *valr*, «убитые воины», и *kōri*, «выбирать».

Параллели между греческой мифологией и древнескандинавской литературой, которые включают в себя множество тем о море и мореплавании, помогают Винчи интерпретировать и следующий довольно неоднозначный отрывок Гесиода. Этот древнегреческий поэт, рассказывая легенду о сотворении мира, отмечал последовательность человеческих рас (каждая из которых связана с определенным металлом: золотом, серебром, бронзой и железом) и утверждал, что третья раса, связанная с бронзой, была «могущественной», «ужасной» и «воинственной». Эти люди были «детьми ясеня» (Гесиод, «Труды и дни», 145).

Что может означать это выражение? Средневековый историк Адам Бременский непреднамеренно дает, согласно Винчи, правдоподобное объяснение, называя викингов «аскоманами» (*Ascotans*), то есть «людьми ясеня» (*esche*, англ. *ash*). По Пёртнеру, викинги «предпочитали этот вид дерева для строительства своих лодок». Скандинавская же мифология утверждает, что человечество происходит от *Ask*, англ. *ash* – от *nenla*, который превратился в человека.

Отмечает Винчи и эпизод с женщиной-помольщицей, которая озвучила Улиссу доброе предзнаменование в день кровопролития:

*Там, где мололи муку рабыни для пастыря войска.
Их двенадцать трудилось на мельницах женищин, готова
Ячную к хлебу муку и пшеничную – мозг человека.
Спали другие, окончив работу, а эта, слабее
Всех остальных, лишь одна продолжала все время работать,
Жернов оставив, она вдруг промолвила вещее слово... (Одиссея 20.105–111)*

Некоторые ученые, в частности, Джорджио де Сантильяна,²³⁷ и Герта фон Дехенд²³⁸, соавторы исследования по сравнительной мифологии «Мельница Гамлета»²³⁹, сопоставляют этот замечательный эпизод с загадочным мифическим колоритом норвежской саги *Grottasöngr*, главными героями которой являются две помольщицы и пророчицы – Мения и Фения. Эти две молодые женщины из скандинавской мифологии, которых Фродхи, мифический датский король, заставил молоть золото, мир и процветание на волшебной мельнице под названием Гротти, работали, не останавливаясь для отдыха. Они складывают песню, в которой Мения вспоминает их происхождение, силу и подвиги, а Фения, оплакивая свое положение, предсказывает финал, падение короля. Затем молодые женщины собирают войско, которое убивает Фродхи, после чего, сильно разгневанные, они начинают молоть еще усерднее, пока, наконец, мельница не рухнет, а магический камень не раскалывается надвое. Корень имени Мения может относиться к памяти о минувшем (Винчи приводит в сравнение греч. *mimnēskō* и лат. *temini*, что означает «помнить»), что идеально соотносится с речами Мении, тогда как имя Фения может относиться к предсказаниям будущего (греч. *phēmē* и лат. *for-fatus* означают концепцию пророчества, акт предсказания). Предзнаменование Фении напоминает Винчи предзнаменование женщины-помольщицы из *Одиссеи*, где Гомер настойчиво использует термины, выражающие идею пророчества: *phēmēn* (*Одиссея* 20.100); *phanēto* (20.101); *phēmēn* (105); *phato* (111); *phaineis* (114); *ephē* (120). Эти отрывки из *Одиссеи* (женщина-помольщица) и *Grottasöngr* (Фения и Мения) демонстрируют существенное сходство и указывают на наличие общего мифологического корня, восходящего к заре времен.

Винчи также предполагает, что имена Хугин (*Hugin*) и Мунин (*Munin*) – двух воронов в северной мифологии, которые путешествуют по миру каждый день в поисках информации, а затем шепчут ее в уши Одина, усевшись вечером на его плечах – похожи на соответствующие имена Фения и Мения, учитывая, что *Munin* означает «память». Здесь, согласно Винчи, кроется

²³⁷ Джорджио де Сантильяна (Giorgio de Santillana), итало-американский историк (1902 – 1974).

²³⁸ Герта фон Дехенд (Hertha von Dechend), немецкая этнолог и исследовательница первобытных космогоний (1915 – 2001)

²³⁹ de Santillana Giorgio, Hertha von Dechend, *Il mulino di Amleto (Hamlet's Mill)*, Milan 2003.

и ключ к известной строке стиха *Grímnismál* (одной из поэм *Эдды*): «Хугин и Мунин летают каждый день / над миром; / Я боюсь, что Хугин никогда не вернется, / но я еще больше беспокоюсь о Мунине» (*Grímnismál*, 119-122) – что могло означать, что потеря памяти о минувшем (*Munin*) гораздо страшнее, чем отсутствие предвидения будущего (*Hugin*).

Возвращаясь к «мельнице» – по Винчи, в скандинавской мифологии она также фигурирует в неясном, загадочном отрывке у Снурри Стурлусона (Snorri Sturluson, 1178 - 1241), в котором цитируется строфа исландского скальда Снэбьёрна (*Snæbjörn*):

«Девять служанок островной мельницы яростно расшевелили жестокого хозяина утеса – те, кто в глубокой древности измельчали пищу Гамлета (Hamlet) ...Здесь море называют мельницей Амледа (Amlodhi)».

Эти сходства, которые, возможно, казались до сих пор непонятными, теперь представляются в новом свете: Винчи предполагает связь между угрожающими «девятью служанками», и гомеровскими сиренами – учитывая, что «мельница» соотносится с норвежским водоворотом *Мальстрем*.

ГРЕЧЕСКИЕ И СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ

Скандинавские боги, подчеркивает Винчи, отражают образ людей, которые их создали: «жестокость, гнев, похоть, ирония – их самые сильные качества; мужество, сила и хитрость – их достоинства».²⁴⁰ Более того, как сообщает Пёртнер касательно их отношений с греческими богами,

«...У великого бога Тира есть прославленные предки, потому что он является родственником индуистского бога Дьяус, а его южно-немецкое имя Зиу напоминает классического Зевса. Тор и Геркулес могут быть двоюродными братьями. И Один, или Вотан у южных немцев, имеет кровь Диониса».

Некоторые ученые отмечают ряд существенных сходств между фигурой Улисса и Одина, который в скандинавской мифологии является не только великим воином, но и исключительно проницательным героем с утонченным красноречием. Например, обращает внимание Винчи, таланты Одина восхваляются в шестой главе *Саги об Инглингах*, а Саксон Грамматик представляет персонажа по имени Оллерус (соответствует Уллу), который действует как «альтер-эго» Одина во время изгнания последнего и даже заходит так далеко, что принимает его имя («*Деяния Данов*» 3.4.10–11). В повествовании автор изображает Оллеруса как искусного моряка: на него наложено заклинание, позволяющее ему «пересечь море на кости» (3.4.12) – деталь, которая завершает массу сходств между Улло и Улиссом с одной стороны и между Улиссом и Одином с другой.

Более того, подчеркивает Винчи, Один дает советы и помогает Уллу точно так же, как богиня Афина помогает Улиссу. Имеются и другие особенности Одина и Афины, которые делают уже их необычайно похожими: их мудрость, их связь с войной, их копья, их птицы (грач и небольшая сова) и даже их имена – Один может быть написан как *Отин* (*Othin*), что похоже на имя Афины: *Амена* (*Athēnē*).

В обоих персонажах прослеживаются древние шаманские корни, типичные для скандинавского мира. Как отмечает Кьеза Иснарди, Афина в отрывке *Илиады* (7.59) превращается в хищную птицу, а в *Одиссее* (22.240) она принимает форму ласточки. Что касается Одина, он также способен превращаться в животное, в частности, в птицу: одно из его прозвищ – *Arnhöfði* («голова орла»), другое – *Örn* («орел»)²⁴¹.

Один (Odin, Óðinn) – верховный бог в германо-скандинавской мифологии; Один предстаёт как бог войны и победы, поэзии (преимущественно скальдической), шаманских ритуалов; Один описывается как обладающий великой мудростью, тайными знаниями и поэтическим искусством, покровительствующий воинам и военной аристократии.

Афина (др.-греч. Ἀθηνᾶ или Ἀθηναία — Атхэна́я; микен. atana-potinija: «Атана-владычица»), также Афина Паллада (Παλλάς Ἀθηνᾶ) — в древнегреческой мифологии богиня мудрости,

²⁴⁰ Cohat, Yves, *I Vichinghi, signori del mare*, Turin, Electa Gallimard, 1993, p. 105.

²⁴¹ Chiesa Isnardi *I miti nordici*. Milan 1996.

военной стратегии и тактики, одна из наиболее почитаемых богинь Древней Греции; кроме того, богиня знаний, искусств и ремёсел; дева-воительница, покровительница городов и государств, наук и мастерства, ума, сноровки, изобретательности.

И Один, и Атене (Афина) связаны с мудростью и с войной – и весьма вероятно связь этих имен.

Роберт Стефен Пауль Бекек (Robert Steven Paul Beekes), нидерландский лингвист заявляет: «Как и сама богиня Афина [до-греческий образ], её имя до-греческое».²⁴²

Пролить свет на этимологию имени может помочь миф о рождении богини Афины: оно было необычным, Зевс породил Афины из своей головы. Проглотив беременную Метиду, Зевс через некоторое время почувствовал страшную головную боль. Чтобы помочь рождению Афины, Гефест ударил Зевса топором по голове, а Прометей принял её из головы Зевса. Стесихор²⁴³ впервые упоминает, что Афина явилась из головы Зевса в полном боевом вооружении.

Что же можно извлечь из разрубленной головы как не собственно *мозг*? На помощь в который раз приходят прибалтийско-финские и саамские языки, эти древние остатки языков Старой Европы, в частности, фин. *udin*, карел. *udin* – «мозг, ядро»; эст. *üdi*, саам. *ada* – «костный мозг; суть, истина»; эст. *oid*, *oidu*, *uid*, *uidu*, фин. *oitti*, *oitto* – «разум, ум, рассудок, догадливость, смекалка». Ср. также с эрзянск. *удем*, *udem* – «мозг, ум».

Имя Фрейи – богини брака в скандинавской мифологии, чей брат Фрейр был богом плодородия земли и людей – Винчи сравнивает с именем Афродиты, греческой богини любви и брака. Этимология, предложенная еще древними греками для имени Афродиты, «рожденная из пены», никак не отражена в поэмах Гомера: в них она никогда не связана с морем. С другой стороны, Гомер иногда использует термин *aphroditē* (этимология которого неясна) как общее имя, указывающее на удовольствие от любви (*Одиссея* 22.444).

Винчи рассматривает и еще одну параллель, связанную с именем и ролью древнескандинавского бога хитрости и обмана (также *огня*) Локи (*Loki*), который наделен крайне негативными чертами, и представляет собой демонического врага космического порядка. Этимология и значение имени *Loki* до сих пор не определены, однако, сообщает нам исследователь, у Гомера встречается термин *loigós* «чума, разрушение, гибель» (*Илиада* 1.97, 21.138) и соответствующее прилагательное *loígios*, «разрушительный, смертельный» (*Илиада* 1.518). По Винчи, имеется явная связь между именем бога *Loki*, несущего разрушение людям и богам в скандинавской мифологии, и гомеровскими терминами *loigós* и *loígios*, имеющими тот же смысл. Ср. также с греч. *loksos*, *λοξός* – «кривой, лукавый»; рус. *лук*, *лука*, эст. *look*, фин. *luokki* – «изгиб, дуга».

Далее Винчи рассматривает и образы морских богов, легенды о которых распространены как в греческой, так и в скандинавской мифологии. В *Илиаде* упоминается бог Бриарей (*Briareus*), также известный как Эгеон (*Aigaion*), описываемый как *гигант с сотней рук* (*Илиада* 1.402). Имя Эгеон, полагает Винчи, имеет тот же корень, что и Эги (*Aigás*) (*Илиада* 13.21, *Одиссея* 5.381), место поклонения Посейдону, греческому верховному морскому богу. Эгеон определенно связан с морем, будучи упоминаемым вместе с морской богиней Тетис (*Thetis*). Примечательно, что морской *гигант*, встречающийся в различных древнескандинавских сагах, имеет практически то же имя – Эгир (*Aegir*), и, в своем северном доме, аналогичен Эгеону. Возможно даже, высказывает предположение Винчи, что имя Эгир, благодаря гомеровскому Эгеону, дошло до наших дней в наименовании Эгейского моря.

Къеза Иснарди так говорит об Эгире: «он супруг Рони-«разбойницы», что приветствует утопленников в своем королевстве (...) дети Эгира и Рони – морские волны». В скандинавской саге утверждается: «Королевскому кораблю удалось вырваться из руки Рони / с огромным трудом»²⁴⁴. «Рука» Рони представляет смертельную опасность для моряков. Сравнение Эгеона и Эгира придает и реальный смысл «*сотне рук*» Бриарея – поэтической метафоре, которой описываются страшные свойства штормового моря, топящего корабли и беспощадно заглатывающего их команды, утаскивая несчастных моряков к их гибели в водной пучине.

²⁴² <http://www.etymonline.com/index.php?term=Athena>

²⁴³ Стесихор, древнегреческий поэт (предположительные годы жизни 630 до н.э. - 555 до н.э.)

²⁴⁴ *Helgakvidha Hundingsbana I*, 116–117

Более того, Винчи кажется естественным связать имя Бриарей (*Briareus*) (то есть Эгеон) с другим древнескандинавским гигантом – Бримиром (*Brimir*), корнем имени которого является *brim*, что означает «волна, море».

Гомер также сообщает, что Кронос, сосед Эгеона-Эгира-Бриарея, живет на «адском» Тартаре, «в самых дальних пределах / суши и моря» (*Илиада* 8.478–479). Учитывая, что Бриарей является надзирателем Кроноса на острове недалеко от Оигии, то есть в Северной Атлантике (называемой Плутархом «морем Кроноса»), Тартар, полагает Винчи, может быть Исландией, чьи впечатляющие вулканические явления, ледники и темные зимы так напоминают образы Данте.

Что касается Посейдона, знаменитого греческого морского бога, Гомер утверждает, что у него есть «золотой, сияющий дом в глубинах моря» (*Илиада* 13.21–22). Этот отрывок связывает Посейдона с древним скандинавским богом Форсети (*Forseti*), чей дом Глитнир (*Glitnir*, «сияющий») «с золотыми стенами, столбами и колоннами и серебряной крышей» является «зданием суда людей и богов». Примечательно, что, по Платону, дивный храм Посейдона в Атлантиде, облицованный драгоценными металлами, был также и зданием суда (*Критий* 120c). Фризский аналог Форсети, бог по имени Фозите (*Fosite*), чья омонимия с Посейдоном бросается в глаза Винчи, дает свое имя Фозителанду (*Fositeland*) – древнему названию современного Хельгоlanda (*Helgoland* или *Heligoland*), одного из фризских островов, где этому богу поклонялись. При этом название Хельголанд может быть связано с Хелике (*Helikē*), святилищем гомеровского Посейдона (*Илиада* 8.203). Ср. названия Хельголанд и Хелике со шв. *helig*, нем. *heilig*, англ. *holy* – «святой, священный»; шв. *helg* – «светлый, чистый»; эст. *hele*, *helge*, фин. *heleä*, ижор. *helliä*, карел. *helei* – «светлый, чистый, ясный, солнечный, радужный, безоблачный, светозарный, лучезарный»; фин. *helakka* – «яркий, сверкающий».

В Илиаде также описывается жертвоприношение быка, посвященного «геликонскому» (*Helikónion*) Посейдону (*Илиада* 20.404). Жертвоприношение быка, сообщает нам Винчи, было практикой, типичной и для феаков, которые «приносили в жертву Посейдону двенадцать быков» (*Одиссея* 13.181), но не было характерно для гомеровских ахейцев, обычно приносивших в жертву телок коров. Платон акцентирует внимание на жертвоприношении быка в храме Посейдона в Атлантиде (*Критий*, 119d–e) – и, таким образом, Посейдон у Гомера и Платона и древнескандинавский бог Форсети (древне-фризский Фозите), с точки зрения Винчи, имеют много общего.

Посейдон, самый известный греческий морской бог и бог феаков (которые, как полагает Винчи, переселились из северной земли мифических циклопов на юго-западное побережье Норвегии), был отцом циклопа Полифема. Мать последнего звали Фооса (*Thoosa*), и ее имя исследователь сравнивает с названием фьорда Тосенфьорден (*Tosenfjorden*), находящегося на севере Норвегии. Гомер называет Посейдона «сотрясателем Земли» (*Enosichthōn*). Основное имя Посейдона (*Ποσειδάων*, *Ποτειδάων*), бога моря и землетрясений, имеет вероятное значение «сотрясатель вод»: ср. гр. посис, потис (*πόσις*) – «вода, влага»; и гр. донео (*δονέω*) – «сотрясать, взбалтывать, колыхать, волновать». В связи с этим, весьма информативны слова рыбака с Луфутенских островов в его описании сотрясений у Мальстрема – знаменитого норвежского водоворота:

«Пока мы стояли на большой земле возле Мальстрема, мы ясно ощущали дрожание земли под ногами во время пика течения и ветра».²⁴⁵

Гомеровский эпитет морского бога прекрасно объясняется тремором, который как будто исходит из-под земли во время шторма, бушующего на скалистом берегу океана, где волны выше, а плотная порода усиливает вибрации. Можно предположить, считает Винчи, что идея бога, «сотрясающего землю», родилась на крутых берегах Норвегии и атлантических островов, и цитирует де Сантьяна и фон Дехенд: во время штормов «...все силы Атлантики бьются о берега Оркнейских островов; камни весом в несколько тонн поднимаются со дна; гул от ударов слышен на расстоянии двадцати миль; сильные волны поднимаются до шестидесяти футов».

БОЖЕСТВА МОРЕЙ И МАГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

²⁴⁵

Из документального фильма *In Search of the Maelstrom* by Heather Barnett, 2007.

*Есть остров в бескрайнем море перед Египтом;
Люди называют его Фарос,
На расстояньи, какое в течение дня (paneterie) проплывает
По морю, воющим ветром сзади гонимый, корабль (Одиссея 4.354–357).*

Этот отрывок особенно озадачивал древних и современных ученых, потому что на Средиземном море Фарос (*Pharos*) – это небольшой остров недалеко от побережья Египта, на котором в эллинский период был построен знаменитый маяк (греч. *φάρος*), направляющий моряков в Александрийский порт – однако, Гомер утверждает, что путь между Фаросом и Египтом «длинный и трудный» (*Одиссея*, 4.483). Тот факт, что Фарос находится всего в полукилометре от побережья Египта, породил одно из самых известных несоответствий гомеровской географии: ученые, в частности Страбон, провели изощренные размышления, чтобы решить эту загадку, но, как говорит бедный Страбон, опуская руки: «Эти вещи действительно полны загадок!» (1.2.31).

Словом, причина, по которой Гомер располагает Фарос, на котором корабли Менелая останавливались на обратном пути из Трои – *далеко от Египта* – всегда была непонятной в средиземноморской реальности. «Может ли география Балтии и расположение ее «Египта» (дельты Вислы) прояснить эту загадку?» – задается вопросом Феличе Винчи.

В центре Балтийского моря находится шведский остров под названием Форё (*Fårö*), точно к северу от устья Вислы (вероятной «реки Египет») примерно в двухстах морских милях от польского побережья. При благоприятных условиях корабли викингов – аналогичные ахейским по описаниям Гомера – были способны идти со средней скоростью почти десять узлов (18,5 км/ч),²⁴⁶ из чего следует, что они могли преодолевать это расстояние *за одни сутки (paneterie)* если им помогал *попутный «сзади гонящий ветер»* (*Одиссея* 4.354–357).

Примечательно, что Форё, как было показано ранее, находится точно на обратном пути ахейцев из гомеровской Трои у Финского залива до о. Эланд (гомеровской Эвбеи), см. рис. 1. Возвращавшийся отдельно от Улисса Менелай жалуется: пришвартовался на Фаросе, но

*... Боги продержали меня там двадцать дней, и ни разу
Дующих в сторону моря попутных ветров не явилось. (Одиссея 4.360–361)*

Одним словом, резюмирует Винчи, Форё-Фарос может быть включен, вместе с Лемландом-Лемносом, Хийумаа-Хиосом, Тосинге-Закинфом, Нексё-Наксосом и Нёгоуэгг-Огигией в список островов греческой мифологии, имеющих практически совпадающие названия, но чье местонахождение согласуется с гомеровской географией лишь при их расположении **вне Средиземного моря**.

Отождествление гомеровского Фароса с балтийским Форё основано, согласно Винчи, также на очень хорошей передаче северной атмосферы этого острова в описании у Гомера. Для этого стоит рассмотреть сцену заманивания, которую Менелай, стремясь найти дорогу домой, устраивает Протею, морскому старцу. Поэт представляет Протея как «пастуха тюленей», поднимающегося из морских глубин, чтобы погреться на солнце на скалах:

*Только приблизится солнце к середине неба,
Вдруг средь кипения черной воды, при подушем зефире,
Правду знающий Старец Морской из пучины выходит.
Выйдя из волн зашумевших, ложится он в полую яму.
Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери моря (halosydne)
Стаями спят вокруг него, пенистые покинувши волны,
Резкий смрад издавая глубоко с пучинного моря (Одиссея 4.400–406).*

Дочь Протея дает Менелая совет, который позволяет ему застать ее отца врасплох – после долгой битвы, в которой Протей использует все трансформирующие силы, прославившие его – и обездвижить его, тем самым вынудив раскрыть путь Менелая домой.

Приключение Менелая на Фаросе Винчи рассматривает как один из самых восхитительных эпизодов *Одиссеи*. Здесь Гомер не только сочетает реальность и сказку с виртуозным мастерством, но и рисует яркую картину мира с типично нордическими чертами. Тот, кто имел

²⁴⁶ Pörtner, Rudolf. *L'epopea dei Vichinghi*, Milan 1996, p. 215.

возможность сфотографировать тюленей в северных морях – например, на Оркнейских островах – может оценить как реалистичность этого прекрасного описания, так и его изысканный слог.

Винчи также отмечает, насколько важным должен был быть этот остров, расположенный на полпути между противоположными берегами Балтики, для древних мореплавателей: «Есть хороший порт, откуда они пускают вплавь свои корабли после того, как наберут воду» (*Одиссея* 4.358–359).

Из рассказа Протея следует, полагает Винчи, что, помимо остановки для пополнения запаса воды и отдыха, моряки бронзового века посещали на Форё-Фаросе своего рода святыню оракула, которая предсказывала им будущее, давая надежду и поддержку тем, кто рисковал жизнью в балтийских штормах:

*[Протей] расскажет про дорогу, и будет ли долог
Путь к возвращенью домой по обильному морю (Одиссея 4.389–390).*

Это странное наделение тюленей пророческими способностями могло произойти из-за какого-то известного поведения этих животных для морских прогнозов или предсказаний погоды, то есть с целью составить своего рода «метеорологическую сводку». Стоит вспомнить, например, сохранившееся до наших дней сравнение о том, что низколетящие чайки предвещают надвигающийся шторм.

Винчи также задается вопросом, не является ли «правдивый морской старец / бессмертный Протей, что знает / все морские глубины» (*Одиссея* 4.384–386), метафорой или своего рода иносказанием для «духа моря», претерпевающего постоянные изменения. В одно мгновение он спокойный и добрый, в следующее – злой и угрожающий. В жестокой азартной игре, в которой ставка делается на безопасность корабля и жизнь моряка, морякам нужны интуиция, навыки, опыт и удача. Море дает предвестие безопасного возвращения тем мореплавателям, которые знают, как его читать, интерпретировать его знаки, терпеливо ждать и использовать подходящее время, чтобы успешно завершить свое путешествие.

Что касается темы предсказания будущего, Винчи находит в скандинавских мифах идеальный аналог морского старца – мармендилль (*marmendill*, или *marmennill*) – очень странное существо, напоминающее человека с телом тюленя ниже пояса. Оно живет в морских глубинах и способно предсказывать будущее.²⁴⁷ Более того, как и Протей, оно говорит только тогда, когда ему хочется.

Saga о Хальве и его воинах (*Hálfs Saga ok Hálfsrekka*) повествует о насыщенной событиями встрече с королем викингов Херлете. По этому случаю перед пророчеством проводилось состязание по борьбе (*glíma*, традиционная скандинавская форма борьбы), которое Винчи сравнивает с борьбой между Протеем и Менелаем, в которой на карту поставлена судьба героя.

Интересно, подчеркивает Винчи, что Херлет – персонаж, с которым мы уже встречались в предыдущей аналогии между *Одиссеей* и скандинавской литературой (когда он ослепил угрожающего людоеда раскаленным копьем – что похоже на эпизод, в котором Улисс ослепил циклопа Полифема). Это, безусловно, делает набор связей еще более интригующим.

Находит Винчи и еще одно замечательное сходство между Протеем и норвежским человеком-тюленем. В тексте викингов, Книге поселений (*Landnámabók*) говорится, что

«...одно из этих существ (*marmendill*) сообщило Селториру (*Selthorir*), где ему нужно расположиться. Первая часть его имени, то есть *Sel*, означает «тюлень», поскольку в момент получения пророчества он лежал в лодке и был покрыт тюленьей шкурой».²⁴⁸

Этот эпизод, проникнутый особой шаманистической атмосферой, имеет аналогию в *Одиссее* – когда Менелай и его товарищи готовятся к появлению Морского Старца, чтобы, с помощью дочери последнего, войти к нему в доверие и выпытать у него предсказание:

*Тут погрузилась богиня в широкое лоно морское
И принесла из пучины четыре шкуры тюленых,
Только что содранных: хитрость она на отца замышляла (...)*

²⁴⁷ Chiesa Isnardi *I miti nordici*. Milan 1996, p. 352.

²⁴⁸ Chiesa Isnardi *I miti nordici*. Milan 1996, p. 584.

Каждого в линию она уложила и шкурой покрыла (Одиссея 4.435–437, 440).

Из сравнения этих строк со скандинавской историей о Селторире, покрытом тюленьей шкурой в ожидании пророчества мармендилля, становятся очевидными общие корни этих двух сказаний, несмотря на то что они принадлежат к двум культурам, разделенным в пространстве и времени.

Как отмечает Винчи, соответствия между греческими и скандинавскими мифами часто касаются типичных морских тем, подтверждая гипотезу о том, что ахейцы и древние скандинавы имели общее культурное происхождение и что их первоначальный общий дом, скорее всего, находился у моря. Примечательно, что Гомер использует не менее четырех терминов для обозначения моря: *hâls*, *thálassa*, *póntos* и *pélagos*.

Винчи также задается вопросом, не звучит ли до сих пор имя Протея в греческой легенде об основании средиземноморского Марселя *фокейской* супружеской парой: Протисом (*Protis*) и Гиптисой (*Gyptis*). Эти два имени напоминают гомеровское имя Протея – *Prōteus Aigyptios* (Одиссея, 4.385). В этой типичной для греческой мифологии истории имена двух главных героев, Протиса и Гиптис, могли быть вставлены как память о *Prōteus Aigyptios* – божестве древних *фокейцев*, вероятных охотников на тюленей, в основе имени которых содержится греч. слово *phōkai* – «тюлень».

Помимо этого, о. Форё на Балтике расположен рядом с островом Готланд, напротив идентифицируемой Феличе Винчи гомеровской северной Фокиды на материковой части Швеции (рис. 11). Также на Готланде археологами были обнаружены следы доисторической охоты на тюленей (чьи стада и до сих пор облюбовывают побережья Форё и Готланда).

Одиссея останавливается на преобразующих способностях Протея; однако, согласно греческой мифологии, также и Фетида, мать Ахиллеса, являясь морской богиней и дочерью Нерея, еще одного морского старца (Илиада 1.538), обладает способностью трансформировать себя. Она использовала эту силу, когда вышла замуж за Пелея:

«Строптивая невеста задействовала всё искусство древних морских богинь для магических трансформаций. Она превращалась в огонь и воду, оскаливала зубы как лев, и пыталась предотвратить объятия, приняв форму змеи».²⁴⁹

Похожую аналогию Винчи обнаруживает в некоторых кельтских легендах, например, Ананда Кентиш Кумарасвами²⁵⁰ рассказывает в своем предисловии к «Сэру Гавейну и Зеленому рыцарю» (*Sir Gawain and the Green Knight*):

«В гэльской традиции женщины-тюлени скидывают шерсть и выглядят как красивые молодые девушки; брак с человеком прерывает заклятие навсегда».²⁵¹

Кельтские женщины-тюлени также напомнили Феличе ундин, которые предсказывают будущее Хагена в древнегерманской поэме *Песнь о Нибелунгах* (*Nibelungenlied*). Действие этого эпизода происходит на берегу Дуная, однако, первоначальное название ундин – *merweip*, «морские женщины» – свидетельствует о том, что миф родился на море. Хаген уносит одежду ундин, с целью заставить подойти их ближе, что напоминает сюжет с гэльскими женщинами-тюленими, которые превратились в молодых девушек, избавившись от своих шкур.

В кельтских легендах Винчи также замечает случай с ирландским фука (*phooka*), или пука (*puka*), безобразным гоблином, способным принимать множество устрашающих или, наоборот, приятных форм, могущим появляться в виде лошади, кролика, козы и т.д. *Phooka* – написание, принятое Бобом Карраном²⁵² в его книге *A Field Guide to Irish Fairies* («Практическое руководство по ирландским феям»). *Phooka* в форме говорящего кролика – главный герой восхитительного старого фильма под названием «Харви», где кролик сам говорит Джеймсу Стюарту: “*I am a phooka!*”. У скандинавов – др.-сканд. *pook*, *puke*, норв. *puki*, шв. *puke*, дат. *puge*.

²⁴⁹ Kerényi, Karl, *Gli dèi e gli eroi della Grecia*. Milan 1963, p. 294

²⁵⁰ Ананда Кентиш Кумарасвами (Ananda Kentish Coomaraswamy) – эзотерик, метафизик, специалист по индийской философии и искусству (1877 – 1947).

²⁵¹ Boitani, Piero, ed. *Sir Gawain e il Cavaliere Verde*, (*Sir Gawain and the Green Knight*). Milano 1986, p. 170.

²⁵² Боб Карран (*Bob Curran*), ирландский писатель (род. 1949).

Независимо от того, какую форму принимает фука, его шкура почти всегда темная. Он обладает силой человеческой речи и, как известно, дает советы и уводит людей от зла. Хотя фука любит сбивать с толку, а иногда и пугать людей, его считают доброжелательным. Вероятно, полагает Винчи, этот гоблин – несчетная трансформация старого Протея, «тюленьего пастуха», соответствуя гомеровскому *phōkē* – «тюлень», что также объясняет, почему его шкура всегда темная.

В сюжете встречи Менелая с Протеем и его тюленями на острове Фарос-Форё мифическая сказочная аура заставляет Винчи поверить, что здесь таятся следы еще более древней эпохи, чем та, в которой происходит действие поэм Гомера. Автор *Одиссеи* часто использует фольклор или детали легенд, относящиеся к периоду, который его современники, должно быть, считали частью смутного и далекого прошлого. В поэмах они часто пронизаны, как и в данном случае, чрезвычайно архаичными магическими и шаманистическими мотивами, возможно, связанными также с использованием галлюциногенных веществ – как в случае с *polypharmakos* Цирцеей, «многосведущей в зельях».

Можно также задаться вопросом, как осуществлялась устная передача в течение стольких лет. Как полагает Андреас Пяббо:

«Эпические стихотворения – одно из древнейших средств сохранения племенем чувства своего прошлого, а также форм развлечения. Сохранение исторических сказаний в неизменном виде было чрезвычайно важно, и искусство их пения передавалось из поколения в поколение. У угро-финских народов Оби – хантов – даже сегодня долгие распевные эпические поэмы передаются из поколения в поколение, и можно только гадать, насколько древними могут оказаться эти передаваемые сказания. Ближе к континентальной Европе мы находим карело-финскую эпическую народную поэзию, собранную в XIX веке в отдаленных уголках Финляндии. С несколькими длинными эпическими поэмами, связанными вместе, с некоторыми промежуточными стихами, они были собраны в то, что известно как *Калевала*, ставшую очень популярной среди прибалтийских финнов; ее сравнивают с греческими эпическими поэмами, такими как *Илиада* и *Одиссея*».²⁵³

ГОМЕР И ДЕЯНИЯ ДАНОВ

Для более внимательного изучения сходств между эпосом Гомера и древнескандинавскими мифами Феличе Винчи предлагает обратиться к «*Деяниям данов*» (лат. *Gesta Danorum*), патристическому произведению о датской истории от доисторической эпохи до конца 12-го века, написанному на латыни Саксоном Грамматиком. Эта работа хорошо известна тем, что вдохновила Шекспира на создание образа Гамлета.

В *Деяниях данов* Саксон воссоздает историю по легендам своего народа, переплетенным с мифами других северных племен, начиная с очень отдаленного периода. Саксон собирает воедино многочисленные факты и подробности, встречаемые в древнескандинавской поэзии и, в особенности, в исландской литературе. В то же время, в *Деяниях данов* мы можем распознать многие из мифов и сюжетов, находимых и в греческой мифологии и работах Гомера. Несмотря на то, что их разделяют тысячи лет, в текстах Саксона царит атмосфера, удивительно напоминающая гомеровскую, добавляет Винчи. Так, следующие слова похвалы, завершающие биографию Гамлета в конце третьей книги *Деяний данов*, напоминают нам об Улиссе:

«Какой сильный человек, достойный вечной славы! Изображая глупость, с большой проницательностью, он прекрасно скрывал свой ум (...) Поскольку он ловко защищал себя и храбро отомстил за своего отца, трудно определить, чего он достоин больше – считаться образцом силы или же мудрости». (*Деяния данов* 3.4.25)

Рассудительность, сообразительность и проницательность чрезвычайно ценятся в *Деяниях данов*, зачастую играя решающую роль в военных действиях. Например, маневр, позволивший датчанам победить короля Геллеспонта Хандвана, «который укрылся в городе Дуна,

²⁵³ A. Pääbo, *The Odyssey's Northern Origins and a different author than Homer*, <http://www.paabo.ca/papers/pdfcontents.html>

окруженном неприступными укреплениями и оборонительной каменной кладкой» (1.6.10): для того, чтобы штурмом взять эти бастионы, датчане привязали зажженные фитили под крыльями гнездящихся там птиц.

Это упоминание о Геллеспонтe и «геллеспонтийцах» в *Деяниях данов* чрезвычайно важно для гипотезы Винчи о северном происхождении микенцев. Саксон изображает геллеспонтийцев часто сталкивающимися с датчанами в вооруженных конфликтах народом восточной Балтики, а не Средиземноморья. Их город – Дуна, современный Даугавпилс, лежащий на реке Даугава (Дуна) в Латвии. Этот загадочный народ, чье северное происхождение озадачивает ученых (ведь «Геллеспонт» – типично греческое название), может быть связан с «широким Геллеспонтом», где, как утверждает Гомер, лежала Троя. Как подчеркивает Винчи, гомеровский «широкий Геллеспонт» бронзового века можно отождествить с Финским заливом, а не с узкими Дарданеллами. Из *Деяний данов* же следует, что древнее имя, восходящее к бронзовому веку, сохранялось вплоть до времен Саксона.

Как показал Винчи, разбирая последовательность Каталога кораблей *Илиады*, гомеровская Эллада, чье имя явно связано с Геллеспонтом, должна соответствовать современной Эстонии на берегах Финского залива. В то же время в греческом мире возникает очередная аномалия, потому как там область под названием Геллес (*Helles*) и море Геллеспонта не соседствуют, несмотря на их названия. Обе загадки – северный Геллеспонт Саксона и «широкий» Геллеспонт Гомера – находят решение, если их объединить, считает Винчи.

Имеются и другие очень важные географические «зацепки» в трудах Саксона. Он указывает на область *Curetia* в восточной Балтике (Курляндия, западные районы современных Литвы и Латвии), называя ее жителей – *Curetes* (*курши*). Логично связать их с гомеровскими *куретами*, *Curetes* (*Илиада* 9.529–589), которых также можно найти и в греческой мифологии, но их местонахождение на Средиземноморье так и не было обнаружено. После изучения гипотезы Феличе Винчи, Илзе Румнице,²⁵⁴ декан гуманитарного факультета Латвийского университета, согласилась связать куршей с куретами из греческой мифологии, также принимая во внимание, что гомеровские куреты поклонялись Зевсу, а курши в восточной Балтике – богу по имени Диевас (*Dievas*), сопоставимому с гомеровским Зевсом.

Ряд сюжетов в *Деяниях данов* и работах Гомера, считает Винчи, перекликается друг с другом. В *Деяниях* имеется очень знакомая история о принце, который похищает королеву со всеми ее богатствами, что, конечно же, приводит к войне. Начинает казаться, что Саксон говорит про *Елену и Париса*, но вместо этого рассказывает историю Сниона, сына короля Дании, похитившего королеву Швеции (*Деяния данов*, 8.11.2).

В *Деяниях данов*, действия которых происходят не только на Балтийском море, но также в Северном и Норвежском морях, водная стихия и морские путешествия имеют первостепенное значение – так же, как и в поэзии Гомера. Описание морской битвы при Бровалле, случившейся между датчанами и шведами в водах пролива Эресунн между о. Зеландия и южной Швецией около 770 года н.э., содержит список воинов, представляющих два противоборствующих флота, а также места их происхождения (*Деяния* 8.1–3), очень напоминающие описания в Каталоге кораблей в *Илиаде*. Из списка в *Деяниях* становится понятно, что, при необходимости, древним мореплавателям с Балтики удавалось собрать удивительное количество кораблей. Кроме битвы при Бровалле, в которой один из двух флотов состоял из *двухсот пятидесяти* кораблей (*Деяния* 8.3.13), Саксон сообщает о флотах из *девяти*сот (5.7.11), *семи*сот (9.5.6) и даже *трех тысяч* (5.11.5) судов! Эти цифры, полагает Винчи, делают Каталог Гомера не столь фантастичным и подтверждают возможность собрать *тысячу двести* кораблей ахейцев во время морского похода против Трои. Примечательно, что и Тацит сообщает нам, что в его время *Свеи* (*Suions* или *Svions*, современные шведы) были «знамениты не только людьми и оружием, но и своим флотом» (*Germania* 44.2).

Как и в *Одиссее*, где Улисс *переоделся нищим* по возвращении на Итаку, в *Деяниях данов* описывается много случаев, часто пиршеств, на которых короли или принцы *переодевались в слуг или старых нищих*, чтобы одурачить своих врагов. Например, Хьярн, беглый король, который планировал путем хитрости отомстить своему сопернику и быть допущенным к суду,

²⁵⁴

Илзе Румнице (Ilze Rūmniece), латышский филолог (род. 1956).

переоделся в раба, умеющего варить соль, *но шрам на его теле выдал его личность* (6.3.3). Это напоминает об Улиссе, *чей шрам выдал его перед старой няней* (*Одиссея* 19.467–468).

Другой персонаж в *Деяниях данов*, Олон, сумел освободить имение своего отца от узурпатора, прибыв туда, «замаскировавшись под слабого старика» (7.11.2).

И еще есть Грел, который после того, как его возлюбленная отказала ему, *отомстил, собрав всех ее женихов на пиру и убив их* (5.1.13).

Точно так же король Хальдан инкогнито присутствовал на свадебном пиршестве, где, «скрыв знаки своего королевского звания за уродливым иноземным нарядом», убил жениха. Так, заключает Саксон, «он превратил свадьбу в похороны» (7.3.1).

Сами пиршества были первым этапом приема гостя. Обычно и причина визита обсуждалась уже после обеда. Саксон подчеркивает, что «в древние времена именно так принимали гостей» (5.1.7), что точно соответствует обычаю, описанному и в поэмах Гомера. Вот как Нестор ведет себя с Телемахом после того, как последний прибывает в Пилос:

*После того как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:
«Вот теперь нам приличней спросить чужеземцев, разведать,
Кто они, - после того, как едою они насладились.
Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?»* (*Одиссея* 3.67–71)

Существовал и другой обычай, который не так вдохновлял светское общество, но, увы, был довольно частым. Он заключался в том, чтобы высмеивать гостя, бросая в него остатки банкетной еды или другие предметы. Саксон сообщает, что «во время вечеринки герои взбесились и начали бросать в кого-то кости и хрящи» (2.6.9). Иногда эта привычка выходила из-под контроля, как в случае с архиепископом Эльфгифом в 1012 году: во время довольно оживленной вечеринки он стал жертвой пьяных викингов, которым вздумалось бить его бычьими черепами. Эта история напомнила Винчи об акте бравადы Ктесиппа в *Одиссее*: во время последнего пира перед трагической бойней этот жених Пенелопы

*Схвативши в корзине рукой мускулистой
Носу коровью, швырнул он в Улисса. Но голову тихо
Тот наклонил и избегнул удара.* (*Одиссея* 20.299–301).

Еще одна тема, встречающаяся как в *Деяниях данов*, так и в греческой мифологии – это семейные распри. Отец Хальдана, Харальд, был убит по приказу своего собственного брата Фротона, с которым он каждый год чередовал правление на суше и на море. Затем злой их дядя попытался покончить со своими двумя племянниками, но им удалось бежать. Повзрослев, они возвращаются, чтобы отомстить и завоевать свое королевство (*Деяния данов* 7.1.1–7). Здесь Саксон вдохновляется древнескандинавской поэмой под названием *Hrolfssaga Kraka*. Параллели между этой историей и трагическими событиями семейства Атрея, Агамемнона и Менелая, подчеркивает Винчи, поразительны: отец Агамемнона и Менелая, Атрей, был убит сыном своего брата, Эгисфом, который также пытается убить двух сыновей. Однако, им удается бежать, а затем вернуться, чтобы отомстить за смерть отца.

Более того, ежегодное чередование правления братьев Гарольда и Фротона напомнило Винчи о другой известной мифической паре, Этеокле и Полинике. Даже способ, которым эти последние двое убивают друг друга – в конце трагического поединка – повторяется в *Деяниях данов*: «грозным оружием осмелившись биться друг с другом (...) гибнут в начатой ими между собой сече, стремясь к вершинам славы (...) и теперь Стикс становится могилой для каждого из них» (7.9.14). Не должно вводить в заблуждение это, казалось бы, «классическое» (имеется в виду древнегреческое или римское) упоминание о Стиксе, поскольку здесь Саксон вдохновлен древнескандинавской сагой *Asmundar Saga Kappabana*.

Наряду с самим действием, в *Деяниях данов* есть и описания объектов, которые совпадают с упомянутыми в работах Гомера: так, щит, который Хальдан использует в дуэли, «украшен различными гравюрами на своей блестящей поверхности; его связанные вместе доски испещрены затейливыми изображениями» (7.9.15). И в этом случае вдохновение приходит не от классической греческой модели, уточняет Винчи, а «от самого древнего скальдического жанра: «описание щита» Браги Боддасона, торжественно озаменованного в его Рагнардрапе

(*Ragnarsdrápa*)».²⁵⁵ Эти описания напоминают щит, который Гефест, бог кузнеца, создал для Ахилла и на котором «искусно много представил различных предметов, хитро их задумав» (*Илиада* 18.482). Точно так же щит Агамемнона был

многопёстрый, прекрасный (...)

Щит головою Горгоны венчался, свирепо глядящей,

С ликом ужасным; вокруг головы ее - Ужас и Бегство. (Илиада 11.32, 36–37)

Учитывая, что «щиты викингов, украшенные ужасающими изображениями, часто выполняли апотропическую функцию»,²⁵⁶ то есть оберегали от зла и неудач (все знают, насколько важен успех на поле битвы), можно лучше представить, что имеет в виду Гомер: изображение Горгоны магически усиливало физическую защиту, обеспечиваемую щитом ахейского героя.

Другой точкой соприкосновения скандинавского мира Саксона с миром Гомера является строгое почтение, с которым оба этих мира относятся к поэтическому, музыкальному и ораторскому искусствам. Несколько важных героев, упомянутых в *Деяниях данов*, преуспели в искусстве публичных выступлений. Два таких персонажа, Эрик и Старктер, также невероятно искусны в игре словами и использовании двойного смысла – талант, которым был наделен сам Гамлет. Эрик представляет собой

«...идеальное воплощение менталитета викингов: одновременно подозрительный и дерзкий, наделенный мудростью Одина, что означает практичность, любопытство, приспособляемость, прагматичность и даже безнравственность, в основе которых лежит высочайшая власть над языком».²⁵⁷

Эрик говорит о себе:

«Моей отличительной чертой является мой красноречивый язык (...) У меня нет другой цели, кроме получения знаний, и я изучал различные обычаи, путешествуя по многим странам». (*Деяния данов* 5.3.2).

Данное определение очень похоже на портрет Улисса, и Феличе Винчи предлагает перечитать, как Гомер представляет его в начале *Одиссеи*:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который

Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,

Многих людей города посетил и обычаи видел. (Одиссея 1.1–3)

Кроме одурачивания циклопа в известном эпизоде о своем имени, Улисс часто демонстрирует свое красноречие в *Илиаде*, в которой повествуется, что его «речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись» (*Илиада* 3.222).

Другие параллели между *Одиссеей* и *Деяниями данов* Винчи связывает с пророчеством. Вот часть предсказания судьбы Улисса, произнесенного призраком слепого пророка Тиресия, вызванного Улиссом при спуске в Аид:

Отправишься странствовать, выбрав весло по руке, и странствуй, доколе

(...) Если путник другой, с тобой повстречавшийся, скажет,

Что на блестящем плече ты лопату для веянья держишь, -

Тут же в землю воткни весло свое прочной работы,

(...) и возвращайся домой (Одиссея 11.121, 127–129, 132)

В *Деяниях данов* Саксон повествует о Гамлете:

«Когда они шли по берегу, то обнаружили кормило потерпевшего крушение корабля. Затем его спутники заявили, что это нож необычайного размера, и он, согласившись, сказал: «Им можно резать огромный окорок», очевидно, имея в виду море, размеры которого были пропорциональны размеру этого кормила». (*Деяния данов* 3.6.10)

²⁵⁵ Saxo Grammaticus, *Gesta dei re e degli eroi danesi* (“*Gesta Danorum*”), edited by Ludovica Koch and Maria Adele Cipolla, Turin 1993, p. 163.

²⁵⁶ Chiesa Isnardi. *I miti nordici* (Norse myths). Milan 1996, p. 652.

²⁵⁷ Saxo Grammaticus 1993, p. 197.

В обоих этих отрывках применяется схожая поэтическая игра, считает Винчи. Эти объекты, предназначенные для использования в *море* – весло переворачивает волны, кормило прорезает море – описаны метафорическим языком с терминами, относящимися к *суше*: лопата для веянья пшеницы и нож для нарезки окорока. Это типичный механизм кеннинга, то есть вид иносказания в форме составных слов, в которых используется образный язык вместо более конкретного однословного существительного. Кеннинг очень характерен для древнескандинавской, а затем исландской и древнеанглийской поэзии.

Вышеупомянутый эпизод в *Деяниях данов* содержит еще одно запоминающееся иносказание, вставленное Гамлетом: «песок, который называется мукой, так как его размалывает пенистое бурное море». Это метафора Саксона, заимствованная от исландского скальда 10-го века Снабьёрна. В другом примере фраза «конь волн» используется для обозначения корабля (*vágtarr*, от *vágr* – «волна», и *tar* – «конь») и идентична греческому выражению «морские кони» (*halós hippoi*, *Одиссея* 4.708), используемому Пенелопой для описания кораблей. Сразу после упоминания лопаты для веяния в *Одиссее* появляется еще одно похожее иносказание – «весла, которые в море судам нашим крыльями служат» (*Одиссея* 11.125).

Подобные метафоры Винчи находит и в других греческих мифах, например, в рассказе о Девкалионе и Пирре, супружеской паре, пережившей Потоп и заселявшей мир, бросая камни, называемые «костями матери», то есть Земли, за свои спины. Это еще один типичный кеннинг, который в точности встречается в скандинавской литературе, когда король Онундр (*Önundr*) был похоронен «заключенный в костях земли».²⁵⁸ Профессор Кьеза Иснарди полагает, что данное иносказание, «кости земли», использованное для обозначения камней, относится к мифу о первобытном гиганте Имире (описанном в *Старшей Эдде* в поэме *Речи Гримнира* (*Grímnismál*)), принесенном в жертву для сотворения Земли.

По этому вопросу примечательно высказывание Жоржа Дюмезиля, где он говорит о саамском божестве *Bieka-Galles*: «он похож на Эола и изображен с лопатой в правой руке». Более того,

«...Саамы предлагают лодки *Bieka-Galles*. Согласно другому источнику, они также освящают его деревянной лопатой. Эта лопата, которая является ничем иным, как веслом – что необычайно напоминает предсказание Тиресия Улиссу о том, что при спуске в Аид кто-то по ошибке примет его весло за лопату для веяния – эта лопата и эта метафора, как замечает Аксель Олрик,²⁵⁹ похоже, передана скандинавскими морями лапландцам».²⁶⁰

Последнее сравнение говорит в пользу расположения гомеровского Аида на землях лопарей (саамов), как было рассмотрено ранее. С другой стороны, по Винчи, оно свидетельствует и о том, что некоторые фольклорные сказания и средневековые легенды могут уходить корнями в ранний бронзовый век (и даже, возможно, более ранние времена). Прямое сопоставление скандинавской мифологии в *Деяниях данов* и работах Гомера, а также выявление механизма кеннинга (образного иносказания) в поэзии Гомера позволили Винчи расшифровать и предсказание Тиресия о *весле и лопате для веяния*.

И, наконец, подчеркивает Винчи, многие приключения Улисса удивительно похожи на жизнеописание Хадингга, легендарного датского короля и правнука мифического прародителя Дана. О подвигах Хадингга рассказано в первой книге *Деяний данов*. Этот великий воин прибегает к хитрости, чтобы завоевать город; его соблазняет колдунья-оборотень; женщина *узнает его по шраму на голени*; он спускается в Аид; убивает морское чудовище и за это преследуется богами (Улисса также преследовал Посейдон, бог моря, потому что Улисс ослепил его сына Полифема). Как и Улисс, Хадингг любит море и корабли – его страсть состоит в том, чтобы «испытывать волны веслами / наслаждаться добычей / чужими монетами наполнять свои сундуки / жаждать получить морскую выгоду» (*Деяний данов* 1.8.18). Кроме того, Один

²⁵⁸ *Saga об Инглингах (Ynglinga Saga)*, глава 35.

²⁵⁹ Аксель Олрик (Axel Olrik), датский историк-фольклорист (1864 – 1917).

²⁶⁰ Dumézil, Georges. *From myth to fiction: The saga of Hadingus*, Chicago 1973, p. 25.

помогает Хадингу так же, как Улиссу помогает Афина. Описание выглядит как портрет Улисса, полагает Винчи.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ И КЕЛЬТСКИЕ СВЯЗИ

Из *Одиссеи* мы узнаем, что юный Улисс был ранен в колено диким кабаном, когда он охотился со своим дедом Автоликом:

*Тотчас тем кабаном занялись сыновья Автолика,
Рану потом Улиссу отважному, схожему с богом,
Перевязали искусно и черную кровь заговором остановили. (Одиссея 19.455-458)*

Применение заговора (греч. *epaoidē*, сканд. *galdr*) для остановки кровотечения можно также обнаружить в 8-й руне *Калевалы*:

«О кровь, останови свой поток! (...) Стой, как стена, оставайся неподвижной, как живая изгородь! (...) Плыви через плоть и скользи средь костей! Тебе лучше оставаться под кожей внутри, пульсируя в венах и скользя по костям, вместо того чтобы проливаться на землю (...) Драгоценная кровь, замедли струю свою! Красная жидкость, умирись!»

Здесь жертвой является старый Вяйнямёйнен, один из героев эпоса, и, как и у Улисса, рана у него на колене. Было бы заманчиво предположить, размышляет Феличе Винчи, что куплеты *заговора*, которые поют родственники молодого Улисса, имеют те же корни, что и магическая песнь из эпоса *Калевала*.

В *Калевале* также упоминаются водяные нимфы, зовущиеся *neidot*²⁶¹, соответствующие гомеровским *nēiades* (*Одиссея* 13.356) как по их характеру, так и по имени. Кроме того, властелина моря Калевалы зовут Ахти, или Ахто (*Ahti / Ahto*), и его имя напоминает гомеровскую nereиду, морскую нимфу Актею (*Aktaiē*) (*Илиада* 18.41).

В Карелии была обнаружена старая легенда, имеющая интригующее сходство с греческим мифом о богине Деметре²⁶². Это соответствие традиционно объясняется «миграцией» мифа из Греции на север. Однако, подчеркивает Винчи, то, что мы узнали к настоящему моменту, позволяет предположить, что корни мифа могут лежать, наоборот, в Северной Европе, в дальнейшем «перекочевав» на юг.

Параллели с миром Гомера обнаруживаются и в кельтской литературе, которая, по словам Стюарта Пигготта, «была создана устно и передана варварским обществом, как и оригинальная версия поэм Гомера и санскритская Ригведа».²⁶³ Говоря о кельтах, Пигготт утверждает:

«Это варварская цивилизация (...) Из археологических данных мы делаем вывод, что в ней присутствовала модель общества, восходящая, по крайней мере, к Старой Европе второй половины второго тысячелетия до нашей эры. Это был героический век, схожий, с одной стороны, с веком Гомера и Ригведы, а с другой – с *Беовульфом* и древнескандинавскими сагами».

Примечательно, что и в кельтской литературе имеются рассказы о войнах, вызванных похищением королевы – к примеру, Этайн, похищенная Мидиром – подмечает Винчи.

Как и у гомеровских бардов, излюбленными темами кельтских поэтов – филидов (*fili*) – были приключения (*echtra*) за пределами человеческих границ и странствия (*immrama*) с острова на остров по далеким морям. Эта тематика, конечно же, напоминает нам сюжеты рассказов Улисса при дворе царя Алкиноя, с невероятными морскими приключениями и странствиями.

Одним из любимых мест в кельтских сказках, таких как *Immram curaig Máele Duín* («Путешествие Маэля Дуина на корабле») и *Immram Brain maic Febail* («Путешествие Брана - сына Фебала»), сообщает нам Винчи, являются райские острова, расположенные посреди океана, смотрящие на далекий запад, где божественные женщины наполняются новыми силами и занимаются любовью с прибывающими туда героями, предлагая им бессмертие и вечную молодость. Согласно Жану Маркале, французскому исследователю кельтской культуры и

²⁶¹ Pentikäinen, Juha, *La mitologia del Kalevala*, Rome 2014, p. 89.

²⁶² Oinas, Felix, *Studies in Finnish folklore*, London 1997, p. 132.

²⁶³ Piggott, Stuart. *I Druidi*, Rome 1998, p. 78.

литературы, королева одного из этих сказочных островов обращается к герою, выходящему на берег:

«Если ты останешься здесь, старость тебя не настигнет. Ты будешь молодым, как сейчас, и будешь жить вечно».²⁶⁴

Все это идентично далекому океанскому острову богини Калипсо, которая обещает сделать Улисса «бессмертным и вечным навеки» (*Одиссея* 5.136; 7.257). Следует также отметить определенное сходство имени *Огигия* с кельтским «островом вечной молодости» под названием Тирна н'Ог (*Tir-na n'Og*).

Согласно Джулиане Бенделли,²⁶⁵

«...в 1892 году один из самых выдающихся ученых в кельтской истории и литературе, Анри д'Арбуа де Жубенвиль, назвал *Одиссею* *Имрамом*, а позже, в 1899 году, он сравнил кельтское общество с гомеровским».²⁶⁶

Все это не должно нас удивлять, считает Феличе Винчи, если мы признаем, что информация о «нордическом Улиссе», сообщенная Плутархом, когда он указывает на североатлантическое расположение Огигии, может быть связана с древними преданиями друидов. Их устные сказания также могли послужить источником ирландской работы на гэльском языке *Merugud Uilix Meic Leirtis* («Странствия Улисса, сына Лаэрта»), датируемой 13-м веком, где можно найти перекликающиеся темы, встречающиеся как в *Одиссее*, так и в ирландском фольклоре. Стоит задаться вопросом, возникли ли эти сходства с *Одиссеей* непосредственно из классической поэмы или из самобытных преданий. Последние, в свою очередь, могли быть источником новостей о нордическом Улиссе, полученных и переданных нам Плутархом и Тацитом в то время, когда римляне завоевали Британию.

Винчи также обнаруживает очень специфическую связь между историей Улисса и кельтским летним празднеством, известным как Лугнасад (*Lughnasa*), посвященным богу Луг (*Lug*), герою ирландских саг. Из четырех основных праздничных дней в кельтском календаре (по одному на каждый сезон) Лугнасад приходился на 1 августа, праздник урожая. По словам французского ученого Франсуаза Ле Ру, празднество изначально было посвящено королю, благому управлению, семье и браку, социальному обеспечению и политическим вопросам.²⁶⁷ Его название, возможно, означало «встреча Луга» (также интерпретируется как «свадьба Луга»). Тот факт, что этот праздник отмечается летом, подчеркивает солнечные или аполлоновские черты Луга, которые, как утверждает Жан Маркале, «слишком игнорируются: его имя означает белизну, свет; в ирландском эпосе его называют солнечным, сияющим героем, который никогда не умирает и поднимается каждое утро; его символическое животное – ворона, так же, как у Аполлона». Ср. имя Луга с исл. *loga* – «жечь, гореть»; арх. исл. *log* – «пламя, свет»; рус. *луч*; ит. *luce* [луче] – «свет»; эст. *lõke, lõkke* – «костёр, пламя»; греч. *λευκός* – «светлый, блестящий».

Имя Луга, полагает Винчи, также может быть связано с эпитетом ликейский (*lykēgenēs*), которым наделяют Аполлона Лучника (*Илиада* 4.101). Лугнасад обязан своим происхождением окончательному разгрому свирепых Фоморов и племени Фир Болг, врагов кельтов, и возвращению Луга, который женится на Эринн и дарует стране мир и процветание. Это празднование победы солнца над тьмой и смертью, от тепла лучей которого быстро всходит урожай после холода и дождя. Данный сюжет аналогичен возвращению Улисса и его победе над женихами Пенелопы, закрепленной символической «свадьбой» с Пенелопой – *gátos* (*Одиссея* 23.135).

Данная параллель не случайна. Напротив, утверждает Винчи, она подтверждается неоднократно прослеживаемым в *Одиссее* совпадением между датой соревнований по стрельбе из лука (в которых призом является невеста) и праздником, посвященным Аполлону Лучнику (*Одиссея* 21.267). В этот праздничный день «Вестники жертвенный скот (...) вели через город / собирались толпы длинноволосых ахейцев / под тень Аполлона Лучника рощи» (*Одиссея*

²⁶⁴ Markale, Jean. *I Celti*, Milan 1982, p. 318.

²⁶⁵ Джулиана Бенделли (Giuliana Bendelli), доцент Католического университета Святого Сердца в Милане.

²⁶⁶ Bendelli, Giuliana, *Ulysses Hibernatus*, in "Rivista di Cultura Classica e Medioevale" 2/2013, p. 550.

²⁶⁷ Le Roux, Françoise, Guyonvarc'h, Christian-J. *Les Druides*. Rennes 1982, pp. 227–233.

20.276–278). Состязание однозначно посвящено богу: «Празднует праздник сегодня народ / бога; ну как в этот день натягивать лук нам?» (21.258–259); и, Пенелопа сообщает: «Если лук он натянет и даст Аполлон ему славу...» (21.338).

После того, как Улисс выиграл состязание по стрельбе из лука,

он обратился к женихам:

«Ну, состязаньям «совсем безопасным» конец! Выбираю

Цель я, в какую доселе никто не стрелял. Посмотрю-ка,

Даст ли мне славу добыть Аполлон, попаду ль, куда мечу!»

Затем он направил смертельную стрелу прямо на Антиноя. (*Одиссея* 22.4–8)

За всеми этими деталями мы не должны забывать, подчеркивает Винчи, что величайший подвиг, приписываемый Аполлону Лучнику – богу Солнца и аналогу ирландского Луга – это когда при помощи лука и стрелы он убил дракона тьмы, змея Пифона.

Точное упоминание об Аполлоне есть и в описании другого соревнования по стрельбе из лука в *Илиаде*, произошедшего по случаю похорон Патрокла. Поэт подчеркивает, что Мерионес, критский герой, одержал победу, так как «дал он тотчас же обет метателю стрел Аполлону / из первородных ягнят принести гекатомбную жертву» (*Илиада* 23.872–873).

Еще одна связь между этими двумя состязаниями, по мнению Винчи, касается топоров, обнаруженных в обоих эпизодах (топоры также встречаются как общий элемент в скандинавском петроглифическом искусстве). В *Илиаде* они являются призом, а в *Одиссее* они требуют меткого попадания: участники должны были прострелить одновременно двенадцать выстроенных в ряд топоров. Это число повторяется в *Одиссее* три раза (*Одиссея* 19.574; 19.578; 21.76), подчеркивая его важность.

Эти двенадцать топоров и их отверстия-мишени могут вызывать недоумение. Но скандинавская археология, делает очередное открытие Винчи, решает проблему, предоставляя прекрасные примеры очень древних топоров с довольно большим центральным отверстием, в которое встраивалась деревянная рукоять. В частности, имеется в виду ромбовидный (с двумя лезвиями) топор из шведской провинции Сcone, который идеально вписывается в историю из *Одиссеи*.

Илл. 30. Древнескандинавские топоры.

Связь между Улиссом и Лугом, по Винчи, может также наблюдаться в еще одном своеобразном прозвище Луга, *samildanach*, который переводится так же, как и эпитеты Улисса – *polytropos* в первой строке *Одиссеи*, и *polymēchanos*, оба означающие «смекалистый, изобретательный». Улисс действительно демонстрирует эти качества: он не только придумывает хитрый ход с деревянным «конем», но и способен построить собственный дом (*Одиссея* 23.192–194), а также плот, который использует для возвращения домой из Огигии после того, как его корабль был уничтожен Харибдой (*Одиссея* 5.243–261).

Учитывая перечисленные аналогии, а также тот факт, что события на Итаке, вероятно, произошли в самый лучший месяц для мореплавания, то есть в июле (Телемах только что

вернулся на Итаку после путешествия по морю, и Улисс только что завершил свое рискованное путешествие на плоту, пересекши «огромную пропасть» между Огигией и Схерией), Винчи предположил, что праздник Аполлона, который завершает *Одиссею*, приходится на дату, соответствующую дате Лугнасада: на начало августа, около сорока дней спустя после летнего солнцестояния. Таким образом, было бы очень заманчиво предположить, считает Винчи, что «праздник Аполлона Лучника» (вероятно, отмечавшийся во всем ахейском мире), во время которого произошли состязания по стрельбе из лука, убийство женихов Пенелопы и триумф Улисса, выпадает на начало последнего месяца лета, соответствуя кельтскому празднику Лугнасад.

В самой *Одиссее*, по Винчи, эта идея подтверждается предсказанием, которому суждено было сбыться, в отношении дня, когда Улисс должен вернуться домой победителем:

*Только что на небе месяц исчезнет и сменится новым,
В дом он вернется к себе и жестоко расправится с теми,
Кто унижает супругу его и сына. (Одиссея 14.162–164)*

ЛОЖЕ УЛИССА И МИРОВОЕ ДРЕВО

Заслуживает рассмотрения и знаменитый отрывок в *Одиссее*, где Улисс описывает свою спальню, построенную вокруг «оливкового» (елового) ствола – в контексте вероятной связи с древним северным миром.

*Каменной плотной стеной окружив ее, стал возводить я
Спальню, пока не окончил. И крышей покрыл ее сверху.
И крепкие двери навесил. (Одиссея 23.192–194)*

Согласно Мирче Элиаде центральная колонна типична для домов многих древних народов (особенно в Арктике и Северной Америке) и обозначает Ось мира или Космическую колонну, являющуюся очень важным образом в шаманистической идеологии и восприятии. Согласно этой концепции, три уровня – Небо, Земля, Ад – составляют всю Вселенную и связаны между собой *центральной осью*. Отверстие, сделанное этой осью, позволяет душам шаманов подниматься или опускаться в своих путешествиях в рай или ад. Эта космологическая концепция отображается и в человеческом мире, микрокосме Вселенной: ось мира олицетворяется столпом, поддерживающим дом – например, эскимосы считают, что столб в центре их жилищ идентичен небесному столбу.

Элиаде далее утверждает, что:

«Мировое Древо представляет исключительную значимость для шаманов (...) Во многих старинных преданиях Мировое Древо, которое выражает саму святость мира, его плодovitость и постоянную стабильность, соотносится с идеей созидания, плодovitости и посвящения (...) Мировое Древо всегда появляется в качестве хранителя жизни и вершителя судеб».²⁶⁸

Также в римские времена *атриум* служил сакральным ядром жилища, уподоблявшимся центральному святилищу Рима – мундусу Цереры. Атриум, как и мундус, символизировал космическую ось, соединяющую подземный мир с небесами.

В этом ключе заманчиво также сравнение римского *атриума* и славянского *одра* (постели, ложа, настила, подмостков, столба, остова): по Макс Фасмеру, «вероятно, из *o-drъ, первоначально «настил вокруг дерева [о древо]»».²⁶⁹

Напрашивается сравнение и с *сампо* в финской мифологии – космическим столбом, поддерживающим небо, волшебной мельницей, крыша которой символизирует усеянный звездами небесный купол, вращающийся вокруг центральной оси – опоры, на которой покоится весь мир. В индийских ведах, практически с тем же названием, мы встречаем *स्तम्भ* (*стамбха*, *скамбха*) – колонну, связывающую небеса (сварга) и землю (притхиви).

²⁶⁸ Eliade, Mircea, *Lo sciamanismo e le tecniche dell'estasi*, Rome 1983, p. 294.

²⁶⁹ М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*, Санкт-Петербург 1996

Концепция Мирового Древа очень важна и в древнескандинавском мире: легендарный ясень Иггдрасиль, согласно Къезе Иснарди, «находится в центре Вселенной и поддерживает ее. Он отражает понятия Силы, Божественной Мудрости и Священности и символизирует три пространственных уровня существования (Небеса, Земля, Ад) и их взаимосвязь». Вот почему «в скандинавском фольклоре мы находим изображение дерева, растущего у хутора, чья жизнь связана с процветанием людей, живущих там».

Эти концепции согласуются с идеей Улисса – которая может показаться эксцентричной – построить спальню над деревом и вокруг него. Очень поразительный аналог дерева *внутри* дома Улисса можно найти в легенде о северном короле Вёльсунге, предке Сигурда, героя северных стран, соответствующего германскому Зигфриду, который, как и Улисс, обладал исключительной способностью сгибать невероятно прочные луки для стрельбы. По словам Къезы Иснарди:

«Король Вёльсунг построил замечательный дом. В зале росла большая яблоня, ветви которой с прекрасными цветами расползались по крыше; хотя его ствол был внутри дома».²⁷⁰

В доме Улисса спальня и брачное ложе были «наверху» (*Одиссея* 18.206). Отсюда следует, что поддерживающее их дерево, сравниваемое с «колонной» (23.191), проходило через зал для пиршеств, расположенный внизу на первом этаже. Вероятно, что это тот «столп» (1.333, 18.209), у которого стоит Пенелопа (возможно, чтобы чувствовать себя более защищенной и гордо подчеркнуть свое положение в своем доме) после того, как она спустилась из спальни в зал, где ее ждали женихи. Также это может быть «колонна» (23.90), рядом с которой она находит Улисса после расправы над сватавшимися к ней, когда спускается в зал, чтобы выяснить, является ли он мужем, которого она ждала последние двадцать лет. По мнению Феличе Винчи, отмечается психологическая тонкость такого расположения двух главных персонажей поэмы, в их нахождении рядом с центральной колонной своего дома в разные, но чрезвычайно важные моменты.

ЛУНА ГЕРМЕСА

Как уже было описано ранее, в *Гимне Гермесу* имеется указание на возможное расположение гомеровской Пиерии на территории современной Лапландии, и изначальной ахейской родины на очень высокой широте, за Полярным кругом. *Гимн* повествует о рождении бога Гермеса в темной пещере и о его первом ночном подвиге. На четвертый день лунного месяца, ближе к концу ночи, новорожденный ребенок отправляется в Пиерию и при лунном свете крадет пятьдесят голов скота из стада Аполлона.

Ученые считали этот рассказ невозможным с астрономической точки зрения. Так, Карл Роберт²⁷¹ отмечает, что

«...на четвертый день лунного месяца божественная Селена²⁷² при приближении конца ночи, безусловно, не светит. Её всё ещё бледный полумесяц очень быстро исчезает за горизонтом и отбрасывает лишь очень тусклый свет».²⁷³

Однако, подчеркивает Винчи, за Полярным кругом фазы луны выглядят совсем иначе, чем в более южных регионах. Если бы мы находились ровно на Северном полюсе во время зимнего солнцестояния, мы могли бы наблюдать за луной непрерывно в течение четырнадцати дней. Луна восходит, когда находится в конце своей первой четверти, то есть, когда она представляет собой полукруг, и начинает следовать по траектории над горизонтом, не заходя, не прибывая и не поднимаясь в Полярную ночь по спиральной траектории, пока не достигнет максимальной высоты и полной формы неделю спустя. После этого она начинает убывать и опускаться к горизонту, снова описывая спиральную траекторию, пока не зайдет в конце следующей недели

²⁷⁰ Chiesa Isnardi *I miti nordici*. Milan 1996, p. 380.

²⁷¹ Карл Роберт (Carl Robert), немецкий филолог-классик и археолог (1850 – 1922).

²⁷² Селена (*Selēnē*) – «луна» на греч. языке.

²⁷³ Humbert, Jean, ed. *Homère, Hymnes*, Paris 1967, p. 108.

(для упрощения Винчи оставляет без внимания движение Земли вокруг Солнца и угол между плоскостью орбиты Луны и эклипсом).

Это явление подтверждается и в других точках за Полярным кругом, хотя по мере удаления от Северного полюса оно становится менее выраженным. Здесь, если мы примем во внимание, что действие мифа о Гермесе, ворующем «стадо Аполлона», происходит в Пиерии, то есть на севере Скандинавии – астрономическая аномалия *Гимна* становится объяснима. Новолуние на четвертый день своего цикла в Полярную ночь, подчеркивает Винчи, в самом деле могло освещать своим таинственным сиянием равнину, на которой Гермес крадет «быков», создавая невероятный арктический пейзаж:

*[Гермес] потушил тлеющие угли и засыпал черные золы песком
в последние часы ночи; Прекрасный свет Селены сиял наверху (Гимн 140–141).*

Это «литературное ископаемое», считает Винчи, раскрывает нам необыкновенную «жемчужину», возможно, единственную в своем роде, переданную древней литературой: изображение луны, сияющей в арктическую Полярную ночь. По мнению Винчи, оно свидетельствует о присутствии ахейцев – или, скорее, их предков – на далеком севере тысячи лет назад. Это передававшееся устно «ископаемое» чудесным образом сохранилось на протяжении десятков веков, возможно, во многом как древние архитектурные памятники, оставаясь почти нетронутыми в превратностях истории человечества. Северная, или, правильнее, гиперборейская атмосфера, пронизывающая греческую мифологию, никогда не была столь явной, как в *Гимне Гермесу*.

В некотором смысле этот эпизод похож на сюжет с белой ночью, которая, как было рассмотрено Винчи ранее, наступила во время битвы между Патроклом и троянцами, не остановив при этом сражение. Однако, мир в *Гимне Гермесу* кажется гораздо более архаичным, чем мир, описанный в *Илиаде*, и зимнее солнцестояние, а не летнее, связано с «*Луной Гермеса*» – явлением, возникающим дальше на севере, за Полярным кругом. Ее реальный аналог – Гиперион (*hyperīōn*), то есть солнце, «над идущее», никогда не заходящее в арктических регионах во время Полярного дня.

Здесь уместно вспомнить, полагает Винчи, о «быках Гипериона Солнца», съедение которых принесло ужасную участь товарищам Улисса на Тринакрии: «Они съели быков Гипериона Солнца/ и он лишил их дня возвращения на родину» (*Одиссея* 1.8–9). Б.Г.Тилак в своей работе *Арктическая родина в Ведах (The Arctic Home in the Vedas)* сообщает нам, что в изначальной ведической цивилизации быки символизировали дни арктического года. Кража пятидесяти «быков» Аполлона, совершенная Гермесом – это, вероятно, иносказательный кеннинг, говорящий о количестве суток без появления солнца в Полярную ночь и дающий указание на широту, на которой находилась Гиперия Аполлона.

Мифологические кражи «быков», считает Винчи, стоит рассматривать как отсылы к древнему арктическому календарю, в котором солнечный цикл, представленный Аполлоном (который является их пастухом в отрывке из *Илиады* 21.448), состоял из десяти лун в году, так как два летних полнолуния обычно не видны в регионах вблизи Северного полюса из-за наклона оси. Все это очень хорошо согласуется с описанным здесь арктическим сценарием: зимняя ночь, продолжительность которой может меняться в зависимости от широты, длится до двух месяцев на крайнем севере Лапландии (т.е. близко к 50 суткам). Вот почему, как замечает Филиппо Кассола²⁷⁴, «в первой части *Гимна* ночь, кажется, подходит к концу, но никогда не заканчивается».²⁷⁵

Про луну, известную как Селена, в *Гимне Гермесу* говорится, что она является дочерью таинственного «царя» (*ánax*) по имени Паллада (*Pallas*, *Гимн* 100). Последнее заставляет Винчи задуматься над топонимом *Pallastunturi*, «гора Паллада», в финской Лапландии. Два других персонажа, которые появляются в *Гимне*, мать ребенка Майя и Зевс, отец Гермеса и Аполлона, вероятно, представляют Мать Землю (откуда восходит Солнце) и Звездное Небо соответственно.

Винчи предлагает обратиться и к символической связи луны и древних каменных топоров в форме полумесяца с круглым отверстием для крепления ручки. В соревновании по стрельбе из

²⁷⁴ Филиппо Кассола (Filippo Cassola), итальянский историк античности.

²⁷⁵ Cássola, Filippo, ed., *Inni omerici* (Homeric Hymns). Milan: Mondadori, 1994, p. 172.

лука в *Одиссее* для получения руки Пенелопы требовалось прострелить стрелой сквозь все отверстия двенадцати топоров. Однако, в *Илиаде* (23.851) Гомер упоминает десять топоров вместо двенадцати в соревнованиях по стрельбе из лука. Учитывая, что в этом случае соревнование проходит под патронажем Аполлона (победитель «пообещал Аполлону-лучнику /великолепную гекатомбу ягнят» (*Илиада* 23.872–273) – десять топоров, по предположению Винчи, могли являться знаком памяти, все еще хранившейся у ахейцев *Илиады*, об исконном календаре Арктики, основанном на десяти месяцах: «двойные топоры» (*pelékeas*), ромбовидные с двумя лезвиями, которые находят повсюду у берегов Балтики, своей формой могли олицетворять двойное увеличение и уменьшение луны в течение месячного цикла. Эта же концепция встречается в разделении древних индийских месяцев – *сукла пакша* и *кришна пакша*.²⁷⁶ Из этого же принципа в английском языке рожден важный термин *fortnight* (две недели), который буквально означал *fourteen nights*, «четыренадцать ночей».

Возвращая события, описанные в греческой мифологии, к их первоначальному географическому контексту, полагает Винчи, мы раз за разом наталкиваемся на остатки последовательной концептуальной и символической системы, основанной на сложной астрономическо-теологической мысли, которая, скорее всего, намного древнее, чем мир Гомера. Эта исконная арктическая цивилизация могла вымереть из-за коллапса в конце климатического оптимума, который сильнее всего повлиял на арктические регионы. Вынужденные покинуть свой северный дом, переселявшиеся народы могли образовывать культуры дальше на юге, продолжая хранить идеализированную память о райской земле своих предков, которая обледенела и превратилась в страну Мертвых.

Феличе Винчи делает предположение, что после ухудшения климата в суббореальный период и катастрофического извержения вулкана Тира около 1620 г. до н.э., ахейцы (изначально северяне) мигрировали еще дальше на юг и, достигнув теплого бассейна Эгейского моря, породили микенскую культуру, сохранившую некоторую далекую память о древних богах и ее гиперборейском происхождении, и передали ее следующим эпохам.

СЕВЕРНЫЕ ЧЕРТЫ В СОЛНЕЧНЫХ МИФАХ. РОЖДЕСТВО

Изучение различных «солнечных» мифологий дает мощное подтверждение гиперборейского происхождения более южных культур. В солнечных мифах особое внимание уделяется суточным и годовым циклам солнца, которое считается главным богом, которому люди и все живые существа обязаны своей жизнью и процветанием. Эти циклы также предполагают идею цикличности всего сущего и самого мира и связаны с неизбежностью воздействия времени на человеческую жизнь и смерть и возможностью трансцендирования смерти. Кроме того, они включают метафорические отсылы к усиленному чувству контраста между светом и тьмой, естественному результату жизни в арктических условиях, в которых годовой цикл солнца включает сильно дифференцированные сезоны и две крайности летнего полуночного солнца и зимней Полярной ночи, что, по мнению Феличе Винчи, породило параллельные представления о триумфе бога солнца и его смерти.

Поклонение солнцу пронизывает египетскую цивилизацию, возникшую в долине Нила, как считается, примерно в начале третьего тысячелетия до н.э. после пришествия из неизвестной родины. Что касается следов ее возможного арктического происхождения, подчеркивает Винчи, следует отметить удивительную параллель между египетской и финской мифологией²⁷⁷, которую можно объяснить с помощью «солнечного» ключа. В *Калевале* (руна 14) Лемминкяйнена убивает морской змей, после чего изрубает его тело и бросает в реку «среди темных волн Маналы», Царства Мертвых. Эти события очень похожи на сюжет египетского мифа, в котором Осириса убивает Сет, или Тифей, морской змей из греческих мифов, который разрубает Осириса на куски и бросает в Нил.²⁷⁸ По мере развития этих двух историй мы обнаруживаем и другие поразительные сходства. Мать Лемминкяйнена ищет его в реке «в глубине Маны», где ей удается спасти все части его тела, собрать их заново, и вернуть

²⁷⁶ Treccani Italian Encyclopedia. Rome 1949, under "Calendario: Il calendario indiano".

²⁷⁷ См. также фундаментальное исследование Wetenhovi-Aspa, Sigurd. *Fenno-Ägyptischer Kulturursprung der alten Welt*, Helsinki 1936

²⁷⁸ Plutarch. *Isis et Osiris*, chapter 13ff.

Лемминкяйнена к жизни. Исида, жене Осириса, также удастся найти все расчлененные части своего мужа, соединить их заново, и воскресить Осириса.

Что касается мифа об Осирисе, Джеймс Фрейзер говорит, что «ежедневный восход и закат солнца можно интерпретировать как миф о смерти и воскресении солнца: но, если темой был ежедневный восход, то почему это праздновалось как *ежегодная* церемония? Кроме того, что означает утверждение, что «солнце разрублено на куски?»²⁷⁹

Винчи находит этому логичное объяснение: расчленение, исчезновение и возрождение Лемминкяйнена и Осириса можно связать с годовым циклом солнца в арктических регионах. После непрерывного Полярного дня суточный день начинает сменяться ночью (солнце и олицетворяющий его бог «расчленяется»), далее в ходе ежегодного цикла наступает мрак Полярной ночи (когда солнце брошено «в воды» и исчезает), с последующим возвращением чередования ночи и дня (собираение «осколков») и, наконец, происходит восстановление солнца, которое уже не заходит за горизонт летом во время Полярного дня (восстановление «целостности»).

Тема расчленения и собирания вновь часто встречается в шаманизме и солнцепоклонничестве – и параллели между египетским мифом об Осирисе и северным мифом о Лемминкяйнене заслуживают глубокого изучения, особенно если учесть, что, когда (как считается) египтяне появились в долине Нила, климат в районах Заполярья сильно отличался от современного.

Более того, персонажи *Гимна Гермесу* обладают многими характеристиками солнца, продолжает Винчи. Гермес, вероятно, олицетворяет новорожденное солнце, которое приходит в мир в «темной пещере» в зимнюю ночь солнцестояния. В индийской мифологии имеются похожие мифы, рассказывающие о пропавшем ребенке, кумаре (*kumara*), который является богом солнца, Агни или Сурья. В этих сказаниях новорожденного ребенка иногда бросают в море в сундуке, как и греческого Персея и финского Куллерво, не говоря уже о Ромуле, Саргоне и Моисее.

В русских сказках Кощей догоняет Ивана-царевича, изрубает его в мелкие куски, кладёт в смоляную бочку и бросает в море, а Марию Моревну к себе увозит. Зятя Ивана-царевича, однако, спасают его, вытаскивают бочку на берег, вынимают куски Ивана-царевича, перебивают и складывают, как надобно. Ворон брызгает мертвой водою – тело срастается, соединяется. Сокол брызгает живою водою – Иван-царевич встает и говорит: «Ах, как я долго спал!»

В другом варианте, взятом за основу Пушкиным в *Сказке о Царе Салтане*, царицу-мать сбрасывают с новорождённым царевичем в море внутри бочки. Бочку выносит на необитаемый остров, причём царевич Гвидон выходит из неё уже взрослым юношей. Родившийся вновь Иван-Царевич, также как и его прототипы в самых различных мифологиях, сражается со Змеем-Горынычем и побеждает его.

В греческой мифологии тот же сюжет: Акрисий сажает Данаю с новорожденным сыном Персеем в деревянный ящик и бросает в море. Близ острова Сериф ящик ловит в сети рыбак Диктис, и спасает Данаю и её сына. Возмужавший Персей впоследствии побеждает Медузу Горгону, у которой вместо волос – змеи.

В египетской мифологии, по одной из версий, бог Сет путём обмана побуждает Осириса улежся в деревянный саркофаг, который затем запирает на замок и бросает в Нил. Но Осирис вновь возвращается, «воскресает».

Аполлон, преимущественно солнечный бог, чьи «гиперборейские» черты подтверждают идею о том, что солнечные культы происходят с севера – олицетворяет взрослое солнце. Фигура Старца (*géron*), старого года и старого солнца, также появляется в *Гимне Гермесу* (*Гимн* 87): он завершает солнечную триаду (молодое, взрослое и старое), часто встречающуюся в солнечных мифах, что явно относится как к суточному, так и к годовому циклам Солнца.

Тема смерти и воскрешения бога является общей для очень многих мифологий, подчеркивает Винчи – помимо Осириса, можно упомянуть сказания о Бальдре, Адонисе, Аттисе, Таммузе и многих других. Эта тема связана, скорее, не с годовым циклом земледелия, а является отражением циклических изменений проявления солнца в далеких северных широтах.

²⁷⁹ Frazer, James. *Il ramo d'oro*, Torino 1973, chapter 56.3.

Согласно знаменитому ученому Францу Кюмону,²⁸⁰ смерть Адониса происходила каждый год в ночь с 19 на 20 июля, когда женщины оплакивали его смерть. Можно предположить, что эта метафора происходит от ежегодной «смерти» бога солнца в арктических районах: набожные южные женщины, считает Винчи, продолжали оплакивать первый закат солнца после двух месяцев Полярного дня в арктических областях, откуда спустились их предки.

Также битва между солнцем (богом Ра) и тьмой (драконом Апофисом), фигурирующая в египетской мифологии, похожа и на битву Лемминкяйнена с морским змеем, и на битву Осириса с Тифеем. Эта тема встречается и во всей греческой мифологии – например, в рассказе о новорожденном боге Аполлоне, который убивает змея Пифона – равно как и в скандинавских сагах, в которых «смелый Тор силой поднимает змея, сверкающего ядом, на борт корабля, и ударяет молотом по его ужасной голове»²⁸¹ (по другой версии «отрубает ему голову»²⁸²).

Еще один пример мы находим у хеттов, которые прославляли миф о битве между богом бури и змеем в день Пурулли. В Месопотамии мы находим аналогичный сюжет в битве между богом Энлилем и водным чудовищем Тиаматом. В персидской Авесте и индийской Ригведе Тиштрия и Индра убивают Апаошу и Вритру соответственно.

В более поздней европейской мифологии аналогичная тема встречается в «Приключениях сэра Гавейна и Зеленого рыцаря» (*The Adventures of Sir Gawain and the Green Knight*), английской поэме, датируемой четырнадцатым веком: в начале нового года Гавейн обезглавливает гигантского «зеленого рыцаря» – как и кельтский герой Кухулин делает в *Bricriu Banquet*. Аналоги этим мифическим фигурам мы можем найти и в скандинавской литературе: так, *Младшая Эдда* рассказывает о поединке между богом Тором и великаном Хрунгниром. Чтобы понять, что лежит в основе всех этих историй, вернемся к рассказу о новорожденном боге солнца Аполлоне, который убивает змея Пифона.

Важно отметить, что северные народы с незапамятных времен связывают Северное сияние, эти «танцующие огни» Полярной ночи (появляющиеся на небе вместо солнца) – с *извивающимся змеем*, и каждую зиму с тревогой ждут момента, когда солнце победит в битве со змеем и воскреснет.

Илл. 31. Танцующее северное сияние в форме змея.

Заманчиво также связать мифического змея с созвездием *Дракона*, которое указывало на Северный полюс вместо сегодняшней Полярной звезды, в те времена, когда климатический

²⁸⁰ Франц Кюмон (Franz Cumont) – бельгийский археолог и историк, филолог-классик и эпиграфист; антиковед-религиовед (1867 – 1947).

²⁸¹ Snorri Sturluson, *Hymiskvidha* 90-92 in *L'Edda, carmi norreni*.

²⁸² Snorri Sturluson, *Gylfaginning* 48 in *L'Edda di Snorri*.

оптимум достиг своего пика, в третьем тысячелетии до нашей эры. Прецессионное движение земной оси в 2830 г. до н.э. принесло звезду Тубан (Альфа Дракона) в положение всего в десять угловых минут от полюса. В настоящее время Полярная звезда находится в пятидесяти угловых минутах от полюса, почти в полном градусе. Таким образом, пять тысяч лет назад в центре ночного неба у полюса сияло созвездие Дракона. «Это был владыка тьмы, возвышавшийся в зените над Арктикой» – рисует нам картину Винчи.

Когда новое солнце появлялось после Полярной ночи, его лучи «убивали дракона». Как считает Винчи, это было победой солнца, воплощенного в гиперборейском Аполлоне, вышедшем из Матери-Земли, над драконом, изводившим ее тьмой. Можно также предположить, что омфалос, центр и пуп Земли, хранившийся в храме Аполлона в Дельфах, представлял собой симметричный аналог центра ночного неба, то есть полюса, вокруг которого пять тысяч лет назад обвивался дракон.

Таким образом, заключает Винчи, неслучайно мы находим дракона и змея (также связанных с мифом о потерянном рае) присутствующими во многих мифологиях, от доколумбовой Америки и Китая до Европы, в форме, в том числе, легенды о Святом Георгии. То же значение имеет дракон, описанный в *Беовульфе* – «бич старой зари... / который летает ночью» (*Беовульф* 2271–73).

Еще один след этих мифов до сих пор живет в итальянской традиции, связанной с рождественской ночью, которая первоначально совпадала с зимним солнцестоянием и рождением нового солнца: капитон (*capitone*), большой угорь, подаваемый на ужин в сочельник, напоминает ужасного дракона тьмы, вращающегося вокруг полюса, Питона-Апохиса-Тиамата и крылатого зверя из саги о Хрольфе Крака, обреченного на поражение в битве с новорожденным солнцем. Традиционно стараются раздобыть к праздничному столу на Рождество угря и шведы, (*ål till jul*, «угорь к Рождеству»). Иными словами, манихейская тема контраста между светом и тьмой пересекается не только с древней мифологией в самых разных формах, но и с нашей современной культурой.

Также одна из древнейших традиций в Европе на Рождество – это публичное выставление срубленных елей, которыми украшались уже языческие храмы в период Сатурналий в Римской империи. Документально также засвидетельствовано, что ёлка в уже христианское Рождество выставлялась на центральной площади в Ревеле (Таллине) с 1441 года (в Риге с 1510 года). Монахи из «Братства Черноголовых» (состоявшего из купцов и судовладельцев Ливонии) водили вокруг неё хороводы, и затем публично её сжигали. Внутри домов её изначально подвешивали вверх тормашками к крюкам, имитируя её публичную казнь.²⁸³ Любопытно предположить, что в Риме в «день рождества непобедимого Солнца» (*Dies Natalis Solis Invicti*) во время зимнего солнцестояния праздновалось и низвержение змея-дракона, одним из символов которого, вероятно, считалась ель.

ДВЕНАДЦАТЕРИЧНЫЙ СЧЕТ, УНАСЛЕДОВАННЫЙ ОТ ШЕСТИПАЛЫХ ШАМАНОВ

Добивавшийся руки Пенелопы должен быть выиграть соревнование, прострелив отверстия двенадцати топоров (*Одиссея* 19.574; 19.578; 21.76). В другом месте в *Илиаде* на похожем соревновании по стрельбе из лука перед лучником выкладывалось десять топоров (*Илиада* 23.851). Феличе Винчи сравнивает ромбовидную форму древнескандинавских топоров с лунным циклом (двумя полумесяцами), и полагает, что 12 топоров символизировали 12 месяцев в году, а 10 – могли сохранить память о календаре Арктики с 10 месяцами.

Осмелимся предположить, что речь всё же не о лунных циклах, а о широко используемом десятиричном счете, и более архаичном двенадцатеричном (например, знакомая всем дюжина; 12 пенсов в 1 шиллинге в Англии; 1 дюйм, равный 1/2 фута; унция, 1/2 дробная часть).

Более того, не только 10-ричная, но и 12-ричная система исчисления могла основываться на древнем счете по пальцам – однако, не у обычных, а у «избранных», шестипалых людей, имеющих по 6 пальцев на каждой руке. Происхождение 12-ричной системы счета обычно связывают с 12 фалангами (на 4 из 5 пальцев) на кисти руки обычного пятипалого человека – все 5 пальцев имеют, однако, 14 фаланг, а не 12 (учитывая 2 фаланги большого пальца). Да и кто бы стал считать «по фалангам», а не по целым пальцам, загигаемым при счете?!

²⁸³

<https://www.whychristmas.com/customs/trees.shtml>

Ген, отвечающий за развитие 12 пальцев (24 на руках и стопах соответственно) вместо 10 (20) у обычного человека, срабатывает примерно в одном случае на 5000 родившихся (т.е. не так уж и редко). Как-то в передаче телеканала «Пятница» показывали бразильскую семью, где почти каждый второй рождается шестипалым, и все пальцы функционирующие. Когда смотришь на этих людей, отметил ведущий, начинаешь понимать, что это у обычных людей не хватает пальца в излишне большой промежности между большим и указательным пальцем: посмотрите на собственные руки, подвигайте пальцами – становится сразу понятно.

В Якутии стать шаманом (истинно избранным, настоящим) мог только шестипалый человек.²⁸⁴ Греки изображали магов и мудрецов шестипалыми. В Библии указывается, что по 6 пальцев было у исполинов-великанов. Во 2-й книге царств, где речь идёт о сражениях Давида, упоминаются рефаимы, в том числе и великан Голиаф Гефянин: «...было еще сражение в Гефе; и был там ещё один человек рослый, *имевший по шести пальцев на руках и ногах, всего двадцать четыре*, также из потомков Рефаимы».²⁸⁵ 12 пальцев имел и гигант Калев и его сыновья из прибалтийско-финского эпоса Калевала. Kalju, Kalev – человек-«скала», дословно, и созвучие имен Калев и Голиаф отнюдь не является случайностью.

Илл. 32. Кисть шестипалого.

Считать «избранные» должны были по-своему: по собственному количеству пальцев на руках (и ногах), до 12 (24) – так, как было удобно пересчитывать им, обладавшим 12 (24) пальцами.

Интересно, соответственно, и деление суток на две половины по 12 часов, считающееся наследием, восходящим к временам шумерских царств: кто-то поделил сутки так, как было привычнее считать: до 12 (24).

От этой же древней традиции постоянное упоминание числа «двенадцать» в мифологических сюжетах: 12 подвигов Геракла за 12 лет; 12 кораблей флота [Улисса](#) (*Илиада* 2.637); 12 сыновей у Нелея, отца Нестора (*Илиада* 11.691–693); 12 детей у владыки ветров [Эола](#)

²⁸⁴ <https://www.stihi.ru/2013/01/06/1509>

²⁸⁵ 2я книга царств, глава 21 стих 20

– «6 сыновей и 6 дочерей» (*Одиссея*, песнь 10); 12 стад крупного рогатого скота, которыми владеет Улисс на материке (*Одиссея* 14.100), предложение феаками жертву Посейдону в 12 быков (*Одиссея* 13.182). Стоит упомянуть также 12 великих олимпийских Богов (Совет Богов); 12 Арвальских братьев (*Fratres arvales*), римскую коллегию из 12 жрецов; 12 апостолов (ближайших учеников Христа). И, разумеется, в память об этом мы покупаем столовые наборы на 12 персон и 12 стульев к большому обеденному столу.

ГЛАВА 8. ЗАГАДОЧНЫЕ СОСЕДНИЕ СТРАНЫ И ЗЕМЛИ

ОСТРОВА СИРИЯ И ОРТИГИЯ

Согласно *Одиссее*, два таинственных острова лежали к западу от Итаки, за морем. Один из них, Ортигия, был представлен вместе с другим островом, упомянутом как Сирия и являющимся родиной свинопаса Евмея, о чем тот сам сообщил Улиссу:

*Есть остров под названием Сирия, если вы когда-нибудь слышали о нем,
за Ортигией, где заходит Солнце (Одиссея 15.403-404)*

Судя по этим строкам, Ортигия кажется более известным островом, чем Сирия (Феличе Винчи замечает, что ни один из них никогда не был обнаружен на Средиземном море). Согласно Гомеру, они лежали к западу от Итаки – немногим более чем в шести днях пути на корабле, при благоприятных ветрах (*Одиссея* 15.475-482) – и связаны с Аполлоном и Артемидой, детьми Леты (*Одиссея* 15.410).

Кроме того, подчеркивает исследователь, в другом отрывке, где упоминается Ортигия, *Одиссея* делает отсылку к Артемиде, которая убила Ориона своими стрелами (*Одиссея*, 5.121–124). Ортигия – это также древнее название Делоса – следовательно, его можно соотнести с островом Аполлона и легендами о гипербореях, которые, по мнению некоторых древних авторов, также жили на Британских островах (лежащих к западу от гомеровской Итаки, за Северным морем). Греческая мифология тесно связывает Ортигию с Летой, матерью Аполлона, поскольку это имя ее сестры и гиперборейского острова, на котором родилась Лето (Λητώ, Лато, Латона).

Согласно Диодору Сицилийскому:

«Есть остров, размером не меньше Сицилии, за страной кельтов. Он должен быть найден под Медведицами [созвездиями Медведиц] и населяют его гиперборейцы (...) Люди говорят, что Лето родилась здесь, и именно поэтому Аполлона почитают больше, чем любого другого бога. Его жители в некотором смысле являются жрецами Аполлона (...). На этом острове есть величественная святыня, посвященная Аполлону, и большой круглый храм, украшенный множеством подношений». (*Историческая библиотека*, 2.47)

Рассмотрение «микенских» следов, найденных в южной Англии, включая кромлехи, чьи ярко выраженные «солнечные» черты могут напоминать «великую святыню» Аполлона, упомянутую Диодором – помогает Винчи отождествить гомеровскую Ортигию с *Британией*. Последняя находится к западу от датской Итаки, географически соответствуя указаниям Евмея.

Более того, по словам древнегреческого писателя Экатаея (*Ecateus*), гиперборейский остров, на котором родилась Лето, и где служили жрецы ее сына Аполлона, назывался «Белым» (*Leukē*).²⁸⁶ Кажется естественным связать это имя с древним названием Британии – Альбион: «Имя ему было Альбион, то есть Белый» (Плиний, *Естественная история*, 4.30) – что может быть связано, предполагает Винчи, как с белыми скалами Дувра, встречающими моряков на острове, так и с белесыми холмами Уэссекса, где культура, строившая кромлехи, процветала между 3 и 2 тысячелетиями до н.э.

Винчи также считает, что было бы заманчиво соотнести британский аристократический титул *Леди*, *Lady* с именем древней богини-матери *Леты*, родом с Белого острова-Альбиона. В Оксфордском этимологическом словаре происхождение уважительного титула *Леди* («госпожа») связывают со староанглийским hlæfdige «та, кто месит хлеб», от hlaf – «хлеб».²⁸⁷ Такое объяснение достаточно спорно, учитывая использование похожего имени и слов в значении «роженица, пра-матерь» во многих языках и мифологиях Старого Света: греческая *Лето*, мать близнецов Аполлона и Артемиды, считалась символом материнства, материнской любви и почитания детьми; греческая *Леда*, с которой Зевс соединился в образе лебедя, принесла ему яйцо, из которого появилась Елена; в славянской языческой мифологии *Лада*, *Леда* –

²⁸⁶ Levallois, Christophe. *La terra di luce*. Saluzzo 1988, p. 71.

²⁸⁷ <https://www.etymonline.com/word/lady>

Богородица (Рожаница, Матерь-Родиха), Мать Небесная или Вселенская Мать, супруга Небесного Отца – Сварога; в иврите [ləda] לְדָדָא – «роды, рождение».

Карл Кереньи²⁸⁸ делает также следующее интересное замечание про связь греческой *Леды* и *Линды* в эстонской мифологии:²⁸⁹

«Эстонская эпическая поэма *Калевипоэг*, оформленная письменно в XIX веке с использованием фольклора, старинных песен и преданий, содержит рассказ о красивой девушке по имени Линда, которая родилась из случайно найденного яйца дикой птицы. Сходство с рождением Елены отмечалось ранее. Версия этого греческого мифа, повествующая о том, что Леда нашла яйцо в болотистой или лесистой местности, особенно близка к эстонской сказке (...) Самые прекрасные аналогии между греческим мифом о рождении Елены из яйца и изначальным венчанием с болотной птицей встречаются у финно-угорских народов, проживающих в России».

Примечательно и «многостороннее» сходство между Ледой (богиней-матерью Елены), Линдой из Калевалы и Линдосом, родосским городом, цитируемым в Каталоге кораблей (*Илиада* 2.656). В ливонском и эстонском *lind*, в карельском *lindu*, в финском *lintu*, *lentu* – «птица»; в литовском *lindynė* – «гнездо». Любопытно, что одними из древних названий Лондона были *Lindonion*, *Lindinio*, ряда крепостей неподалеку – *Lindesse* и *Lindum*; а Таллина – *Lindanise*, *Lindanäs* и *Леденец* – при этом в прибалтийско-финских языках *linn*, *linna*, *linnus*, *linnu*, *lidna*, *lidn*, *лиднь* – «город, крепость, городище»²⁹⁰.

Сирией же – островом «за Ортигией» – могла быть Ирландия, что соответствует описанию свинопасом Евмеем своей родины (Евмей был сыном одного из сирийских царей): «Он не густонаселен, но пригоден/ богат скотом, овцами и зерном» (*Одиссея* 15.405-406). Эти слова демонстрируют легкую тоску по дому человека, который был оторван от своей родины в молодом возрасте и с тех пор никогда не возвращался (был похищен «финикийскими» пиратами, которые продали его в рабство на Итаке).

Последнее может быть еще одним свидетельством родства между гомеровскими данайцами раннего бронзового века, то есть предками микенцев, оставившими следы в Уэссексе до предполагаемой Винчи миграции на Средиземное море, и таинственным племенем «туата де Данаан», то есть «народом богини Даны», которые в «*Битве при Маг Туиред*» (*Cath-Maige Tuired*) упоминаются как древние жители Ирландии, пришедшие с «островов на севере мира» (вероятно, нынешней Дании).

Также было бы заманчиво связать гомеровскую Сирию (*Syria*) с *Eire*, древним названием Ирландии. Название *Сирия* (*Syria*) как «острова, где заходит Солнце» (*Одиссея* 15.403-404) уместно сравнить с такой лексикой как лат. *sero* – «поздно, в поздний час»; *serus* – «поздний»; ит. *sera* [*сейра*], фр. *soir* [*суар*], румын. *seară*, ингуш. *сеуре*, чечен. *суьуре* – «вечер»; ингуш. *сайре* – «запад»; ингуш. *сейра* – «поздний, запоздалый»; лит. *šiaurė* – «север, ночь, ужин»; рус. *серый*, укр. *сірий* – цвет, связанный с вечерними сумерками. В этом же семантическом поле: фин. *syryjä* – «сторона, край»; *syryjä*, *syryäinen* – «дальний, удаленный»; коми-перм. *зырны* – «теснить»; *зыряне* – «живущие на краю»; ирл. *siar* – «задний»; шумер. [*sur*] – «граница, граничить».

Аналогично, название Ирландия (*Eire*, Ireland) соответствует лексике со значением «края, обрыва, дальней земли, земли на краю»: арх. ирл. *ire* – «дальше, более дальний»; эст. *ääre* – «краевой, крайний, прибрежный, береговой»; рус., тат. *яр* – «край, обрыв, берег»; лат. *ora* – «край, грань, берег»; санскр. [*ara*] – «угол, выступ»; и т.д.

Помимо этого, необычайное гостеприимство, которое Евмей проявляет к бедному нищему, который никогда не смог бы ответить взаимностью, заставляет его казаться самым «ирландским» из гомеровских персонажей, полагает Винчи. Что касается финикийских похитителей Евмея, они напоминают своим названием фениев (др.-ирл. *fian*), легендарную военную дружину древних ирландцев, упоминаемую в некоторых эпических преданиях, таких как «Сага о Фергусе, сыне Лейте» (*Echtra Fergusa maic Léti*).

²⁸⁸ Карл Кереньи (Karl Kerényi), венгерский и швейцарский филолог-классик, религиовед (1897 – 1973).

²⁸⁹ Kerényi, Karl, *Miti e misteri*. Turin 1979, p. 35

²⁹⁰ E.W.Saks. *AESTII. An Analysis of an Ancient European Civilization*, Montreal, 1960, p. 55.

Имя одного из средиземноморских «народов моря», финикийцев – греч. *Phoínikes* – идентично греческому прилагательному со значением «красный» (как и плоды финиковой пальмы). Винчи задается вопросом: может ли быть, что в этнониме заложено значение «красные» («рыжеволосые»)? В данном случае примечательно то, что и многие ирландцы, мифические предки которых звались фениями – рыжеволосые, и, кажется, замыкается круг между гомеровскими «финикийцами» и ирландскими фениями.

Стоит также заметить, что корабли викингов при попутном ветре обычно добирались до Англии из Дании за три дня и три ночи,²⁹¹ что примерно согласуется со временем, указанным Гомером: «немногим более шести дней» (*Одиссея* 15.476). К сожалению, Гомер не предоставляет нам точной информации о продолжительности последней части этого путешествия – которое предприняли «финикийцы», преодолев двойное расстояние от Ирландии (Сирии) до о. Люэ (Итаки) с их маленьким пленником.

Несчастья свинопаса Евмея в чем-то напоминают злоключения, о которых повествует одна древняя норвежская сага. В ней рассказывается история Мелькорки, дочери ирландского короля, которую похитили, когда та была еще совсем маленькой, и продали в рабство богатому землевладельцу.²⁹²

Если мы также рассмотрим средневековое ирландское произведение «*Странствия Улисса, сына Лаэрта*» (*Merugud Uilix Meic Leirtis*), где обнаруживается смесь тем из *Одиссеи* и ирландского фольклора, все это, подытоживает Винчи, свидетельствует о существовании древних отношений между Данией и Британскими островами, которые, вероятно, были тесно связаны в бронзовом веке, учитывая развитие мореплавания и торговли, которому способствовал мягкий климат того периода и производство олова в Корнуолле, экспортировавшегося из древнего торгового порта Темез (вероятный Лондон), упоминаемого в песни 1 *Одиссеи* как заморский центр торговли бронзой.

РЫНОК БРОНЗЫ В ТЕМЕЗЕ

В более общем плане культура северного бронзового века Британских островов и балтийско-скандинавского региона

«...воспользовалась преимуществами растущей торговли и достигла колоссального уровня развития (даже выше, чем у цивилизации бронзового века в южной и западной Германии), особенно в том, что касается оформления и вкуса в украшении бронзовых предметов, что свидетельствует об очень высоком уровне жизни».²⁹³

За это время в Скандинавии «искусство литейного дела (...) достигло уровня совершенства, который можно сравнить только с лучшими произведениями эгейско-микенской цивилизации».²⁹⁴

Как пишет Зигфрид Фишер-Фабиан,²⁹⁵ северные народы выделяли из бронзы совершенно необычайные предметы:

«Разнообразие германских бронзовых предметов было поразительным. Имелись драгоценные мечи; ценные украшения; позолоченные культовые диски; зажимы; пряжки; шлемы; щиты; колье; и даже наборы для бритья, ушей и маникюра (...) За пятнадцать столетий до прихода римлян в северные земли, здесь уже существовали такие высокие стандарты жизни и цивилизации, что их можно сравнить только с греческой цивилизацией того же периода».²⁹⁶

В отрывке из *Одиссеи* есть моряк-торговец – тафийский правитель Мент (*Mentes*), который только что высадился на Итаке, и сообщающий:

*По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью
В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом. (Одиссея 1.183–184)*

²⁹¹ Pörtner 1996, p. 232.

²⁹² Pörtner 1996, p. 326.

²⁹³ Treccani, under “Nordiche, civiltà”.

²⁹⁴ Treccani, under “Bronzo”.

²⁹⁵ Зигфрид Фишер-Фабиан (Siegfried Fischer-Fabian), немецкий журналист и писатель-историк (1922 – 2011)

²⁹⁶ Fischer-Fabian, Siegfried. *I Germani*. Milan 1985, p. 90.

Помня о том, что Корнуолл производил олово, основной металл для получения бронзы, имеет смысл искать поблизости и Темез (*Темес, Temese*), центр торговли бронзой, упомянутый Гомером. Становится нетрудно, утверждает Винчи, увидеть соответствие между Темезом и рекой Темзой (*Thames*), которую первые английские летописцы называли Тамесис (*Tamesis*) на латыни и Тамис, Тамиса или Таменсим (*Tamis, Tamisa, Tamensim*)²⁹⁷ – устье которой смотрит на Северное море и Скандинавию, и чей исток находится недалеко от Корнуолла.

Если мы последуем указаниям Гомера, то окажется вероятным, что балтийские ахейцы плыли через море к «чужеземцам» в Темесе (к Темзе), чтобы запастись бронзой, сплавом с оловом из Корнуолла, в обмен на железо, возможно шведского происхождения (север Швеции очень богат железом). Плавали за оловом на Британские острова и финикийцы, а греки называли Британские о-ва «Оловянными» (Κασσιτερίδες νῆσοι).

В гомеровском мире железо обычно использовалось только в сельскохозяйственных целях (*Илиада* 23.834–835), в то время как оружие было сделано из бронзы, за некоторыми исключениями, такими как железная булава Арейтуса (*Илиада* 7.141) и острие стрелы Пандара (*Илиада* 4.123). Таким образом, компоненты бронзы, то есть медь и олово, в описаниях Гомера были стратегическими металлами (прежде всего олово, которое встречается реже, чем медь).

Ахейцы с Балтики, предполагает Винчи, должны были следовать по морскому пути, который пролегал бы естественным образом и мимо островов архипелага Южный Фюн, довольно близко к месту, где Балтийское море встречается с Северным морем, что объясняет остановку Мента на Люэ-Итаке по пути в Темез.

Учитывая эту картину, примечательно, сообщает нам Винчи, что остатки деревянного моста или пристани бронзового века, датируемые 1500 годом до н.э., были недавно обнаружены в Лондоне, к западу от моста Воксхолл (*Vauxhall Bridge*), на южной стороне Темзы, что свидетельствует о наличии важного поселения на тысячу лет раньше, чем предполагали ученые:

«...Воксхолл – это место, где, возможно, стоял первый лондонский мост 3500 лет назад, в бронзовом веке около 1500 года до н.э. Деревянные опоры строения шириной 3 метра прямо перед мостом Воксхолл были впервые обнаружены в 1993 году, когда остатки деревянных свай заметили после эрозии береговой полосы (...) Воксхолл расположен к югу от Темзы в точке, где река впервые становится достаточно мелкой для брода. Кроме того, Воксхолл стоит у самой дальней точки вверх по течению, до которой река подвержена действию приливов. Сочетание этих двух факторов делало Воксхолл своего рода транспортным узлом наземного и морского транспорта и, следовательно, очень важным общественным центром бронзового века. И причина этого в том, что бронзовый век был периодом, примерно с 2300 по 700 год до н.э., когда металл впервые начали широко использовать в Британии».²⁹⁸

В свою очередь, Тацит делает интересное замечание относительно главного города на Темзе, *Лондиниума* (римское название Лондона): «Лондиниум широко известен объемами своей торговли товарами» (*Анналы* 14.33). Разумно полагать, считает Винчи, что коммерческое освоение этого района в силу его географического положения началось задолго до времен Тацита – времен, лежавших примерно на полпути между эпохой *Одиссеи* (а также датировкой Воксхоллского моста через Темзу) и нашими днями – учитывая упомянутые ранее непрерывные отношения между Скандинавией, Ютландией и Британскими островами. Этот район, вероятно, был еще более значимым в бронзовом веке, поскольку Корнуолл играл ведущую роль в производстве олова, которое в то время было необходимо для производства оружия. Неслучайно Темезе – единственный рынок бронзы, упомянутый в поэмах Гомера, и мы можем сделать вывод, что устье Темзы, обращенное к Северному морю и Скандинавии, в те времена, вероятно, было главным центром торговли металлами в Северной Европе. Обнаружение останков древнего моста в Воксхолле дополнительно подтверждает достоверность такого воссоздания событий.

Данная картина, подчеркивает Винчи, также согласуется с тем фактом, что бронзовый век ознаменовал собой великое тысячелетие судоходства в открытом море. Джефффри Библи

²⁹⁷ *The New Encyclopedia Britannica*, chapter “Thames River”.
²⁹⁸ <https://www.vauxhallandkennington.org.uk/firstbridge.shtml>

подчеркивает, что места расположения таких сырьевых материалов, как олово и медь, требовали освоения новых навигационных маршрутов.²⁹⁹

РЕКА ОКЕАН И ГОМЕРОВСКАЯ ЭФИОПИЯ

На внешнем диаметре щита Ахиллеса изображена «всеоключающая» Река Океан. Довольно просто представить себе всеобъемлющий океан, однако, определение его Гомером как «реки» вызывает недоумение. Гомер говорит о ее «великой силе» и «глубоком потоке» (*Илиада* 21.195) и определяет ее с помощью довольно любопытного прилагательного *ápsorros*, что примерно означает «тот, что вытекает» (*Илиада* 18.399; *Одиссея* 20.65). Использование этого термина, относящегося к Реке Океан, также встречается у Гесиода (*Теогония*, 776). Еще одна особенность этой довольно странной «реки» заключается в том, что она «течет, не издавая шума» (*Илиада* 7.422; *Одиссея* 19.434).

Разглядывая карту Северного моря, которое ограничено с севера Оркнейскими и Шетландскими островами, мы сталкиваемся, отмечает Феличе Винчи, с большой «морской рекой», известной как течение Гольфстрим, теплые воды которого бесшумно движутся с юго-запада на северо-восток, не смешиваясь с ледяными водами Атлантики. Таким образом, мы можем отождествить Гольфстрим (или его ветвь вдоль норвежских и кольских берегов) с гомеровской Рекой Океан, чей «глубокий поток» в море безжалостно «утекает» «без шума» в направлении, противоположном от человеческих поселений.

Также в древнескандинавской литературе «Мировой Пояс» — иносказание, однозначно указывающее на Океан.³⁰⁰ Земля «окружена Океаном, который образует кольцо».³⁰¹

И в *Илиаде*, где солнце восходит из Реки Океана (*Илиада* 7.422) и садится там (*Илиада* 8.485), Река Океан ассоциируется с «краями земли». Богиня Гера говорит:

Я увижу края плодородной земли,
Океан, отца богов, и мать Тетис (*Илиада* 14.200–201)

Также и в *Одиссее*:

[Менелая] на Елисейскую равнину на краю земли
Бессмертные приведут тебя, где живет белокурый Радамантус (...)
нет там ни снега, ни холода, ни дождя,
но всегда Океан веет с дующим свистом,
бодрящим дыханьем Зефира, чтобы утешить этих людей. (*Одиссея* 4.563–568)

Что касается гомеровского *Радамантуса*, замечает Винчи, удивительно, что в древнеисландском языке *ráðhamandhur* означает «командир», «важный человек», а в датском языке *Rådmand* означает «советник». Гомеровский «белокурый Радамантус», живущий «на краю земли», является еще одним доказательством нордического происхождения этих историй.

Винчи предлагает объяснить название *Okeanós*, сравнив с греческим прилагательным *kyānos*, означающим «синий», поскольку, при определенных обстоятельствах воды Гольфстрима в самом деле голубые, что отличает их от окружающего серого моря, разного по температуре и солености. Следовательно, *Potamós Okeanós* мог быть Голубой Рекой – Гольфстримом, который Бенджамин Франклин представил на карте 1770 года огромной рекой, текущей между жидкими стенами. Одно из ответвлений Гольфстрима следует вдоль норвежского побережья до самого Крайнего Севера, где оно впадает в Северный Ледовитый океан, тем самым объясняя, почему древние считали, что Река Океан окружает всю землю.

Скорее всего, однако, слово *океан* того же корня, что и имя *ахейцев*, народа мореплавателей, и такими словами из мировой базисной «водяной / транспортной» лексики как: шв. *åka* [óka] – «идти, ехать, передвигаться»; рус. *ехать*; ингуш. *аха-* – «передвигаться, странствовать, путешествовать»; *яха-* – «плыть (о корабле)»; ц.-сл. *ehи-*, лат. *ecus, equa, equus, equos*, др.-ирл. *esch*, древнеангл. *eoh* – «лошадь; судно». Ср. далее с эрз. *ега, ёга, еган*, мари *йогын*, ханты *ёган, ёхан, юхан, юган*, эст. *jõgi* [йыги], фин. *joki* [йоки] – «река»; эвенк., маньчжур. *ага* – «дождь»;

²⁹⁹ Bibby, Geoffrey. *Le navi dei Vichinghi*, Torino 1960, p. 281.

³⁰⁰ Mari Catani 1982, p. 153.

³⁰¹ Chiesa Isnardi 1996, p. 466.

оккат, оката – «река»; шумер. [ага.а, агу, эга] – «волна, поток»; татар. агу – «течь, плыть»; тюрк. аки, аки [аку, акы], азерб. ахін, казах. агын – «поток, река»; тур., азерб. акынты [акынты] – «поток, поток»; «циркуляция, дрейф»; и т.д.³⁰²

Отождествление Реки Океан с Гольфстримом дает нам ключ к разгадке еще одной проблемы гомеровской географии, которая заставляла Страбона и других исследователей тщетно искать ответ: местонахождение «эфиопов», которые упоминаются как в *Илиаде*, так и в *Одиссее*. По словам Гомера, путь в Эфиопию всегда пролегает через Океан (т.е. Гольфстрим). Принимая во внимание это и тот факт, что Суэцкого канала не было и в проекте, мы должны сделать вывод, что Гомер не имеет в виду нынешнюю африканскую Эфиопию.

В *Илиаде* Ирис, посланница богов, летит

... к течению Океана
и земле эфиопов, где они приносят гекатомбы
богам (*Илиада* 23.205–207)

Начало *Одиссеи*, на первый взгляд, дает более точную информацию, но она оказывается столь же загадочной:

[Посейдон] отправился к эфиопам, живущим далеко,
Эфиопы разделились на двое, самые дальние из людей,
одни из заходящего Гипериона, другие из восходящего (*Одиссея* 1.22–24).

На обратном пути из земли эфиопов Посейдон обнаруживает Улисса у Солимских гор (вероятного норвежского хребта), когда герой плывет к земле феаков. Отождествление Феакии с береговой линией Норвегии привлекает наше внимание к области северной Скандинавии.

Отметив, что выражение «самые далекие из людей» очень хорошо согласуется со связью эфиопов с Океаном «на краю земли», Винчи предлагает проследить за самой северной ветвью Гольфстрима (Реки Океан): он течет вдоль норвежского побережья до впадения в Баренцево море. После мыса Нордкап (*North Cape*) он достигает самого дальнего мыса полуострова Нордкин (*Nordkyn*). Дальше открывается Танафьорд (*Tana fjorden*), после чего побережье начинает поворачивать к югу. Таким образом, кажется, что в *Одиссее* дом гомеровских эфиопов, «самых дальних из людей», располагается в этой области, на краю Европы (в средиземноморском контексте эфиопы располагаются за пределами Египта, опять же на «краях земли»).

Принимая во внимание, что Гомер упоминает Гиперион в связи с «самыми дальними границами земли и моря» (*Илиада* 8.478–479), мы можем представить, что в течение бесконечного арктического Полярного дня две группы людей – «одни из заходящего Гипериона, другие из восходящего» – наблюдали за сиянием Гипериона, полуночного солнца, с двух противоположных сторон перешейка, соединяющего полуостров Нордкин с материком.

С другой стороны, земля «на краю света» упоминается в индуистской мифологии. В *Махабхарате* она называется *Uttarakuru*, исконная земля ведических арийцев,³⁰³ «самая дальняя земля» или «самый дальний регион» – что, таким образом, утверждает Винчи, соответствует гомеровской Эфиопии – на санскрите называемой *Paradesha*, иран. *Pairidaeza*, греч. *Paràdeisos*, ивр. *Pardes*³⁰⁴ (парадиз, «рай», «край»).

Чинция Меле отмечает аналогичную библейскую параллель: Иезекииль помещает Эфиопию, где находится Эдемский сад, на «крайних границах севера».³⁰⁵

Любопытно, добавляет Винчи, что название фьорда Тана, прилегающего к полуострову Нордкин, схоже с названием озера Тана (*Tana*), истока Голубого Нила в африканской Эфиопии. В Танафьорд впадает река Тана (*Tana*), отмечающая границу между Норвегией и Финляндией. Одним из притоков р. Тана является р. Нили (*Nilijoki*), с устьем около Далвадаса (*Dálvadas*), местности в финской Лапландии примерно в 40 км к юго-западу от р. Утс (*Utsjoki*). Нил-Нили,

³⁰² См. анализ гидронимов Ока, Югань и др. <https://new-etymology.livejournal.com/46361.html>

³⁰³ Bucci, Onorato, ed. *Antichi popoli europei*. Rome 1993, p. 56.

³⁰⁴ Tilak, *Orione*, p. 15 (in the Introduction by G. Acerbi).

³⁰⁵ Cinzia Mele, *Bibbia Anno Zero: Quid est veritas?* 2024

Тана: возможно, это не простые совпадения, считает Винчи, и между этими двумя Эфиопиями, арктической, упомянутой Гомером, и тропической могут существовать неожиданные связи.

Этноним *эфиопы*, по Винчи, возможно, восходит к корню греческого глагола *aíthein* – «гореть», «полыхать», и мог означать «те, кто из пламени». В этом определении содержится явная отсылка к культу огня, что соответствует их связи с солнцем и северным местоположением кузницы Гефеста, преимущественно Бога Огня. Более того, Гомер приписывает эфиопам (как и их соседям феакам) особенно близкие отношения с богами:

Зевс вчера ушел к Океану

Для тира со знатными эфиопами; все боги последовали за ним (Илиада 1.423–424).

Это подтверждает, по мнению Винчи, связь между Океаном и эфиопами и, с другой стороны, согласуется с расположением Олимпа между финской Лапландией и Карелией, неподалеку от этой «арктической Эфиопии». Винчи также отмечает, что в Финнмаркии (самом северном регионе Норвегии) можно найти следы чрезвычайно древних человеческих поселений – в частности, оставивших наскальные изображения Альты, относящиеся к каменному веку, когда климат был намного теплее и благоприятнее, чем сегодня.

Арктическое расположение Эфиопии, которое возвращает нас к золотому веку Кроноса, согласно Винчи, подтверждается ссылками в греческой мифологии, такими как миф о Персее: сразу после обезглавливания Медузы Горгоны в стране гиперборейцев, мифического народа севера, Персей достигает Эфиопии, где спасает Андромеду, убивая монстра, угрожающего ей смертью. Учитывая, что этот эпизод непосредственно следует за его гиперборейским приключением, арктическое местоположение для Эфиопии имеет гораздо больше смысла, чем африканское.

Интересно и наличие параллелей между мифом о Персее и историями, найденными в *Калевале*, народном прибалтийско-финском эпосе, например, в 31-й руне в приключении уже упомянутого Винчи королевского младенца Куллерво: родной дядя запирает его в бочке и бросает за борт в тщетной попытке избавиться от него, как младенца Персея, брошенного в море в деревянном ковчеге. Кроме того, имя Персей похоже на имя Перси, матери Цирцеи, живущей на арктическом острове. Словом, вся картина – включая многие типично шаманистические мотивы в мифе о Персее: змеиные волосы Медузы, зеркало, которое Персей использует, чтобы обезглавить ее, и крылатый конь Персея – наводят Винчи на мысль об отдаленном арктическом мире, пропитанном шаманскими и солнечными мотивами, предшествовавшими поэмам Гомера, и очень хорошо согласующимся с обстоятельствами «луны Гермеса».

Как бы то ни было, добавляет Винчи, уже во времена Гомера регионы вокруг Северного полюса давно стали непригодными для проживания, и эфиопы превратились в мифический народ, как следует из их «близкого отношения с богами».

АТЛАНТИДА ЗА ГЕРАКЛОВЫМИ СТОЛПАМИ

Гомер косвенно указывает на путешествия по бескрайнему океану, повествуя о кораблях, которые когда-то пересекали «необъятную морскую бездну» (*Одиссея* 5.174), плывя из Огигии в Схерию. Более того, Улисс обращается к Полифему: «Мы ахейцы, которые, покинув Трою, были сбиты с курса / всеми ветрами в необъятной морской бездне» (*Одиссея* 9.259–260). Он также говорит про «мачту большого черного торгового корабля / с двадцатью гребцами, пересекающего необъятную бездну» (*Одиссея* 9.322–323).

Феличе Винчи обращает внимание, что Гомер упоминает «необъятную бездну» только в отношении странствий феаков и Улисса – в то время как в остальной части *Одиссеи* и во всей *Илиаде* этот аспект игнорируется, что может подтвердить идею о том, что данное выражение было вдохновлено рассказами и легендами очень древней цивилизации мореплавателей, которая отправлялась в океанические путешествия на «больших торговых судах» за много лет до того, как викинги пересекали Атлантику на своих кноррах (*knorr*), широких кораблях, пригодных для плавания по океану.

Однако, есть ли другие следы океанских путешествий в греческой мифологии? Чтобы ответить на этот вопрос, Винчи предлагает вернуться к отрывку Плутарха в *De facie quae in orbe lunae apparet*, гл. 26, где он останавливается на расположении острова Огигия в Атлантическом

океане: «За Огигией есть еще три острова, которые находятся на одинаковом расстоянии друг от друга»; затем он упоминает «большой континент, окружающий океан». Примечательна точность этой информации, похоже, подразумевающая путешествия за океан и обратно. Винчи считает, что эти «три острова на одинаковом расстоянии друг от друга» могли соответствовать Исландии, Гренландии и Ньюфаундленду соответственно, то есть курс, которым корабли викингов добирались до Винланда, как они называли сушу за морем.

Далее Плутарх добавляет удивительное заявление:

«Побережье этого континента населено эллинами вдоль берегов залива размером не меньше Меотиса,³⁰⁶ впадающего в море примерно на той же широте, что и устье Каспийского моря. Они называют и считают себя *континентальными*».

Залив, упомянутый Плутархом, совпадает с заливом Святого Лаврентия на атлантическом побережье Канады, где река Святого Лаврентия протекает через крупнейший в мире эстуарий, истощающий огромный бассейн, включая Великие американские озера.

В той же главе Плутарх также рассказывает нам о последовательных волнах колонизации этих территорий. Следуя по стопам мифических «людей Кроноса» – чьим именем также называлась Северная Атлантика, море Кроноса (*Kronion pelagos*) – в эти же земли прибыли «спутники Геракла»:

«Они снова зажгли греческий огонь сильным ярким пламенем, который был почти потушен языком, обычаями и стилем жизни варваров» (*De Facie*, гл. 26).

Эта яркая картина возникает из тумана далекого доисторического времени, которое можно отождествить с мифическим счастливым «веком Кроноса», когда климатический оптимум позволял путешествовать по океану легче, чем сейчас, считает Винчи. Однако, добавляет исследователь, эти слова могут показаться абсурдными, если предполагать, что «греки», упомянутые Плутархом, являются выходцами из Средиземноморья. Сценарий полностью меняется, если мы примем во внимание, что он имеет в виду «первобытное» ахейское население Скандинавии.

Оценивая эти утверждения, мы должны учитывать тот факт, что и мореплаватели-викинги на рубеже X и XI веков н.э. умели пересекать Атлантический океан. Отправляясь с берегов Норвегии, используя такие остановочные пункты, как Шетландские острова, Фарерские острова, Исландию, Гренландию и Ньюфаундленд, а также преимущества климатических и погодных условий «теплого средневекового периода», когда отступили полярные льды и практически исчезли айсберги, викинги плавали к американскому континенту. За это время Лейф Эрикссон высадился в Винланде, а поселение викингов с католическим епископом процветало на западном побережье Гренландии напротив Лабрадора до XIV века н.э. Когда климат вновь стал суровым, маршрут оказался слишком опасным для дальнейших путешествий и заблокированным.

Трансокеанические путешествия викингов показывают, что маршрут по Северной Атлантике был доступен для опытных моряков при благоприятных климатических условиях. Учитывая возможность остановки в разных точках пути, он был намного короче и проще, чем утомительный безостановочный переход Колумба и его крошечного флота с Канарских островов на Багамы. Более того, на флагманском корабле Колумба, *Санта-Мария*, экипаж состоял всего из тридцати девяти человек, что даже меньше, чем у большинства кораблей и ахейцев и викингов.

Следовательно, утверждает Винчи, развитая морская цивилизация, описанная в поэмах Гомера, определенно имела возможность, «стартуя» в Скандинавии и используя промежуточные острова, упомянутые Плутархом, достигать и колонизировать побережья американского континента. Более того, мы видели, что в *Одиссее* упоминаются суда, способные пересекать «необъятную бездну».

Плутарх также говорит, что было несколько волн колонизации: «Впоследствии спутники Геракла присоединились к народу Кроноса» (*De Facie* 26). Этот нордический Геракл

³⁰⁶

Современное Азовское море, мелководное ответвление Черного моря.

упоминается и Пиндаром, который в *Olympian 3* (где он также говорит о керинейской лани) подчеркивает контакты между Гераклом и гиперборейцами.

Примечательно, что в научном сообществе до сих пор нет консенсуса о происхождении названия «Америка». По одной версии, континент обязан своим именем флорентийскому мореплавателю Америго Веспуччи, по другой — бристолюскому купцу Ричарду Америке, который финансировал экспедицию Джона Кабота. Немецкий картограф Мартин Вальдземюллер, создатель знаменитой карты 1507 года — старейшего из дошедших до нас документов с топонимом «Америка», — лишь предположил его связь с латинизированной формой имени Веспуччи. Не имея твердой уверенности, Вальдземюллер просто пытался дать этимологию слову, которое уже встречалось на других портоланах, включая карту Кабота. Показательно, что на своей следующей карте мира, изданной в 1513 году, картограф заменил интригующее название «Америка» на нейтральное «Terra Incognita».

Разумеется, важные территории должны были как-то называться. Что, если название «Америка», как и страны вечных туманов и мглы Киммерии, располагавшейся античными авторами на крайнем севере, в Гиперборее, могло быть связано с прибалтийско-финским словом со значением «полусвет, дымка, мгла, полутьма, сумрак; тусклый, сумеречный» — *hāmarik* в эстонском, *āmārikkō* в вожанском, *hāmārā* в финском, *хямари* в карельском и т.д.?

Для древних мореплавателей, двигавшихся на северо-запад, далекие полярные и приполярные земли за Атлантикой (будь то Гренландия, Ньюфаундленд или Баффинова Земля) были именно страной вечного сумрака, туманов и затяжных полярных сумерек. Это идеальная «Земля мглы» — то есть *Hāmārik-maa* или *Āmārik-maa*. Перед нами может открываться совершенно иная, глубоко архаичная картина древней географии, а название огромного заморского континента перестает быть случайным памятником эпохи «географических открытий» XVI века и превращается в древний описательный топоним, укорененный в языках Северной Европы. Если гомеровская Тринакрия — это затерянный в арктических туманах Ян-Майен, чье название может восходить к эстонскому *jääne mäene* (остров «ледяной горы»), то логично, что и лежащая еще дальше на запад огромная неизведанная земля унаследовала имя из того же языкового пласта, описывающее ее главный признак — вечные сумерки (*hāmarik*) на краю обитаемого мира.

Тот факт, что Мартин Вальдземюллер обнаружил слово «Америка» на более ранних картах, включая чертежи Джона Кабота (который как раз исследовал суровые, туманные северные берега Нового Света в 1497 году), идеально укладывается в эту схему. Кабот, общаясь с северными проводниками или изучая исландские саги о Винланде, мог зафиксировать именно местное, «туманное» обозначение далекой земли.

Существуют, продолжает в свою очередь Винчи, и многочисленные аналогии между европейскими и доколумбовыми культурами. В мифологии отмечаются совпадения, например, между фигурами Прометея и североамериканского лунного героя Меномини по имени Манабус. Другой «индейский Прометей» был обнаружен у квакиутлей в Британской Колумбии, на тихоокеанском побережье Канады, с такими характеристиками, что заставили Джорджо де Сантильяна воскликнуть:

«Вот чудесным образом сохранившийся греческий миф, внезапно возникший среди племен американских индейцев».³⁰⁷

Британская Колумбия, как говорит нам Жорж Дюмезиль — это также место в мире, где, по неизвестному нам совпадению, становятся понятными индуистские легенды о Трицефале.³⁰⁸ Кроме того, ацтекское изображение орла со змеей в клюве, древнего символа Теночтитлана, также встречается в *Илиаде* (12.202). Что касается названия реки Потомак (*Potomac*), то оно настолько похоже на греческое слово *potamos* («река»), что, полагает Винчи, трудно поверить в простое совпадение.

Список соответствий можно продолжать долго — американские индейцы даже считали, что созвездие Большой Медведицы рисует фигуру медведя. Это еще одно свидетельство древних

³⁰⁷ de Santillana 2003, p. 369.

³⁰⁸ Dumézil, Georges. *Ventura e sventura del guerriero* (The Stakes of the Warrior), Torino 1974, p. 151.

связей между культурами Старого и Нового Света, которые, вероятно, разделяли сложные астрономические знания, а также древние шаманистические концепции.

Имеется и загадочный отрывок «*Медеи*» Сенеки³⁰⁹:

«В будущем придет время, когда Океан снимет свои [ледяные] оковы, откроется необъятный континент; Тетис откроет новые миры, и Туле [Исландия] больше не будет последней землей».

Также Платон, говоря об острове Атлантида, упоминает *континент за океаном* и даже заходит так далеко, что указывает четко определенную отправную точку для кораблей, направляющихся за Атлантику: сразу после упоминания пролива, называемого Геракловы Уста (Столпы), он говорит, что, переходя с одного острова на другой, в древние времена

«[Мореплаватели] могли добраться до всего континента на противоположном берегу того моря, которое действительно заслужило свое название. Фактически то, что находится внутри пролива, о котором мы говорим, выглядит как порт с узким входом, в то время как снаружи действительно есть море, и окружающая его земля, несомненно, вполне может быть названа континентом» (*Тимей*, *Timaeus* 24d-25a).

В отличие от общепринятого представления, очень сложно, полагает Винчи, отождествить этот пролив («порт с узким входом») с Гибралтарским проливом, минимальная ширина которого составляет 14 км.

Геракловы Столпы (у римлян – Геркулесовы Столбы), которые должны были быть крайней границей известного мира, никогда не имели точного местоположения (на Гибралтаре никаких столбов нет – в их отсутствие, их образно связывают с высотами, обрамляющими вход в Гибралтарский пролив).

Однако, в Северной Ирландии есть геологическое образование под названием Мостовая Гигантов (или Дорога Гигантов), состоящее из ~40000 каменных колонн и расположенное «на крайнем севере известного мира»:

³⁰⁹ Луций Анней Сенека младший (Lucius Annaeus Sēneca minor), римский философ-стоик, поэт и государственный деятель (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.).

Илл. 33. Столпы «Дороги Гигантов» в Северной Ирландии.

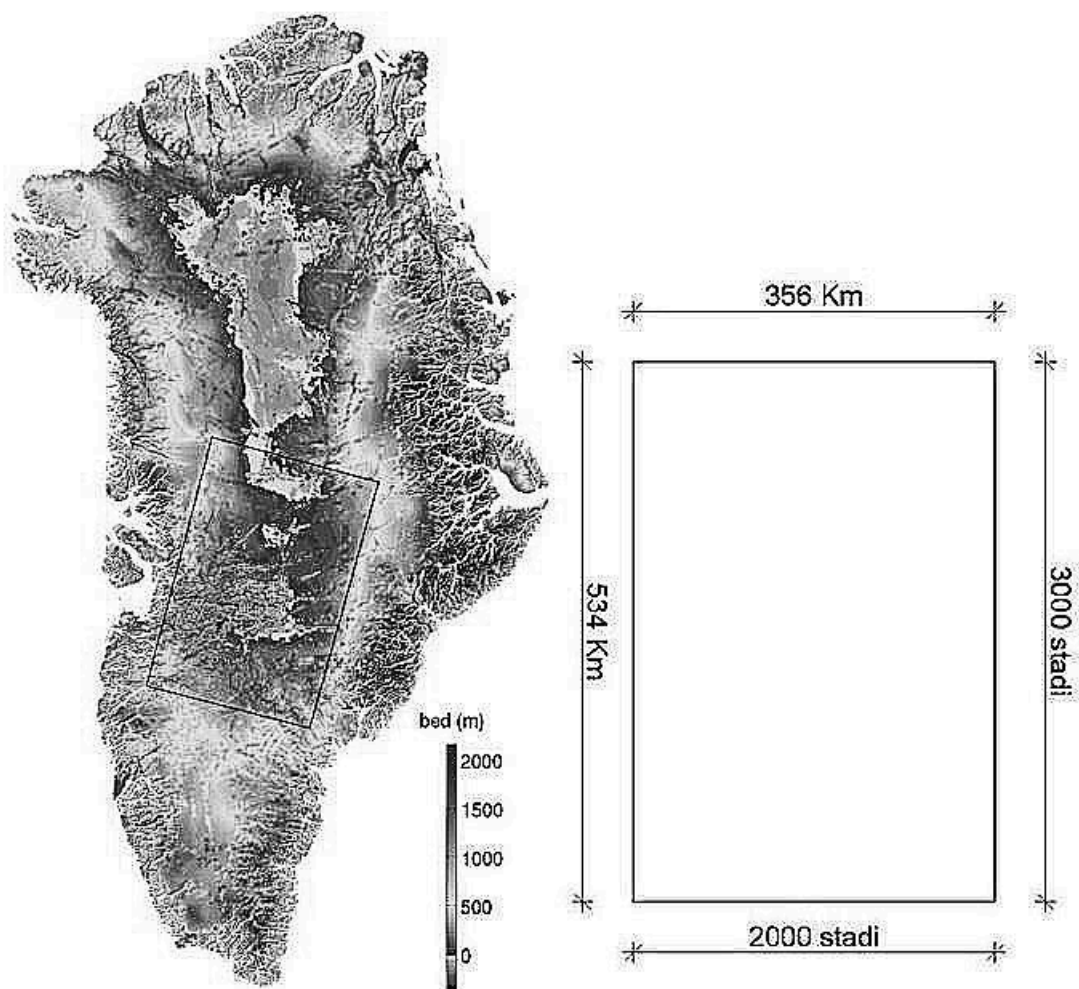
В одном из ирландских сказаний говорится, что Финн Мак Кумал, решив сразиться с чудовищным одноглазым противником Голлом, чтобы не замочить ноги, вбил в дно Ирландского моря ряд колонн и таким образом построил мост. Устав, он прилёг отдохнуть. В это время Голл сам перешёл по мосту в Ирландию и явился к Финну.

Как мы знаем, за Геракловыми столбами, по Платону, лежала Атлантида. И, если Геракуловы столбы – это Мостовая Гигантов в Северной Ирландии, за которой лежит Гренландия, то Гренландия и есть Атлантида Платона.

Итальянский географ Марко Готи недавно выпустил книгу «Остров Платона» (*L'isola di Platone*), в которой выдвинул смелую идею, что под толстым ледяным покровом Гренландии скрыта огромная некогда процветавшая, затем затопленная и покрытая льдами долина, оазис среди гор, имевший выходы в Атлантический океан через сеть длинных глубоких каньонов, выточенных проточной водой до широко распространенного оледенения, и что этот оазис совпадает по размерам и описаниям с Атлантидой Платона.³¹⁰

³¹⁰

Marco Goti. *Atlantide: mistero svelato. L'isola di Platone*, 2017
<https://www.larazzodeltempo.it/marco-goti/>

Илл. 34. Атлантида Платона, по Марко Готи.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Настоящее место действия *Илиады* и *Одиссеи*, равно как и многих других греческих текстов, можно идентифицировать не со Средиземноморьем, где возникает огромное множество несоответствий и противоречий, а, скорее, с севером Европы и миром мореплавателей, знавших дальние океанские пути, свободные для плавания в теплые климатические периоды.

Саги, лежащие в основе этих двух поэм, считает Феличе Винчи, родом из балтийских, скандинавских и северорусских регионов, где многие гомеровские земли, такие как Троя, Итака и места странствий Улисса, все еще можно определить сегодня. Древняя ахейская цивилизация, описанная в *Илиаде* и *Одиссее*, процветала вдоль всего побережья Балтийского моря.

Начатое Винчи исследование (как он и сам неоднократно подчеркивает) не является завершенным: требуются и дальнейшие археологические подтверждения, и рассмотрение экспертами в самых разных областях знаний. На данном этапе можно лишь констатировать поразительную географическую, морфологическую и климатическую согласованность этого нового сценария, устраняющую противоречия, непрестанно возникающие у ученых-эллинистов при средиземноморско-эгейском расположении мест действия поэм Гомера.

Мы также узнали, что эти две поэмы повествуют о территориях, расположенных на очень значительных расстояниях друг от друга. Каталог кораблей в *Илиаде* позволяет нам реконструировать ахейские поселения вдоль Балтийского моря в эпоху раннего бронзового века, а странствия Улисса в *Одиссее* рисуют нам последовательную картину представлений, которую эти древние народы имели об атлантическом мире за пределами балтийского региона — увлекательном, но полном опасностей и странных явлений, таких как «танцы рассвета» (северное сияние) и полуночное солнце (Полярный день), великие атлантические приливы и водовороты. Подавляющее большинство описанных Гомером мест и явлений несут отличительные северные черты.

Географическая информация, извлеченная из совокупности поэм, находит свое естественное местоположение в некоторых основных «кластерах»: итакий мир на датских островах; ахейский мир вдоль балтийского побережья; мир Трои у Финского залива; странствия Улисса в Северной Атлантике. Каждый из этих «кластеров» удивительно близко подходит по географии, морфологии и топонимии к мирам, которые описывает Гомер, по сравнению с традиционными средиземноморскими местами с их отмечаемыми несоответствиями. Гипотеза Винчи также может объяснить замешательство древних греков по поводу обеих поэм и раскрыть географические загадки, которые сводили Страбона с ума.

Имеются, однако, и множественные дополнительные важные вопросы к гипотезе Винчи.

БЫЛА ЛИ МИГРАЦИЯ?

Феличе Винчи не допускает сосуществование схожей культуры на территории всей Старой Европы и Греции, и говорит о физической «миграции прибалтийских ахейцев в Грецию» (подразумевая одновременно перемещение и этноса, и культуры, и языка) в результате вероятной климатической катастрофы около 3600 лет назад (извержение вулкана Тира и последовавшее похолодание).

Это достаточно спорная тема — так, любую гипотезу этнической миграции требуется подтвердить ДНК-генеалогическим исследованием о движении гаплогрупп, но таких свидетельств Винчи в своей работе не приводит. При этом, однако, как отмечает Л.С.Клейн, лишь очень условно можно отождествлять миграции этносов, культур и языков:

«Развитие гаплогрупп — это одно древо, развитие культур — это другое древо, развитие языков — третье, и совпадать могут лишь отдельные их веточки».³¹¹

Андрес Пяббо, ознакомившись с исследованиями Феличе Винчи, также задается вопросом, стоит ли заявлять об этнических миграциях — не имеем ли мы дело лишь с возможным переносом мифологических сюжетов в ходе пересказов эпоса странствующими бардами и древними купцами:

«Нужно ли создавать сложную фантастическую гипотезу об огромной миграции на юг? Все, что было необходимо, это чтобы (...) события *Одиссеи*, происходившие на севере, были изложены более поздним автором, и чтобы этот последний автор просто заменил северные названия именами, близкими сердцам греческих слушателей. Гораздо проще одному человеку заменить имена, чтобы заставить Средиземноморье играть роль Северного мира, чем вынудить тысячи людей мигрировать на юг, о чем нет ни малейшего свидетельства.

Ученые иногда высказывают мнение, что прибалтийско-финские северяне ездили к Эгейскому морю – ведь, и в самом деле, торговля балтийским янтарем в юго-восточной Европе началась еще около 3000 г. до н.э. (как показала археология, обнаружившая балтийский янтарь в гробницах Вавилона). Поскольку янтарь возили на юг в течение тысячелетий, естественно, что и характерные северные культурные черты встречаются на юге, а торговцы, которые везли товары на юг, основывали там колонии.

Люди, которых древние историки называли венетами или энетами, вероятно, начинали как торговцы янтарем. Неудивительно, что древние греки считали Энетию на Адриатике источником янтаря «с края земли».³¹²

В частной переписке Андрес Пяабо также поделился следующим:

«В своих исследованиях, связанных с этим вопросом, я убедился, что реальность была такова, что контакты между севером и югом с использованием торговых судов происходили тысячи и тысячи раз, начиная с тех пор, как началось развитие Средиземноморья. Таким образом, северные *идеи* путешествовали на юг, а южные идеи следовали на север, что происходило уже с тех пор, когда северные финские коренные народы развивались и распространялись, передвигаясь с помощью долбленых лодок – археологические культуры «Маглемозе» и «Кунда» появились еще 10 тысяч лет назад.

Правда в том, что те северные народы, которые не были связаны со стадами оленей, путешествовали на своих лодках и суденышках везде, где были основные водные пути. Со временем судна и торговые системы улучшились, при этом люди, которые занимались торговлей, продолжали делиться своей культурой с народами, с которыми они имели дело. Люди – перевозчики и торговцы – собирались вместе на каждой остановке и узнавали о большом мире».³¹³

Странствующие купцы, посланники и барды пересказывали истории о своих путешествиях благодарным влиятельным слушателям в каждом новом месте, куда они прибывали. Из века в век их торжественно принимали, удостоивая долгим званым обедом и почестями. Приём Улисса царем феаков Алкиноем длился несколько дней, до тех пор, пока Улисс не пересказал все истории своих злоключений. Затем он получил богатые дары и был препровождён гостеприимными хозяевами на родину.

Этот сюжет явно свидетельствуют о давней традиции, повторявшейся вновь и вновь, и, в том числе, очень напоминает приём венецианского посланника Амброджо Контарини в 1477 году польским королем Казимиром, по прибытии знатного странника из Московии и Персии: «Я рассказал перед лицом его величества, с полным чувством, о всех событиях моего путешествия. Его величество слушал меня в течение получаса и с таким вниманием, что никто даже рта не раскрыл, настолько велико было удовольствие слушать мой рассказ». Затем, перейдя к трапезе, «мы оставались за столом около двух часов. И снова его величество беспрестанно расспрашивал меня о моем путешествии, и я полностью удовлетворил его любознательность». До этого Контарини был гостем московского великого князя Василия III, который также принимал посланника с великими почестями, неоднократно обедал с ним, внимательно выслушивая

³¹² A. Pääbo, *The Odyssey's Northern Origins and a different author than Homer*, <http://www.paabo.ca/papers/pdfcontents.html>

³¹³ Andres Pääbo, из личной переписки Николая Бадусова.

рассказы о его странствиях, а также выдал необходимые для дальнейшего путешествия деньги и «велел одеть в одежду из соболей и даровал еще тысячу беличьих шкур» в дорогу.³¹⁴

ЗАБЫТЫЕ «ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ» КОРНИ

Рассказывая про наделение тюленей пророческими способностями как в греческой мифологии, так и в легендах на острове Готланд, Феличе Винчи цитирует, в том числе, статью в википедии: «на Готланде археологами были обнаружены следы доисторической охоты на тюленей». В этой же статье, однако, также указывается, что:

«Исследование ДНК, проведенное на останках скелетов трех средневековых охотников на тюленей из Готланда возрастом 5000 лет, показало, что они были *родственниками современных финнов*, а крестьянин из прихода Гёкхем в Вестергётланде на материке в Швеции оказался родственником, более тесно связанным с современными *средиземноморцами*».³¹⁵

Также, как было отмечено в настоящей работе, при раскопках на берегах реки Нарова на границе Эстонии и России недавно найдены деревянные постройки, датируемые 4800 летним возрастом, и ученые

«говорят, что на этом месте жили земледельцы, чей генетический код совпадает с кодом людей, населявших в то же время окрестности Черного моря. Это предки современных европейцев, в том числе русских, белорусов, эстонцев».³¹⁶

Два последних указания служат одними из множества ярких опровержений тезиса, что «финские племена» якобы спустились к Балтике лишь 4000-2000 лет назад «из откуда-то между Уралом и Камой» (согласно гипотезе, выдвинутой Матиасом Кастреном³¹⁷ и развитой Эмилем Сетяля³¹⁸ и Юлиусом Айлио³¹⁹ задолго до начала ДНК-исследований), а также свидетельствуют о тесной связи Балтики с Причерноморьем и Средиземноморьем и единой генетической общности 4800-5000 лет назад.

В своей статье «*Происхождение и природа финно-угорских языков*» Андрес Пяябо – исследователь, расшифровавший многие древние венетские рунические надписи с помощью прибалтийско-финских языков³²⁰ – делится с нами выводом, что:

«Устаревшая лингвистическая теория о происхождении «финно-угорских» языков, описывая их возникновение в узком месте недалеко от Уральских гор, оказала миру науки большую медвежью услугу. Более ста лет ученые полностью игнорировали «финно-угорские» языки в исследованиях доисторической Европы просто потому, что им сказали, что этих языков там не было, что они были на востоке».³²¹

О том, что «финно-угорские» языки и носившие их народы могли иметь значительно больший ареал распространения в Европе, писали многие ученые, начиная с XIX века (в частности, Расмус Раск³²², Людвиг Гизебрехт³²³, Генрих-Юлиус Клапрот³²⁴, Генрих Иоанн фон

³¹⁴ Сборник «Россия XV-XVII веков глазами иностранцев / Амброджо Контарини. Рассказ о путешествии в Москву в 1476-1477 гг.», Лениздат 1986, стр. 24-25, 28-29

³¹⁵ <https://www.hmong.press/wiki/Gotland>

³¹⁶ <https://rus.delfi.ee/statja/78894218/foto-v-rezultate-raskopok-u-narva-yyesuu-sdelany-vazhnye-otkrytiya>

³¹⁷ Матиас Александр Кастрен (Matthias Alexander Castrén), филолог и этнолог (1813 – 1852).

³¹⁸ Эмиль Нестор Сетяля (Eemil Nestor Setälä), финский политик (1864 – 1935).

³¹⁹ Юлиус Айлио (Julius Ailio), финский археолог, политик (1872 – 1933).

³²⁰ *THE ANCIENT VENETIC LANGUAGE: a description of the ancient European trade language in the ancient North Italic inscriptions*, by Andres Pääbo <https://independent.academia.edu/APaabo>

³²¹ на русском: <https://new-etymology.dreamwidth.org/1305.html>

на английском: <http://www.paabo.ca/uirala/FinnoUgricbkgd.html>

³²² Расмус Кристиан Раск (Rasmus Christian Rask); датский лингвист (1787 – 1832).

³²³ Людвиг Гизебрехт (Ludwig Giesebrecht), прусский историк и философ (1792 – 1873).

³²⁴ Генрих-Юлиус Клапрот (Heinrich Julius Klaproth), немецкий лингвист, этнограф, историк (1783 – 1835).

Яннау³²⁵, Аарон Христиан Лерберг³²⁶, Андерс Шёгрен³²⁷, Фёдор Павлович Аделунг³²⁸, Фердинанд Иванович Видеман³²⁹, Иоганн Генрих Шницлер³³⁰, но в дальнейшем игнорировались возобладавшем в сравнительном языкознании «индо-германистским» течением.

Любопытно, что согласно Л.С.Клейну («Древние миграции»), в греческих языках имеется «мощный субстратный слой лексики, относящейся к местным природным условиям и высокой культуре ранней цивилизации полуострова (...) не из исконных греческих корней, а из слов какого-то иного, негреческого языка [тех], для кого это была родная природа, тогда как для греков – нет».³³¹ В прениях при обсуждении труда Клейна С.Р.Тохтасьев³³² добавляет: «...в Греции нет ни одного крупного населенного пункта с греческим именем.»³³³

Какого же «иного, негреческого языка»? Что за тайна, «покрытая мраком»? Почему Олимп, название наивысшей горной вершины (в Греции (2917 м), на Кипре (1952 м) – замечательно объясняется из фин. *ylampi* – «более/наиболее высокий»? Почему название Македония соответствует эст. *mägedene* – «гористый»? Название Пирин, горной гряды, отделяющей Болгарию от Македонии, связывают с именем славянского Перуна, а Пиренеи, лат. *Pyrenæi*, еще одну естественную горную границу, отделяющую Испанию от остальной Европы, увязывают с именем принцессы Пирены из греческой мифологии. Однако, для тех, «для кого это была родная природа», оба эти названия означали, похоже, ровно то, чем являлись: ср. с эст. *piir*, *piirine* – «грань, граница, рубеж, черта, предел, межа, очертание, контур». Из наиболее ярких исследований на эту тему в XX веке была написана очень основательная работа, «интеллектуальная провокация» Эдгара Вальтера Сакса под вызывающим названием «ЭСТО-ЕВРОПА: трактат о первичной финно-угорской цивилизации в Европе»³³⁴ – к огромному сожалению, до сих пор игнорируемая мейнстрим школами сравнительно-исторического языкознания.

Собственно, и *Одиссея* и *Илиада* изобилуют т.н. «прибалтийско-финской» лексикой. В ходе анализа исследований Феличе Винчи по многим использованным в гомеровском эпосе словам и названиям нами добавлены сравнения с финно-угорским словарным запасом.

Что, если мы имеем дело с некогда единым культурным и языковым пространством Старой Европы, под влиянием т.н. «народов моря» (к которым, по-видимому, следует отнести и «прибалтийско-финские» народы)?

И не было ли у странствующих купеческих элит общего торгового *lingua franca* (такого, как сегодня английский, испанский, французский, арабский, русский язык)?

НАЗВАНИЯ ИЛИАДА И ОДИССЕЯ, И ИМЕНА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Улисс и Одиссей

Феличе Винчи пишет: «Нордический образ Улисса, отважного моряка, лучшего в своем роде мореплавателя, *Navigator par excellence*, идеально вписывается в мир бронзового века, в котором произошло великое развитие судоходства – несомненно, в связи с благоприятным

³²⁵ Генрих Иоанн фон Яннау (Heinrich Johann von Jannau), лифляндский историк из Риги (1753 – 1821).

³²⁶ Аарон Христиан Лерберг (August Christian Lehrberg), историк из Дерпта, ныне Тарту (1770 – 1813).

³²⁷ Андерс Йохан Шёгрен (Anders Johan Sjögren), лингвист и этнограф (1794 – 1855).

³²⁸ Фёдор Павлович Аделунг, при рождении Фридрих фон Аделунг (Friedrich von Adelung), историк, философ, библиограф (1768 – 1843).

³²⁹ Фердинанд Иванович Видеман (Ferdinand Johann Wiedemann), лингвист, Академик Санкт-Петербургской академии наук, специалист по эстонскому языку (1805 – 1887).

³³⁰ Иоганн Генрих Шницлер (Jean Henri Schnitzler), российско-французский историк, со-автор «Энциклопедии народов мира», «Encyclopédie des gens du monde» (1802 – 1871).

³³¹ Л.С.Клейн, *Древние миграции*, Санкт-Петербург, 2007.

³³² Тохтасьев Сергей Ремирович, историк и лингвист (1957 – 2018).

³³³ http://www.archaeology.ru/Download/Klejn/Klejn_2007_Drevnie_migratsii.pdf

³³⁴ Edgar V. Saks, ESTO-EUROPA: A Treatise on the Finno-Ugric Primary Civilization in Europe, Montreal / Lund, 1966

климатом, что доказывают и строки стихов, которые Гомер посвящает искусству моряков-феаков».

Соответственно, стоит произвести сравнение имени *Улисс* (*Olysseus* – одна из наиболее ранних форм имени *Одиссея*³³⁵), с эст. и фин. *uljas* – «удалой, удалый, лихой, бравый, храбрый, отважный, доблестный, героический, смелый, молодецкий, мужественный, бесстрашный, дерзкий, уверенный» (напр., эст. *uljas meremees* – «удалецкий, разудалый моряк»; *uljas mereretk* – «дерзкое морское путешествие»; *uljaspea* – «удалец, смельчак, храбрец, сорвиголова», досл. «храбрая голова»). С этим же корнем эст. *õilis*, р.п. *õilsa*, фин. *uljas* – «благородный, великодушный, бескорыстный, возвышенный, знатный, величавый» (напр., эст. *õilis inimene* – «благородный человек»; *õilis hing* – «великая, благородная душа»). Вероятно, вариацией является и римское имя *Юлий*, и венг. титул верховного полководца – *Gyula, gyula*.

Далее возможно «калькирование» имени с тем же значением, но явно иным фонетическим корнем, уже как *Одиссей* (*Odyseús* или *Odyseús* в ионийском диалекте в Греции): в увязке с *audace* (ит.), *audacious* (англ.) – «удачливый, удалой, смелый, дерзкий»; *audacia* (ит.), *audacity* (англ.) – «удаль, смелость, дерзость, отвага».

В Беотии, Аттике и Коринфе до VII-VI вв. до н.э. использовались варианты имени с -л-, а не -д-(-т): *Olyttes* или *Olysseus* – и, согласно П.Кречмеру, это были более ранние формы имени³³⁶. В латыни имя сохранилось как *Ulykses* или *Ulysses*, рус. *Улисс*.

Чередование -л- и -д- рассматривается как регулярное – в Оксфордском этимологическом словаре приводится, в частности, сравнение греческого *dákryon*, «слеза», и латинского *lacrima*, «слеза» – однако, явно ошибочно утверждается о трансформации в имени гомеровского героя греч. -д- в латин. -л-, а не наоборот, забывая, что уже в греческих языках имела древняя форма имени с -л- (*Olyttes* или *Olysseus*).³³⁷

Л.С.Клейн отмечает, что «изменчивость этого имени [уже] в греческом языке не подчиняется обычным звуковым соотношениям между диалектами, правилам разветвления слова по диалектам или правилам звукоизменения при переходе из диалекта в диалект (...) такая вариативность имени говорит о том, что это был догреческий образ, заимствованный греками у предшествующего населения: в разных местах греки восприняли его имя по-разному».³³⁸

По Л.С.Клейну, именно в силу созвучия более позднего имени *Odyseús* с греч. *odissestai* («страдаю»), *odysao* («злю»), *odyssestai* («ненавидящий он») «в эпосе к имени «прилип» эпитет «многострадальный» и возникли толкования «сердитый», «ненавидящий» (*Одиссея*, 1.62; 19.407-409); они нередко и обыгрывались», однако, вовсе не являлись первичными значениями.

Похоже, что присвоение Автоликом внуку имени «Одиссей» («пусть потому Одиссеем по имени будет он зваться / то есть – сердитым...») является вставкой позднего греческого аэда, уже в свое время пытавшегося вывести этимологию имени, по созвучию. Странное имя, которое бы любящий дед дал своему внуку!

И еще более странно, что исследователи эпоса Гомера:

полагают *изначальное* название эпоса *Одиссея* производным от *измененного* со временем имени главного героя (изначально в греческом, как мы видели, был *Олиссеус*); никак не связывают название эпоса *Одиссея* со словом *ода*, гр. *ὠδή* («песнь»); и никогда не пытались вывести отдельную этимологию древнего имени *Олиссеус-Улисс*.

Одиссея (название эпоса)

Название *Одиссея* традиционно считается связанным с греческим именем главного героя. Однако, так ли это? Для песен *Одиссеи* напрашивается очевидное сравнение со следующими явно однокоренными ностратическими словами со значениями «песнь», «сказание», разбросанными в самых разных языковых группах: греч. *ὠδή* – «ода, песнь, лирическое стихотворение»; др.-сканд. *Edda*, *Эдда* – основное произведение скандинавской мифологии; ивр. [одэ] *תְּהִי* – «хвала, восхваление, ода»; ивр. [одиа] – «сообщит»; ингуш. *адды* – «скажу»;

³³⁵ Paul Kretschmer, *Penelope*, Вена, 1945, стр. 80-93

³³⁶ Paul Kretschmer, *Penelope*, Вена, 1945, стр. 80-93

³³⁷ <https://www.etymonline.com/word/ulysses>

³³⁸ Клейн Л.С. *Бесплотные герои. Происхождение образов Илиады*. Санкт-Петербург, 1994, стр. 108

Гаты, *Gāthā* – поэтические гимны Заратуштры в Авесте; тур. *ötiş* – «песнь»; япон. 歌 [*utā*] – «песнь»; 歌う [*utau*] – гл. «петь».

Данные слова, и прежде всего название *Одиссея*, осмелимся предположить, могут иметь связь с эст. *uudised*, *uudiseid*, фин. *uutis*, *uutiset* – «новости»; эст. *uudise* – «рассказ»; эст. *uudest*, *uudesta* – «новелла, роман»; эст. *muinasjutt*, арх. фин. *muinaisuuteen* – «сказка» (досл., «древняя новость»).

Последние прибалтийско-финские слова, при этом, имеют увязку с такими корневыми как саам. *odas*, эст., ижор. *uus*, *uude*, *uudis*, фин., водск. *uusi*, *uuden*, карел. *uuzi*, эрз., мокш. *od* [*od*] – «новый».

Любопытно также сравнение с араб. حديث [(h)adis; (x)aduc] – «новый»; «новость, рассказ».

Илиада

Название эпической поэмы о Троянской войне, сражении при Трое – *Илиада*, *Iliad*, Ἰλιάς – традиционно связывают с альтернативно используемым в поэме названием Трои – Священный Илион. Как уже было отмечено в главе *Нарвская Втроя*, название *Илион* может быть связано с поклонением богу солнца *Гелиосу*, ἥλιος, и вариацией его имени, известной сегодня как Святой Илья, или Илия, *Elijah*.

Прямые прибалтийско-финские родственники, с двойственным значением «солнечного света» и «звучности»: водск. *eliä*, фин. *heleä*, эст. *hele*, *heleda*, людик. *heleäd*, вепс. *heled* – 1) «светлый, светлая, яркий, яркая»; 2) «живой, звучный, звонкий, звучная, звонкая». Ср. также эст. *heljad* – «танцующие огни, искры на волнах» (где -d – окончание мн.ч. в эстонском) – и греч. *Heliades*, *Гелиады* – дочери *Гелиоса*, бога Солнца (по легенде, Гелиады роняли слезы в воду, и они превращались в янтарь).

Тем не менее, от *Илиона*-града ли название *Илиада*? По аналогии с предположением, что *Одиссея* означала, дословно, «песнь, сказание» – не могло ли иметься то же изначальное значение у *Илиады*, возможно, под влиянием каких-то других языков, через которые шел пересказ эпоса?

Напрашивается сравнение названия *Илиада* с такой ностратической лексикой как шумер. [*illu*; *иллу*] – «песня»; чечен., ингуш. *illi*, *илли* – «песнь»; ингуш. *илли-йи*, *илли адда* – «петь»; *илли-йя* – «поёт»; *илланча* – «певец»; *текъама илли* – языческое обрядовое песнопение.

Даже в далеком вымирающем кетском языке (бассейн Енисея) можно встретить глагол *и'ль* – «петь»; в якутском *ыллаа* – «петь».

Заманчиво сравнить также с лат. *elegia*, гр. [*elegos*] – *элегия* («причитание, скорбная песнь»).

Возможные однокоренные также: эст. *heli* – «звук; звуковой, музыкальный»; эст. *helinda* – «озвучить»; эст. *keel*, р.п. *keele*, ч.п. *keelt*, фин., карел. *kieli*, ливон. *kēl*, водск. *tšeeli*, ижор. *keeli*, вепс. *kel*, саам. *giella* [гьелла], эрзя *kel*, мокш. *käl*, удмурт. *kıl*, коми *kıv*, хант. *kel* – «язык, слово, средство общения». Ср. диал. рус. *калякать* – «болтать». Ср. эст. *hääl* – рус. *голос*; эст. *hääle(ka)s* – «голосистый, громкий»; ингуш. *хъаал* – «говори», ал-, ала, аьлар, оала – «сказать, говорить»; монг. *хэл* – «язык, речь»; *хоолой* – «голос»; *хэлэх* – «говорить»; кечуа [*qallo*; *калло*] – «язык»; майя [*hal*-, *хал*-] – «говорить; объявлять»; майя [*al*, *аль*] – «сказать»; и т.д.

«Солнечно-звучная» ностратическая лексика, частички которой можно встретить в языках мира по всей планете?

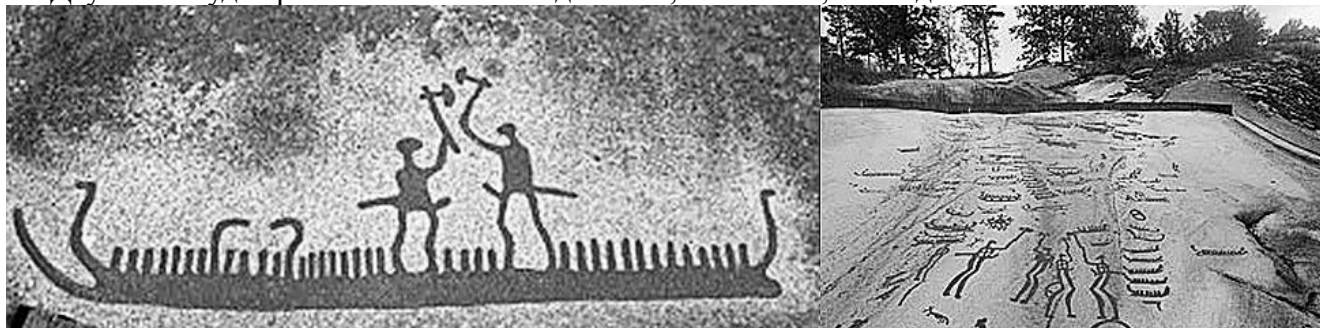
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВРЕМЕН?

Исследование Феличе Винчи пронизано свидетельствами тождественности описаний «микенского мира» в *Одиссее* и *Илиаде*, описаний «германцев» у Тацита (тысячелетие спустя), и в сагах викингского мира (спустя еще одно тысячелетие). Имеем ли мы дело с преемственностью времен, или с описанием одного и того же времени, ошибочно разбросанного на тысячелетние расстояния в учебниках истории (стараниями летописцев XVI века, т.н. «хронология Скалигера»³³⁹)? Не являются ли *Илиада* и *Одиссея* письменными свидетельствами Раннего Средневековья?

³³⁹ Джозеф Юстус Скалигер (Josephus Justus Scaliger), французский религиозный лидер и ученый-кальвинист (1540–1609), известный своим изложением основных исторических событий в хронологии.

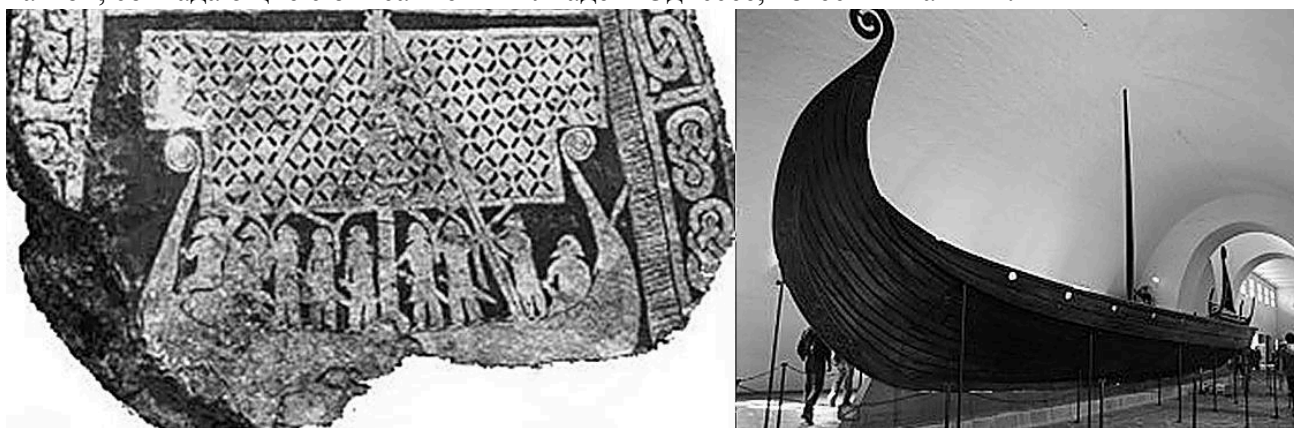
Также имеется существенное замечание одного из критиков Винчи, оставленное в рецензиях к его работам на www.amazon.com : «в петроглифах бронзового века в Скандинавии нет ни одного изображения кораблей *с парусом*»³⁴⁰ – при этом в поэмах Гомера описаны корабли абсолютно той же конструкции, что и у викингов, со съёмной мачтой!

Двуносовые суда бронзового века Скандинавии, без мачты, выглядят так:

Илл. 35. Конструкция кораблей бронзового века.

Двуносовые (не имеющие кормы, в отличие от античных изображений судов на Средиземноморье) способные плыть в обе стороны чернобокие суда викингов со съёмной мачтой, совпадающие с описанием в Илиаде и Одиссее, известны такими:

Илл. 28. Конструкция викингских кораблей.

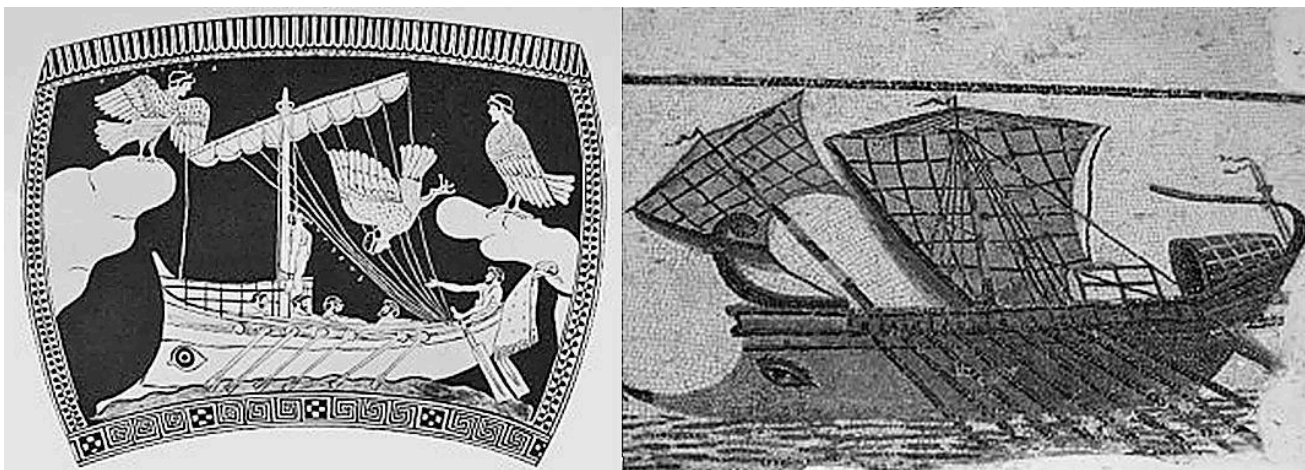
Относимые скалигеровскими хронологами в сверх далекие времена античные (типовые) суда Средиземноморья, все изображались с кормой и одним носом (способные плыть только в одну сторону), даже те, на которых плывёт Улисс (несмотря на противоречие с описанием в песнях Илиады и Одиссеи). На втором изображении – гребная галера на мозаике раскопанных Помпей, засыпанных не в 1 веке н.э., а в 1631 году (т.е. после эпохи викингов, а не до неё):³⁴¹

³⁴⁰

https://www.amazon.com/gp/customer-reviews/R2F7ZUBX03UPT3/ref=cm_cr_arp_d_rvw_ttl?ie=UTF8&ASIN=1594770522

³⁴¹

С одним из детальных исследований вопроса датировки погребенных пеплом Везувия Помпей можно ознакомиться по ссылке: <https://gorojanin-iz-b.livejournal.com/89922.html>

Илл. 36. Конструкция кораблей Средиземноморья.

Оттаивают из-под ледников в Норвегии викингские стрелы, укрытые льдами на территориях, где в викингский период преобладал теплый климат. Но стрелам, оттаявшим в одном и том же месте, присваивают самые разные датировки (от 4000 до 1000 лет назад).³⁴² Корректно ли это? Не идет ли речь об одном периоде?

Феличе Винчи утверждает: «радиоуглеродная революция, основанная на радиоуглеродном датировании, помещает на многие столетия назад начало и развитие европейского бронзового века». Однако, насколько можно доверять радиоуглеродному анализу с его уже известными случаями «погрешностей» на тысячелетия?

На территории Ирландии и Англии, Дании и Германии, Польши и Пруссии, Прибалтики и Финляндии молчаливо стоят тысячи очень похожих друг на друга заброшенных валовых земляных городищ до-христианской эпохи (на удобных высоких холмах и мысах, верхушки которых срывались и превращались в защитные земляные валы, поверх которых ставился деревянный частокол). Однако, их история разносится на нереально далекие друг от друга временные расстояния, между VI веком до н.э. и XI-XII вв. н.э. Очень трудно себе представить, чтобы одинаковая культура держалась бы столь устойчиво на протяжении такого длительного периода (почти 2 тысячелетия), или чтобы сами городища оставались в таком виде без существенного развития в течение такого продолжительного времени. Что, если вся история этих городищ относится к одному и тому же периоду – викингской (варяжской) эпохе?

Имеются и упомянутые Феличе Винчи кельтские «кальки» странствий Улисса. Устные предания древнекельтских друидов, возможно, послужили основой для ирландского труда на гаэльском языке «Странствия Улисса, сына Лаэрта» (*Merugud Uilix maicc Laertis*), который датируется XIII веком.³⁴³ Этот труд сочетает в себе множество тем из *Одиссеи* и ирландского фольклора. Остается неизвестным происхождение таких аналогий с гомеровской Одиссеей. Они могут быть связаны как с классической поэмой, так и независимым древне-европейским преданием, на которое ссылаются Плутарх и Тацит, когда они говорят о «Северном Улиссе».

Могут ли др.-исл. *ráðhamandhur* «командир», «важный человек», дат. *Ráðmand* «советник» (от *ráð* – «совет», и *man* – «человек»), приводимые Винчи в сравнение с именем «белокурого» *Радамантуса*, «жившего на краю земли» (*Одиссея* 4.563–568), одного из трёх главных *судей* загробного мира царства Аида – быть, собственно, основой имени этого гомеровского персонажа? Если да, то эти слова, и родившая их древнескандинавская культура должны были существовать *до* того, как увидели свет письменные строки Гомера, т.е. предшествовать античности (либо сосуществовать с ней).

Наконец, если нарвские Втроя-Скамья-Сёёмоя окажутся действительно основой гомеровских Трои-Скамандра-Симоента, то как могли сосуществовать в одной точке (у истока

³⁴² Bit.ly/2JbvY2

³⁴³ Zana Baluli, *Leggende del popolo curdo*, Milan 1992, p. 166.

реки Нарова) названия одновременно из германских/славянских и прибалтийско-финских языков более 3000 лет назад?

Не могут ли оказаться правы критики установленной в XVI веке «скалигеровской» хронологии античной истории? Оппонентами прописанного в учебники времяисчисления выступали самые разные ученые – не только А.В.Фоменко и Г.В.Носовский с альтернативной «Новой хронологией», обоснованно заявляющие о вероятных приписках временных периодов до-средневековой истории и их искусственном удлинении Скалигером.³⁴⁴ Так, Исаак Ньютон³⁴⁵ опубликовал в начале XVIII века большой труд «Исправленная хронология древних царств». Французский филолог, теолог, историк, археолог и нумизмат XVII–XVIII веков Жан Гардуэн³⁴⁶ подверг яростному осуждению все здание скалигеровской истории; по мнению ученого, большинство «памятников античности» изготовлены существенно позже или являются подделками. Выдающийся русский ученый XIX–XX веков Н.А.Морозов³⁴⁷ также выступал резким критиком хронологии, преподаваемой в учебниках истории, и предложил существенные реформаторские идеи.

Насколько аутентичными могут считаться античные тексты, труды греческих и римских авторов, дошедшие до нас лишь через их многократное переписывание и перепечатывание в Средние века? Нет ли среди них искусного «контрафакта», созданного в Средние века? Доцент Базельского университета Роберт Бальдауф³⁴⁸ на основании лингвистического анализа пришел к выводу, что памятники «античной» литературы имеют гораздо более позднее происхождение, чем принято считать, созданы в Средние века. Немецкий юрист Вильгельм Каммайер³⁴⁹ усомнился в подлинности очень многих старинных официальных документов, и привел доказательства того, что значительная часть исследовавшихся им античных и раннесредневековых документов являются позднейшими подделками.

Эти вопросы, равно как и представленная в настоящей работе концепция Феличе Винчи об изначальной северной географии *Илиады* и *Одиссеи*, и ее многочисленные дополнения, включая расположение гомеровской Трои у Финского залива на границе России и Эстонии, пяти рек царства Аида и места обитания Сциллы и Харибды на Кольском полуострове – все требуют тщательного дальнейшего исследования филологами, историками, географами и археологами.

³⁴⁴ www.chronologia.org

³⁴⁵ Исаак Ньютон (Isaac Newton), английский математик, физик (1643 – 1727).

³⁴⁶ Жан Ардуэн (Jean Hardouin), директор Французской Королевской Библиотеки (1646 – 1729).

³⁴⁷ Николай Александрович Морозов, русский ученый-энциклопедист (1854 – 1946).

³⁴⁸ Роберт Бальдауф (Robert Baldauf), швейцарский филолог (1881 – 1919).

³⁴⁹ Вильгельм Каммайер (Wilhelm Kammeier), немецкий юрист и историк (1889 – 1959)